

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Первый центр китаеведения на Дальнем
Востоке

Япония накануне 80-х годов

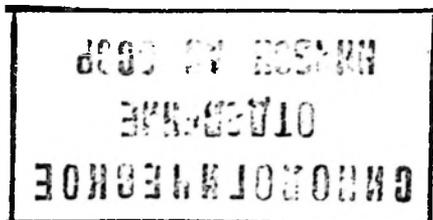
Движение неприсоединения и происки
Пекина

Житай на ЮНКТАД-V

К переоценке тяньаньмэньских событий

Проблема упрочения мира на Корейском
полуострове

4
1979

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- Движение неприсоединения и происки Пекина
(о некоторых итогах Гаванской конференции)
Ю. М. Рякин,
В. С. Степанов
- Проблема упрочения мира на Корейском полу-
острове
14 *Ю. И. Огнев*
- Китай на ЮНКТАД-V
27 *М. А. Андреев*
- Япония на пороге 80-х годов
38 *Н. В. Владимиров*
- Какую диктатуру «отстаивают» в Пекине
52 *Ф. Ф. Лаппо*
- Законодательная политика Пекина на современном
этапе
66 *Л. М. Гудошников,*
В. П. Слабнов
- К переоценке тяньаньмэньских событий
74 *Р. М. Неронов*
- Китайская община на Маврикии
83 *Н. В. Кривоцов*

ИДЕОЛОГИЯ

- Маонистская концепция «новой демократии» —
праворевизионистская версия «национального»
социализма
92 *Д. А. Смирнов*

ИСТОРИЯ

- Патриотическая борьба китайских рабочих про-
тив японской агрессии. 1931—1937 гг.
106 *Т. Н. Акатова*
- Гоминьдановский произвол
119 *И. Н. Никитин*
- Экономическое освоение Сахалина: история и
современность
127 *К. Е. Черевко*

БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

- Су Чжаочжэнь — талантливый вожь китайских рабочих
138 *А. С. Титов*

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- Первый центр китасведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы
143 *М. И. Сладковский*

КУЛЬТУРА

- Предшественники и современники лингвистических трудов Цюй Цюбо
153 *М. В. Софронов*
Цюй Цюбо и китайское алфавитное письмо
158 *А. Г. Шпринцин*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Выдающийся революционер-интернационалист
167 *В. А. Архипов*
«Культурная революция»: свидетельство очевидца
171 *О. В. Толстых*
Проблемы японской монархии: история и перспективы
173 *В. М. Гайдар*
Марксистское исследование сущности государства
176 *Г. Д. Спекторов*
Японский ученый о политико-правовых проблемах современного Китая
178 *А. И. Соколов*
Страницы геронического прошлого КПЯ
180 *В. А. Васильев*
Фундаментальное исследование юаньской драмы
183 *Б. Л. Рифтин*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Внешние связи ИДВ
187 *Л. С. Суханов*
XIV Тихоокеанский научный конгресс
190 *Л. С. Леонидов*

- СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» ЗА 1979 ГОД
194

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Красикова, 27,
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ,
М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ,
О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретари),
В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Движение неприсоединения и происки Пекина (о некоторых итогах Гаванской конференции)

Ю. М. Рякин,
В. С. Степанов

В начале сентября 1979 г. в Гаване, столице социалистической Кубы, состоялась VI Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Гаванская конференция явилась первой конференцией в верхах, которую движение неприсоединения провело в Латинской Америке. Она стала и самым представительным форумом неприсоединения за всю его восемнадцатилетнюю историю: в ней приняли участие представители свыше ста стран и национально-освободительных движений. Конференцией принято решение, что Куба в течение предстоящих трех лет будет страной — координатором движения неприсоединения.

Рост внешнеполитической активности развивающихся стран, повышение роли движения неприсоединения на международной арене самым тесным образом связаны с укреплением мирового социалистического содружества. Именно социализм стал силой, навсегда опрокинувшей монополию империализма на решение судеб многих стран и народов. Благодаря росту и укреплению могущества и влияния Советского Союза, других государств социалистического содружества возможность воздействия империализма на освободившиеся страны резко сократилась. У молодых освободившихся государств при проведении ими антиимпериалистической, антиколониальной политики, в борьбе за мир есть надежная опора — мировое социалистическое содружество. Интересы социалистических и неприсоединившихся стран объективно совпадают по многим важнейшим вопросам мировой политики. Советский Союз постоянно отстаивает дело мира, выступает против империализма и колониализма, всех форм неравноправия и угнетения.

В Советском Союзе неизменно высоко оценивают позитивную роль, которую движение неприсоединения играет на международной арене. В приветственном послании в адрес Гаванской конференции неприсоединившихся стран Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнев отметил: «От форума к форуму неприсоединившиеся государства вносят свой весомый вклад в дело укрепления мира и международной безопасности, в борьбу против империализма, колониализма и неоколониализма, расизма и апартеида, за признание права народов самим распоряжаться своей судьбой, за укрепление политической и экономической самостоятельности освободившихся стран»¹.

Ту же позицию занимают и другие социалистические страны. В Декларации государств — участников Варшавского Договора, принятой в ноябре 1978 г., подчеркивалось, что в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма, за мир, безопасность и укрепление разрядки международной напряженности социалистические страны при-

¹ «Правда», 3. IX. 1979.

дают «важное значение развитию сотрудничества и взаимодействия с неприсоединившимися государствами. Они рассматривают движение неприсоединившихся государств как положительный фактор международной политики, отмечают их возрастающую роль в мировых делах».

Задача сохранения и укрепления единства и сплоченности неприсоединившихся стран, их солидарности с другими антиимпериалистическими силами прозвучала на прошедшем форуме особенно настоятельно. Состоявшаяся на Гаванской конференции политическая дискуссия, выступления ее участников, принятый форумом заключительный документ говорят о том, что движение неприсоединения является мощной, динамичной международной силой, стоящей на антиимпериалистических позициях, решительно выступающей за мир и безопасность народов.

Этот общий итог прошедшей конференции неприсоединения тем более важен, что в период подготовки и проведения Гаванской конференции движение подверглось беспрецедентному за всю свою историю по ожесточенности давлению со стороны империализма. Созыв, а тем более успешное проведение конференции в Гаване явно противоречили интересам империалистических держав, и особенно США, по целому ряду причин.

Прежде всего, конференция прошла в столице социалистического государства, решительно противостоящего агрессивным и колониалистским акциям империализма. Империалистические стратеги не могут не учитывать, что конференция неизбежно будет способствовать дальнейшему повышению международного авторитета Кубы и проводимой ею политики, что явно не укладывается в расчеты Запада. Вашингтон, конечно, учитывал и то обстоятельство, что данная конференция проводилась в Латинской Америке, которая «традиционно» рассматривается империализмом США как сфера его исключительного влияния. Понятно поэтому, что США и их партнеры по агрессивному блоку НАТО связывали с Гаванской конференцией те опасения, что она стимулирует выход латиноамериканских стран из фарватера политики империализма, усилит в их глазах притягательность движения неприсоединения и увеличит число его сторонников в Латинской Америке.

В течение всего периода после конференции в Коломбо Запад усиливал попытки максимально ослабить антиимпериалистическую сущность движения неприсоединения, подорвать отношения между неприсоединившимися и социалистическими странами. Достигнуть этого империализм пытался, в частности, путем распространения клеветнических утверждений, будто положение в мире дестабилизируется по вине Советского Союза, Кубы и социалистического содружества в целом, использование помощи которых в отражении агрессии «несовместимо» с принципами неприсоединения. Утверждалось, что заключенные в период между двумя последними конференциями Анголой, Мозамбиком, Эфиопией и Вьетнамом договоры о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом якобы «автоматически» выводят эти страны за рамки движения неприсоединения. Непосредственно накануне конференции в Гаване империалистическая пропаганда, пытаясь торпедировать ее проведение, подняла провокационную шумиху вокруг вопросов о представительстве Кампучии и разногласий в связи с этим в движении неприсоединения, о «праве» Кубы быть страной — организатором конференции. Однако все эти происки потерпели провал; движение неприсоединения не только выдержало нажим со стороны империализма, но и выступает ныне еще более окрепшим.

Это обстоятельство имеет тем большее значение, что ныне движению неприсоединения приходится подвергаться давлению и нажиму со стороны не только империализма. События, связанные с подготовкой и самим проведением Гаванской конференции, показали, что в настоящее время большую опасность для неприсоединившихся стран и дви-

жения неприсоединения в целом представляют гегемонистские происки Пекина.

Известно, что с момента зарождения движения неприсоединившихся государств Пекин занял в его отношении крайне негативную позицию. Организационное оформление и укрепление движения, происходившее в начале 60-х годов, совпало по времени с началом отхода Пекина от социалистических основ внешней политики, когда он стал на путь отрыва национально-освободительного движения от мирового социализма и международного коммунистического движения, на путь навязывания национально-освободительному движению в целом и отдельным его отрядам «ультраревolutionных» концепций мирового развития с тем, чтобы использовать немалый революционный потенциал этой антиимпериалистической силы для достижения великодержавных, гегемонистских замыслов маоистских лидеров. В тот период важной составной частью маоистских внешнеполитических концепций стало отрицание ленинской политики борьбы за мир, международную безопасность и разоружение, отрицание политики мирного сосуществования как якобы несовместимой с национально-освободительной борьбой².

В противоположность этим провокационным по своей сути установкам пекинских лидеров антиимпериалистическое и антиколониальное по своей общей направленности движение неприсоединения с самого начала своего существования и организационного оформления заявило о приверженности таким основополагающим принципам, как мирное сосуществование государств с различными социальными системами, мирное урегулирование международных конфликтов, борьба за прекращение гонки вооружений, за разоружение и т. п. Такая платформа движения неприсоединения и определила демонстративно отрицательное отношение к нему в 60-е годы со стороны руководства КНР. Характерно, что уже в тот период Пекин в своем «отрицании» движения неприсоединившихся государств фактически смыкался с империализмом, который устами Дж. Ф. Даллеса квалифицировал движение неприсоединения как «аморальное».

Усмотрев в движении неприсоединения одно из препятствий на пути достижения гегемонии Пекина в национально-освободительном движении, маоисты развернули ожесточенную борьбу против него. Эта борьба велась по различным направлениям. Она включала нападки на само содержание концепции неприсоединения и на основные принципы движения, прежде всего на принцип мирного сосуществования, которое постоянно квалифицировалось Пекином как «реакционное». Уже в начале 60-х годов маоистами были предприняты попытки дискредитировать некоторые страны — участницы движения (например, Бирму, Югославию, Индию и некоторые другие), включая использование в ряде случаев методов вооруженного давления. Тогда же, пытаясь организационно разрушить движение неприсоединения, Пекин попытался противопоставить ему движение афро-азиатской солидарности. Маоисты, в частности, открыто противопоставляли второй конференции неприсоединившихся стран на высшем уровне (1964) вторую конференцию по типу Бандунгской, в подготовке которой активно участвовала КНР. Наконец, Пекин предпринимал попытки расколоть и ослабить движение неприсоединения изнутри, например путем настойчивого проталкивания на международной арене выдвинутой тогдашним президентом Индонезии Сукарно концепции «новых растущих сил»³.

Внешнеполитическая программа «культурной революции», характеризовавшаяся самым крайним экстремизмом, неприкрытым и грубым

² См. Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики, т. I, М., 1974, с. 223—230.

³ См. там же, т. II, с. 59—64.

вмешательством Пекина во внутренние дела других государств, в том числе многих неприсоединившихся стран (например, Бирмы, Индии, Индонезии, Кампучии, Кении, Мали, Туниса, Шри Ланки и др.), не привнесла ничего нового в отрицательное, а временами и враждебное отношение китайского руководства к движению неприсоединения.

Поворот в конце 60-х — начале 70-х годов в политике маоистского руководства в сторону блокирования с империализмом и закрепления КНР на враждебных мировому социализму позициях сопровождался тактическими модификациями внешней политики Пекина, затронувшими и его подход к движению неприсоединения. Маоисты с этого момента перестали третировать движение неприсоединения и взяли курс на его использование в целях своей враждебной миру социализма политики.

Проявленный Пекином интерес к движению неприсоединения определился рядом важных обстоятельств. С начала 70-х годов наблюдается активизация движения неприсоединившихся государств, происходит превращение его во влиятельный фактор международной жизни. Имело место значительное количественное расширение числа стран — участниц движения. В I конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран (1961, Белград) участвовали 25 стран, во II конференции (1964, Каир) — 47, в III конференции (1970, Лусака) — 54, в IV конференции (1973, Алжир) — 75, в V конференции (1976, Коломбо) — 86 полноправных членов движения, что составило почти две трети всех членов ООН. Маоистские лидеры вынуждены были признать, что отказ от учета значения и роли движения неприсоединения в мировой политике серьезно сузил бы для Пекина возможности маневрирования на международной арене.

Довольно быстрый количественный рост движения за счет самых различных по социально-экономической и политической ориентации стран способствовал определенному расслоению между отдельными его участниками. Это потребовало, в частности, от стран — членов движения неприсоединения приложения гораздо больших усилий для выработки согласованных решений и проведения их в жизнь. Об этом, например, свидетельствовала работа конференции в Коломбо и ряда последующих форумов неприсоединившихся государств. На это обстоятельство обратил внимание в своей речи на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев, который отметил, что документы конференции в Коломбо были приняты «в результате долгих и подчас, как стало известно, нелегких обсуждений»⁴.

Такая ситуация является одной из излюбленных во внешнеполитической практике маоистов, так как открывает Пекину определенный простор для манипулирования, сталкивания одних стран с другими. Политическая мозаичность участвующих в движении неприсоединения стран и сил предоставляет Пекину, по его расчетам, возможность для внедрения в движение ложных концепций, которые затушевывают сущность основного содержания современной эпохи, ее движущих сил, основных противоречий и т. д. Несомненно, принятие, даже частичное и ограниченное, этих концепций способствовало бы отрыву движения неприсоединения от мирового социализма и других прогрессивных сил современности. Одной из таких концепций, которую Пекин хотел бы навязать движению, является тезис о «равноудаленности» движения неприсоединения от двух основных противостоящих друг другу мировых сил — империализма и социализма. Этот тезис, имеющий множество вариаций («коллективная» или «равная» ответственность развитых держав за экономические трудности бывших колониальных стран, «равное» противостояние блоку НАТО и странам — участницам Вар-

⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6, М., 1978, с. 162.

шавского Договора и т. д.), игнорирует, как известно, принципиальные различия между империалистическими и социалистическими государствами.

Тотальный антисоветизм китайского руководства, его враждебность к миру социализма, прямое блокирование с империализмом и реакцией, стремление использовать все возможности и все мировые силы (выраженное, в частности, в лозунге о «широчайшем международном едином фронте») для нанесения максимального ущерба странам социалистического содружества, с одной стороны, отмеченные выше обстоятельства в развитии движения неприсоединения — с другой, и продиктовали возросший в 70-е годы «интерес» Пекина к этому движению. «Мы высоко ценим и решительно поддерживаем движение неприсоединения, играющее активную роль в борьбе против империализма, колониализма и гегемонизма», — заявил, например, в феврале 1978 г. премьер Госсовета КНР Хуа Гофэн⁵.

Общий подход Пекина к движению неприсоединения, место последнего во внешнеполитическом курсе китайских лидеров определяются включением движения в пресловутую маоистскую доктрину «трех миров». «Неприсоединившиеся страны, находящиеся на всех пяти континентах мира, составляют важную часть третьего мира, — утверждал в июне 1978 г. заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо. — Мощное движение неприсоединения является эффективной силой в борьбе против империализма, колониализма и гегемонизма»⁶. Руководствуясь этой общей схемой, китайское руководство стремится навязать неприсоединившимся странам свое понимание целей движения неприсоединения, его места и роли в международных делах. Пекин предпринимает настойчивые попытки выхолостить антиимпериалистическое содержание этого движения, подтолкнуть его вправо, придать ему антисоциалистическую направленность.

Предпринимая попытки расколоть движение неприсоединения, изолировать прогрессивные силы внутри этого движения, китайские руководители одновременно проводят мысль о том, что единство движения возможно лишь на антисоветской, антисоциалистической основе. Именно поэтому пекинские политики, касаясь круга проблем, дискутируемых в движении неприсоединения, и приписывая антисоветскую направленность практически всем этим проблемам, преимущественное внимание уделяют так называемому «антигегемонистскому» аспекту движения неприсоединения как якобы его основному направлению и основному принципу. При этом в Пекине в антисоветских и антисоциалистических целях делаются попытки фальсифицировать историю зарождения и становления движения неприсоединения, которое, как известно, явилось реакцией молодых государств, завоевавших независимость после второй мировой войны, на стремление империалистических держав втянуть их в военно-политические блоки Запада. Как следует из заявления агентства Синьхуа от 15 августа 1976 г., китайские политики стремятся доказать, будто «движение неприсоединения родилось и растет в огне борьбы против империализма, колониализма и гегемонизма», что оно «началось с сопротивления военным блокам великих держав и его борьба против империализма, колониализма и гегемонизма непрерывно разветвляется все шире и глубже». Эти широко муссируемые китайской пропагандой утверждения отражают все те же попытки Пекина «посеять» в движении неприсоединения ложные представления, лишить его правильных политических ориентиров, сбить его в конечном счете с магистрального пути развития мирового исторического процесса.

⁵ См. «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

⁶ Там же, 24.VI.1978.

Китайское руководство уделило исключительное внимание Гаванской конференции неприсоединившихся стран на высшем уровне, рассчитывая использовать этот крупный международный форум в интересах своей антисоветской, антисоциалистической политики. При этом китайские лидеры выступили как фактические пособники империалистических держав в их борьбе за раскол движения, дискредитацию и изоляцию его прогрессивных сил.

В преддверии Гаванской конференции пекинские руководители предприняли попытки подорвать внутри движения влияние тех государств, которые выступают принципиальными сторонниками сохранения и усиления активной антиимпериалистической направленности неприсоединения, укрепления его сотрудничества с миром социализма и другими прогрессивными и демократическими силами. Особенно ожесточенным нападкам со стороны Пекина подверглась Куба как страна — организатор конференции и последующий председатель движения неприсоединения.

Подхватив антикубинские заявления империалистической пропаганды, Пекин взял курс на срыв Гаванской конференции, добываясь ее переноса в другую страну, снижения ее представительности и авторитетности путем убеждения и даже принуждения ряда глав государств не участвовать в конференции. Убедившись, однако, что такие попытки оказались безуспешными, китайские лидеры несколько перестроили тактику и начали призывать неприсоединившиеся страны ограничить роль Кубы как страны — организатора конференции и будущего председателя движения.

Не менее ожесточенным нападкам Пекина подвергся и Вьетнам, за которым пекинские лидеры также отрицают право являться неприсоединившейся страной. Вьетнаму, как и Кубе, Пекином приписываются агрессивные действия против других, в том числе неприсоединившихся стран, вмешательство в их внутренние дела. Однако главное «обвинение» со стороны Пекина состоит в том, что обе эти страны поддерживают отношения дружбы и братского сотрудничества с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества. «Некоторые неприсоединившиеся страны и справедливое общественное мнение уже отметили, что Куба превратилась в орудие осуществления глобальной контрреволюционной стратегии советского социал-империализма и не вправе считаться страной — членом движения неприсоединения», — клеветнически утверждала «Жэньминь жибао»⁷. В другом комментарии «Жэньминь жибао» на тему неприсоединения утверждалось, что Вьетнам и Куба являются «де восточной и западной пешками советского социал-империализма». Методом такой беспардонной клеветы китайское руководство пытается внедрить в движение идею о том, что отношения дружественного сотрудничества с Советским Союзом якобы не только подрывают международное положение тех или иных неприсоединившихся стран, но и вообще несовместимы с их членством в движении. Враждебное отношение китайского руководства к ряду социалистических стран — членов движения неприсоединения (Кубе, Вьетнаму, Лаосу и другим) распространяется и на страны социалистической ориентации, такие, как Ангола, Эфиопия, Афганистан.

Важным элементом «подготовки» Пекина к Гаванской конференции явилось также проведение широкой кампании в поддержку представительства полпотовского режима, против полноправного участия в движении представителя суверенной Народной Республики Кампучии. Маоисты намеренно широко муссировали этот вопрос, рассчитывая, что определенные разногласия среди неприсоединившихся стран по этой уже решенной народом Кампучии проблеме способны отвлечь внимание

⁷ «Жэньминь жибао», 1.VI.1978.

предстоящей конференции от рассмотрения узловых вопросов современного международного положения, что отвечает замыслам Пекина.

Итоги Гаванского форума оказались неутешительными для пекинского руководства, которое, с одной стороны, утверждало, что движение неприсоединения якобы имеет общие с Китаем интересы и цели на международной арене, а с другой стороны, прилагало огромные усилия с целью дезориентации и дезорганизации этого движения. Общая дискуссия на конференции, принятый ею итоговый документ убедительно показали, что подобные утверждения китайской пропаганды далеко не соответствуют действительности и что движение неприсоединения отнюдь не разделяет цели и принципы, лежащие в основе внешнеполитической доктрины и международной деятельности нынешнего китайского руководства.

Гаванская конференция вновь подтвердила решимость неприсоединившихся стран внести вклад в борьбу за мир, международную безопасность, разоружение, за разрядку международной напряженности и распространение этого процесса на все районы земного шара.

В политической декларации участники конференции высказались за дальнейшие усилия европейских государств в духе и на основе Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного в Хельсинки, а также приветствовали факт подписания Советским Союзом и США Договора об ОСВ-2, выразив надежду на продолжение переговоров между ними в области разоружения, прежде всего ядерного. Такая позиция неприсоединившихся стран полностью расходится с подходом Пекина к проблемам разрядки, безопасности и разоружения. Известно отрицательное отношение китайских лидеров к Хельсинкскому соглашению. Негативным был и подход Пекина к Договору об ОСВ-2. «Мы относимся с сомнением к последствиям этого договора, — заявил в июле с. г. американскому журналу «Ньюсуик» заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь, — поскольку этот договор не решил никаких проблем».

Провалились попытки китайского руководства переориентировать движение неприсоединения, выхолостить из него антиимпериалистическое содержание и подтолкнуть его на путь противостояния Советскому Союзу и другим странам социалистического содружества. В своих политической и экономической декларациях Гаванская конференция решительно осудила империализм, колониализм, расизм как главных врагов независимости и свободы народов, как источник международных кризисов и гонки вооружений, как основное препятствие на пути экономического становления молодых государств, на пути утверждения новых международных политических и экономических отношений, основанных на принципах равенства и справедливости.

Оценивая общий характер дискуссий на конференции, буржуазная печать была вынуждена признать, что на конференции доминировали антизападные настроения. «94 члена этого движения выступили с самым резким осуждением Запада со времени своего образования в 1961 г.», — отмечала «Вашингтон пост» 13 сентября 1979 г. Американский журнал «Ньюсуик» 17 сентября с. г. писал: «Американские должностные лица усмотрели в конференции руководителей движения неприсоединения в Гаване своего рода заочный суд». Итальянская газета «Джорно» 6 сентября констатировала, что «движение неприсоединившихся стран, начиная с конференции в Белграде и до сегодняшнего дня, выступает со все более отчетливо выраженных антизападных, а не антисоветских позиций».

Решительно осудив политику империализма, участники конференции высказались за сотрудничество неприсоединившихся стран со всеми миролюбивыми, прогрессивными и демократическими силами. В этом плане была дана высокая оценка принципиальной политики СССР и

других стран социалистического содружества в поддержку борьбы за национальную свободу и суверенитет, за мир и разоружение. В речи на открытии конференции глава правительства Кубы Ф. Кастро, заявив о благодарности Кубы Советскому Союзу за его сотрудничество в трудные для кубинского народа моменты, продолжал далее, что не только Куба, но и «Вьетнам, ставшие жертвой агрессии арабские страны, народы бывших португальских колоний, революционные процессы во многих странах мира, освободительное движение против угнетения, расизма, сионизма, фашизма в ЮАР, в Намибии, в Зимбабве, в Палестине и других районах земного шара многим обязаны солидарности социалистического содружества»⁸. О необходимости крепить солидарность между движением неприсоединения и силами социализма и другими прогрессивными силами всего мира говорилось в выступлениях премьер-министра правительства СРВ Фам Ван Донга, премьер-министра Ямайки М. Мэнли, президента Мозамбика С. Машела, других участников гаванской встречи. О признательности социалистическим странам, которые оказывают постоянную поддержку национально-освободительным движениям, заявил с трибуны конференции представитель Африканского национального конгресса Южной Африки О. Тамбо.

Проведение VI Конференции неприсоединившихся стран в Гаване, участие в ней наибольшего за всю историю движения числа глав государств и правительств неприсоединившихся стран, глубокая признательность и уважение, высказанные многими участниками конференции в адрес героической Кубы, — все это свидетельствовало о провале антикубинской клеветнической кампании, развязанной Пекином вкупе с империалистами с целью сорвать Гаванскую конференцию или принизить ее значение, дискредитировать Кубу на международной арене. Президент Югославии И. Тито в своей речи на конференции выразил признательность правительству Кубы за важный вклад в подготовку VI конференции. «Народы Югославии, — сказал он, — питают искреннюю симпатию к дружественному народу Кубы и высоко ценят его достижения в борьбе за свободу и преобразование своей страны». Выступая от имени африканских участников конференции, президент Замбии К. Каунда дал высокую оценку роли Кубы в движении неприсоединения и в антиимпериалистической борьбе народов мира.

Особую признательность Кубе за эту ее роль выразили латиноамериканские страны, участвовавшие в работе конференции. Своими успехами в социалистическом строительстве, последовательной и принципиальной позицией в международных делах, своим интернационализмом, заявил премьер-министр Ямайки М. Мэнли, Куба заслужила себе уважение и авторитет во всем мире. Столь же высоко отозвался о Кубе и член руководящего совета правительства национального возрождения Никарагуа Д. Ортеги.

Такое уважение многих латиноамериканских стран к Кубе была вынуждена признать лондонская «Дейли телеграф», писавшая 7 сентября с. г., что «на Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване все более четко выявляется, каким растущим влиянием коммунистическое правительство Кубы пользуется среди бывших английских колоний в бассейне Карибского моря».

Потерпела провал и кампания разнузданных нападок Пекина на Социалистическую Республику Вьетнам, ставившая своей целью умалить высокий международный престиж героического Вьетнама, осложнить его международное положение, посеять сомнения в праве СРВ участвовать в движении неприсоединения. Гаванская конференция не только не стала трибуной клеветнических нападок на Вьетнам, как на

⁸ «Новое время», № 38, 14.IX.1979, с. 22.

это надеялись пекинские реакционеры и их новоявленные союзники из империалистического лагеря, а, наоборот, превратилась в трибуну проявления солидарности с многострадальным вьетнамским народом, ставшим жертвой агрессивных действий со стороны китайских властей.

Уже в момент совершения агрессии Китая против социалистического Вьетнама в начале этого года правительства или официальные представители Алжира, Анголы, Афганистана, Индии, Мозамбика, Народной Республики Конго, Народной Демократической Республики Йемен, Организации освобождения Палестины, Эфиопии и многих других неприсоединившихся стран осудили китайскую агрессию, потребовали ее прекращения, вывода китайских войск с территории СРВ и заявили о солидарности с Вьетнамом. Ни одна неприсоединившаяся страна не выступила с прямой и открытой поддержкой этого агрессивного акта пекинских гегемонистов и экспансионистов.

Прориски Пекина против Вьетнама получили достойный отпор и на конференции в Гаване, прежде всего в выступлении представителя самого Вьетнама, а также многих других стран. Премьер-министр правительства СРВ Фам Ван Донг заявил в своей речи в Гаване, что после более чем тридцати лет войны вьетнамский народ жаждет мира, чтобы сконцентрировать всю свою энергию на восстановлении страны. «Однако независимый и суверенный Вьетнам, — продолжал он, — устанавливающий отношения дружбы и сотрудничества с разными странами мира, представляет собой самое серьезное препятствие гегемонизму одной азиатской державы, которая использует тысячу и один низкий и жестокий прием, пытаясь помешать делу мирного восстановления Вьетнама. Но все ее замыслы и заговоры, как в военной, политической, экономической, так и дипломатической области, привели лишь к позорным провалам... Несмотря на неудачи, гегемонисты лихорадочно продолжают проводить политику враждебности к Вьетнаму, угрожая развязать против него новую агрессивную войну, продолжать усиливать свое вмешательство во внутренние дела Лаоса и угрожают ему агрессивней, пытаются восстановить в Кампучии режим геноцида Пол Пота — Иенг Сари, подрывая мир и стабильность в этом районе мира»⁹.

Антисоветская кампания, развязанная Соединенными Штатами и Китаем, отметил Фам Ван Донг, согласована с теми враждебными кампаниями, которые они ведут против Кубы и движения неприсоединения и которые направлены на подрыв борьбы народов всего мира против империализма и гегемонизма, за мир, независимость и социальный прогресс.

О решительной поддержке Вьетнама, ставшего жертвой предательства, заговора и агрессии со стороны китайского правительства, заявил руководитель Кубы Ф. Кастро, который отметил, что правящая китайская клика не имеет ни престижа, ни морального права на то, чтобы «преподавать уроки» Вьетнаму. Представитель Эфиопии в своем выступлении заклеил пекинских гегемонистов, вынашивающих замыслы новой агрессии против Вьетнама. О солидарности с Вьетнамом заявили представители Лаоса и многих других стран. На митинге в Манагуа, состоявшемся по случаю пребывания в Никарагуа после участия в Гаванской конференции премьер-министра правительства СРВ Фам Ван Донга, член руководящего совета правительства Никарагуа А. Робело заявил о солидарности никарагуанцев с вьетнамским народом, которому одновременно со строительством новой жизни приходится отражать гегемонистские притязания Пекина.

Политическая декларация Гаванской конференции отметила рост напряженности в Юго-Восточной Азии и подчеркнула, что мир и ста-

⁹ «Новое время», № 38, 14.IX.1979, с. 30.

бильность в этом регионе могут восторжествовать только на основе уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела государств.

Но, пожалуй, самое большое фиаско потерпела правящая китайская верхушка в своих попытках прогнать на конференцию в качестве представителя Кампучии представителя свергнутой пропекинской клики Пол Пота — Иенг Сари. Пекинские политики делали ставку на то, что вопрос о представительстве Кампучии внесет дезорганизацию в работу конференции, приведет к расколу и разобщенности неприсоединившихся стран и в конечном счете отвлечет внимание участников конференции от обсуждения наиболее злободневных проблем современности.

Делегаты многих стран указывали на Гаванском форуме, что только представители законного правительства Кампучии — Народно-революционного совета — имеют право участвовать в движении неприсоединения и его встречах. Ввиду, однако, отсутствия единства мнений среди участников конференции по вопросу о представительстве Кампучии президиум конференции принял решение о том, что место Кампучии останется вакантным, а специальная комиссия в составе стран — членов президиума должна подготовить подробный доклад о представительстве Кампучии в движении неприсоединения, который затем будет рассмотрен на совещании министров иностранных дел стран — участниц движения.

И хотя законное правительство Народной Республики Кампучии пока еще лишено возможности участвовать в движении неприсоединения, такое решение Гаванской конференции является шагом вперед по сравнению с положением, сложившимся на предыдущей встрече неприсоединившихся стран — совещании министров иностранных дел стран — членов Координационного бюро движения, которое состоялось в июне с. г. в Коломбо и на которое в качестве наблюдателя и без права голоса был допущен полпотовский представитель. Такой подход в Гаване, несомненно, является шагом вперед на пути окончательного справедливого решения этого вопроса. Об этом свидетельствует рост международного признания Народно-революционного совета Кампучии. Буквально за два дня до начала Гаванской конференции о признании НРК заявили новые власти Никарагуа, а представитель этой страны был в числе тех, кто настаивал на занятии правительством НРК своего законного места в движении неприсоединения.

Комментируя такое решение «кампучийского вопроса», газета «Нян зан» совершенно справедливо писала 10 сентября с. г., что «это явилось поражением клики китайских реакционеров и всех других элементов, которые при помощи всяческих нечестных приемов и измышлений пытались навязать движению неприсоединения политический труп Пол Пота — Иенг Сари».

Осуждение участниками конференции в политической резолюции кэмп-дэвидских соглашений и сепаратного договора между Египтом и Израилем как ущемляющих неотъемлемые права арабской нации и арабского народа Палестины, способствующих продолжению оккупации арабских территорий, фактически явилось и косвенным осуждением политики Пекина на Ближнем Востоке. Китайское руководство, которое одобряет действия египетского президента Садата и подписало соглашение с Египтом о «военном сотрудничестве», обещав поставить ему 60 военных самолетов китайского производства, стремится подключиться к реализации американско-израильско-египетских планов на Ближнем Востоке, по существу, противостоит арабским странам, подавляющее большинство которых осудило на конференции сепаратный египетско-израильский сговор и потребовало приостановить членство Египта в движении неприсоединения.

Весьма любопытно, что пекинская пресса, освещавшая ход подготовки к Гаванской конференции, лишь мимоходом упоминала о широко дискутировавшемся в кругах неприсоединившихся стран требовании группы арабских государств об изгнании Египта из движения неприсоединения, совершенно не касаясь объяснения мотивов такого требования.

Можно было бы продолжать рассмотрение круга проблем и ситуаций, свидетельствующих о том, что китайские установки, практические действия Пекина в области внешней политики подвергались либо прямой, либо косвенной критике со стороны неприсоединившихся стран как в ходе подготовки, так и на самой конференции в Гаване. Однако и сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что позиция китайского руководства полностью противоречит идеям и принципам движения неприсоединения, а политика Пекина в отношении самого движения носит подрывной, реакционный характер.

По существу в Гаване Пекин оказался вместе с Западом на одной скамье подсудимых как соучастник преступлений империалистических держав против революционной борьбы народов мира. «Гаванская трибуна стала трибуналом над империализмом во главе с США,—отмечала вьетнамская газета «Нян зан» 10 сентября с. г.,—и кликой китайских экспансионистов — ударных сил контрреволюции в наши дни». Видимо, не случайно дипломаты США и КНР, приглашенные в числе дипломатических представителей других стран на открытие конференции, оказались в одной компании и в раздражении покинули зал заседаний во время яркой вступительной речи, с которой выступил Ф. Кастро. Оценивая итоги Гаванской конференции, сингапурская газета «Стрейтс таймс» 11 сентября с. г. имела все основания констатировать, что ни одна страна мира, за одним-двумя исключениями, не выступила на конференции в поддержку Пекина и что «отличительной чертой VI Конференции неприсоединившихся стран явилась почти полная изоляция Китая». Не очень охотно, но и западная печать была вынуждена признать этот факт. «Нью-Йорк таймс» 14 сентября с. г. указывала на то, что на конференции Китай лишился той симпатии, которой он когда-то пользовался в «третьем мире».

Обструкционистская позиция Пекина по актуальным проблемам борьбы за мир и закрепление разрядки, за полное и всеобщее разоружение в корне расходится с основополагающими концепциями движения неприсоединения, которое на своей VI конференции в Гаване заняло по основным проблемам современности линию, идущую вразрез с китайской платформой, опровергнув тем самым лживые заявления китайских политиков об общности интересов неприсоединившихся стран и Пекина. Китайские лидеры не имеют позитивной программы в отношении движения неприсоединения, Пекин в основном предпочитает спекулировать на уже имеющихся тенденциях внутри движения, с которым у него существуют серьезные противоречия и расхождения практически по всем основным проблемам современности.

Проблема упрочения мира на Корейском полуострове

*Ю. И. Огнев,
кандидат исторических наук*

Поражение агрессивных кругов США в Индокитае, образование в результате этого единого социалистического Вьетнама, присоединение к социалистическому миру Лаосской Народно-Демократической Республики, победа прогрессивных национальных сил Кампучии, распад военного блока СЕАТО и т. п. — все это создало, несмотря на противодействие маоистского Китая, условия для дальнейших прогрессивных изменений и сдвигов на всем Азиатском континенте. В связи с этим официальный Вашингтон по-новому оценил роль своих союзников в этом районе, в том числе и роль южнокорейского диктаторского режима, рассчитывая использовать Южную Корею в качестве военного плацдарма, занимающего важное стратегическое положение на Азиатском континенте. Интерес США к Корейскому полуострову существенно возрос в условиях происходящего ныне политико-экономического сближения между США, Японией и Китаем.

На Корейском полуострове в последние годы обостряется борьба двух противоположных политических тенденций: стремление к миру и безопасности, к мирному решению задач национального воссоединения Кореи, с одной стороны, и к нагнетанию напряженности, подготовке к немирному, насильственному решению задачи объединения страны — с другой. Поэтому этот регион особо нуждается в осуществлении политических инициатив, которые могли бы способствовать сохранению и укреплению мира и безопасности. Однако, как показывают события, инициативы, проявленные в последнее время правительством США и их союзниками в отношении Кореи, имеют совершенно противоположную направленность, о чем свидетельствовал недавний визит президента США Дж. Картера в Сеул.

* * *

Визит Дж. Картера в Южную Корею состоялся с 29 июня по 1 июля с. г., после окончания токийской встречи глав семи развитых капиталистических держав. В переговорах Картера с Пак Чжон Хи с американской стороны принимали участие также госсекретарь США С. Вэнс, министр обороны Г. Браун, помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, помощник госсекретаря Р. Холбрук.

Следует отметить, что накануне визита Картера в западной и японской печати высказывались предположения, что визит президента США в Сеул может поставить южнокорейского диктатора Пак Чжон Хи в затруднительное положение, учитывая пропагандировавшееся ранее в США отрицательное отношение политических кругов США и администрации Картера к репрессиям сеульских властей в отношении

оппозиции. Однако эти предположения не оправдались. Визит Дж. Картера в Южную Корею продемонстрировал твердое намерение США продолжать оказывать всестороннюю поддержку антигуманному режиму Пак Чжон Хи в соответствии со стратегическими планами США в Азии. Как явствует из текста коммюнике по итогам визита, Картер заверил Пак Чжон Хи в неизменности курса США на оказание всесторонней помощи, и прежде всего военной, Южной Корее. Картер также дал обещание своему партнеру по переговорам сохранить военное присутствие США в Южной Корее, оказать «незамедлительную и эффективную» помощь Южной Корее в случае «вооруженного нападения» на нее, указав, что «ядерный зонтик» США служит «дополнительной гарантией ее безопасности».

Дж. Картер, по существу, не поднимал в Южной Корее вопроса о «правах человека», а, наоборот, всячески старался выразить поддержку курсу внешней и внутренней политики диктатора и, как отмечалось в коммюнике, пригласил Пак Чжон Хи посетить США, и южнокорейский президент принял это приглашение.

Визит Картера в Сеул явился фактически демонстрацией открытой поддержки репрессивного режима, который держится у власти в Южной Корее на грубом насилии и жестоких репрессиях в отношении своих политических противников. Пак Чжон Хи, чтобы не допустить массовых выступлений оппозиционных сил, на время визита Картера досрочно объявил каникулы в вузах Южной Кореи, арестовал и бросил в тюрьмы сотни демократических деятелей. Будучи в Сеуле, Картер, активно выступающий за «права человека», если это касается социалистических стран, как бы закрыл глаза на фашистские репрессии и грубейшие нарушения прав человека в Южной Корее. Как отмечала «Нодон синмун», визит Картера в Южную Корею показал неискренность его заявлений о «защите прав человека». «Если бы он действительно уважал права человека, — подчеркивала газета, — то ему вообще не следовало бы приезжать в Южную Корею»¹.

Итоги визита Дж. Картера в Южную Корею, естественно, вызвали резко отрицательную реакцию в КНДР. В редакционных статьях пхеньянской прессы визит президента США в Сеул был назван «визитом, преследующим цели агрессии и войны, раскола корейской нации»².

Правительственные и общественные круги КНДР выразили протест по поводу отказа администрации Картера от вывода из Южной Кореи своих войск, являющихся «главным препятствием на пути воссоединения страны, источником напряженности и военной угрозы на Корейском полуострове». Напомнив о предвыборных обещаниях Картера в короткий срок вывести войска США из Южной Кореи, «Нодон синмун» отметила, что Картер, придя к власти, постепенно и весьма осторожно уходил от выполнения своего обещания, данного своим избирателям. Вначале он стал говорить о «поэтапном выводе», затем о «частичном сокращении», прибавляя к этому все новые дополнительные условия; и, наконец, в июле с. г. Картер решил объявить открыто и прямо о продлении пребывания войск США (около 40 тыс. человек) в Южной Корее на неопределенный срок. Чтобы смягчить реакцию американских политических кругов на это решение, перед поездкой Картера в Сеул в Соединенных Штатах распространили «новые данные разведки» о вооруженных силах КНДР, обладающих якобы превосходством над вооруженными силами Южной Кореи.

Решение Картера о сохранении войск США в Южной Корее явилось свидетельством пренебрежительного отношения нынешней администрации США к рекомендациям Организации Объединенных Наций.

¹ «Нодон синмун», 3.VII.1979.

² Там же, 4.VII.1979.

которая еще в 1975 г. на XXX сессии Генеральной Ассамблеи абсолютным большинством голосов приняла резолюцию «О создании благоприятных условий для превращения перемирия в Корее в прочный мир и ускорения самостоятельного мирного объединения Кореи», в которой было предусмотрено вывести из Южной Кореи все иностранные войска находящиеся там под флагом ООН, заменить военное соглашение перемирия в Корее мирным соглашением в качестве меры для осуществления разрядки напряженности, поддержания и упрочения мира в Корее.

Теперь мы уже имеем основания констатировать, что эти рекомендации мирового сообщества оказались полностью отброшенными. Дж. Картер не только отказался выводить войска США из Южной Кореи, но и предпринял шаги к усилению и техническому совершенствованию своих воинских частей, расположенных на территории Южной Кореи, а также вооруженных сил южнокорейского режима. Речь идет таким образом, о расширении американского военного присутствия в Южной Корее. США намерены увеличить свои ВВС в этом районе на 20 %. Военная помощь США Южной Корее в 1979 г. составит 275 млн. долл., а в 1980 г. — 900 млн. Одновременно по требованию США Южная Корея увеличивает собственные военные расходы на 500 млн. долл. в год, что ведет к ее дальнейшей милитаризации, к нарушению баланса сил на Корейском полуострове, к усилению напряженности во взаимоотношениях между Югом и Севером Кореи.

События, связанные с убийством 26 октября с. г. президента Пак Чжон Хи, наглядно показали истинные цели сохранения войск США в Южной Корее и наращивания южнокорейских вооруженных сил. После устранения Пак Чжон Хи эти силы незамедлительно были приведены в состояние боевой готовности, чтобы не допустить массовых выступлений населения за демократические права. Власть в стране перешла в руки командования южнокорейской армии, контролируемой американской женщиной. В южнокорейские порты были направлены флагманский корабль 7-го флота и авианосец вооруженных сил США с целью запугать оппозицию и обеспечить выгодную Вашингтону расстановку политических сил в Южной Корее после смерти диктатора.

Соединенные Штаты и их южнокорейские союзники стремятся также оправдать сохранение американских войск в Южной Корее под предлогом так называемой «угрозы нападения с Севера». Однако всему миру известно, что такой «угрозы» на самом деле не существует. А клеветническая пропаганда об «угрозе с Севера» является всего лишь ширмой для прикрытия форсированных военных приготовлений в Южной Корее, наращивания вооруженных сил южнокорейского режима. Эти силы Соединенные Штаты намерены использовать в своих агрессивных планах в Азии, как это было в период вооруженной агрессии США в Индокитае.

Правительство КНДР последовательно проводит миролюбивую политику и не раз официально заявляло, что у него нет намерения «нападать на Юг».

* * *

Известно, что после корейской войны, закончившейся в июле 1953 г. крахом агрессивных планов США и их южнокорейских марионеток, правительство КНДР выработало конструктивную программу объединения страны мирным демократическим путем. Уместно здесь напомнить хотя бы некоторые из многочисленных мирных инициатив Севера Кореи.

С реалистическими предложениями по мирному урегулированию и объединению правительство КНДР выступило на Женевской конферен-

ции министров иностранных дел пяти великих держав 1954 г., на которую были приглашены представители КНДР и Южной Кореи для участия в обсуждении корейского вопроса. Предложения КНДР предусматривали проведение общекорейских выборов силами самих корейцев (путем создания общекорейской комиссии из представителей Северной и Южной Кореи для разработки избирательного закона и обеспечения подлинно демократических выборов), вывод из Кореи всех иностранных войск, чтобы не допустить их вмешательства во внутренние дела корейского народа, и, наконец, принятие на себя государствами, наиболее заинтересованными в поддержании мира на Дальнем Востоке, обязательств содействовать мирному развитию Кореи и созданию условий для ее скорейшего объединения. Представитель КНДР рекомендовал участникам совещания подписать соглашение «об обеспечении мирных условий в Корее», где должно было быть отмечено их желание продолжить усилия в целях достижения соглашения о мирном урегулировании в Корее. Предложения министра иностранных дел КНДР предусматривали сокращение численности войск каждой стороны до 100 тыс. человек соответственно, последовательную ликвидацию военного положения в стране, создание на паритетных началах совместных органов для проведения мероприятий по экономическому и культурному сближению Севера и Юга Кореи³. Участники женевской встречи должны были дать обязательство содействовать мирному развитию Кореи. Западные державы, однако, саботировали эти разумные предложения правительства КНДР.

И после Женевского совещания КНДР продолжала активно выступать за упрочение мира на Корейском полуострове. «Курс нашей партии, — говорил Ким Ир Сен на III съезде ТПК в 1956 г., — направленный на достижение мирного объединения Родины на демократических началах, то есть на выполнение основной задачи корейской революции на современном этапе, является единственно правильным курсом при создавшихся условиях внутри и вне страны»⁴.

В исключительно широком плане правительство КНДР выступило с предложениями по мирному объединению Кореи в 1960 г. после апрельского восстания в Южной Корее, свержения Ли Сын Мана и образования в Южной Корее более или менее демократического правительства. 14 августа 1960 г. в докладе на торжественном заседании, посвященном 15-летию освобождения Кореи, Ким Ир Сен говорил: «Свободные общекорейские выборы, организованные на демократических началах и без всякого вмешательства извне, являются самым конструктивным и реалистическим путем к мирному объединению... Но если все же южнокорейские власти, опасаясь, что Южная Корея станет коммунистической, не пойдут на проведение свободных общекорейских выборов, то тогда нужно будет разработать меры переходного характера... В качестве подобной меры мы предлагаем создать конфедерацию Южной и Северной Кореи. Предлагаемая нами конфедеративная система может быть создана путем образования Верховного национального комитета, сформированного из представителей правительства КНДР и правительства Корейской республики, который бы координировал в едином порядке экономическое и культурное развитие Южной и Северной Кореи. Причем эта конфедерация будет создана при временном сохранении существующих политических режимов в Северной и Южной Корее и самостоятельности обоих правительств. Создание такой конфедеративной системы, обеспечивающей контакты и пе-

³ См. доклад министра иностранных дел КНДР Нам Ира на VIII сессии ВНС КНДР «О работе правительственной делегации КНДР на Женевском совещании по мирному урегулированию корейского вопроса». — За мирное объединение родины. Сборник документов (на кор. яз.). Пхеньян, 1954.

⁴ Ким Ир Сен. Избранные статьи и речи. М., 1962, с. 235.

переговоры между Южной и Северной Кореей, сделает возможным взаимопонимание и сотрудничество, устранив взаимное недоверие. Мы считаем, что затем в результате свободных общекорейских выборов можно будет добиться мирного объединения нашей родины»⁵. Предложения КНДР предусматривали оказание экономической помощи Южной Корее, взаимный обмен в области науки, культуры, искусства, спорта и других областях. С целью ослабления напряженности в Корее предлагалось решить вопрос о выводе американских войск из Южной Кореи, уменьшить бремя военных расходов, довести численность армии Южной и Северной Кореи до 100 тыс. человек в каждой⁶.

Подобного рода широкая программа мирного объединения Кореи была одобрена VIII сессией Верховного народного Собрания КНДР 19—22 ноября 1960 г., которое обратилось с письмом к «Национальному собранию Корейской республики, политическим партиям, общественным организациям и населению Южной Кореи».

Предложение о создании конфедерации полностью соответствовало политической обстановке, сложившейся в то время на Корейском полуострове, отвечало стремлениям народа обеих частей Кореи. Оно нашло широкий отклик в мире, стало предметом обсуждения не только в широких слоях населения, но и в Национальном собрании Южной Кореи. Однако американская администрация заявила через командование «войск ООН», что США исползуют все свое влияние, чтобы южнокорейские власти не прельстились предложениями КНДР, и что если они захотят вступить в переговоры с Севером, то на это должны получить «предварительную санкцию командования войск ООН», то есть командования американских войск, находящихся в Южной Корее. В 1961 г. демократические силы Южной Кореи были жестоко подавлены южнокорейской военщиной и там, не без содействия США, была установлена диктатура военной хунты. Таков был ответ южнокорейской реакции и американской военщины на миролюбивые предложения Корейской Народно-Демократической Республики.

Демонстративные военные приготовления в Южной Корее, сопровождаемые открытыми призывами сеульских диктаторов к наращиванию с помощью США и Японии военно-экономического потенциала Южной Кореи с целью решения проблемы объединения Кореи с позиции силы, вели в конечном счете к усилению напряженности на Корейском полуострове, опасной для дела мира в этом районе.

На военной демаркационной линии многие годы не прекращались вооруженные инциденты, которые хотя и носили локальный характер и не перерастали в крупные военные столкновения, но обостряли обстановку временами до грани вооруженного конфликта. 13 апреля 1967 г., например, на военной демаркационной линии возникла перестрелка с применением артиллерийского оружия. Особенно напряженная обстановка в Корее создалась в связи с вторжением в территориальные воды КНДР 23 января 1968 г. американского разведывательного корабля «Пуэбло». Серьезная ситуация на Корейском полуострове возникла также в связи с вторжением в воздушное пространство КНДР 15 апреля 1969 г. разведывательного самолета вооруженных сил США. Так же, как и в случае с «Пуэбло», в США и Южной Корее раздавались призывы к «возмездию», осуществлению военных операций против КНДР. Как отмечалось в заявлении правительства КНДР от 23 апреля 1969 г., «только с января по 10 апреля 1969 г. было зарегистрировано более 2180 случаев вооруженных нападений, оружейных и ружейных обстрелов и других провокационных действий, совершен-

⁵ Ким Ир Сен. Избранные статьи и речи, с. 685, 686.

⁶ См. там же, с. 689.

ных американскими войсками в районе военной демаркационной линии»⁷.

Резкое изменение позиции сеульских властей в оценке ситуации на Корейском полуострове произошло в 1971 г. и совпало по времени с принятием IX съездом КПК антисоветских установок и укреплением китайско-американских контактов. И это не случайно. Как видно, в связи с китайско-американским сближением главари южнокорейского режима решили не создавать дополнительные препятствия китайской политике правительства США и попытаться извлечь из этой политики определенные выгоды для себя.

В сентябре 1971 г. южнокорейские власти откликнулись на предложение КНДР и дали согласие на официальные контакты между Югом и Севером Кореи по линии обществ Красного Креста Юга и Севера Кореи «для проведения переговоров о совместной работе по розыску оторванных друг от друга членов семей и родственников».

В 1972 г. власти Южной Кореи пошли даже на переговоры непосредственно с официальными представителями правительства КНДР. Состоялись межправительственные контакты и переговоры Юга и Севера Кореи, которые вылились в опубликование «Совместного заявления Севера и Юга» от 4 июля 1972 г.⁸ В основу договоренности между правительствами Юга и Севера Кореи легли выдвинутые Генеральным секретарем ЦК ТПК, президентом КНДР Ким Ир Сенем три основополагающих принципа объединения. Стороны договорились, указывалось в Совместном Заявлении, что, «во-первых, вопрос об объединении следует решать самостоятельно, без опоры на внешние силы и вмешательства извне, во-вторых, мирным путем и, в-третьих, путем достижения «великой национальной консолидации».

Непосредственные контакты между властями Юга и Севера Кореи, способствовавшие ослаблению напряженности на Корейском полуострове, нашли полную поддержку со стороны международной общественности. Однако диалог между представителями сторон по конкретным вопросам решения проблемы воссоединения не дал каких-либо практических результатов. Южнокорейские власти, поставив свою подпись под документом, определившим вышеуказанные три принципа воссоединения, как показали события, не собирались придерживаться ни одного из них. Принципу самостоятельности они противопоставили призывы к сохранению американского военного присутствия в Южной Корее. Усиленное наращивание вооруженных сил Южной Кореи никак не увязывалось с принципом мирного воссоединения. А осуществление принципа «национальной консолидации» они начали с усиления фашистских репрессий против тех политических сил Южной Кореи, которые искренне стремились к национальному воссоединению. Подрывая саму идею воссоединения, южнокорейские власти стали настаивать на «перекрестном признании» Южной Кореи и КНДР, то есть признании КНДР Соединенными Штатами и Японией и Южной Кореи Советским Союзом и КНР, и одновременном вступлении КНДР и Южной Кореи в ООН. Правительство КНДР квалифицировало эти предложения Сеула как стремление уйти от решения проблемы воссоединения и узаконить раскол Кореи.

23 июня 1973 г. президент КНДР Ким Ир Сен выступил с новыми предложениями по объединению, получившими известность как «программа из пяти пунктов». Она предусматривала: 1) ликвидацию состояния военной конфронтации, устранение напряженности между Севером и Югом; 2) осуществление между ними сотрудничества и обмена в разных сферах политики, дипломатии, военного дела, экономики и

⁷ «Нодон синмун», 24.IV.1969.

⁸ Там же, 5.VII.1972.

культуры; 3) созыв Великого национального собрания с участием различных слоев населения, политических партий и общественных организаций Севера и Юга для обсуждения проблемы национального воссоединения; 4) образование до объединения конфедерации Севера и Юга под единым названием «Конфедеративная Республика Корё»; 5) вступление двух частей Кореи в ООН под единым названием государства — «Конфедеративная Республика Корё». Однако и эти предложения КНДР встретили противодействие официального Сеула.

* * *

Только в январе 1979 г. со стороны Южной Кореи были вновь предприняты шаги к возобновлению переговоров с Севером. 19 января 1979 г. на пресс-конференции в Сеуле Пак Чжон Хи выступил с заявлением о готовности Юга начать переговоры с Севером «в любом месте, в любое время и на любом уровне». Эта инициатива Сеула, по мнению специалистов, была проявлена «явно в ответ на бурное развитие отношений между США и Китаем». «Нью-Йорк Таймс» в статье от 31 января 1979 г. и ряд других американских и японских газет обратили внимание на то, что выступление Юга Кореи за возобновление диалога было предпринято непосредственно перед намеченным визитом в Вашингтон заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина, и напомнили события 1972 г., когда ослабление напряженности в Корее и установление контактов между официальными представителями Юга и Севера произошло одновременно с визитом президента США Р. Никсона в Пекин.

Сеульские власти, предпринимая шаги по ослаблению напряженности в отношениях с КНДР, явно стремились тем самым создать благоприятные условия для установления далеко идущих связей и сотрудничества с Китаем, воспользовавшись услугами своих влиятельных союзников — США и Японии. Накануне визита Дэн Сяопина в Вашингтон Сеул обратился к США и Японии с просьбой сыграть посредническую роль в организации переговоров Сеула с Пекином⁹.

Новый тур китайско-американского сближения, как видно, вселил в Сеул уверенность, что Китай может изменить свое отношение к южнокорейскому режиму. Сеульская газета «Хангук ильбо», выражающая мнение официальных кругов Южной Кореи, откровенно писала, что нормализация китайско-американских дипломатических отношений создает условия, способствующие осуществлению их надежд, что Южная Корея со своей стороны стремится к улучшению отношений с Китаем, рассчитывая использовать его для оказания соответствующего влияния на руководителей КНДР. Выражалась уверенность в том, что «Китаю неизбежно придется осуществить реалистический пересмотр своей политики». Судя по некоторым сообщениям, установление связей с Пекином после его сближения с США и Японией — ближайшими партнерами Южной Кореи не представлялось режиму Пак Чжон Хи сложным делом. В Южной Корее начали даже разрабатывать практические мероприятия по установлению контактов с Китаем. Сообщалось, например, что министерство торговли и промышленности Южной Кореи приняло меры по установлению связей с «невраждебными коммунистическими странами» путем развития с ними экономического обмена и что министерство намерено определить ряд торговых фирм, которые будут участвовать в развитии торговли со странами «коммунистического блока», используя соответствующие организации Западной Германии, французские и австралийские фирмы, поддерживающие

⁹ См. «Майнити», 25.I.1979.

торговые связи с названными странами. Сообщалось также, что Сеул пытался через министра иностранных дел Японии предложить Пекину в качестве первых шагов для сближения установление экономических, культурных и спортивных связей между КНР и Южной Кореей, и в частности открытие выставок в Пекине и Сеуле, на которых были бы представлены наряду с изделиями прикладного искусства и экспортные товары двух государств.

Однако, как сообщала «Нью-Йорк таймс», южнокорейцы были несколько разочарованы результатами визита Дэн Сяопина в Вашингтон и Токио. По сообщениям японской печати, Дэн Сяопин якобы заявил, что «сейчас не время» для участия Китая в межкорейском диалоге. В Сеуле в связи с этим было сделано предположение, что только через некоторое время, когда Китай существенно укрепит свои позиции в Азии, можно будет рассчитывать на его содействие. Однако и сейчас, по мнению официального Сеула, Китай стал «гораздо более реалистичным в отношении Южной Кореи, чем в прошлом»¹⁰. «Подлинная разрядка между Вашингтоном и Пекином, — отмечала сеульская газета «Чосон ильбо», — труднодостижима, пока существует опасность войны в Корее»¹¹.

Трудовая партия Кореи и правительство КНДР тем не менее вновь проявили искреннюю инициативу по мирному урегулированию в Корее и обеспечению условий для самостоятельного, мирного объединения демократическим путем. 23 января 1979 г. ЦК Единого демократического отечественного фронта Кореи¹² обратился ко всем слоям населения, к политическим партиям и общественным организациям Южной Кореи, к южнокорейским властям и к соотечественникам, проживающим за рубежом, с предложениями: 1) вернуться к основной идее и принципам Совместного заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г.; 2) немедленно положить конец всяким клеветническим заявлениям и нападкам друг на друга, «стремиться к созданию климата национального единства»; 3) немедленно и безоговорочно отказаться от всяких военных акций, создающих угрозу другой стороне, в частности от наращивания вооружений, от проведения военных операций и сосредоточения вооруженных сил «на линии фронта», то есть вблизи военной демаркационной линии, и с 1 марта прекратить всякие военные учения; 4) созвать общекорейский конгресс, в котором были бы представлены все политические партии и общественные организации Севера и Юга, а также зарубежные организации соотечественников и отдельные лица, проживающие за границей, для обсуждения проблем воссоединения Кореи. Предлагалось созвать конгресс в первых числах сентября текущего года в Пхеньяне или в Сеуле, а в первых числах июня провести в Пхеньяне предварительное совещание на рабочем уровне представителей всех корейских политических партий и организаций, действующих как в Корее, так и за границей¹³.

В ответ на предложения ЦК ЕДОФ Сеул дал согласие на проведение в Пхеньяне или Сеуле «как можно скорее» предварительных переговоров, подчеркнув при этом, что переговоры должны вестись только между «ответственными должностными лицами». Сеул, таким образом, сразу же указал на то, что он не желает иметь дело с представителями различных слоев населения КНДР.

Как показали дальнейшие события, несмотря на неизменность заявлений Сеула о своем положительном отношении к вопросу о возоб-

¹⁰ «New York Times», 12.II.1979.

¹¹ «Чосон ильбо», 3.II.1979.

¹² В Единый демократический отечественный фронт Кореи (ЕДОФ) входят политические партии и общественные организации КНДР. Руководящая сила ЕДОФ — Трудовая партия Кореи.

¹³ См. «Нодон синмун», 24.I.1979.

новлении диалога, в самом подходе Юга к этому вопросу лежало его нежелание серьезно обсуждать и решать проблему воссоединения. Наставшая на проведении прямых межправительственных переговоров между Севером и Югом, южнокорейские власти исходили, очевидно, из того, что на более широком форуме, как предложил Север, им пришлось бы иметь дело не только с представителями КНДР, но и с политическими силами Южной Кореи, выступающими в оппозиции Пак Чжон Хи.

5 февраля 1979 г. ЦК ЕДОФ вновь выступил с заявлением, в котором предлагалось учредить Подготовительный комитет по национальному объединению вместо Координационного комитета Севера и Юга. В заявлении отмечалось, что Координационный комитет сыграл определенную роль в деле восстановления прерванных национальных уз и урегулирования отношений между Севером и Югом. Однако на данном этапе, когда на повестке дня стоят исторические задачи объединения всей нации, этот комитет стал нерациональным. Как консультативный орган по налаживанию общенационального диалога и переговоров, отмечалось в заявлении ЦК ЕДОФ, Подготовительный комитет по национальному объединению должен состоять из представителей политических партий и организаций Кореи, корейских зарубежных организаций в том числе, и представителей правительств Севера и Юга. Такой комитет мог бы обсудить вопрос о созыве общенациональной конференции, а также другие вопросы, связанные с подготовкой к окончательному объединению страны¹⁴.

Неоднократные встречи между представителями связи Юга и Севера, состоявшиеся в Паньмыньчжоне, не привели к каким-либо взаимоприемлемым решениям, хотя со стороны КНДР и выдвигались компромиссные предложения. В частности, предлагалось, чтобы представители властей Юга и Севера Кореи вошли в состав Подготовительного комитета. Попытка КНДР восстановить использование прямой («горячей») телефонной связи между Сеулом и Пхеньяном, установленной в 1972 г., также натолкнулась на сопротивление сеульских властей, так как они не пожелали иметь связь по телефонной линии с представителем ЕДОФ, уполномоченным северокорейской стороной для этой цели.

Расхождения в позициях Севера и Юга Кореи проявились прежде всего потому, что Сеул, высказываясь за возобновление межкорейского диалога, вместе с тем пытался уйти от переговоров по воссоединению Кореи. Сеульские правители считают, что Южная Корея выигрывает в результате сохранения «статус-кво» на Корейском полуострове. Данный вывод аргументируется тем, что экономика Южной Кореи якобы развивается более успешно и более быстрыми темпами, чем экономика Северной Кореи, и в этом отношении сеульский режим видит «благоприятную» перспективу для оказания давления на КНДР. Сеул планирует также добиться абсолютного военного превосходства над КНДР к 1985 г. путем наращивания и модернизации своих вооруженных сил и вооружений при помощи США.

В марте с. г., в тот момент, когда осуществлялся диалог между Севером и Югом, а северокорейская сторона выступила с предложением прекратить все действия, угрожающие другой стороне, США провели крупнейшие южнокорейско-американские объединенные оперативные учения. Проведение этих военных маневров явилось своеобразным «ответом» южнокорейской стороны на мирные предложения Севера Кореи.

¹⁴ См. «Нодон синмун», 6.II.1979.

* * *

Предложения Единого демократического фронта Кореи, предусматривающие переговоры представителей политических партий и общественных организаций Юга и Севера Кореи по вопросам объединения страны, представляют собой конструктивный и, можно сказать, даже идеальный вариант решения корейской проблемы. Однако на пути практического осуществления этих предложений воздвигаются серьезные препятствия. Эти препятствия создают в первую очередь антинациональный режим Южной Кореи, а также влиятельные империалистические круги США и Японии, которые, исходя из своекорыстных интересов, стремятся сохранить раскол Кореи и с этой целью подстрекают южнокорейские власти на проведение соответствующей политики.

Незанимательность в образовании единого корейского государства открыто проявляют Соединенные Штаты, сохраняющие свое военное присутствие и сильное политическое и экономическое влияние в Южной Корее. Следует иметь в виду, что в своих отношениях с южнокорейским режимом Соединенные Штаты руководствуются не только военными соображениями. Последнее время в этих отношениях все более важное значение приобретают и экономические факторы, в частности южнокорейский рынок с его многомиллионной армией дешевой рабочей силы. Определяя перспективы развития американо-южнокорейских отношений, правящие круги США рассчитывают, что Южная Корея в будущем сохранит быстрые темпы экономического развития, а в 80-е годы станет «одним из самых важных торговых партнеров и одним из главных рынков американского экспорта». Правительство США рассчитывает также на то, что Южная Корея намного обгонит КНДР по темпам совершенствования своих вооруженных сил. Вряд ли требуется доказывать, что реализация подобных планов может еще более затруднить решение проблемы объединения Кореи.

В создании на Корейском полуострове единого государства не заинтересована и Япония, правящие круги которой видят в милитаризованной Южной Корее — союзнице США надежный буфер, обеспечивающий «безопасность» Японии. К тому же в случае объединения Кореи они опасаются потерять такую ценную для них сферу приложения японского капитала и довольно емкий рынок сбыта, как Южная Корея. По сообщениям японской печати, на состоявшихся накануне поездки Дж. Картера в Сеул японо-американских переговорах со стороны Японии было оказано соответствующее давление на президента США. М. Охира старался убедить его в том, что предложенный им план вывода американских войск, а также критика США южнокорейского режима за подавление «прав человека» оказывают негативное воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в Южной Корее. Все это якобы подрывает авторитет, ослабляет реальную власть Пак Чжон Хи. Японская печать, комментируя итоги японо-американских переговоров, отмечала, что стороны пришли к «взаимопониманию» по корейской проблеме.

Пекин, учитывая пример Вьетнама, также не заинтересован в создании единой независимой Кореи. Китайские руководители заботятся лишь о том, чтобы события в Корее не препятствовали процессу сближения Китая с США и Японией. Китайские лидеры демонстрируют полное безразличие к проблеме национального воссоединения корейского народа. На пресс-конференции в Японии зам. премьера КНР Дэи Сяонин, свалив в одну кучу совершенно различные проблемы: Вьетнам, «две Кореи», «две Германии», «два Китая» и даже провокационные претензии японских реваншистов к Советскому Союзу относительно так называемых «северных территорий», цинично «выразил уверенность», что эти проблемы будут разрешены «если не за десять

или за сто, то по крайней мере за тысячу лет»¹⁵. В таком подходе к проблеме национального единства корейского народа пекинские лидеры вполне могут найти общий язык с сеульскими правителями. Пак Чжон Хи тоже пытался доказать, что решение проблемы воссоединения — дело отдаленного будущего, которое, по его мнению, надо отложить на неопределенное время.

Японская газета «Акахата» указывала, что решение администрации Картера оставить вопреки своим прежним обещаниям американские войска в Южной Корее и продолжать вмешательство в корейские внутренние дела учитывает многие обстоятельства, связанные с политикой США на Дальнем Востоке. «Акахата» в связи с этим констатировала, что за совместным коммюнике президентов Картера и Пак Чжон Хи стоит позиция Китая, который одобряет и поддерживает присутствие американских войск в Азии.

Корейский вопрос был включен в повестку дня китайско-американских переговоров во время недавнего официального визита в КНР вице-президента США Мондейла. Известно, что в ходе переговоров с вице-президентом США Пекин выразил поддержку экспансионистских планов США на Дальнем Востоке. А Мондейл в своем выступлении в Пекинском университете подчеркнул «решимость» США вместе с Китаем «обеспечивать многочисленные параллельные стратегические интересы». При этом он счел возможным выступить с «предупреждением» в адрес «любой страны», которая может занять позицию, противоречащую этим интересам.

* * *

В связи с визитом Картера в Сеул в позиции Юга Кореи по вопросам урегулирования на Корейском полуострове появились некоторые новые моменты. Накануне этого визита министр иностранных дел Южной Кореи заявил в интервью по телевидению, что Сеул готов положительно рассмотреть вопрос о трехсторонней встрече с участием двух Кореи и США в целях установления мира на Корейском полуострове при условии, что Юг и Север Кореи будут главными сторонами на этих переговорах. Президент Картер, по существу, полностью поддержал позицию южнокорейских властей по корейскому вопросу. Как отмечалось в совместном коммюнике по итогам визита, «президент Картер и президент Южной Кореи Пак Чжон Хи решили совместно внести предложение о проведении встречи высокопоставленных представителей США», то есть под эгидой США. Оба президента дали даже указания министру иностранных дел Южной Кореи и госсекретарю США С. Вэнсу совместно установить контакты с министром иностранных дел Северной Кореи и прозондировать этот вопрос. Послание США и Южной Кореи с предложением о трехсторонней встрече было передано КНДР через посла Индонезии в Пхеньяне. Судя по сообщениям южнокорейских информационных агентств, и на этом этапе США предприняли попытки воспользоваться содействием Пекина. Сообщалось, в частности, со ссылкой на дипломатические источники о том, что помощнику госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Холбруку во время его поездки в Пекин было поручено обратиться к китайским властям с просьбой использовать свое влияние с тем, чтобы заставить Пхеньян принять совместное предложение Пак Чжон Хи и Картера. Причем ожидалось, что эта миссия Холбрука будет успешной, так как «Пекин до сих пор проявлял положительное отношение к идее трехсторонних переговоров».

¹⁵ «Жэньминь жибао», 26.X.1978.

В официальном заявлении представителя МИД КНДР от 10 июля был дан официальный, по существу отрицательный ответ на предложение США и Южной Кореи о проведении трехсторонних переговоров¹⁶. Предложение о трехсторонней встрече МИД КНДР расценил как абсолютно нереалистическое и неразумное. Предложения о «перекрестном признании» Северной и Южной Кореи и об их одновременном вступлении в ООН были квалифицированы как «коварные происки», направленные на то, чтобы «закрепить раскол Кореи путем международного признания не обладающих какими-либо суверенными правами, зависящих нынешних южнокорейских властей». В заявлении подчеркивалось, что необходимо различать два различных вопроса для переговоров: во-первых, вопрос о выводе американских войск из Южной Кореи и замене соглашения о перемирии соглашением о мире, который должен решаться действительными участниками соглашения о перемирии, то есть КНДР и США, во-вторых, вопрос объединения Кореи, который должен обсуждаться на переговорах между корейцами¹⁷. А к этим переговорам США не имеют никакого отношения. Вместе с тем, учитывая настойчивые требования американской стороны, КНДР выразила согласие, чтобы при обсуждении первого вопроса южнокорейские власти приняли участие в качестве наблюдателей.

По сообщению сеульского информационного агентства Хабтон, после консультаций министра иностранных дел Южной Кореи с послом США в Сеуле стороны решили продолжить усилия с целью созыва трехстороннего совещания, несмотря на то, что КНДР отвергла это предложение. Указывалось также, что правительство Южной Кореи и администрация Картера предпримут совместные шаги в отношении предложенных ими трехсторонних переговоров по корейскому вопросу.

Стремление США принять непосредственное участие в корейских переговорах типа кэмп-дэвидских, очевидно, имеет целью придать вес южнокорейскому режиму и оказать дополнительный нажим на КНДР. США, как видно, считают, что американское военное присутствие в Южной Корее дает им право выступать в роли арбитра в отношениях между Югом и Севером Кореи. И это «право» Соединенные Штаты пытаются подкрепить силой. 600-тысячная южнокорейская армия оснащается современным видом оружия с клеймом американских концернов. Сеул налаживает также массовое производство собственного вооружения. А так называемое ведомство по вопросам «национального объединения Кореи» даже выступило с призывом начать разработку ядерного оружия¹⁸. Разумеется, милитаризация Южной Кореи была бы невозможна без помощи США, которые посредством наращивания совокупной военной мощи — своей и союзников — пытаются воздействовать на положение в этом регионе. Пентагон увеличивает численность своих военно-воздушных, разведывательных, тыловых и других частей в Южной Корее. Вместо того чтобы добиваться прочного мира на Корейском полуострове, писала «Нью-Йорк таймс», США, «до отказа насыщая полуостров оружием, делают все для максимального увеличения возможности конфликта»¹⁹.

Таковы позиции Соединенных Штатов и южнокорейского режима, с которых они хотят вести «мирные» переговоры с правительством КНДР.

Отказ США от вывода своих войск из Кореи и милитаризация южнокорейского режима являются лишь частью общей программы усиления военно-политических позиций США в Азии.

¹⁶ См. «Нодон синмун», 11.VII.1979.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. «Правда», 22.VIII.1978.

¹⁹ Цит. там же, 22.VII.1978.

В западной прессе сообщалось о намерении США укрепить военно-политический блок АНЗЮС (США, Австралия, Новая Зеландия) и расширить его за счет включения в него Японии. Обсуждалась также идея о придании «Ассоциации государств ЮВА» (АСЕАН) военно-политического характера. Расширяется военная помощь некоторым из этих стран на двусторонней основе. Используя раздуваемый Китаем миф об «угрозе» странам АСЕАН со стороны СРВ, США расширяют поставки им вооружения, пытаются скоординировать их военную политику в целях противопоставления их социалистическим странам Индокитая. В период обострения обстановки в Индокитае в конце 1978 г. США добились заключения соглашения о продлении пользования вооруженных сил США военными базами на Филиппинах. Этими базами пользуется, в частности, американский 7-й флот, начавший в июле 1979 г. по приказу Картера провокационную военно-политическую демонстрацию «по спасению беженцев» у берегов СРВ. Одновременно продолжается расширение американской военно-воздушной и военно-морской базы на острове Диего-Гарсия в центре Индийского океана.

По данным зарубежных источников, на американских базах и объектах в настоящее время в Азии находится примерно 1800 единиц ядерного оружия, не считая тактического ядерного оружия, приданного кораблям Тихоокеанского флота США.

Ситуация в Корее и вокруг нее, таким образом, складывается так, что миролюбивому и справедливому курсу политики правительства КНДР реально противостоят США, Япония и идущие на поводу у них южнокорейский режим и маоистский Китай.

Демонстрация силы на Корейском полуострове под надуманными предлогами «советской военной угрозы» или «угрозы с Севера» не может рассматриваться иначе, как скользжение администрации Картера по ледовой горке, сооружаемой теми силами в США, которые выступают против разрядки, пытаются вернуть мир к времени «холодной войны». Подобного рода акции США резко противоречат общему состоянию советско-американских отношений, которое, по нашему твердому убеждению, должно было бы определяться прежде всего результатами состоявшейся 15—18 июня с. г. в Вене встречи и переговоров Л. И. Брежнева с Дж. Картером. А в совместном коммюнике об итогах венских переговоров было зафиксировано важное положение о том, что ни одна сторона «не будет стремиться к военному превосходству».

Советский Союз противопоставляет политике нагнетания напряженности и военного противоборства на Корейском полуострове совершенно иную линию — линию на упрочение мира, на распространение разрядки и на этот исключительно важный для судеб мира, взрывоопасный район Дальнего Востока. В борьбе за осуществление мирного национального воссоединения, упрочение мира на Корейском полуострове КНДР не одинока. На ее стороне интернациональная поддержка Советского Союза, всех стран социалистического содружества, большинства неприсоединившихся государств. Мир на Корейском полуострове и мирное объединение Кореи являются общим желанием всего корейского народа и всех миролюбивых народов мира.

Китай на ЮНКТАД-V

М. А. Андреев

В мае — июне этого года в Маниле состоялась пятая сессия Конференции ООН по торговле и развитию. Повестка дня ЮНКТАД-V включала более 20 вопросов, среди них — оценка состояния мировой экономики и международных экономических отношений, протекционизм в мировой торговле, многосторонние торговые переговоры, реализация интегрированной программы по сырьевым товарам, доступ готовых изделий и полуфабрикатов на мировые рынки, валютно-финансовые отношения, обмен технологией, морское судоходство, специальные меры в помощь наименее развитым внутриконтинентальным и островным развивающимся странам, торговля между государствами с различными социальными системами, экономическое сотрудничество развивающихся стран. На конференции проявилось углубление противоречий между развивающимися и развитыми капиталистическими государствами, что нашло выражение в ужесточении и конкретизации требований освободившихся стран перестроить международные экономические отношения на демократических началах.

После ЮНКТАД-IV в Найроби (Кения, 1976) кризис внешней политики Китая еще более углубился, и это поставило китайскую делегацию на ЮНКТАД-V в особые условия. Прежде всего стала фактом переориентация внешнеэкономических связей Китая на империалистические державы. В сочетании с политическим блокированием Пекина с Западом эта переориентация вызвала молчаливое, но устойчивое недовольство большинства освободившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. Агрессия Китая против СРВ весной 1979 г. развеяла распространяемые пекинской пропагандой мифы о миролюбии Китая, и развивающиеся страны воочию убедились, что он стал источником напряженности во всем мире, особенно в Азии. Инспирируемая Пекином массовая нелегальная эмиграция населения китайской национальности из Вьетнама и Кампучии в страны Юго-Восточной Азии создала дополнительные сложные проблемы политического и экономического характера для соседних с Китаем азиатских развивающихся стран, в том числе для Филиппин — страны, где проходила ЮНКТАД-V.

На двух предыдущих сессиях ЮНКТАД — в Чили (1972) и Кении (1976) — Китай разочаровал развивающиеся страны своим крикливым, но неконструктивным подходом к решению проблемы перестройки международных экономических отношений на демократических началах. Он не внес никаких позитивных предложений по коренным вопросам международных экономических отношений и стремился лишь к ревизии накопленного положительного опыта развивающихся стран в борьбе за ликвидацию их неравноправного положения в международном капиталистическом разделении труда, пытаясь получить поддержку развивающихся стран в своих великодержавных маневрах в духе маоистской теории «трех миров». Эти маневры Пекина в ЮНКТАД не получили сколько-нибудь существенной поддержки.

В связи с этим Китай оказался в изоляции в отношении представительства его интересов в ЮНКТАД и оперативного сотрудничества с другими странами в органах конференции.

Как известно, в соответствии с общепринятым делением государств современного мира на социалистические, развивающиеся и развитые капиталистические в рабочих органах ЮНКТАД сложилось несколько крупных групп, представляющих интересы государств с однотипной социально-экономической системой. Социалистические страны — члены СЭВ представлены преимущественно в группе «D». Развитые капиталистические государства — США, страны — члены Европейского Экономического Сообщества, скандинавские страны, Канада, Япония, Австралия и Новая Зеландия — входят в группу «B». Развивающиеся страны Азии и Африки (группа «A») и Латинской Америки (группа «C») выступают единым фронтом в составе укрупненной группы 77, в которую сейчас входят 119 развивающихся стран. В ЮНКТАД, насчитывающей сейчас 159 государств-членов, Китай, проводящий особый внешнеполитический курс, не смог вступить ни в одну из указанных групп. Следуя своей антисоциалистической линии в международных делах, он отказался вступить в группу «D», выражающую интересы социалистических государств. А группа 77 воздерживается от принятия в свой состав Китая, несмотря на его желание войти в нее и получить статус развивающейся страны. По многим причинам Китай не стремится к членству в группе «B», да и сами развитые капиталистические страны не хотят этого. И Китаю не оставалось в ЮНКТАД ничего другого, как выступить обособленно. Как отмечает филиппинская печать, Китай участвует в конференции, «имея свою собственную группу, единственным членом которой является он сам». Малайзийская печать, характеризуя организационный механизм ЮНКТАД на ее пятой сессии, отмечала, что в каждом переговорном комитете группа 77 будет иметь перед собой представителей главных капиталистических держав, объединенных в одну группу, представителей социалистических стран, объединенных в другую группу, и представителя Китая, выступающего «от своего собственного имени»¹. Для того чтобы представить себе степень изоляции Китая в ЮНКТАД, напомним, что в таком же положении в этой организации находится только одна страна — Израиль.

Этот статус Китая в ЮНКТАД дает ему, возможно, два тактических преимущества — самостоятельное представительство во всех рабочих органах конференции и максимально точное выражение его позиции по обсуждаемым вопросам, поскольку он не связан интересами и взглядами никаких других стран.

Ряд фактов свидетельствует о том, что Китай тщательно готовился к ЮНКТАД-V. Это была третья сессия конференции, в которой Китай принимал участие, и теперь ему уже нельзя было сослаться на незнание процедуры и существа обсуждаемых вопросов конференции, как это было на предыдущих двух сессиях. Как известно, ЮНКТАД-V получила приветствие от Хуа Гофэна с пожеланием успеха в работе конференции. Китайская делегация на пятой сессии была довольно многочисленной (24 человека) и представительной. Ее возглавлял заместитель министра внешней торговли Лю Сивэнь. В состав делегации входили ответственные сотрудники министерств иностранных дел и внешней торговли, Банка Китая, научно-исследовательского института международной торговли, постоянного представительства КНР при международных организациях в Женеве и руководители китайского посольства на Филиппинах. По своему составу китайская делегация, бесспорно, была компетентной, располагала необходимыми полномочиями по обсуждае-

¹ In: "The Manila Journal", 21—27.V.1979; "Philippine Panorama", 13.V.1979, p. 38; "Business Times", 14.V.1979.

мым проблемам и возможностями для выполнения данных ей Пекином директив и указаний.

Кроме того, Китай приурочил к конференции проведение ряда мероприятий в рамках китайско-филиппинских отношений, с тем чтобы создать благоприятную обстановку для работы китайской делегации. В первые дни работы конференции в Маниле было подписано соглашение об установлении прямого авиасообщения между Китаем и Филиппинами. Глава китайской делегации провел переговоры с министром торговли Филиппин, в ходе которых китайская сторона выразила намерение закупить у этой страны 60 тыс. т медного концентрата, лесоматериалы, хромовую руду, ферросиликон, 200 тыс. т сахара-сырца и поставить ей ряд китайских товаров. В предварительном порядке был также обсужден вопрос об использовании китайских судов для перевозки на льготных условиях² филиппинских внешнеторговых грузов в западноевропейские порты. В мае в Маниле и других городах гастролировала группа китайских цирковых артистов из Ухани, прибывшая на Филиппины по приглашению местных организаций. Китайская дипломатия в ходе подготовки к ЮНКТАД-V настойчиво боролась за свое представительство во всех руководящих органах конференции. В бюро конференции, насчитывающем 35 членов, Китай получил отдельное место. Китай вошел в Комитет по проверке полномочий делегаций. Наконец, Китай получил самостоятельное представительство и в комитете 19, руководимом председателем конференции министром иностранных дел Филиппин К. Ромуло и созданном на заключительном этапе конференции для урегулирования нерешенных вопросов.

Все это говорило о продуманной и тщательной подготовке Китая к ЮНКТАД-V.

Позицию китайской делегации на конференции определили два основных факта — приверженность Китая маоистской теории «трех миров» и переориентация внешнеэкономических связей Китая на развитые капиталистические государства.

Китайская поддержка развивающихся стран на ЮНКТАД-V была не столь широкой и энергичной, как это было на предыдущих сессиях, по ряду вопросов Китай резко разошелся с развивающимися странами.

Китайская делегация традиционно поддерживала требование развивающихся стран о перестройке международных экономических отношений, однако на этот раз более умеренно по тону и кругу вопросов. Китай поддержал платформу развивающихся стран на ЮНКТАД-V, изложенную в «Арушской программе коллективного самообеспечения и рамок для переговоров», принятой в феврале 1979 г. на министерской конференции стран Азии, Африки и Латинской Америки. Как было заявлено, «китайская делегация одобряет этот документ. Мы считаем, что выпуском этого документа группа 77 внесла вклад в работу ЮНКТАД, и мы согласны принять его за основу нашей дискуссии на нынешней сессии». Примечательно, что по большинству вопросов в оценке состояния мировой экономики и международной торговли, а также мер по перестройке международных экономических отношений китайская делегация не вышла за рамки Арушской программы, то есть не пошла дальше развивающихся стран.

Китай особо поддержал намерение развивающихся стран форсировать экономическое сотрудничество в рамках группы 77, которое «играет позитивную роль в перестройке старых международных экономических отношений, в установлении нового экономического порядка и развитии национальной экономики стран третьего мира», но не взял на себя никаких конкретных обязательств по поддержанию экономического сотрудничества развивающихся стран. Как заявил китайский предста-

² In: "Bulletin today", 22.V.1979.

витель, «установление нового международного экономического порядка — это общее стремление и требование всех развивающихся стран, оно стало необратимой исторической тенденцией, но каждый должен учитывать трудность и многообразие борьбы».

«Своим вкладом в эту борьбу Китай, по-видимому, считает толкование проблем международных экономических отношений в духе теории «трех миров», он стремится вложить в концепцию коллективного самообеспечения развивающихся стран дух маоистской теории «опоры на собственные силы». С этой целью китайская делегация на ЮНКТАД-V по-прежнему пропагандировала теорию «опоры на собственные силы», упоминая о твердой приверженности Китая «политике самостоятельности», «опоры на собственные силы», «учета реальности», «лучше спланированной и сбалансированной манеры хозяйствования».

Вместе с тем Китай был вынужден признать, что он «будет учиться на полезном опыте зарубежных стран и импортировать передовую иностранную технологию и оборудование... будет широко осуществлять экономический обмен, экономическое и технологическое сотрудничество», но умолчал о том, что этот обмен и сотрудничество он будет осуществлять и уже осуществляет с империалистическими державами, а не с развивающимися странами. Для развивающихся стран все более очевидно, что «опора на собственные силы» в маоистской трактовке не применима на почве их экономики, нуждающейся в регулярном и интенсивном обмене с остальным миром, что Китай не способен компенсировать потери развивающихся стран в случае следования рецептам «опоры на собственные силы» и что в самом Китае «опора на собственные силы» уже потерпела крах и маоисты отходят от нее все больше и больше. В этих условиях рекомендации китайской делегации в духе «опоры на собственные силы» не получили на ЮНКТАД-V одобрения развивающихся стран, а, скорее, вызвали скрытое раздражение их делегатов.

Китай поддержал предложения развивающихся стран относительно перестройки международных экономических отношений, устранения ограничительной деловой практики и протекционизма некоторых развитых капиталистических держав в области импорта готовых изделий и полуфабрикатов из стран Азии, Африки и Латинской Америки, реформы валютно-финансовой системы капитализма с учетом интересов развивающихся стран, а также их намерение сделать «Программу действий по установлению нового международного экономического порядка» «центральным элементом» развития ООН на 80-е годы. Это явно недостаточный вклад в «выработку честных и равноправных правил и процедур в интересах экономического процветания и развития мира», на чем настаивала китайская делегация на ЮНКТАД-V.

Китай по-прежнему претендует на признание его развивающейся страной.

На ЮНКТАД-V китайская делегация оказалась не в состоянии своими конкретными действиями подтвердить тезис маоистской пропаганды о неизменной и действенной поддержке Китаем борьбы развивающихся стран за перестройку международных экономических отношений на демократических началах. Единственное конкретное обязательство Китая свелось к заявлению его делегации о готовности КНР присоединиться к Общему фонду по стабилизации цен на сырьевые товары. Как заявил китайский представитель, «мы (Китай. — М. А.) решили стать участником финального и официального соглашения по Общему фонду и внести соответствующим образом определенный взнос». Однако тут же китайский представитель поспешил подчеркнуть: «Все вы знаете, что внешняя торговля Китая составляет очень малую долю мировой торговли. Тем не менее мы хотим предпринять конкретные усилия, какие позволят нам наши возможности, чтобы внести вклад в общее дело стран

«третьего мира» по усилению нашего единства и перестройке старых международных экономических и торговых отношений».

Прежде всего это означает, что взнос Китая в Общий фонд будет близок к минимальной сумме, определенной на переговорах в размере 1 млн. ам. долл. с каждой страны — участницы фонда. Для сравнения отметим, что Филиппины, например, обязались внести в Общий фонд 25 млн. долл. Кроме того, указанное заявление Китая отражает его традиционную позицию уклонения от серьезного, в том числе финансового, участия в решении международных экономических проблем. Как это стало уже обычным для Китая, он дал понять развивающимся странам, что больший вклад в развитие человечества сможет внести только после реализации программы «четырёх модернизаций», то есть после 2000 г. К тому же программа «четырёх модернизаций», и это было подчеркнуто в заявлении китайской делегации на ЮНКТАД-V, испытывает определенные трудности.

Естественно, что такая позиция Китая по конкретным вопросам оказания помощи не вызвала энтузиазма делегатов развивающихся стран.

Китайская делегация на ЮНКТАД-V по двум весьма веским причинам воздержалась от рекламирования опыта экономических отношений Китая с развивающимися странами, хотя обычно такая возможность саморекламы всегда используется им на международных форумах с участием развивающихся стран.

Первая причина этой необычной сдержанности китайской делегации на ЮНКТАД-V состоит в том, что по вине Пекина в его экономических отношениях с развивающимися странами накопилось слишком много очевидных элементов неравенства и эксплуатации. Во внешней торговле это форсирование китайского экспорта в развивающиеся страны за пределы экономически обоснованных потребностей этих стран с применением острых средств внешнеторговой экспансии; упорное сдерживание импорта продукции указанных стран, особенно готовых изделий молодой национальной промышленности; острая и хроническая несбалансированность торговли между Китаем и развивающимися странами в пользу Китая. Китайская программа экономической помощи развивающимся странам характеризуется весьма скромными и убывающими масштабами, большим разрывом между обещанной и использованной помощью, отсталым натурально-вещественным содержанием и концентрацией на китайском полюсе выгод и привилегий, вытекающих из этой формы экономического обмена. Через комплекс зарубежной собственности и пропекински настроенные слои зарубежной китайской буржуазии Китай участвует в эксплуатации народов освободившихся стран и получает эксплуататорские доходы в размере 1—1,2 млрд. ам. долл. в год. Это обстоятельство обесценивает китайскую экономическую помощь развивающимся странам и, более того, дезавуирует все заверения Пекина о взаимовыгодном и равноправном характере экономического обмена между Китаем и освободившимися странами. Подход Китая к экономическому сотрудничеству развивающихся стран отличается лицемерием: подталкивая эти страны к всемерному обострению отношений с внешним миром, прежде всего с социалистическими государствами, он одновременно уклоняется от реальной поддержки этого сотрудничества и тем самым наносит развивающимся странам серьезный экономический урон. Опасаясь публичного разоблачения многочисленных элементов неравенства и эксплуатации Китаем развивающихся стран, китайская делегация сочла целесообразным не касаться деталей экономических отношений Китая с развивающимися странами на ЮНКТАД-V.

Вторая причина сдержанности китайской делегации на ЮНКТАД-V в этом вопросе кроется в том, что после ЮНКТАД-IV Китай завершил переориентацию своих внешнеэкономических связей на развитие капиталистические государства, и это обстоятельство, как хорошо понимают

развивающиеся страны, автоматически ведет к сокращению отношений Китая с ними. Указанная переориентация и ее отрицательные последствия для развивающихся стран — не секрет для последних, и китайская делегация, не желая навлечь на себя острую критику со стороны группы 77, и по этой причине сочла за благо отмалчиваться, а не заниматься саморекламой.

Новым моментом в позиции Китая на ЮНКТАД-V было то, что он недвусмысленно разошелся с группой 77 в оценке подхода развитых капиталистических стран к решению внешнеэкономических проблем развивающихся государств. Это расхождение между Китаем и развивающимися странами нельзя объяснить случайным промахом или неосведомленностью Китая, поскольку еще в Арушской программе, принятой за 3 месяца до начала ЮНКТАД-V, развивающиеся страны четко изложили свою позицию по второму вопросу.

Как известно, в Арушской программе подвергнуты острой критике все основные аспекты внешнеэкономической политики империалистических держав в отношении развивающихся стран. Группа 77 отмечала, что мировое капиталистическое хозяйство переживает наиболее сильный после второй мировой войны экономический кризис. Запад упорно противодействует установлению нового международного экономического порядка, блокирует успешное завершение переговоров по конкретным проблемам рестройки международных экономических отношений, игнорирует выполнение уже принятых решений, перекладывает бремя кризисных явлений в развитых капиталистических странах на развивающиеся страны и т. д.³ В выступлениях подавляющего большинства делегатов развивающихся стран на сессии обоснованно прозвучал тезис о том, что отсутствие у империалистических держав «политической воли» препятствует перестройке международных экономических отношений на демократических началах. Такая позиция Запада на ЮНКТАД-V не позволила развивающимся странам продвинуться вперед по многим важным вопросам.

На фоне этой обоснованной критики позиции империалистических держав резким диссонансом прозвучала на ЮНКТАД-V оценка китайским представителем нынешних экономических отношений между развивающимися и развитыми капиталистическими государствами. По его мнению, «в последние годы ряд развитых стран продемонстрировал реалистический подход к решению некоторых международных экономических проблем. В различной степени они откликнулись на призывы развивающихся стран, улучшая тем самым свое сотрудничество с последними. В эти годы отмечен заметный рост в экономическом и торговом обмене между Европейским Экономическим Сообществом и афро-арабскими странами. То же самое имеет место в отношениях между странами Северной Европы и района Азии и Тихого океана (то есть Японией, Австралией, Новой Зеландией, а также Канадой и США. — М. А.) с развивающимися странами. Дюжина развитых стран аннулировала долги некоторых наименее развитых из развивающихся стран, и это создает благоприятную атмосферу для диалога между Севером и Югом».

Оценка Китая резко противоречит оценке освободившихся стран. Она никак не подтвердилась и итогами ЮНКТАД-V, которая проходила в обстановке острых противоречий между развивающимися и империалистическими государствами, в результате чего не были приняты резолюции по многим важным вопросам повестки дня конференции.

Китайская делегация пошла дальше, взяв, по сути дела, под свою защиту негативную позицию развитых капиталистических стран по проблемам нового экономического порядка. В унисон заявлениям делегатов этих стран Китай отметил, что последствия экономического

³ См. Документ ЮНКТАД ТД/236, с. 1—6.

кризиса мешают Западу занять более конструктивную позицию по обсуждаемым вопросам, то есть практически солидаризировался в этом с развитыми капиталистическими державами. Заявления китайских делегатов просто регистрировали многочисленные трудности развивающихся стран в сфере международных экономических отношений, но не скрывали истинных причин этих трудностей и не намечали конкретные пути их преодоления.

Изменение позиции Китая по отношению к развитым капиталистическим государствам на ЮНКТАД-V не прошло мимо внимания развивающихся стран. Малайзийская печать писала: «Китай сегодня хвалил некоторые развитые страны за реалистический подход к мировым экономическим проблемам... Он, в частности, отметил рост экономического и торгового обмена между Европейским Экономическим Сообществом и афро-арабскими странами»⁴. По оценке индийской прессы, ничего неожиданного не было в позиции представителей Китая, который уже давно прекратил оказание помощи развивающимся странам. Позиция, занятая Китаем на сессии ЮНКТАД, еще раз показала, насколько близко Пекин сошелся с неокOLONИальными державами и как враждебен он теперь истинным интересам развивающихся стран⁵.

Внешнеэкономическая переориентация Китая на Запад, ставшая фактом в последние годы, вынуждает его вместе с развитыми капиталистическими государствами сдерживать принятие и реализацию решений в пользу развивающихся стран. Кроме того, логика маоистской теории «трех миров», согласно которой развивающиеся страны должны тесно сотрудничать со «вторым миром», куда Пекин включает все развитые капиталистические государства, за исключением США, завела Китай в тупик, так что он вынужден вопреки очевидным фактам сеять вредные иллюзии среди развивающихся стран и одновременно брать под свою защиту развитые капиталистические государства.

На ЮНКТАД-V Китай фактически заявил о сужении сферы и уровня своего экономического и политического сотрудничества с освободившимися государствами и одновременно недвусмысленно дал понять, что готов к развитию интенсивных отношений с Западом в ущерб интересам народов Азии, Африки и Латинской Америки. Эта готовность Пекина к блокированию с Западом столь велика, что на ЮНКТАД-V он взялся защищать интересы империалистических держав, пытавшихся отстоять колониальную систему международных экономических отношений и помешать начавшейся перестройке этих отношений на демократических началах. Если такая тенденция сохранится и впредь, то на следующей сессии ЮНКТАД Китай может оказаться ближе к группе «В», чем к группе 77. На ЮНКТАД-V Китай в очередной раз предал интересы развивающихся стран и открыто взял на себя роль адвоката Запада.

Китайская делегация в духе маоистской теории «трех миров» пыталась объяснить все трудности международных экономических отношений маневрами и происками «сверхдержав», хотя для всех делегаций на конференции была очевидна несостоятельность и вредность подобной трактовки дел в международных экономических отношениях. На ЮНКТАД-V критика китайской делегацией сверхдержав была, однако, безымянной и более умеренной, чем в прошлом. По мнению главы китайской делегации Лю Сивэня, «сверхдержавы делают все от них зависящее, чтобы переложить бремя своего экономического кризиса на плечи других, и тем самым серьезно влияют на экономическое развитие «третьего мира» и дальнейшее увеличение разрыва между богатыми и бедными странами». Поскольку народное хозяйство социалистических стран, в том числе и Советского Союза, развивается бескризисно и они

⁴ "Business Times", 11.V.1979.

⁵ См. «Правда», 17.IV.1979.

не участвовали в колониальном ограблении народов развивающихся стран, как не участвуют они и в неоколониалистской эксплуатации народов этих же стран, маоистская критика «сверхдержав» по этому пункту к Советскому Союзу не относится. Китайский представитель заявил далее: «Сверхдержавы» никогда добровольно не откажутся от своей монополии и контроля над международной экономической и торговой системой. Даже сейчас они упорно пытаются сопротивляться обоснованным требованиям развивающихся стран. Возьмем, например, проблему Общего фонда. Одна из сверхдержав прекратила свое упорное сопротивление и с неохотой в принципе признала Общий фонд только под давлением совместной борьбы стран «третьего мира», другая признала этот фонд только на словах, а в действительности отказалась взять на себя обязательства по важным положениям об источниках финансирования Общего фонда. Естественно, что эта практика — говорить одно, а делать другое — вызывает недовольство и возмущение все большего числа развивающихся стран».

Это высказывание китайского представителя, если он имел в виду Советский Союз, фальсифицирует существо советской позиции по вопросу об Общем фонде и потому является клеветническим заявлением, с которыми Китай так часто выступает на международной арене. Наконец, обличения китайского делегата относительно отказа «сверхдержав» отменить протекционистские барьеры в международной торговле также не имеют никакого отношения к Советскому Союзу, который еще в середине 60-х годов, как это известно всему миру, установил для развивающихся стран максимально благоприятный таможенный режим торговли.

В подходе китайской делегации на ЮНКТАД-V к «сверхдержавам» примечательно не содержание беспочвенной, как обычно, критики внешнеполитической деятельности Советского Союза, который Китай стремится представить в глазах мирового общественного мнения в обличье «сверхдержавы», а частота, с которой США и СССР упоминаются в качестве «сверхдержав». Соотношение между ними таково: 3 упоминания США и 1 упоминание Советского Союза.

В преддверии советско-китайских переговоров по вопросам двусторонних межгосударственных отношений СССР и Китая китайская делегация на ЮНКТАД-V, по-видимому, имела инструкцию выдерживать умеренный тон в критике СССР. Хотя и в заявлении главы китайской делегации на пленарном заседании ЮНКТАД-V от 10 мая с. г., и в выступлениях китайских представителей в переговорных группах упоминались «сверхдержавы», Советский Союз, однако, не отождествлялся с ними, за одним, да и то более чем сомнительным, исключением. Более того, китайские делегаты вопреки их обычной тактике развертывания ожесточенной полемики с советскими представителями по многим вопросам на этот раз явно уклонялись от полемики и даже не отвечали на критику в адрес Китая. На одном из заседаний шестой переговорной группы при обсуждении проекта резолюции о специальных мерах в пользу внутриконтинентальных развивающихся стран представитель группы «D» заявил, что одна крупная азиатская держава, имеющая общую границу с такими внутриконтинентальными странами, как Афганистан, Непал, Бутан, Лаос и Монголия, нагнетает напряженность на границах с соседями и тем самым препятствует успешному решению специфических проблем этих стран. Китайский представитель, взявший слово сразу же после заявления представителя группы «D», никак не комментировал это заявление, что необычно для поведения Китая на международных конференциях.

Похоже, что красноречие китайской дипломатии относительно «сверхдержав» в духе маоистской теории «трех миров» начинает иссякать, поскольку даже Пекину становится очевидной бесплодность тезиса

«СССР — «сверхдержава», а в этом, судя по прошлому опыту, состоит для маоистов главная ценность теорий «двух сверхдержав» и «трех миров». Этот нюанс позиции китайской делегации на ЮНКТАД-V заслуживает дальнейшего изучения при одновременном разоблачении маоистских тезисов о «сверхдержавах» и «трех мирах».

По давно сложившейся традиции Китай и на ЮНКТАД-V не удержался от внесения в дискуссию по экономическим вопросам политических проблем. Китайская делегация привезла на ЮНКТАД-V «представителя» свергнутого преступного режима Пол Пота — Иенг Сари и в кулуарах конференции развернула кампанию по так называемому «кампучийскому вопросу». Китайские представители при этом опирались на негласную поддержку некоторых западных держав и использовали ошибочную позицию ООН по этому вопросу. Несмотря на рекомендации ряда делегаций социалистических и развивающихся стран, считавших, что обсуждение «кампучийского вопроса» «чуждо целям конференции» и потому следует лишить представителя полпотовского режима возможности выступить на конференции, Китай упорно настаивал на предоставлении слова полпотовскому представителю. По мнению некоторых обозревателей, Пекин намеревался спровоцировать раскол среди делегаций развивающихся стран, рассчитывая, что те страны, которые поддерживают в этом вопросе Вьетнам, объединятся в один блок, а другие развивающиеся страны поддержат режим Пол Пота — Иенг Сари, а значит, и сам Китай и создадут «собственный блок»⁶. Китайской делегации удалось оказать давление на руководство конференции, и на пленарном заседании полпотовскому «представителю» слово было предоставлено.

Однако представитель Болгарии, выступая от имени стран группы «D», заявил, что признание представителя свергнутой клики Пол Пота — Иенг Сари на сессии ЮНКТАД-V — это незаконный акт и проявление враждебного отношения к кампучийскому народу. Игнорирование этой реальности может только внести нежелательные осложнения в работу сессии. Его поддержали представители Вьетнама, Афганистана и Кубы. Тем не менее председатель конференции предоставил полпотовскому «представителю» слово, и тогда делегации социалистических и некоторых развивающихся стран покинули зал заседаний. Само собой разумеется, что выступление «представителя» полпотовского режима было тенденциозным, политизированным и не внесло никакого конструктивного вклада в работу конференции. Позднее председатель конференции К. Ромуло так прокомментировал это: «Имеются второстепенные дела, которые не являются ядром того, что мы сейчас пытаемся решить»⁷. Этим он, по-видимому, объяснял свою уступчивость под нажимом Китая и одновременно выражал мнение большинства делегатов, которые не поддержали китайские маневры вокруг «кампучийского вопроса» и не пошли на раскол, несмотря на провокации китайской делегации. Сам Китай официально по этому вопросу не выступал. Его позиция по так называемому «кампучийскому вопросу» получила должную принципиальную оценку в заявлении министерства иностранных дел Народной Республики Кампучии от 31 мая 1979 г.: «Китайские правители на словах выступают за национальные права Кампучии. В действительности же они являются подстрекателями и единственным источником военной и финансовой помощи клики Пол Пота — Иенг Сари, которых они использовали как лакеев для убийства 3 млн. кампучийцев и для того, чтобы лишить свободы еще 4 млн. кампучийских граждан, а также как плацдарм для осуществления китайской экспансии в Юго-Восточной Азии. Сегодня они продолжают поддерживать остатки армии Пол Пота — Иенг Сари, заставляя их оказывать сопротивление кампучийскому

⁶ In: "Bulletin today", 18.V.1979.

⁷ In: "Philippine Panorama", 27.V.1979.

народу. Они злобно выступают против Народно-Революционного Совета Кампучии, поскольку они потеряли самого услужливого приспешника и свой единственный плацдарм в Юго-Восточной Азии, которые были им нужны для дальнейшего осуществления их политики в этом районе».

Развивающиеся страны не поддержали этот маневр Китая на ЮНКТАД-V по «кампучийскому вопросу» и не пошли на раскол, как этого хотелось бы Пекину.

Под занавес Китай вновь попытался внести политические осложнения в работу конференции. На заседании первой переговорной группы, обсуждавшей проблемы оценки состояния мировой экономики в свете перестройки международных экономических отношений, китайский делегат 1 июня внес предложение включить в обсуждавшийся проект резолюции пункт о выводе иностранных войск и ликвидации военных баз на чужих территориях, пригрозив при этом, что, если оно будет отклонено, Китай откажется поддержать весь проект резолюции по этому вопросу⁸.

Китайское предложение завело в тупик и без того сложную дискуссию по данному вопросу и послужило одной из причин, по которым не была принята резолюция по очень важному пункту повестки дня. Это предложение Пекина не должно проходить через комитет 19, и оно было отнесено к «прочим вопросам» повестки дня ЮНКТАД⁹. Как отмечала филиппинская печать, Китай, который сохранял молчание на протяжении почти всей конференции, резко выступил за включение в проект соглашения о мировой экономической ситуации параграфа, предлагающего устранить колониалистские силы и военные базы из иностранных государств¹⁰.

Реакция развивающихся стран на это предложение оказалась более чем сдержанной. Оно вызвало недоумение. В связи с этим китайская делегация отказалась от своего первоначального намерения внести данное предложение в качестве самостоятельного проекта резолюции для обсуждения на пленарном заседании конференции и ограничилась упоминанием о нем на заключительном заседании конференции утром 3 июня.

В целом китайская делегация в Маниле продемонстрировала глубокое равнодушие к ЮНКТАД и решаемым ею экономическим проблемам, имеющим самое прямое отношение прежде всего к нуждам развивающихся стран. Ни по одному из многочисленных пунктов повестки дня конференции Китай не предложил ни одного проекта резолюции. Китай уклонился от принятия на себя обязанностей председателя и вице-председателя во всех восьми переговорных группах ЮНКТАД-V, где проводилась основная работа по согласованию документов сессии и которые поэтому не без оснований называют «рабочими лошадками» конференции. Активность китайских представителей в работе переговорных групп была крайне низкой. В ряде переговорных групп китайские делегаты либо вообще молчали, либо ограничивались краткими и абстрактными заявлениями. Китайские представители не участвовали в работе ряда редакционных групп по выработке резолюций по конкретным вопросам. Всплески активности китайской делегации наблюдались только в тех редких случаях, когда она стремилась распространить на Китай действие некоторых льгот для развивающихся стран или «политически заострить» определенные экономические проблемы.

Политические маневры Пекина в последние напряженные дни работы конференции только отвлекали внимание делегатов от решения сложных экономических вопросов и тем самым мешали достижению макси-

⁸ In: "Bulletin today", 1.VI.1979.

⁹ Ibid., 2.VI.1979.

¹⁰ In: "Times Journal", 1.VI.1979.

мальных результатов. В этом плане немотивированные политические инициативы Китая на конференции сослужили плохую службу развивающимся странам. В будущем они будут вынуждены принять во внимание убывающую поддержку Китаем их предложений по перестройке международных экономических отношений на демократических началах и появление у него ряда точек соприкосновения с развитыми капиталистическими государствами в сфере международных экономических отношений. Как показала линия китайской делегации на ЮНКТАД-V, Китай в интересах активизации своих экономических отношений с Западом начал отход от своей прежней поддержки инициатив развивающихся стран по перестройке международных экономических отношений на демократических началах. Это — очередное предательство маоистами интересов народов освободившихся стран.

Япония на пороге 80-х годов*

Н. В. Владимир

Истекающие 70-е годы войдут в историю мирового капитализма как десятилетие резкого обострения всех его противоречий, как период серьезных экономических, политических и социальных потрясений в недрах современного буржуазного общества. «Именно в эти годы, — подчеркивается в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева XXV съезду партии, — в капиталистическом мире разразился экономический кризис, остроту и глубину которого, по признанию самих буржуазных деятелей, можно сравнить лишь с кризисом начала 30-х годов. Он распространился одновременно на все основные центры мирового капиталистического хозяйства. Характерно, что кризис такой силы поразил высокоразвитую государственно-монополистическую экономику, сложившуюся в послевоенный период. Капитализм всячески стремился идти, так сказать, в ногу со временем, применять различные методы регулирования экономики. Это позволяло стимулировать экономический рост, но, как и предвидели коммунисты, не смогло устранить противоречий капитализма. Резкое сокращение производства и рост безработицы в большинстве капиталистических стран переплелись с такими серьезными потрясениями мирового капиталистического хозяйства, как валютный, энергетический, сырьевой кризисы. Особую остроту кризисным процессам придала инфляция. Подогреваемая постоянно растущими военными расходами, она достигла невиданных для мирного времени размеров»¹.

Эта глубоко научная марксистско-ленинская оценка состояния и развития мирового капитализма 70-х годов ярко подтверждается, в частности, на примере современной Японии — второй по уровню ВВП капиталистической державы мира. Важную роль в изучении этой страны, являющейся нашим дальневосточным соседом, играет издаваемый в Советском Союзе с начала текущего десятилетия ежегодник «Япония» — орган Научного совета по координации исследовательских работ в области востоковедения АН СССР. Обращение к этому периодическому изданию, объединяющему всех советских японоведов и завоевавшему солидный авторитет среди широкой читательской аудитории, помогает глубже понять сложный комплекс экономических, политических и социальных проблем, с которыми сталкивается сегодня японская нация, а также лучше представить себе ближайшие перспективы ее развития.

1. От «экономического чуда» к экономическим трудностям

Еще совсем недавно адепты капиталистического строя на все лады трубили о так называемом «японском экономическом чуде». Более по-

* Настоящая статья — обобщенный аналитический обзор основных положений и выводов, содержащихся в материалах семи вышедших в свет ежегодников АН СССР «Япония» («Япопия». Ежегодник, вып. I—VII. Главный редактор — доктор исторических наук И. И. Коваленко. «Наука», 1973—1979).

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.

лутора десятилетий, с середины 50-х до начала 70-х годов, оно было притчей во языцех. Вызванное действием ряда благоприятно сложившихся для Японии временных факторов внутреннего и внешнего порядка (высокая норма накопления, массовое обновление основного капитала, сравнительно низкий уровень зарплаты трудящихся, активная конъюнктура на внешних рынках и другие) и проявлявшееся в небывало высоких темпах роста японской экономики, это «чудо» усиленно пропагандировалось мировой и японской буржуазией как доказательство «возможности» бескризисного развития капитализма и его стабилизации в условиях современной научно-технической революции. Последняя в свою очередь преподносилась как панацея. Все это, вместе взятое, использовалось для обоснования новой теоретической концепции превращения высоких темпов экономического роста в нормальное явление, якобы присущее современному капиталистическому обществу.

Жизнь полностью опровергла эти антинаучные измышления. Уже с наступлением 70-х годов большая часть вышеуказанных факторов, носивших временный характер, перестала действовать. В результате Япония стала испытывать все более серьезные экономические трудности. Осенью 1970 г. обнаружилось перепроизводство целого ряда видов промышленной продукции. Многие компании заметно ограничили свою деятельность. Это затронуло прежде всего ключевые отрасли — черную металлургию, машиностроение, химию, промышленность стройматериалов и др. Во второй половине 1970 г. темпы роста промышленного производства резко снизились, а в последние месяцы этого года рост прекратился совсем. Спад деловой активности продолжался и в 1971 г. Он оказался самым глубоким и продолжительным спадом из всех, которые до этого испытывала японская экономика. Его непосредственными результатами явились резкое увеличение числа банкротств мелких и средних предприятий, заметное ослабление инвестиционного бума и усиление так называемой «стагфляции» — неимоверного роста розничных цен в условиях делового спада.

Лишь всестороннее вмешательство правительства, выразившееся в ликвидации контроля за предоставлением кредитов коммерческими банками, в понижении официального банковского процента, четырехкратном понижении официальных банковских ставок, а следовательно, и ставок коммерческих банков, и осуществление других стимулирующих мер позволили на время выправить положение и оживить деловую конъюнктуру.

В последовавший за спадом 1970—1971 гг. период, в частности в 1973 г., развитие японской экономики достигло своего послевоенного пика. По сравнению с предыдущим годом общий уровень промышленного производства вырос более чем на 17%. В стране было выработано 368 млрд. кВт·ч электроэнергии, произведено почти 90 млн. т чугуна и 120 млн. т стали, 91 млн. т стального проката, 24,5 млн. радиоприемников и 12,5 млн. телевизоров, спущено на воду почти 16 млн. бр.-рег. т судов, произведено более 7 млн. автомобилей (в том числе 4,5 млн. легковых), более 77 млн. т цемента, 470 тыс. кв. м шерстяных тканей и т. д.

Однако уже в декабре 1973 г. в Японии начался небывало глубокий для послевоенных лет затяжной экономический кризис. Он продолжался до февраля 1975 г., то есть в течение пятнадцати месяцев, а затем сменился периодом трудного и весьма медленного восстановления.

О глубине разразившегося кризиса свидетельствовала степень падения промышленного производства. За 15 указанных месяцев падение достигло 22,8%, в то время как за 22 месяца самого глубокого в истории страны циклического кризиса 1929—1931 гг. оно составило 10,7%. Заметим, что в США этот показатель равнялся 13,5%, в ФРГ — 10,5%, в Англии — 7,5%.

Затяжной характер кризиса проявился в необычной для Японии неустойчивости и замедленности выхода из кризисной фазы цикла. В ходе начавшегося с марта 1975 г. восстановления чрезвычайно вяло рос, в частности, объем капитальных вложений (3,1 % в 1976 г., менее 5 % в 1977 г. и т. д.). Личное потребление населения возрастало всего на 3—4 % в год. Вплоть до начала 1978 г. крайне низким был уровень загрузки производственных мощностей. В обрабатывающей промышленности, например, не использовалась пятая часть всего оборудования. Предкризисный максимум промышленного производства (ноябрь 1973) был пройден лишь в самом конце 1977 г. Для преодоления кризиса Японии понадобилось, таким образом, 34 месяца. Всего же с начала кризиса и до его окончания прошло 50 месяцев. Аналогичные показатели для США, Франции и ФРГ соответственно составляли 13 и 22, 15 и 24, 13 и 21 месяц. Иначе говоря, японская экономика вернулась к докризисному уровню значительно позднее, чем экономика других высокоразвитых капиталистических стран.

Обострившийся в результате переплетения с мировыми энергетическим, сырьевым и структурным кризисами, циклический кризис 1974—1975 гг. сказался на всем социально-экономическом развитии Японии. Особенно пагубное влияние он оказал на положение широких слоев трудового населения. Достаточно сказать, что как в годы кризиса, так и в период восстановления, длившийся до конца 1977 г., многие семьи трудящихся испытали на себе резкое сокращение доходов. Небывалых размеров достигла безработица. Даже согласно официальной статистике, не говоря уже о годах кризиса, в 1976—1978 гг. она превышала 1,2 млн. человек, составляя 2,2% всей рабочей силы. Фактически же уровень полной безработицы был значительно выше. По данным демократических организаций, в указанные годы он достигал 4—5 млн. человек. Резко выросли цены на продукты питания, предметы первой необходимости и услуги. Катастрофически возросло число банкротств мелких и средних предприятий.

Кризис 1974—1975 гг. нанес, таким образом, сокрушительный удар по мифологическим измышлениям о стабилизации современного капитализма и возможности создания в его условиях «общества всеобщего процветания». «Теперь все видят: опровергнут один из главных мифов, созданных реформистами и буржуазными идеологами, — миф о том, будто капитализм наших дней способен избавиться от кризисов. Нестабильность капитализма становится все более очевидной. Обещания «оздоровить» капитализм и создать в его рамках «общество всеобщего благоденствия» потерпели очевидный провал. Тяжкое бремя легло на плечи народных масс»².

Этот общий для капитализма 70-х годов вывод XXV съезда КПСС особенно ярко подтверждается на примере сегодняшней Японии. Об этом свидетельствует, в частности, истекающее десятилетие, ознаменовавшееся резким переломом в развитии японской экономики. Так называемое «экономическое чудо», на которое правящие круги страны возлагали немало надежд, сменилось периодом сравнительно низких темпов роста и серьезных экономических трудностей, которые будут лишь возрастать. Иными словами, экономика страны вступила в новый, тревожный этап своего развития. Указанный перелом сказался и на всех других сферах жизни современного японского общества.

² Материалы XXV съезда КПСС, с. 28.

2. Падение влияния правящей партии и обострение внутривластной борьбы

Семидесятые годы ознаменовались не только началом нового этапа экономического развития Японии, но и существенными изменениями во внутривластной жизни японской нации. И это вполне закономерно. Сдвиги в экономике породили и сдвиги на внутривластной арене. Главным из них является резкое ослабление политического влияния правящей Либерально-демократической партии (ЛДП), представляющей интересы монополий, и обострение в связи с этим внутривластной борьбы. Речь идет не только о количественных изменениях, но и о назревании качественно новой обстановки, ставящей под вопрос прочность однопартийного правления либерал-демократов.

На протяжении более чем двух десятилетий, со времени ее основания (1955) и до начала второй половины 70-х годов, ЛДП сравнительно прочно удерживала политическую власть и беспрепятственно осуществляла однопартийное правление. Это объяснялось действием ряда благоприятно сложившихся для нее временных факторов. Главным из них явилась высокая экономическая конъюнктура в стране. Она позволяла либерал-демократам выдавать себя за организаторов определенных позитивных сдвигов в жизни трудящихся. Это способствовало росту их авторитета.

Однако во второй половине 60-х годов начался процесс постепенного ослабления политических позиций ЛДП. Это проявилось прежде всего в падении ее влияния как в парламенте, так и в местных органах власти. Кульминационными пунктами этого процесса явились небывалые поражения ЛДП на всеобщих выборах в нижнюю палату парламента в декабре 1976 г. и в верхнюю палату в июле 1977 г. Впервые в истории своего существования партия получила тогда в обеих палатах меньше половины всех депутатских мест. Только присоединение к либерал-демократам после выборов нескольких «независимых» депутатов позволило им получить здесь крайне неустойчивое большинство.

Далеко не прочны позиции ЛДП и в местных органах власти. Несмотря на некоторый успех во время последних выборов в апреле 1979 г., она обладает большинством депутатских мандатов лишь в префектуральных собраниях. В законодательных органах специальных округов, в городских собраниях крупных городов, а также в городских и сельских муниципалитетах ее влияние по-прежнему слабо.

Ослабление политических позиций ЛДП объясняется рядом причин. Серьезный удар по престижу правящей партии нанесло прежде всего резкое ухудшение экономической конъюнктуры в стране. Кризис 1974—1975 гг., а также последовавшее за ним неустойчивое и длительное восстановление подтвердили несостоятельность демагогических обещаний ЛДП «оздоровить капитализм» и создать в его рамках «общество всеобщего процветания». Более того, они еще раз наглядно продемонстрировали антинародный характер ее политики — поисков выхода из экономических трудностей путем усиления эксплуатации трудящихся масс и наступления на жизненный уровень народа. Все это не могло не вызвать недовольства широких народных масс ее деятельностью.

Не менее серьезной причиной ослабления политического влияния ЛДП явилось обострение внутривластных разногласий, в частности небывалое усиление фракционной борьбы. Последняя достигла такой остроты, что привела фактически к расколу партии. В июне 1976 г. из нее демонстративно вышла группа сравнительно молодых членов парламента, образовавших так называемый Новый либеральный клуб (НЛК) — политическую организацию, выступающую за «новую консервативную политику» и подвергающую ЛДП довольно резкой критике за «разрушение системы либерализма».

Наконец, падение влияния ЛДП обусловлено и беспрецедентным усилением политической коррупции, превратившейся в последние годы в норму партийной жизни и пронизывающей всю деятельность правящей партии. Наиболее ярким проявлением этого явился разразившийся незадолго до всеобщих выборов 1976 г. грандиозный скандал, связанный с получением руководителями ЛДП многомиллионных взяток от американской авиационной компании «Локхид» за обеспечение ей заказов в Японии. Он наглядно продемонстрировал продажность ЛДП и серьезно поколебал веру в нее широких слоев японского народа.

Падение влияния либерал-демократов вызвало тревогу у правящих кругов Японии. С целью предотвратить дальнейшее снижение авторитета своей политической партии и восстановить ее позиции в законодательных органах власти они прибегли прежде всего к организационной реформе самой партии. Первым шагом в осуществлении этого беспрецедентного мероприятия стал постепенный самороспуск фракций. К середине апреля 1977 г. они формально прекратили свое существование. Однако незадолго до этого на базе еще не распущенных фракций начался довольно бурный процесс формирования так называемых «групп по изучению политики».

Роспуск прежних фракций и создание на их основе «групп по изучению политики» означали начало нового периода в деятельности ЛДП, периода известной перегруппировки и определенной консолидации сравнительно молодых и наиболее «перспективных» сил партии. Однако указанные группы по своей сущности принципиально не отличаются от прежних фракций, а являются лишь их модифицированной формой. Фракционализм по-прежнему служит основой организационной деятельности ЛДП, поскольку партия продолжает оставаться политическим штабом японской элиты.

С целью восстановления своих позиций в парламенте ЛДП наряду с организационным укреплением партии прилагает немало усилий, чтобы пересмотреть существующую и ввести в стране новую, еще более антидемократическую избирательную систему. В связи с этим консерваторы упорно вынашивают идею создания так называемых «мелких» избирательных округов. Суть этой идеи сводится к тому, чтобы перекроить существующие «средние» избирательные округа, от каждого из которых сейчас избирается по 3—5 депутатов, и образовать такое число округов, чтобы каждый из них посылал в парламент только по одному депутату. Учитывая, что в большинстве избирательных округов по числу полученных голосов первыми проходят кандидаты ЛДП, введение такой системы создало бы для нее еще более выгодные электоральные условия. Это обеспечило бы либерал-демократам большинство мест в парламенте даже при получении менее половины всех голосов избирателей. Демократические силы Японии уже в течение многих лет успешно противостоят осуществлению этих реакционных планов.

Одновременно с укреплением своей политической партии и непрекращающимися попытками пересмотра избирательной системы правящие круги Японии ищут и другие, более реальные пути сохранения своего политического господства. Все серьезнее дискутируется вопрос о неизбежности вступления ЛДП в коалицию с оппозиционными партиями «среднего пути», которые, несмотря на заявления о стремлении к социализму, на деле не отвергают существующих капиталистических порядков, а в конечном итоге выступают в защиту капитализма. Вместе с тем вынашивается идея необходимости создания еще одной консервативной политической партии, которая бы оспаривала власть у ЛДП, то есть об учреждении в стране двухпартийной системы правления наподобие американской.

Развитие внутривнутриполитических событий говорит о том, что японская правящая верхушка не исключает ни того, ни другого пути сохранения политической власти в своих руках. Сегодня, однако, более выгодным для

нее является путь создания коалиции ЛДП с партиями «среднего пути», в частности с Партией демократического социализма (ПДС) и Партией чистой политики (Комэйто).

Учитывая реформистский характер и антикоммунистическую сущность политики этих партий, японские правящие круги делают все возможное для того, чтобы оторвать их от демократического лагеря и привлечь на свою сторону. Для этого они прибегают прежде всего к старому излюбленному методу действия — запугиванию «угрозой коммунизма». Одновременно находящиеся в руках монополистического капитала средства массовой пропаганды раздувают идею необходимости сплочения сил «среднего пути» на антикоммунистической основе.

К сожалению, эти маневры реакции дают свои плоды. Еще в начале 70-х годов как ПДС, так и Комэйто хотя и с различными оговорками, но выступали за сотрудничество с Социалистической партией Японии (СПЯ), против ЛДП. Однако усиленные реверансы последней в сторону этих партий и надежды их лидеров получить министерские посты в консервативном правительстве стали причиной поворота их политического курса на 180 градусов. В начале 1978 г. обе партии отказались от сотрудничества с СПЯ и другими демократическими силами страны и высказались за сотрудничество с ЛДП. Решения об этом были приняты на 15-м съезде Комэйто в январе и на 23-м съезде ПДС в апреле 1978 г. Принятие подобных решений означало не только открытую демонстрацию этими партиями антикоммунистической и антисоциалистической сущности их политики, но и поддержку ими опасных планов японской реакции, направленных на раскол демократического движения страны.

Следующий шаг по пути отступления от своих прежних позиций ПДС и Комэйто сделали в начале 1979 г. На состоявшихся в апреле выборах в местные органы власти они выступили единым фронтом с ЛДП против Коммунистической и Социалистической партий. Для либерал-демократов, стремящихся к расколу демократических сил, такой альянс явился поистине «манной небесной». Он принес им столь необходимый в условиях ослабления их политического влияния пропагандистский успех, который был бы немислим без поддержки со стороны ПДС и Комэйто, без создания центристско-консервативной коалиции, направленной против лево-оппозиционных партий и групп. Особенно важное пропагандистское значение для либерал-демократов имела победа их ставленников на выборах губернаторов Токно и Осака — крупнейших промышленных и культурных центров страны, которые в течение многих лет управлялись совместно представителями демократических сил.

Прошедшие выборы, несколько усилив позиции ЛДП в местных органах власти, существенно не изменили в ее пользу соотношения сил на внутривнутриполитической арене страны. Однако они еще раз продемонстрировали необходимость более прочного единства действий всех демократических сил, и прежде всего политических партий левой оппозиции в лице КПЯ и СПЯ. Важным уроком выборов явилось также саморазоблачение партий «среднего пути» — ПДС и Комэйто, которые перешли на сторону консерваторов, выражающих интересы монополий и отстаивающих устои капиталистического строя. Насколько прочным окажется этот альянс, покажет время. Однако совершенно очевидно, что поддержка этими партиями ЛДП, означающая определенное смещение оси внутривнутриполитической борьбы вправо, серьезно затруднит выступления прогрессивных сил страны за мир, демократию и социальный прогресс.

3. Активизация внешней политики

Основопологающим внешнеполитическим принципом, который официально провозглашен Японией, является так называемая «доктрина многосторонней дипломатии», предусматривающая поддержание и развитие

нормальных взаимоотношений со всеми странами мира. Фактически же в основе японской внешней политики лежит широкое и тесное сотрудничество с Соединенными Штатами Америки на базе японо-американского «договора безопасности», заключенного в январе 1960 г. и автоматически продленного в июне 1970 г.

Этот военно-политический союз между США и Японией, который в соответствии с существующими условиями будет действовать до тех пор, пока одна из сторон не заявит о его денонсации, отвечает классовым интересам как японских, так и американских монополий. Его главная цель заключается в том, чтобы в условиях изменения соотношения сил на мировой арене в пользу мира и социализма обеспечить стабильность империалистического господства в Азии и незыблемость капиталистического строя в Японии. Своим острием он направлен поэтому прежде всего против национально-освободительного движения на Азиатском континенте и против непрерывно растущих сил японской демократии. Вместе с тем он представляет собой серьезную угрозу для безопасности соседних с Японией государств. Достаточно напомнить, что, согласно японо-американскому «договору безопасности», на территории японских островов расположено более ста американских военных баз, создающих очаги напряженности в этом и без того легковоспламеняемом районе мира.

Рассматриваемое десятилетие, ознаменовавшееся ростом экономической мощи Японии и превращением ее в один из трех основных центров межимпериалистического соперничества, характеризуется существенными сдвигами в рамках японо-американского союза, изменением в нем соотношения сил его участников. В отличие от прошлых лет роль Японии в этом альянсе заметно усилилась. Из «младшего партнера» она превратилась в равноправного союзника, который уже не просто следует в фарватере азиатской политики США, но и преследует свои собственные цели, исходя из интересов японского монополистического капитала.

Усиление роли Японии в рамках военно-политического союза с США не могло не привести к росту японо-американских противоречий. Особенно острый характер они приобрели в области торгово-экономических связей, занимающих важное место в общей системе взаимоотношений между двумя странами.

В последние годы многие японские товары (текстиль, различные виды электронной продукции, велосипеды, мотоциклы, автомашины и т. п.) настолько сильно наводнили американский рынок, что нанесли серьезный удар по прибылям американских монополий. «Яблоком раздора» в отношениях между двумя странами стало постоянно образующееся в результате этого значительное активное сальдо торгового баланса в пользу Японии, достигающее в последние годы нескольких миллиардов долларов. В этих условиях правящие круги США прибегают к различным ограничительным акциям, пытаются заставить Японию резко сократить поток ее товаров на американский рынок и как можно шире открыть японский рынок для американских монополий. Во многих случаях эти противоречия приобретают такую остроту, что в конечном итоге выливаются в ожесточенные «торговые войны».

Рассматриваемое десятилетие характеризуется также дальнейшим втягиванием Японии в американскую глобальную стратегию и является началом нового этапа в развитии японо-американского военного сотрудничества. В последние годы под давлением США Япония взяла на себя ряд конкретных обязательств по расширению так называемого «японского участия в делах Азии». Она обязалась, в частности, резко увеличить военные ассигнования, усилить и качественно улучшить созданные в нарушение японской конституции «войска самообороны», взять на себя часть расходов по содержанию американских военных баз на японской территории, активизировать свое участие в военно-политическом союзе с США по линии разработки системы оперативного взаимодействия американ-

ских вооруженных сил и практически возрожденной японской армии, осуществлять часть функций американских войск по проведению противолодочных и противовоздушных операций, закупить новую американскую военную технику и т. п.

Совершенно очевидно, что эти качественно новые и далеко идущие обязательства, которыми себя связала Япония, не могут не привести к ее дальнейшей всесторонней ремилитаризации. Особенно серьезную тревогу всех миролюбивых сил вызывает в связи с этим намерение японских правящих кругов обзавестись собственным термоядерным оружием. Несмотря на официально провозглашенные Японией три принципа политики в области атомного вооружения — не производить, не обладать и не ввозить, вытекающие из мирного духа японской конституции, представители правительства и монополий в последнее время все настойчивее выступают за «обладание собственным ядерным оружием» с целью «оказания давления на другие страны». Такое намерение мотивируется необходимостью привести «недостаточное политическое влияние» Японии на международной арене в соответствие с ее экономической мощью.

Чрезвычайно важное значение правящие круги страны придают усилению экономической экспансии Японии в Юго-Восточную Азию, которую японские монополии считают традиционной зоной своего влияния. Этот район рассматривается ими прежде всего как обширнейший и имеющий огромные потенциальные возможности рынок сбыта японской продукции.

Одновременно он привлекает их своими богатыми природными ресурсами, наличие которых в условиях энергетического и сырьевого кризиса, охватившего капиталистический мир, приобретает для Японии, лишенной собственного сырья, особое значение. Большие надежды связаны и с обилием в этих странах дешевой рабочей силы. В связи с резким ростом цен на землю и обострением проблемы загрязнения окружающей среды в Японии это делает указанный регион все более важным объектом вывоза японского капитала и строительства здесь предприятий с наиболее трудоемкими и загрязняющими природу процессами.

Наконец, Юго-Восточная Азия чрезвычайно важна для Японии и с военно-стратегической точки зрения. Здесь сосредоточены основные узлы жизнеобеспечения страны, здесь проходят главные морские пути снабжения Японии всем необходимым сырьем. В конечном итоге от положения в этом районе мира зависит бесперебойная экономическая жизнь японской нации.

Характерно, что свои экспансионистские планы в отношении стран ЮВА японские правящие круги прикрывают усиленной пропагандой необходимости укрепления дружбы и сотрудничества с этими странами. Главная цель этой пропагандистской кампании сводится к тому, чтобы дипломатическими средствами обеспечить для японских монополий наиболее благоприятные условия эксплуатации богатств этого района мира.

Основное внимание, согласно принятому японским правительством курсу на «выборочное отношение к странам ЮВА», монополистический капитал уделяет развитию связей с азиатскими государствами, входящими в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), — Филиппинами, Таиландом, Малайзией, Сингапуром и Индонезией. Именно эти страны представляют для Японии особый интерес как с торгово-экономической, так и с военно-стратегической точек зрения. Им японские монополии оказывают наиболее щедрую экономическую и техническую помощь. Однако, несмотря на заигрывания Японии, указанные страны, помня уроки прошлого, и в частности хозяйничанье в них японского милитаризма до его поражения во второй мировой войне, испытывают определенную настороженность по отношению к инспирируемому Соединенными Штатами «расширению японского участия в делах Азии». Глубокие опасения за судьбы своей экономики, подвергающейся натиску монополистического

капитала Японии, предопределяют сохранение в этих странах антияпонских настроений.

Особые надежды правящая элита Японии возлагает также на развитие отношений с Китаем. В японских внешнеполитических концепциях 70-х годов КНР занимает одно из главных мест. Это объясняется не только географической близостью двух стран и их традиционными историческими связями, но и целым комплексом экономических, политических и военно-стратегических проблем, решение которых в той или иной степени связано с Китаем.

Текущее десятилетие отмечено восстановлением японо-китайских связей и сравнительно быстрыми темпами их развития. Нормализация дипломатических отношений между Японией и КНР в сентябре 1972 г. открыла, в частности, путь к установлению межгосударственных отношений в различных областях. В сравнительно короткий промежуток времени между двумя странами был заключен целый ряд соглашений и договоров, включая торговое соглашение (январь 1974), соглашение о воздушном сообщении (апрель 1974), о мореплавании (ноябрь 1974), о рыболовстве (август 1975), долгосрочное торговое соглашение на 1978—1985 гг. (февраль 1978) и, наконец, «договор о мире и дружбе», подписанный в Пекине 12 августа 1978 г. и вступивший в силу после обмена ратификационными грамотами 23 октября того же года.

Относительно быстрое сближение Японии и Китая в 1972—1978 гг. в период так называемого «китайского бума» обусловлено прежде всего рядом конъюнктурных факторов, а также исторически сложившейся взаимодополняемостью их экономических структур. Для высокоразвитой Японии Китай с его почти миллиардным населением представляет собой практически неограниченный рынок сбыта готовой продукции и важный источник крайне необходимого для нее сырья, особенно энергоносителей в виде нефти и каменного угля. Для Китая Япония — незаменимый с точки зрения ее экспортных возможностей поставщик новейшей техники и технологий, а также практически всех промышленных товаров, в которых остро нуждается китайская сторона.

Однако на деле надежды правящих кругов Японии на быстрое и беспрепятственное развитие торгово-экономических связей с КНР и решение ряда важных межгосударственных вопросов в последнее время все чаще превращаются в иллюзии.

Прежде всего Китай оказался не столь привлекательным и надежным торговым партнером, каким в период «китайского бума» его представляли себе японские деловые круги. Находящихся в его распоряжении запасов иностранной валюты далеко не достаточно для широкой торговли. Нефть — единственная статья китайского экспорта, на которую в этом плане так рассчитывала Япония, — оказалась крайне низкого качества. К тому же экспортные возможности Китая по этой важной для Японии позиции чрезвычайно ограничены. Более того, учитывая внутривосточную нестабильность в Китае, японские деловые круги вполне обоснованно опасаются того, что поставка китайской нефти в Японию может быть в любой момент прекращена по «политическим соображениям». Подобные акции со стороны Китая уже имели место. В начале 1979 г., поправ элементарные нормы и этику международной торговли, китайская сторона в одностороннем порядке неожиданно «заморозила», например, уже заключенные контракты на несколько миллиардов долларов, нанеся тем самым серьезный ущерб своим японским партнерам. Так же внезапно ею были прерваны и начавшиеся японо-китайские переговоры о совместном освоении месторождений нефти в Бохайском заливе.

Не столь просты для урегулирования и многие политические проблемы. Серьезным узлом противоречий в отношениях между двумя странами является, в частности, тайваньский вопрос. Признав формально Тайвань «неотъемлемой частью территории КНР», Япония на деле всячески проти-

действует его фактическому воссоединению с материком. Это объясняется как значительными экономическими интересами, которые имеют здесь японские монополии, так и ключевой военно-стратегической позицией Тайваня, расположенного на жизненно важных для Японии морских торговых путях. Несмотря на восстановление дипломатических отношений и подписание «договора о мире и дружбе», остается нерешенным также территориальный спор с КНР относительно принадлежности Японии островов Сенкаку, шельф которых богат запасами нефти. Наконец, все сильнее дают себя знать глубокие противоречия в обостряющейся борьбе за господство в Азии, которую обе страны считают естественной зоной своего влияния. Все это, вместе взятое, заставляет Японию более трезво оценивать возможности развития своих отношений с Китаем.

Семидесятые годы характеризуются также дальнейшей экономической и политической активизацией Японии в странах Западной Европы, и прежде всего усилением проникновения японских товаров на рынки этих стран. Первостепенное значение японская дипломатия придает в связи с этим ежегодно проводимым совещаниям на высшем уровне руководителей ведущих капиталистических держав. Она использует их для достижения договоренности по наиболее острым торгово-экономическим проблемам. При этом, умело играя на противоречиях между западноевропейскими странами и США, Япония пытается помешать созданию единого фронта против торгово-экономической экспансии японских монополий. На лондонской встрече (май 1977) японской дипломатии удалось, в частности, добиться подтверждения участниками совещания принципа «свободной торговли». Не менее важное значение для Японии имело и признание ее особой роли наряду с США и ФРГ в общем «оздоровлении мировой экономики». Это потребовало от нее принятия ряда мер по ослаблению импортных ограничений с целью более широкого открытия своего рынка для американских и западноевропейских товаров. Вместе с тем это позволило японскому монополистическому капиталу более активно добиваться удовлетворения своих требований под предлогом того, что от стабильности и процветания японской экономики, как одного из «трех моторов» капиталистического мира, зависит стабильное экономическое развитие всего капитализма.

Представляя собой два мощных центра империализма, Япония и страны Западной Европы имеют немало общих целей и интересов как экономического, так и политического характера. Однако это вовсе не исключает наличия между ними серьезных противоречий, которые не может не учитывать в своей глобальной стратегии японская дипломатия.

Сдвиги в расстановке политических сил на мировой арене в пользу лагеря мира и социализма, ослабление международной напряженности и усиление межимпериалистических противоречий заставляют Японию более активно осуществлять курс «многосторонней дипломатии», предусматривающий развитие связей не только с капиталистическим миром, но и с социалистическими странами. Особенно большое значение японские правящие круги придают всестороннему развитию отношений с Советским Союзом. Этому в значительной степени способствуют не только географическая близость двух стран, но также усиление экономической и военной мощи СССР, укрепление его международного авторитета как страны, идущей в первых рядах борьбы за мир и безопасность народов. Ярким подтверждением этого является, в частности, подписание Договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

Начало широкому и всестороннему развитию японо-советских связей в послевоенный период положила подписанная в Москве в октябре 1956 г. Совместная декларация СССР и Японии о прекращении состояния войны между двумя государствами и о восстановлении дипломатических и консульских отношений. Вслед за этим в декабре 1957 г. был заключен пер-

вый в истории японо-советских связей торговый договор, предоставивший каждой из сторон режим наибольшего благоприятствования. В 1966 г. была подписана консульская конвенция, на основе которой открылись первые после войны генеральные консульства Японии в Находке и Советского Союза — в Саппоро, а позже (1970) — еще два консульства, советское в Осака и японское в Ленинграде. В 1967 г. открылось прямое воздушное сообщение между Москвой и Токио, а в 1969 г. достигнута договоренность о начале регулярных полетов из Японии в Европу через Советский Союз.

В 70-е годы японо-советские отношения, основу которых составляют взаимовыгодные внешнеэкономические связи, получили свое дальнейшее позитивное развитие. Заметно вырос, в частности, объем японо-советской торговли. С 822 млн. долл. в 1970 г. он увеличился до 3,4 млрд. долл. в 1978 г., то есть в 4 раза. В соответствии с осуществляющимся сейчас третьим пятилетним торговым соглашением (1976—1980) общий объем товарооборота по сравнению с предыдущим пятилетием увеличится в 1,6 раза. Все более существенное значение приобретает долгосрочное крупномасштабное экономическое сотрудничество на компенсационной основе. Покупая в Японии за счет получаемых от нее кредитов машины и оборудование для разработки природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, СССР поставляет в погашение этих кредитов нужные для японской промышленности виды сырья и топлива. К 1978 г. был успешно осуществлен ряд взаимовыгодных проектов долгосрочного сотрудничества, в том числе по разработке лесных ресурсов Дальнего Востока, по строительству порта Восточный в бухте Врангеля и по переработке технологической щепы. Большой интерес с японской стороны проявляется также к другим возможным совместным проектам. В ряде из них, например к разработке природного якутского газа, предполагается участие американских компаний. Успешное развитие получило также научно-техническое сотрудничество. Важным шагом в этом отношении явилось заключение в 1977 г. соглашения между Государственным комитетом по атомной энергии СССР и атомным форумом Японии о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях.

На основе экономических связей неуклонно развиваются культурные и политические отношения. Показательно, что во время довольно частых встреч министров иностранных дел, а также на состоявшихся в Москве в октябре 1973 г. переговорах на высшем уровне японская сторона постоянно поддерживала вывод о том, что укрепление добрососедских отношений между СССР и Японией на основе принципов невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и равенства не только отвечает интересам обеих стран, но и вносит огромный вклад в дело мира и стабилизации международной обстановки как на Дальнем Востоке, так и во всем мире.

Однако истекающие 70-е годы сопровождалась рядом негативных явлений в развитии японо-советских связей. Серьезным препятствием на пути дальнейшего улучшения добрососедских отношений между СССР и Японией являлись, в частности, продолжающиеся и сегодня попытки реваншистски настроенных японских кругов раздуть несуществующий вопрос о так называемых «северных территориях», выражающийся в незаконных притязаниях на советские острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи. Большой вред развитию дружественных японо-советских отношений нанесло и подписание Японией «договора о мире и дружбе» с КНР, с помощью которого Пекин намерен втянуть эту страну в свою антисоветскую стратегию. Наконец, явно негативную роль в развитии нормальных взаимоотношений между двумя странами играет усиливающаяся в последнее время в Японии антисоветская кампания измышлений о мнимой «советской военной угрозе» и «наращивании военных приготовлений СССР в прилегающих к Японии районах». Инспирируемая

поднимающей голову военщиной с целью обосновать необходимость усиления милитаризации Японии, эта тенденциозная кампания не может не омрачать японо-советские отношения.

Дальнейшее укрепление добрососедских связей между СССР и Японией требует ликвидации искусственно создаваемых препятствий на этом пути и совместного поиска взаимоприемлемых решений возникающих проблем на основе неукоснительного соблюдения принципов невмешательства во внутренние дела другой стороны и взаимной выгоды. Одним из ярких примеров готовности Советского Союза идти по этому единственно разумному пути явилась разработка проекта Договора о добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Японией, представленного японской стороне в январе 1978 г. Заключение этого договора закрепило бы те позитивные сдвиги, которые уже достигнуты в японо-советских отношениях, и создало бы прочную правовую основу для их развития в будущем.

4. Единство демократических сил — основа успеха борьбы за мир, демократию и социальный прогресс

Ослабление позиций ЛДП на политической арене страны создало новую внутривластную ситуацию в Японии. В отличие от предыдущих лет, когда партия монополистического капитала прочно удерживала власть в своих руках, создалась объективно благоприятная обстановка для широкого и интенсивного наступления демократических сил против засилья монополий. Реальное звучание приобрел вопрос о возможности замены однопартийного правления либерал-демократов коалицией оппозиционных сил. Однако ЛДП, оказавшись в обороне, приложила максимум усилий для того, чтобы сохранить свое господство. В результате ей удалось отколоть от демократического лагеря и привлечь на свою сторону партии «среднего пути». Партии левой оппозиции и все демократические силы страны оказались лицом к лицу с противостоящим им консервативно-центристским альянсом ЛДП — ПДС — Комэйто.

В сложившихся условиях особенно большое значение приобретает необходимость сплочения всех прогрессивных сил страны и прежде всего прочного единства действий партий левой парламентской оппозиции — КПЯ и СПЯ.

Наиболее активным поборником сплочения всех демократических сил на основе осуществления коренных социальных преобразований выступает КПЯ. Еще в 1970 г. японские коммунисты призвали все прогрессивные организации приложить усилия для создания демократического коалиционного правительства, которое было бы способно заменить собой правительство ЛДП.

В 1971 г. КПЯ выдвинула три важнейшие цели демократических преобразований: ликвидация японо-американского военно-политического союза и установление подлинного нейтралитета Японии; замена политики в интересах монополий политикой в защиту жизни и прав народа; недопущение возрождения и усиления милитаризма, защита демократии и демократизация парламентской деятельности. На XII съезде (ноябрь 1973) КПЯ, исходя из этих целей, сформулировала конкретную программу деятельности коалиционного демократического правительства. XIII внеочередной съезд партии (июль 1976) вновь призвал к сплочению всех отрядов японской демократии. Свое дальнейшее развитие и конкретизацию идея создания демократического коалиционного правительства и осуществления демократических преобразований получила в решениях XIV съезда КПЯ, проходившего в октябре 1977 г.

В ходе повседневной борьбы за единство действий всех антимонаполистических сил КПЯ организует различные кампании диалогов с широким

кругом демократических организаций. Первостепенное внимание уделяется достижению единства профсоюзов на классовой основе. Создание единого рабочего фронта рассматривается как основа объединения всех демократических сил страны.

Усилению борьбы за мир, демократию и социальный прогресс служат разработанные в последние годы КПЯ и СПЯ программы экономического развития Японии.

Пионером в выработке экономической основы демократической альтернативы господству монополий явилась КПЯ. Еще в ноябре 1976 г. она обнародовала «Пятилетний план перестройки японской экономики. Путь смены прежнего курса, ввергнувшего страну в экономический кризис». Вслед за этим, в июне 1977 г., ЦК КПЯ опубликовал в виде специального издания всеобъемлющий документ «Предложения по экономике Японии. План перестройки с целью выхода из кризиса», представляющий собой подробный комментарий этого плана.

Характеризуя политику ЛДП как политику служения крупному бизнесу, КПЯ подчеркивает, что предлагаемый план перестройки японской экономики не ликвидирует основных противоречий капитализма, но на основе демократической политической власти нацелен на осуществление реально возможных преобразований, «на поворот курса развития японского капитализма на новый, демократический путь в интересах народа». Исходя из насущной необходимости улучшения жизни трудящихся масс, план предусматривает, в частности, переход к новой промышленной политике путем перенесения центра тяжести с увеличения объема ВВП в интересах монополий на приведение структуры промышленности в соответствие с требованиями подъема уровня жизни народа; перестройку сельского хозяйства с целью его демократизации; соответствующее национальным интересам страны решение энергетических проблем, и в частности национализацию основных суботраслей энергетики; перестройку системы пользования национальной территорией в интересах народа и ряд других кардинальных реформ.

Близкая по своей сути программа экономического развития Японии разработана и СПЯ. Она обсуждалась и была принята на 43-м съезде партии, состоявшемся в январе 1979 г.

В преамбуле программы подчеркивается, что в последние годы Япония переживает серьезные экономические трудности. С целью их преодоления необходимо сосредоточить внимание на качественных, а не на количественных факторах роста экономики, поскольку именно гонка за сверхвысокими темпами привела к нынешнему застою. В связи с этим программа предусматривает замену «экономической структуры, ориентированной на развитие промышленности путем достижения высоких темпов роста экономики», «экономической системой, ориентированной на обеспечение благосостояния народа, в рамках существующей капиталистической системы хозяйства».

В качестве конкретных мер, направленных на реконструкцию японской экономики с целью обеспечения роста благосостояния народа, программа СПЯ предусматривает целый ряд мероприятий. К важнейшим из них относятся: стабилизация жизни народа; разумное использование национальной территории и природных богатств; достижение сбалансированности внутриэкономического развития и внешнеэкономических связей; изменение индустриальной структуры в пользу «отраслей внутреннего спроса» и «среднемасштабного производства» как отраслей, обеспечивающих повышение «качества жизни» трудящихся; осуществление плановой политики в области энергетики, включая национализацию угледобывающей промышленности и создание так называемой обобществленной нефтяной корпорации; демократическая перестройка центральной и местной финансовых систем, включая ликвидацию несправедливого налогообложения трудящихся масс.

Наличие схожих программ коренных социально-экономических преобразований, выдвинутых КПЯ и СПЯ, их стремление добиться постоянного и прочного единства действий в защиту подлинных интересов японской нации, упорная повседневная работа по объединению различных отрядов японской демократии с целью создания единого антимонополистического фронта — все это в обстановке падения политического влияния ЛДП говорит о благоприятных объективных условиях для развертывания еще более мощной всенародной борьбы против господства монополий, за мир, демократию и социальный прогресс. Об этом свидетельствует новый серьезный провал ЛДП на последних всеобщих выборах в нижнюю палату парламента в октябре 1979 г. Вместо стабильного большинства в 271 место, которое она рассчитывала завоевать, ей удалось получить только 248 мандатов — на один мандат меньше, чем во время предыдущих выборов. Это составило лишь 48,5 % всех депутатских мест.

Немаловажное значение имеет заметный успех КПЯ на этих выборах. Вместо прежних 17 мест она получила здесь 39 мандатов. С учетом двух победивших кандидатов демократических сил, которых поддерживала КПЯ, она имеет сейчас в нижней палате 41 депутатский голос.

Несмотря на серьезные трудности и препятствия, с которыми сталкивается прогрессивный лагерь страны, его борьба, являясь неотъемлемой частью неумолимо развивающегося общемирового революционного процесса, приобретает все более широкий размах. Однако ее успех немислим без сплочения и постоянного единства действий всех демократических сил Японии.

* * *

Истекающие 70-е годы положили, таким образом, начало серьезным социально-экономическим и политическим сдвигам в жизни современного японского общества. Резкое замедление темпов роста, ухудшение экономической конъюнктуры и попытки правящих кругов выйти из усугубляющихся трудностей путем усиления эксплуатации трудящихся; ослабление политического влияния правящей Либерально-демократической партии и ее усилия любой ценой, вплоть до создания постоянной консервативно-центристской коалиции с партиями «среднего пути», сохранить свое господство; наконец, рост экспансионистских устремлений монополий и намерения реакционных кругов придать внешнеполитическому курсу страны более наступательный характер, с одной стороны, а также заметно возросшие стремления японской демократии к осуществлению социально-экономических и политических преобразований, с другой — такова Япония на пороге 80-х годов.

В предстоящее десятилетие, принимая эстафету 70-х годов, страна «восходящего солнца» неизбежно столкнется с дальнейшим обострением всех противоречий капиталистического общества, и прежде всего основного противоречия капитализма — между трудом и капиталом, между широкими трудящимися массами и горсткой монополий. Это неминуемо приведет к дальнейшему накалу неутихающей классовой борьбы, к усилению конфронтации сил мира, демократии и социального прогресса с силами реакции и войны. Успехи демократического лагеря страны в этом историческом противоборстве будут зависеть прежде всего от сплоченности, монолитности и единства действий всех сил японской демократии.

Какую диктатуру «отстаивают» в Пекине, [По поводу одной статьи в «Жэньминь жибао»]

Ф. Ф. Ланно

Центральный орган КПК газета «Жэньминь жибао» опубликовала две статьи Ли Хунлиня из предполагаемой серии, посвященной теории социализма («За какой социализм мы выступаем» — 9 мая; «Какого рода пролетарскую диктатуру мы отстаиваем» — 22 июня).

Оба материала «Жэньминь жибао» появились в КНР — стране, чья идейная жизнь долгие годы была отстранена от развития современной марксистской мысли и подчинена идеологии маоизма, трескучим политическим кампаниям под «китаизированными» лозунгами. А ныне появились статьи (особенно это относится к первой из них), которые представляют собой очевидную попытку марксистского описания избранных тем, описания без (или почти без) маоистской терминологии и формул «китаизированного» марксизма, даже без самого упоминания имени и «идей» Мао Цзэдуна. Для этих двух материалов Ли Хунлиня в разной степени характерна степень приближения к событиям современного Китая, но примечательно отсутствие в них враждебных выпадов против «современного ревизионизма», «социал-империализма», отсутствие дежурных призывов, «указаний» и «новых идей», типичных для современной официальной пропаганды КНР.

Естественно возникает вопрос, в чем смысл и каково значение такого рода публикаций. Быть может, это свидетельство новой, позитивной тенденции в идейной жизни Китая, наряду с правооппортунистическим «неомаоизмом» и «лево»-националистическим «ортодоксальным маоизмом», чьи столкновения в 1979 г. отметили все специалисты? Или это вовсе не подтверждение интереса к марксистско-ленинской теории и ее применению в Китае, а новый пропагандистский ход, который имеет целью обеспечить марксистское «прикрытие» дальнейшему отступлению пекинских руководителей от социализма, от теории научного коммунизма.

Перед современной марксистской мыслью уже не раз возникала задача (наряду с исследованием, разработкой и пропагандой теории и практики социализма) распознавания подлинности и искренности применения понятий и принципов научного коммунизма. Эта функция распознавания нужна как в целях разоблачения недобросовестных фальсификаций и ревизионистского произвола, так и в целях преодоления односторонности и добросовестных заблуждений, неизбежных в условиях чрезвычайно широкого распространения социалистических идей в разных общественных средах. Тем более эта работа важна в отношении проблем, касающихся Китая, где десятилетиями создавалось извращенное представление о марксизме-ленинизме, где это учение преподавалось в «переводе» на маоистский лад.

Широко известно и вполне понятно глубокое внимание советско-

го народа к судьбам народов Китая. Советские люди все эти годы не оставляют надежд на социалистический выход из тяжелого исторического кризиса, куда завлекли Китай маоисты, они убеждены, что это единственный выход, который отвечает интересам трудящихся КНР.

Статья «Какого рода пролетарскую диктатуру мы отстаиваем» любопытна по ряду причин. Прежде всего она ближе к политическим реальностям КНР, в то время как первая статья и по жанру, и по содержанию представляется более отвлеченной, а проблемы, там освещаемые, нам достаточно знакомы. Во-вторых, интересна сама постановка вопроса, утверждающая необходимость пролетарской диктатуры в Китае, и в то же время — необходимость ее «отстаивания». Как теперь понимает китайский автор термин «диктатура пролетариата», в какой степени он применяет этот термин к различным этапам развития КНР, как автор трактует и применяет понятие «демократия», что значит «отстаивать пролетарскую диктатуру» в Китае сегодня, и прежде всего — от кого — все эти вопросы, не могут не интересовать китайского читателя, да и не только китайского. Значение статьи Ли Хунлиня мы и усматриваем прежде всего в том, что он ставит этот вопрос, вопрос о диктатуре пролетариата в современном Китае, направляя мысль читателей к размышлениям на эту тему. Иное дело, как он раскрывает этот вопрос.

«Менее чем за 30 лет китайский народ уже сам успел испытать два рода диктатуры пролетариата», — отмечает автор статьи в «Жэньминь жибао» и пишет далее, что в течение первых 17 лет в КНР существовала «демократическая диктатура народа», которая «была диктатурой пролетариата», хотя и несовершенной. Поэтому «были совершены ошибки», среди которых главная — «недостаток демократии», в результате чего «диктатура пролетариата» была заменена «феодално-фашистской диктатурой» * Линь Бяо и «четверки» — «горстки карьеристов, хулиганов и фигляров». В октябре 1976 г. «банда четырех» была разгромлена, их «феодално-фашистская диктатура» уничтожена. «Это был великий революционный акт», который был актом «отстаивания диктатуры пролетариата».

Подобное описание уже рождает массу вопросов. Неясно, какие «два рода» диктатуры пролетариата имеет в виду автор: до 1966 г. и после 1976 г. или в 1966—1976 и в 1976—1979 гг.? Если «феодално-фашистская диктатура», да еще «возникшая в условиях диктатуры пролетариата» из-за того, что «социалистическая демократия и правовая система были подорваны», по мнению автора — род пролетарской диктатуры, тогда 1966 г. не является гранью, разделяющей эти два рода, а «феодално-фашистская диктатура» — логическое следствие подрыва «демократии и правовой системы». Следовательно то, что было до 1966 г. также не может быть названо пролетарской диктатурой. Если же имеются в виду два рода пролетарской диктатуры — до 1966 и после 1976 г. — то каково тогда реальное содержание «великого революционного акта» октября 1976 г.? Более того, в этом случае возникает вопрос о социально-политическом сходстве и различии этих трех этапов (по периодизации Ли Хунлиня), чем различается «диктатура пролетариата» 1949—1966 г. и 1976—1979 гг.? Какова же тогда природа политических систем Китая в эти годы? Ответа на эти вопросы в статье «Жэньминь жибао» нет. И быть не может.

Все дело в том, что характеризовать события 1976 г. в Китае как

* У нас нет возможности проводить здесь терминологический анализ, необходимо лишь отметить, что не всякие регрессивные, террористические акции в политике относятся к фашизму, явлению связанному с политикой монополистического капитализма, хотя он и имел своей социальной базой «взбесившихся мелких буржуа». С другой стороны, и в современных условиях мелкобуржуазность, как и прежде, несет на себе отпечаток феодальности, точнее добуржуазности.

«революционный акт» нет никаких оснований (конечно если этот термин не толковать настолько широко, что и похороны можно было бы назвать «революцией»).

Китайский автор, опираясь на положения и терминологию III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.) пишет, что «революционный акт», акт «отставания пролетарской диктатуры» и «отставания демократии» в современном Китае включил в себя «шесть великих дел», которые по-видимому, могут характеризовать и природу нынешней власти в КНР. Суть их коротко в следующем: 1. Обеспечение «организационной чистки» диктатуры пролетариата, выявление и удаление «фракционеров» — сторонников «четверки» из аппарата управления; 2. Реабилитация лиц, невинно пострадавших в ходе «культурной революции»; 3. «Исправление ошибок, имевших место до культурной революции, и разрешение вопросов, оставленных историей»; 4. «Снятие ярлыков с уже перевоспитанных представителей эксплуататорских классов», так как «конечная цель диктатуры [пролетариата] заключается в уничтожении себя как класса»; 5. «Исправление крайне левой политики в области экономики»; 6. Курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» в области культуры, просвещения, науки и искусства, при руководстве пролетариатом всей идеологической работой».

Действительно, многое в КНР изменилось за последние три года и иначе быть не могло, но по-настоящему оценить эти перемены можно только раскрыв всю их сложность и их существо в целом, на сей счет данных уже достаточно. Не может быть сомнений что научная, марксистско-ленинская оценка этих изменений ощущается как потребность не только за пределами Китая и не только в отношении прошлого.

Вопрос по существу стоит так: является ли политический курс нового пекинского руководства по своей классовой сущности иным в сравнении с тем курсом, который имел место в прошлом; является ли и то, и другое разновидностями диктатуры пролетариата; если нет, то каков же истинный характер власти в Китае.

В том, что «феодально-фашистская диктатура» не может быть диктатурой пролетариата, мы согласны с автором «Жэньминь жибао». Она не может быть и разновидностью, даже какой-то извращенной, но «в условиях», как выразился Ли Хунлинь, диктатуры пролетариата. Быть может, автор считает, что в то время в КНР была диктатура пролетариата, но политический режим — «феодально-фашистская диктатура». В таком случае как вписывались в этот пейзаж фигуры Мао, Чжоу Эньлая и других, в том числе поныне здравствующих деятелей? Позиция автора здесь, мягко говоря, неясна.

Если политические курсы двух упомянутых режимов в КНР различны по существу, они не могут иметь общую социально-политическую основу диктатуры пролетариата. Если же различия между ними несущественны, и они имеют общую классовую природу, — они оба не могут быть выражением диктатуры пролетариата, несмотря на всю внешнюю привлекательность тех «шести великих дел» нынешнего режима, о которых написал Ли Хунлинь. О многом китайский автор умолчал по какому-то лишь ему ведомым причинам, между тем от этого молчания многое зависит. В том числе ответ на вопрос: призывает ли он к диктатуре пролетариата в Китае, к ее укреплению или лишь выдает за диктатуру пролетариата что-то совершенно иное, что может быть одновременно и «феодально-фашистской диктатурой», и «пролетарской диктатурой» в маоистском толковании.

Совершенно очевидно другое. «Казарменный коммунизм» как социальный идеал и принцип организации экономического развития в милитаристских целях, с одной стороны, и «четыре модернизации» в сочетании с «экономической демократией», прикрывающей вползание в

капитализм, допуском частного капитала и рыночной стихии, «милитаризованный социализм» как цель экономической стратегии, с другой — обе политики равно далеки от социализма, в равной степени подрывают способность народного хозяйства и общества к социалистическому развитию.

В социально-политической сфере политический террор, пренебрежение интересами трудящихся, объявление войны «новой буржуазии», стравливание различных слоев общества в искусственной «классовой борьбе», с одной стороны, и «социализм» мелкого лавочника, социальное манипулирование, проповедь классового «сплочения», по существу союз с буржуазией, «чужой и своей» (у национальной буржуазии объявились вдруг «заслуги» перед революцией и народом и потому она суть часть народа), с другой, — равно далеки от социализма, равно ставят дело строительства социализма перед угрозой катастрофы, одинаково выражают классовую неопределенность в своей сущности.

Как известно, внешние и внутренние функции диктатуры пролетариата являются сторонами единого целого. Видимо, поэтому «Жэньминь жибао» решила не усложнять свою задачу и не затронула внешнеполитических аспектов курса Пекина. Между тем здесь обнаруживаются весьма заметные совпадения. Каждому ясно, что нет принципиальных различий между интригами на почве «вьетнамской войны» 60-х годов с тогдашним сговором с США за спиной вьетнамского народа с целью стравить «сверхдержавы», «шанхайским коммюнике» и нынешним курсом Пекина на альянс с Западом. Нет их и между кровавыми провокациями на китайско-советской границе в 60-ые годы и недавней бандитской агрессией против СРВ, между подрывной деятельностью КНР в революционном и коммунистическом движении тогда и теперь.

Как прежний, так и нынешний режимы КНР сходятся в общих, коренных, сущностных чертах: махровом национализме, великодержавном гегемонизме, антисоветизме, курсе на милитаризацию страны, антинародности и так далее.

Более того, и тот и другой политические режимы базируются на одной идеологии маоизма. Дело даже не в том, что противостоящие друг другу группировки используют разные цитаты того же Мао. Маоизм — идеология эклектическая, как всякая идеология стихийности она содержит обилие вариантов, любые крайности. Как всякая ненаучная идеология, она одни и те же явления оценивает прагматически, так как это «удобно» в данный момент. Оба полюса маоизма, «левый» и «правый» в равной степени дискредитируют марксизм-ленинизм, вносят разброд в духовную жизнь общества. Маоизм — явление социальное, с Мао или без него, за него или против него же, он может сколь угодно видоизменяться. Он только не может дать что-то взамен. Маоизмом в равной мере могут быть и восхваление «идей великого кормчего» и кампания «практики как критерия истины» или «раскрепощения сознания», потому что и то, и другое направлено против марксистско-ленинской теории, против научных и социалистических решений проблем развития Китая, потому что многие сейчас в КНР, призывая «избавиться от догм», под прикрытием ли пересмотра «идей Мао», «развития» «марксизма — ленинизма — идей Мао», наносят удар прежде всего против марксизма-ленинизма, размывают социалистические ценности и идеалы. Маоизм — это мелкобуржуазный «китайзированный» антимаоизм, и крайние его выражения непременно сходятся в одном общем: национализме, антисоветизме, милитаризме, предательстве интересов народа, социализма, мира.

Автор статьи в «Жэньминь жибао», характеризуя смену режимов в Пекине как «революционный акт», либо выдает желаемое за действительное самому себе, либо недобросовестно маскирует истинный смысл событий в КНР последних трех лет. Можно рассуждать о том, ка-

кой режим «дальше» от социализма, от диктатуры пролетариата, от марксизма-ленинизма, но это ненужная абстракция.

Сущность же этих изменений несомненна — произошла смена режимов одного типа, маонизм шархнулся от одной крайности к другой, от режима крайне «левого» террора, мелкобуржуазной уравнительности и «революционной» фразы к правооппортунистической надклассовости, мещанской всеядности и неразборчивости в методах, к антисоциалистическому прагматизму, причем остались в целостности «три кита» маонизма: национализм, милитаризм, антисоветизм. Это не революция, а этапы политической эволюции маонизма, никакого, кроме враждебного, отношения не имеющие к диктатуре пролетариата. Произошла смена методов, средств, форм при сохранении прежней системы целей и прежней стратегии.

Учению о диктатуре пролетариата принадлежит центральное место в теории научного коммунизма, роль этого учения настолько велика, что идеологи антикоммунизма прилагают наибольшие усилия прежде всего против этой части марксизма-ленинизма, справедливо видя в диктатуре пролетариата главное орудие построения нового мира, его начало начал.

Буржуазные и мелкобуржуазные идеологи усиленно эксплуатируют и насаждают бытующее до сих пор заблуждение, порождаемое формальным сходством понятий «диктатура пролетариата» и «диктатура вообще». Между тем они по существу несопоставимы как явления разного порядка. «Диктатура пролетариата» — понятие, выражающее классовую сущность, исторический тип политической организации общества, строящего социализм. «Демократия» же — понятие, отражающее форму, состояние, в котором может пребывать политическая организация любого классового, общества (рабовладельческая, буржуазная и т. п.).

Слово «диктатура» в понятии «диктатура пролетариата» не выражает ничего иного, кроме недопущения буржуазии к власти, антагонизма диктатуре буржуазии, но никак не демократии. Совсем иное дело — диктатура как террористическая, репрессивная форма политического режима в эксплуататорском обществе. С ней у диктатуры пролетариата нет ничего общего.

Автор статьи в «Жэньминь жибао» также спутал эти понятия, а с ними и целый ворох других, объявив диктатурой пролетариата «демократическую диктатуру народа», уравнивая ее со зрелой социалистической. Он в своей статье рассматривает диктатуру пролетариата и демократию не через призму классового анализа, а лишь через отношения администрирования — отношения «кадровых работников» и «народа», проповедует джентльменский характер этих отношений, забывая упомянуть, что пролетарская диктатура и демократия едины в одном — это процесс социальной организации, которым руководит рабочий класс, который превосходит по этому показателю непролетарские слои. Ли Хунлинь усматривает угрозу демократии в Китае и в КПК лишь со стороны крайне-«левых», а от правой опасности отмахивается весьма небрежной фразой о том, что буржуазной демократии в Китае не было, посему де ее бояться нечего, был лишь феодальный и фашистский абсолютизм. К тому же в статье варьируется на все лады слово «народ», а о социальной роли пролетариата мы находим лишь единственное упоминание. Между тем известно, что в правооппортунистической трактовке «народ» включает и буржуазию, в том числе «хуацяо». Если автор из «Жэньминь жибао» имеет в виду «народ» в этом смысле, то от понятия «диктатура пролетариата» ничего не останется, оно лишь прикрывает подтягивание правыми на уровень государственной власти класса буржуазии в Китае.

И наконец, мы не находим у Ли Хунлиня еще одной весьма сущест-

венной части диктатуры пролетариата — ее отношения к мелкой буржуазии, как будто такого явления, как мелкобуржуазность, в Китае нет и не бывало. Кому выгодна такая «забывчивость»? А ведь потому и устанавливается на пути к социализму диктатура пролетариата, государственная власть пролетариата, что никто другой не обладает способностью организовать движение к социализму, способностью увлечь непролетарские слои примером своей собственной организованности, знанием ее важности. Многочисленным повторением слова «народ» невозможно обосновать реальность пролетарской демократии в Китае, но зато можно прикрыть политическое возвращение буржуазии под крылышко мелкобуржуазных властителей.

Никто не против того, что в Китае вспомнили о пролетарской диктатуре, другой вопрос — что это означает. Понятно негодование автора в «Жэньминь жибао» по поводу того, что в недавнем прошлом КНР «бить, ломать, отбирать, обыскивать, хватать — все это называлось революционными действиями». Ли Хунлинь утверждает, что «следует действительно разобраться в таких принципиальных вопросах». Разобрался ли он? Исчерпывается ли проблема рассмотрением вопроса о соотношении диктатуры и демократии, да и в этом ли суть дела, а не в том ли, что и диктатура пролетариата и пролетарская демократия существуют ради построения социализма? Достаточно ли «перевоспитания последнего императора и гоминьдановских военных преступников» для победы диктатуры пролетариата, как об этом пишет Ли Хунлинь? Достаточно ли для «социально-политического единства» (что типично для зрелого социализма, но уже провозглашено в Китае) «перевоспитания эксплуататоров в тружеников», как об этом пишут китайские газеты?

Научный подход к проблемам диктатуры пролетариата определен марксизмом-ленинизмом прежде всего доказательством ее исторической необходимости, а в более широком плане — в раскрытии всемирно-исторической миссии рабочего класса. Никакой другой класс, кроме пролетариата, не обладает столь четко выраженным интересом как к устранению эксплуатации и угнетения, так и к общественной организации труда. Его интересы и потребности непосредственно воплощают общественный характер производительных сил, создаваемых капитализмом и неизбежно требующих адекватных себе общественных отношений и социальной организации. В. И. Ленин дал классическое описание этих качеств пролетариата, «который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом... который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстаивать ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся... в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому... который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку»¹.

Поскольку новое общество непосредственно выходило из стихии старого и являлось отрицанием его, оно не могло осуществиться без новой политической организации в лице диктатуры пролетариата. Общество может развиваться стихийно только до определенной степени сложности, которая требует уже научно осознанного руководства его развитием и функционированием. Способностью к такому руководству обладает только рабочий класс, как сила в наибольшей мере социально организованная. «Диктатура пролетариата, — писал В. И. Ленин, — означает вот что: только определенный класс, именно городские и во-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 387—388.

обще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов»².

Сущностью пролетарской диктатуры является не столько насилие в отношении свергнутых классов, контрреволюционных и антисоциальных элементов, и не главным образом насилие, как отмечал В. И. Ленин, но созидание, потому что пролетариат приходит к власти не ради собственного господства, а для строительства общества, выражающего интересы всех трудящихся. Поэтому диктатура пролетариата осуществляет всю группу общественных задач. Во-первых, наряду с задачей подавления сопротивления свергнутых классов она решает задачи защиты социалистического общества и революционных завоеваний, укрепления системы интернациональных связей с пролетариатом и прогрессивными, революционными силами других стран, организации поддержки революционно-освободительных движений, утверждения нового типа международных отношений, борьбы за мир и международное сотрудничество, обеспечивая благоприятные международные условия для созидания нового общества. Во-вторых, пролетарская диктатура осуществляет политическое руководство непролетарскими массами, избавляя их от пут экономической и политической зависимости, духовного рабства, навязанного эксплуататорами, вовлекая их в строительство социализма. В-третьих, пролетарская диктатура осуществляет социалистические преобразования в экономической, социальной, политической и культурной областях, имеющие целью и результатом рост материального благосостояния трудящихся, их социальное развитие и духовное обогащение.

Пролетариат осуществляет свое руководство (вот почему диктатура пролетариата — не в полном смысле диктатура) на основе союза с широкими массами трудящихся, организуя систему политических институтов, охватывающую эти массы. «Диктатура пролетариата,— писал В. И. Ленин,— есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала,.. союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»³. Без демократии не может быть диктатуры пролетариата, которая представляет собой высший тип демократии в классовом обществе, потому что строительство социализма — первый в истории процесс осмысленного, сознательного общественного творчества — базируется на широком участии масс в развитии производства, социальных отношений, культуры, в управлении обществом, в диктатуре против эксплуататоров и паразитических групп общества.

Пролетарская, как и вообще социалистическая демократия, есть такая организация человеческой деятельности в обществе, которая опирается на исторический социальный опыт и обеспечивает как принятие и реализацию жизненно необходимых обществу решений, так и развитие отдельных групп и индивидов, сообщая им этот опыт, но не «вихлянье праздного ума», не химеры и мифы, рождаемые ограниченным существованием.

Без пролетарской демократии невозможен коллективный труд. Без нее не могло быть того невиданного в истории грандиозного подъема творческих сил, трудового и гражданского энтузиазма, без которых мы не представляем себе нашего прошлого.

Диктатура пролетариата обладает глубоко гуманистической природой.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 14.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 377.

дой, она обеспечивает рабочему классу и трудящимся свободу и равноправие, открывает путь к осуществлению их социальных идеалов, обогащает их жизнь новыми человеческими качествами, позволяет преодолеть остатки «старого разделения труда» на пути к обществу полного социального равенства и всестороннему развитию личности... «возвращению человека к его собственной сущности» как человеку общественному. Сам рабочий класс в условиях диктатуры пролетариата получает возможность раскрыть полностью свою общественную природу, преодолеть последствия угнетенного, эксплуатируемого состояния, учится управлять обществом и учит этому других, овладевает культурой гражданской, подлинно и в полной мере человеческой, деятельностью.

Ленинские работы, особенно периода окончания гражданской войны и позднее, буквально все посвященные задачам строительства нового мира и обращенные к самым различным слоям трудящихся, проникнуты основным мотивом — призывом к массам овладеть достижениями человеческой культуры, науки, опытом, знаниями, взять все, всю культуру, всю науку, «чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»⁴. Диктатура пролетариата — это такая организация общества, которая позволяет трудящимся ликвидировать монополию эксплуататорских классов на духовные ценности, сделать их достоянием общества и тем самым создать более высокую социальную организацию, существенным основанием которой является культура.

Строительство социализма — поворот в общественном развитии, которому нет аналогов в истории ни по масштабам преобразования, ни по характеру и уровню сложности. Огромное богатство содержания человеческой деятельности этого типа выражают собой конкретные функции диктатуры пролетариата, внутренние и внешние: подавление сопротивления свергнутых классов, всех антисоциалистических по своей природе и антисоциальных сил, неизбежно возникающих в старом обществе; хозяйственно-организаторская, включающая организацию, планирование, управление экономикой, техническим прогрессом, культурно-воспитательная, управляющая системой институтов духовной сферы общества, непосредственно совершающая социалистическую культурную революцию; ряд других социальных функций — контроль за мерой труда и потребления, охрана социалистической собственности, выработка и контроль за соблюдением социалистических норм общежития, повышение благосостояния трудящихся; оборона страны, защита государственных (в том числе коллективных) интересов, обеспечение государственной безопасности, благоприятных для социализма внешнеполитических условий — мира и безопасности народов, мирного сосуществования и международного сотрудничества, борьба против империалистической агрессии, против диктата монополистических объединений, организация сотрудничества и взаимопомощи в социалистическом содружестве, помощь развивающимся странам, поддержка освободительных движений и т. д.

Одного перечисления этих функций достаточно, чтобы убедиться, насколько далек маоизм от социализма, насколько искусственны, паразитарны стратегические цели, выдвигаемые пекинскими руководителями, насколько диктатура пролетариата далека от режима, который насаждают и «отстаивают» от марксизма маоисты, в том числе «неомаоисты», «постмаоисты» и прочая. К. Маркс любил говорить, что цель, оправдывающая неправые средства, не есть правая цель.

Одним из тщательно сохраняемых постулатов маоизма является тезис о национальной специфике и необходимости ее соблюдения.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 55; т. 45, с. 391.

У марксистов давно уже сложилось убеждение, что именно это стремление к выпячиванию национальной специфики является стержнем пекинской политики и идеологии.

Известно, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, а позже — братские коммунистические партии стран социализма уделили много внимания вопросам специфических форм, оригинальных путей построения социализма. Они исходили и исходят из творческого характера науки о коммунизме, из признания исторически необходимого множества этих путей и форм. Парижская коммуна, Советы, народно-демократические государства ряда стран Европы и Юго-Восточной Азии, революционные правительства — таковы формы диктатуры пролетариата. Среди них нет и не может быть маоистского режима.

Тип государственного устройства, политической организации классового общества, его социально-политическая сущность определяется тем, какой класс стоит в центре этой организации, удерживая общество с помощью системы норм и институтов в состоянии отношений его господства, определяя цель общества своей классовой целью, а также характер связей с другими классами и слоями общества (союзниками, резервами, эксплуатируемыми, угнетаемыми и т. д.). Этот показатель в основном совпадает с рамками общественно-экономических формаций.

Форма политической организации складывается объективно-исторически и выражается в определенной структуре политических институтов и традиций, норм, в разнообразии исторических ролей социальных групп и их движений, а также исторических ситуаций.

Понятие политического режима гораздо конкретнее, поверхностнее, иногда даже создается впечатление, что его особенности определяются чисто субъективными факторами. В рамках того или иного типа, той или иной формы политической организации режим выражает характер и масштабы связей, прямых и обратных, между субъектом и объектом социального управления в целом. Субъект управления здесь наиболее заметен особенностями своих способов, средств, методов, своего стиля, характером самого субъекта управления, вплоть до персонального состава исполнителей. Однако формируется он отнюдь не произвольно. Характер принимаемых решений, способы их исполнения и контроля зависят и от внешних условий («осажденная крепость» или «содружество»), и от внутренних (форма политической организации, социальный авторитет режима, социально-политический опыт масс, даже характер, структура и уровень культуры). Иными словами, не всякий режим совместим с тем или иным уровнем развития общества, типом и формой политической организации, хотя последние могут сменить и ряд режимов.

Одно обстоятельство несомненно — и тип, и форма, и режим имеют историческую, а не этническую, социальную, но не национальную основу. Режим можно навязать обществу, он может возникнуть исторически случайно, но он не есть выражение национальной психологии, не признак той или иной нации, как и тип, и форма политической организации.

Поэтому специфика политической организации, ее характер и особенности историчны по своей природе, а не национальны в упомянутом смысле. Любителям национальной специфики уместно напомнить, что, во-первых, на основе национальной исторической специфики не может строиться научный взгляд на общество, так как не может быть теории на частностях, можно только растащить науку по «национальным квартирам», превратить в спекуляцию. На опыте маоизма весьма наглядно и убедительно можно представить эту передержку: вместо соединения марксизма-ленинизма с рабочим и революционным движением, то есть соединения теории с практикой, что имеет своим результатом успешные революционные действия, была произведена манипуля-

ция протаскивания в революционное движение маонизма под видом марксизма-ленинизма, результатом чего стал провал социалистического строительства в Китае. Наконец, как свидетельствует длительный опыт общественного развития, «специфика» нередко выступает в качестве помех прогрессу, необходимо ее преодоление. Этот же опыт убеждает, что в одежде «специфики» чаще всего рядится мелкобуржуазный авантюризм и национализм. Марксизм-ленинизм как творческое учение предполагает учет, а не культ специфики, которая не может быть основанием выработки цели политической борьбы рабочего класса. Специфика — предмет не столько теории, сколько конкретной политики, поэтому разговоры о «моделях», особых «путях» имеют целью скрыть главное — для строительства нового общества прежде всего нужно глубокое, систематическое знание, нужна марксистско-ленинская наука, без чего невозможен плодотворный учет специфики, эффективная политика, победа, преодоление «специфики» как результата случайного, частного, стихийного в развитии, либо недобросовестных манипуляций, которые дезориентируют массы и вводят к растрате общественных сил.

Учитывать специфику, но не подчиняться ей, искать национально-исторические формы ради общего движения к успеху дела социализма — это значит строить социализм, а не «специфику» вроде маоистской диктатуры, применять теорию для активизации практики, а не глушить ее отрицанием теории. Преклонением же перед спецификой часто прикрывают регрессивные тенденции. Теория существует именно для того, чтобы из огромного социального опыта отобрать и оценить стихийное, случайное — и закономерное. Наука делает общественное движение осмысленным и целесообразным, спекуляция терпит крах. Нельзя же называть нынешний режим пекинских правителей «успехом» применения маонизма, доказательством его «научности» и истинности.

На путанице общего и особенного часто свивают себе гнездо реакционные, антикоммунистические идеи. Так буржуазная пропаганда, превознося достижения европейского капитализма, скрывает от публики то обстоятельство, что это не абсолютное достояние капитализма, а результат того, что капитализм развивался в условиях европейской цивилизации и, за небольшим числом исключений, нигде более расцвести не смог и, насколько можно судить, не сможет.

Вечный «избыток» голодающего населения, что исключало применение машин, консервировало общественные отношения на самом примитивном уровне, «растительный образ жизни», многочисленные завоевания (в том числе и «с обратным знаком»), обесценение личности и традиции деспотизма — в этих условиях ничто не могло подняться выше состояния «зародыша», «ростка», «вкраплений» в неподвижное агрегатное состояние без возможности какого-то выбора, исхода. Застой идей и тупик в истории и культуре — разве это «специфика», а не драма целого народа? Разве можно привести в историческое движение такое общество с помощью маннакального национализма, сделав из него «историческую бомбу», угрожающую взорвать цивилизацию?

История — сплошная специфика. Тем и велик К. Маркс, что он нашел в ней общие законы и заставил их служить людям, их будущему. Мао Цзэдун «специализировал» марксизм и — результат налицо — бедствия великого, талантливейшего народа, обделенного историей, обманутого «вождями».

Как предшествовавший режим, названный режимом Линь Бяо и «четверки», так и нынешний режим в КНР по своим основным характеристикам не совпадают с характеристиками диктатуры пролетариата, поэтому не «вмещаются» в рамки категории «форма диктатуры пролетариата», не являются и разновидностями политического режима в условиях диктатуры пролетариата. Это нечто иное, в корне отличное...

«Парцельные крестьяне, — писал К. Маркс, — составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними... Их поле производства... не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а следовательно и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений... Громадная масса... образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени... Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцельного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество»⁵.

В. И. Ленин в свою очередь характеризовал аналогичные свойства бытия консервативной части крестьянства — «отдельность», «обособленность», привычка к «труду враздробь», «неумение работать сообща». Это не что иное как типовые характеристики мелкой буржуазии: общность похожести (в том числе этническая), местный уровень связей, отдельность, образ жизни «войны всех против всех», бесструктурность, ограниченность опыта, сила замшелых традиций и т. п. черты ее существования не только в деревне, но и в городе, занятой и физическим и умственным трудом, и в производстве и в обращении. «В силу» этих свойств для мелкой буржуазии типична неустойчивость, колебания, шараханье в крайности, она не просто хаотична, аморфна, она полярна в крайностях и лишь затем склонна к разброду, она раздирается неопределенным множеством устремлений — и она ничто сама по себе. Она может дать миру одиночек — сильных личностей, героев, гениев, но и отторгает их, сама оставаясь болотом. Не имея связи с историческим опытом, она падка на разного рода предрассудки, культ, но не в силах подняться до культуры. Свои крайности она обнаруживает либо в политиках-авантюристах, обладающих беспримерным талантом интриги и приспособленчества, коим в случае их удачи поклоняется слепо и рабски, либо в люмпенах, «отверженных», отбросах общества, которых сама же с наслаждением попирает. Главная страсть мелкой буржуазии — стать крупной, а ее оборотная сторона — безудержное озлобление в случае неудачи. Она за равенство, но из-за того, чтоб «другим было не лучше». Она ничем быть не может, но изо

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 207—208. Эти характеристики К. Маркс относит к консервативной, «чисто» мелкобуржуазной части крестьянства, которая хочет утверждения описанного бытия, но есть и другая часть, которая «стремится вырваться из своих социальных условий существования... присоединиться к городам и силой своей собственной энергии испровергнуть старый порядок» (с. 208—209) в отличие от тех, кто «тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его parcelлу и дал ему привилегированное положение» (с. 209). Это обстоятельство, кстати, подтверждает известное положение о некотором несопадении исторической категории «крестьянство» и социологической — «мелкая буржуазия».

всех сил стремится «изобразить» кого-то. В серьезном смысле это «предкласс» по своей внутренней организации, отсюда ее «комплекс неполноценности», экстремизм, и когда она вступает в сферу политической деятельности, то может проявить в равной мере и пассивность, и неразборчивость в средствах, и страсть к тирании. Ее политический идеал — «хозяин», деспот с замашками и кругозором главы патриархального семейства, которого наделяют мистическими чертами. Она не может создать собственной социальной организации и способа производства, так как аморфна сама по себе, но именно потому она живет мифом о подобном чуде. Эта среда рождает Наполеонов и Кавеньяков, как писал В. И. Ленин.

Капитализм не только рождается из этой среды, но и порождает ее себе на потребу — старым разделением труда, отчуждением в общественных отношениях. Он, с одной стороны, создает едва ли не общемировую систему хозяйства, и он же разобщает людей и народы, влечет общество к социальному вырождению, чьим психологическим выражением является индивидуализм. Мелкая буржуазия — и продукт этого растления, и его страдающая жертва, эксплуатируемая и помыкаемая крупным капиталом.

«Нужна диктатура пролетариата, — писал В. И. Ленин, — власть одного класса, сила его организованности и дисциплинированности, его централизованная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог *вести за собой* крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще. Тут фразерством о «демократии» вообще, о «единстве»,... на которое так склонны омешанившиеся социал-шовинисты и каутскианцы... делу не поможешь», тут не поможет все то «мещанское и филистерское», что так процветает «в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у „интеллигенции“»⁶. «...Успех социализма немыслим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией, этого настоящего залога возможной реставрации керенщины и корниловщины»⁷.

Преодоление элементов мелкобуржуазности в сознании и поведении людей и социальных групп, порождаемых «отдельностью» и «обособленностью» их бытия в той мере, в какой оно еще остается реальным, — это годы и годы научно выверенных и пролетарски организованных труда и борьбы в таких формах, как «нейтрализация» мелкой буржуазии, а главное — и самое сложное — «воспитание новой дисциплины труда» и общежития, опыта которых у нее нет по ее существу. Это преодоление расхлябанности, разобщенности, навыков поведения «особей, толкающихся у кормушки» не просто ликвидация, но длительное изживание мелкобуржуазности, дающее простор человеческому, то есть социальному, в человеке, обществе, обстоятельствах, то есть действительное обогащение человека многообразием человеческих талантов.

Но представим себе иную ситуацию, когда события сложились вдруг таким образом, что мелкая буржуазия оказалась предоставлена самой себе, вознесенная на гребень волны, допустим, что по тем или иным причинам после революционного переворота в стране не сложилась, не утвердилась диктатура пролетариата, а диктатура буржуазии уже свергнута. Или более реальная ситуация: в условиях современной эпохи, противоборства двух мировых систем, социализма и капитализма,

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 386, 388.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 189.

в условиях, допустим, относительного равновесия и абсолютного напряжения двух мировых классовых организующих сил в той или иной не очень развитой стране может сложиться ситуация, когда мелкая буржуазия, оказавшись в состоянии «независимого» балансирования, может отказаться от того, чтоб «ее представляли другие», проникнуться иллюзией своей способности к самостоятельной социальной организации, «своему» пути исторического развития.

В этом случае, как мы убеждаемся на событиях в КНР, может возникнуть не мелкобуржуазная, не промежуточная формация, не мелкобуржуазная диктатура, хотя ее крайние режимы — «казарменный» и мешанский «социализм», с их единой и единственной «социальной» связью — национализмом, с их бредовыми идеями гегемонизма в мире — вполне реальны. В этих условиях может возникнуть попытка мелкобуржуазной политической организации на неразвитых деформированных (а порой формальных) социалистических основаниях, организация, имеющая вид, превращенный вид мелкобуржуазной диктатуры. К чему это явление может привести само по себе — нетрудно представить, но дело все в том, что само по себе это явление не может существовать исторически долго.

Маоизм продемонстрировал ввиду особенностей исторического, международного, географического положения КНР в 60—70-е годы два крайних политических режима, представляющих собой игру в мелкобуржуазную диктатуру, он прошел все стадии своей эволюции и, исчерпав себя исторически, дошел до стадии идейного кризиса, разброда, а быть может и краха. Еще живы социальные слои, на которые он опирался, и из которых вышел, жива эмоциональная память о «великом кормчём» у китайского населения, появились элементы усталости, растерянности в обществе, на всем этом маоизм еще может паразитировать годы и даже десятилетия с помощью Запада, на недоразумении о революционном авторитете, на сходстве проблем с некоторыми освободившимися странами, на элементах социализма и с помощью прироста «коммунистической» фразеологии.]

Нынешний режим в КНР так же, даже в еще большей мере объективно неоднороден, чем при жизни Мао Цзэдуна. Смогут ли «ортодоксальные маоисты» остановить сползание к капитализму правооппортунистической группировки, не применяя средств периода «культурной революции», средств кстати изношенных? Смогут ли в свою очередь правые маоисты довести до логического конца свою линию, не возбудив серьезного социального протеста? Ответ на этот вопрос может дать лишь китайский народ. Этот ответ зависит от степени его усталости, деморализованности как следствия того развала и шатаний, который привнесли в его жизнь оба режима, играя на его страданиях в «великий Китай», в «китайский путь к социализму».

Более определенно можно оценивать другое. Сколь бы не длилось в нынешнем руководстве Китая состояние взаимных атак и компромиссов, «критики — сплочения — критики», пекинскому режиму придется сделать выбор: назад к капитализму, или вперед, к социализму. Только тогда можно будет говорить об историческом месте нынешнего этапа жизни китайского общества, о характере власти в КНР 60—70-х годов, когда этот выбор определится. Либо это зигзаг на пути к социализму, вызванный слабостью пролетарского руководства, своеобразными внешними и внутренними факторами истории этой столь близкой нам страны, зигзаг, представляющий собой попытку утвердить «свое», мелкобуржуазное, замешенное на махровом национализме общество. Либо это мелкобуржуазная контрреволюция, прикрывающаяся опять-таки игрой в социализм.

Ясно и другое. Ни порывы националистической истерии деклассированной черни, ни макнавеллистская возня явных торговцев антисовет-

тизмом, тайно алчущих мешанского капитализма, — равно паразитирующие на недостатке социального опыта в китайском обществе — не дадут решения о том, каков выход Китая из глубокого исторического тупика, а лишь усугубляют его тупиковое состояние. Выход же один — диктатура пролетариата, и в КНР многие знают это.

Что же до маонизма, то не пора ли резюмировать его оценку словами Энгельса: *«невменяемость как результат мании величия»*⁸.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 338.

Законодательная политика Пекина на современном этапе

*Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук*

В. П. Слабнов

В 1979 г. в КНР после многолетнего перерыва были опубликованы нормативные правовые акты, первыми из которых явились «Положение о вознаграждении за изобретения» (принято Государственным Советом КНР 28 декабря 1978 г.¹) и «Положение КНР об арестах и задержаниях» (принято Постоянным комитетом ВСНП 23 февраля 1979 г.²). Одновременно с последним актом Постоянный комитет ВСНП утвердил для опытного применения «Закон КНР о лесном хозяйстве (экспериментальный)», который не был первым опубликованным актом в области лесного хозяйства (ранее были обнародованы устанавливающие некоторые правовые нормы «Уведомления Госсовета КНР об охране лесов и прекращении беспорядочной и чрезмерной их вырубki»³). Наконец, на II сессии ВСНП пятого созыва (июнь — июль 1979 г.) был принят ряд крупных законодательных актов, в том числе два кодекса. Публикации указанных актов предшествовала длительная (и незавершившаяся с их принятием) кампания в печати за «установление законности» и «совершенствование законодательства» в рамках пропаганды общего курса «борьбы за установление всеобщего порядка в стране». В ходе этой кампании были подвергнуты критике явления произвола и беззакония в стране, восходящие к 50-м годам и особенно характерные для периода «культурной революции». Вопреки исторической правде эти явления связываются пропагандой КНР исключительно с деятельностью Линь Бяо и «банды четырех». Мао Цзэдуну при этом приписывается роль своего рода ревнителя законности и инициатора создания совершенного законодательства в КНР, кодексов законов. В уста покойного «кормчего» вкладывают, например, такие слова, якобы относящиеся к 1962 г.: «Нужен не только уголовный кодекс, также нужен и гражданский кодекс, а сейчас у нас царит беззаконие»⁴. В 1965 г. Мао Цзэдун, согласно нынешним заявлениям китайской печати, как будто бы «заботливо спрашивал», разработаны ли кодексы⁵.

Ранее о таких высказываниях Мао Цзэдуна известно не было. Однако в хунвэйбиновской прессе времен «культурной революции» приводились в качестве «черного материала» подобные высказывания Лю Шаоци, который в 1962 г. заявлял следующее: «Необходимо быстрее разработать проект уголовного кодекса, чтобы представить его на пробный разбор Постоянному комитету ВСНП. Гражданский кодекс также ну-

¹ «Жэньминь жибао», 17.I.1979.

² Там же, 25.II.1979.

³ Там же, 3.II.1979.

⁴ «Гуанмин жибао», 2.XI.1978.

⁵ См. «Жэньминь жибао», 24.XI.1978.

жно разрабатывать»⁶. Что касается точки зрения самого «председателя Мао», то она в том же хунвэйбинском листке была представлена следующим «откровением»: «В любое время нужно опираться только на подъем народных масс, опираться на массовые революционные кампании, законодательство может быть только вспомогательным средством». Однако если обратиться к известной практике «культурной революции», то в ней законам не отводилось даже вспомогательной роли. Более того, маоистские штурмовики — «революционные учащиеся» — заранее освобождались официальным документом китайского руководства от уголовной ответственности за преступления, совершенные «в ходе движения»⁷.

Известно также, что «культурная революция» предварялась кампанией в печати (особенно в специальных политико-юридических изданиях), которую можно охарактеризовать как подведение базы под акты произвола и беззакония. Так, в 1965 г. журнал «Чжэнфа яньцзю» («Политико-юридические исследования») выступал со следующими «рекомендациями» органам юстиции КНР: «Все чисто юридические предосторожности и излишние церемонии, связывающие массы и не соответствующие революционной борьбе, надо без малейшего сожаления отбросить. Надо ясно представлять, что все необходимые нормативные установления, процедурные порядки предназначены для борьбы с врагами, а не для того, чтобы связывать нас самих. Мы должны применять революционную точку зрения классовой борьбы, а не метафизически относиться к различным установлениям закона»⁸.

Маоисты требовали, чтобы работники политико-юридических органов поступали по формуле «Как скажет председатель Мао, так я и сделаю»⁹. Именно тогда — в период, предшествовавший «культурной революции», в практику органов юстиции¹⁰ стало внедряться подвергаемое сейчас задним числом критике «цитатное судопроизводство», то есть непосредственная ссылка в судебных приговорах на цитаты из работ Мао Цзэдуна, а не на соответствующие статьи закона. Сейчас китайская печать, связывая, естественно, подобные установки с деятельностью Линь Бяо и «четверки», пишет, что «они пытались придать силу закона высказываниям Мао Цзэдуна, создав, таким образом, «цитатное судопроизводство», аналогичное существовавшему в средневековых религиозных судах. Достаточно было даже нескольких искаженных или фальсифицированных высказываний, чтобы обречь человека на смерть»¹¹.

С существом такого рода критики нельзя не согласиться, однако нельзя согласиться и с тем, что «четверка» и Линь Бяо ввели «цитатное судопроизводство», поскольку к моменту возвышения «банды четырех» оно уже существовало. А что касается Линь Бяо, то его высказывания по вопросам судопроизводства никогда не публиковались и о его деятельности в области руководства органами юстиции ничего не известно. Извращения как в области законодательной политики, так и в практике политико-юридической работы несомненно шли непосредственно от Мао Цзэдуна. «Четверка» и Линь Бяо в этом вопросе, так же как и в других сферах жизни страны, играли роль лишь подручных «кормчего». Без признания этого неопровержимого факта критика беззаконий и дру-

⁶ Цитируется по редакционной статье «До конца разоблачить контрреволюционные ревизионистские преступления Лю Шаоци в области политико-юридической работы» («Чжэнфа гушэ», 16.IV.1967).

⁷ Имеется в виду «Решение о великой пролетарской культурной революции», принятое XI пленумом ЦК КПК 8-го созыва, проходившим 1—12 августа 1966 г.

⁸ «Чжэнфа яньцзю», 1965, № 1, с. 19.

⁹ См. там же, 1966, № 1, с. 18.

¹⁰ Во время «культурной революции» место конституционных органов юстиции заняли военно-контрольные карательные органы и самочинные суды «революционных масс», то есть хунвэйбинов и цзаофаней.

¹¹ «Гуанмин жибао», 26.X.1978.

гих отрицательных явлений жизни Китая является беспредметной и поэтому, в сущности, не может считаться направленной на исправление сложившегося положения.

Кроме того, в условиях современного Китая критические высказывания в печати в отношении тех или иных недостатков или извращений во все не означают стремления с ними покончить. Это можно проиллюстрировать на примере критики в китайской печати так называемого местного законодательства в сопоставлении с реально существующим положением в стране. «Местным законодательством» в китайской печати имеется выработка местными властями обязательных установок, в том числе и ограничивающих права граждан. Чаще всего это введение не предусмотренных общегосударственными законами и постановлениями штрафов и других видов наказания, а в отдельных случаях — поощрительных мер. Однако до сих пор, несмотря на критику «местного законодательства», китайская печать сообщает о практике штрафов за непосещение собраний и даже за критику, о случаях телесных наказаний и т. п.¹² Одновременно сообщается в положительном контексте о таких местных мерах поощрения сокращения рождаемости, как, например, создание системы льгот и пособий для семей с одним ребенком, в том числе освобождение от налога на воспитание и образование, бесплатное медицинское обслуживание до восьмилетнего возраста, освобождение от отправки в отдаленные сельские и горные местности и др.¹³ Все вышперечисленное и служит примером «местного законодательства».

Разумеется, сказанное не означает, что китайское руководство ограничивает законодательную политику пропагандистскими маневрами. Объективные потребности хозяйственного управления и развития внешнеэкономических связей вызывают необходимость обращения к правовым рычагам. Этого же требует политика укрепления общественного порядка, основательно расшатанного «культурной революцией» и другими маоистскими экспериментами. В 1978 г. была возобновлена деятельность специального партийного органа, определяющего законодательную политику. Сейчас он называется Политико-юридической группой ЦК КПК. Эта группа, по-видимому, осуществляет те же функции, что и существовавшая в конце 40-х годов правовая комиссия ЦК КПК во главе с Ван Мином. Сейчас группу возглавляет член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета Цзи Дэнкуй. В состав группы входят такие деятели, как министр общественной безопасности КНР Чжао Цанби, заместитель премьера Госсовета (в то время начальник секретариата ПК ВСНП) Цзи Пэнфэй, председатель Верховного народного суда Цзян Хуа и другие. Группа наметила план ближайших законодательных мероприятий, который был изложен в докладе Чжао Цанби на созванном в октябре 1978 г. совещании по вопросам законодательного строительства¹⁴.

Из доклада следует, что нынешнее китайское руководство решило опираться на правовые нормы главным образом в области хозяйствования, административного управления и судопроизводства, поставив право на службу «четырем модернизациям». Поэтому первоначальному введению в законную силу подлежат пересмотренные или издаваемые заново законы и другие нормативные акты в области хозяйственного права и совершенствования государственного аппарата, на который сейчас легла основная тяжесть работы по руководству «модернизациями». К таким актам, в частности, были отнесены законы об организации и

¹² См. «Чжунго цинняньбао», 4.I.1979 (подборка писем читателей на с. 3). Та же газета 31 марта 1979 г. поместила материал, осуждающий официально существующую в некоторых школах практику взимания штрафов с родителей учащихся, нарушающих дисциплину.

¹³ См. «Чжунго цинняньбао», 21.I.1979.

¹⁴ См. «Жэньминь жибао», 29.X.1979.

деятельности различных частей государственного аппарата (прежде всего местных органов власти и управления, судов, прокуратур), положение о работе сельских народных коммун, положение о поощрении изобретения и о техническом новаторстве, постановления по вопросам техники безопасности на промышленных предприятиях, временное положение о поощрениях и взысканиях для работников государственных административных органов и т. п.

Особое внимание было обращено на законодательство об охране лесов, которое также подлежало первоочередному введению в силу. Как сообщил в своем докладе Чжао Цанби, бессистемная вырубка лесов, в частности в южной части Большого Хингана, отрицательно влияет на климатические условия и сельскохозяйственное производство. Позднее, уже в марте этого года, китайская печать напомнила, что Пекин еще в 1977 г. отнесен одним из учреждений ООН к числу городов, которым «серьезно угрожают пески». Сыпучие пески, писала «Гуанмин жибао» 2 марта 1978 г., все ближе подступают к китайской столице, что прямо связывается с чрезмерным уроном, нанесенным лесонасаждениям. Этот урон, как и все отрицательные явления в жизни страны при Мао Цзэдуни, связывают с деятельностью Линь Бяо и «четверки». Им же приписываются упомянутые Чжао Цанби варварские действия по уничтожению степей, превращение их в пустыню из-за беспорядочного подъема целины. В докладе Чжао Цанби были приведены также факты разбазаривания и самовольного захвата государственными учреждениями пахотных земель коммун.

В связи с этими обстоятельствами планируется введение фактически отсутствующего в Китае земельного законодательства, в том числе законов об охране степей и о порядке отчуждения земель для нужд государственного строительства.

В своем выступлении при закрытии II сессии ВСНП пятого созыва председатель Постоянного Комитета ВСНП Е Цзяньин назвал в числе подлежащих разработке законов гражданский и гражданско-процессуальный кодексы, законы о браке, о плановом деторождении, о промышленных предприятиях, о труде, о договорах (имеются в виду хозяйственные договоры. — Авт.), об энергетических ресурсах, об охране окружающей среды¹⁵.

Обещано учредить и специальные «судебные органы, разрешающие различные конфликты и дела в хозяйственной работе». Таким образом, поставлен вопрос об организации в Китае ранее там не существовавших хозяйственных судов, которые, однако, не будут аналогами органам государственного арбитража, так как, судя по ряду публикаций, сторонами в процессах этих судов могут быть и физические лица¹⁶. Не исключено также, что эти суды будут рассматривать и дела о хозяйственных преступлениях.

О правовом регулировании внешнеэкономических связей (в том числе вопросов, связанных с привлечением иностранного капитала) в докладе Чжао Цанби не упоминалось. Однако об этом говорилось в других публикациях китайской прессы, причем особенно откровенно китайские юристы на этот счет высказывались в беседах с иностранными журналистами. Так, в беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» заместитель заведующего отделом Института права АОН Китая¹⁷ Ван

¹⁵ Еще более широкий перечень предлагаемых к изданию законов был дан в статье Ван Цзяфу и Чэнь Минся об экономическом законодательстве и хозяйственной юстиции («Жэньминь жибао», 6.XII.1978). Там говорилось также о необходимости издания законов об авиационных и железнодорожных перевозках, торговле, земельного и горнорудного кодексов.

¹⁶ См. напр., статью Ху Цяому «Соблюдать экономические законы, ускорять осуществление четырех модернизаций» («Жэньминь жибао», 6.X.1978).

Цзяфу заявил, что в Китае разрабатывается законоположение, предусматривающее защиту иностранных капиталовложений в Китае и совместных с иностранным капиталом предприятий, а также патентных прав иностранцев¹⁸. О том, как далеко китайцы готовы пойти в уступках иностранному капиталу, свидетельствует содержащееся в той же беседе обещание нейтрального арбитража в случаях конфликтов между иностранными фирмами и китайскими государственными корпорациями. Эти конфликты, по всей вероятности, предполагается исключить из компетенции китайских хозяйственных судов. Для регулирования внешнеэкономических связей и частнопредпринимательской деятельности внутри страны обещаны разработка и введение в действие торгового кодекса¹⁹.

Шаги, предпринятые китайским руководством в области законодательства, не ограничиваются сферой правового регулирования экономики, хотя она, несомненно, рассматривается в качестве наиболее важной и подлежащей первоочередному обеспечению нормативными актами.

Выше уже упоминалось принятое 23 февраля 1979 г. Постоянным комитетом ВСНП «Положение КНР об арестах и задержаниях». На II сессии ВСНП пятого созыва были приняты уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. До сессии в китайской печати имел место ряд публикаций о необходимости скорейшего введения уголовного и уголовно-процессуального кодексов, в общей форме ставился вопрос и о разработке гражданского кодекса²⁰. В этих статьях указывалось, что в 1962—1963 гг. в КНР разрабатывался проект уголовного кодекса. Ранее о нем упоминаний в китайской печати не было, говорилось лишь о проекте, подготовленном в 50-е годы. Тогда писали, что проект содержал 261 статью и состоял из двух частей (очевидно, общей и особенной)²¹. Кроме того, Ши Лян, занимавшая в то время пост министра юстиции КНР, писала в 1957 г. о предстоящем введении уголовного кодекса и о том, что активно ведется работа по составлению проектов гражданского и процессуального кодексов²². По-видимому, в начале 60-х годов, то есть в период «урегулирования», была продолжена работа над проектом уголовного кодекса, прерванная «большим скачком».

Как пишут сейчас, проект был направлен в «некоторые провинции, города центрального подчинения и автономные районы для запроса мнений»²³. О дальнейшей его судьбе ничего не сообщается. Есть указание на то, что в те же годы разрабатывался и проект уголовно-процессуального кодекса КНР²⁴. То, что эта работа была прервана, сейчас, конечно, связывается с «подрывной деятельностью Линь Бяо и «банды четырех».

Мероприятия в области законодательства диктуются как уже отмеченной выше объективной необходимостью, так и пропагандистско-политическими соображениями. Нынешние китайские руководители, по всей вероятности, осознали всю важность правовых рычагов регулирования экономики. Они, по-видимому, приложат усилия для введения соот-

¹⁷ Деятельность академического Института права была возобновлена в 1977 г., сейчас он входит в систему Академии общественных наук (ранее был в системе Академии наук Китая).

¹⁸ In: "New York Times", 15.I.1979.

¹⁹ Ibid.

²⁰ См., напр., статьи Института права АОН Китая «Крепко взяться за разработку уголовного и уголовно-процессуального кодексов» («Гуанмин жибао», 2.XI.1978). Чжан Чжунлиня «Настоятельно необходимо разработать уголовный и уголовно-процессуальный кодексы» («Жэньминь жибао», 24.XI.1978).

²¹ См., напр., «Гуанмин жибао», 24.XI.1956. В принятом ВСНП 1.VII.1979 г. Уголовном кодексе КНР 192 статьи (см. «Гуанмин жибао», 7.VII.1979).

²² In: "People's China", 1957, № 6.

²³ «Жэньминь жибао», 2.XI.1978.

²⁴ См. там же.

ветствующих законов и кодексов и создания механизма правового регулирования, особенно в области внешнеэкономических связей, где такая работа проводилась и ранее. Процесс введения правового регулирования внутриэкономических проблем не может не быть трудным и длительным как в силу практического отсутствия у китайского руководства традиций и опыта хозяйственного управления при опоре на правовые рычаги, так и из-за отсутствия кадров, способных обеспечить этот процесс. Аналогичные трудности встретятся и на пути внедрения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Следует ожидать быстрых и эффективных мер по созданию правовых условий для привлечения в Китай иностранных капиталов, техники и т. п., свидетельством чему является принятие II сессией ВСНП пятого созыва Закона об эксплуатации предприятий, созданных на основе совместных китайских и зарубежных капиталовложений. Этот закон, опубликованный в «Жэньминь жибао» 9 июля 1979 г., разрешает иностранным компаниям, другим иностранным экономическим организациям и отдельным лицам образовывать в пределах КНР совместно с китайскими экономическими организациями смешанные предприятия. Охрана «прав и интересов иностранного партнера» — одна из задач законодательного регулирования смешанных предприятий. В частности, согласно закону, смешанные предприятия в первые два-три года прибыльной деятельности могут быть частично или полностью освобождены от уплаты налогов. В случае реинвестиции полученной прибыли в Китае иностранному партнеру могут быть возвращены уже уплаченные налоги. Иностранному партнеру по закону право вывоза за границу полученных прибылей, а при прекращении деятельности смешанного предприятия — и вложенных капиталов. Кроме того смешанным предприятиям предоставляется право сбывать свою продукцию на территории Китая и за границей. В этих целях им разрешается учреждать свои филиалы за пределами страны. Таким образом, созданы весьма льготные условия для иностранных капиталовложений в КНР.

Да и вообще китайские руководители явно хотят представить свою страну зарубежным партнерам в качестве «правового государства», надежного контрагента в сделках. Сами капиталистические партнеры Китая, и не только они, в свою очередь, не прочь приукрасить фасад новомаоистского режима и аплодируют всяческим его ухищрениям в создании видимости «демократизации и законности» в стране.

Разумеется, наибольшее число благоприятных откликов в буржуазной прессе вызвал закон о смешанных китайско-иностранннх предприятиях²⁵. Вместе с тем положительной оценки, хотя и с некоторыми оговорками, «удостоились» и другие принятые на II сессии ВСНП законы КНР, в том числе избирательный, законы об организации судов и прокуратур и другие. Особо отмечались установления избирательного закона о допущении в определенных пропорциях множественности кандидатов на выборах местных СНП и самовыдвижения кандидатур. Разумеется, эти меры никакой опасности для правящей верхушки КНР не представляют, однако они явно рассчитаны не только на создание «нового образа» Китая за рубежом (чем китайские руководители сильно озабочены), но и на уменьшение существующей в стране социальной напряженности. Несомненно, на практике и множественность кандидатов, и самовыдвижение кандидатур на выборах будут «регулироваться» властями. Недаром в новом законодательстве выборы по-прежнему связываются с «демократическими консультациями» — термином, всегда означавшим в политической практике КНР многоступенчатый отбор членов различных руководящих и представительных органов.

²⁵ См., напр., статью «Пекин издал закон, призванный привлечь инвесторов» в «New York Times», 9.VIII.1979.

Не прошло незамеченным за рубежом, что новым законом о судах были восстановлены такие принципы судопроизводства, содержащиеся в законе КНР об организации народных судов КНР 1954 г., как использование различными национальностями своих языка и письменности в суде, коллегиальное рассмотрение дел и т. д. На деле такого рода новые тенденции в китайском законодательстве отражают политику правящей верхушки КНР, стремящейся путем жестко контролируемой и строго дозированной «демократии» стимулировать необходимую режиму активность населения, повысить эффективность деятельности государственных органов, привлечь симпатии к режиму за рубежом.

Некоторые меры китайского руководства в области законодательства, неся определенную пропагандистско-политическую нагрузку, являются вместе с тем и отражением требований народа. Сюда относятся, например, меры, направленные на пресечение произвола, в числе которых — издание Постоянным комитетом ВСНП «Положения КНР об арестах и задержаниях». Если этот акт сравнить с его предшественником — таким же положением от 20 декабря 1954 г., то в нем демократизирующие моменты не обнаруживаются; наоборот, по новому положению значительно удлинен срок содержания под стражей без предъявления обвинения. Однако новый акт как бы заново вводит сметенные «культурной революцией» нормы об органах, имеющих право производить аресты и задержания, о различных связанных с этим гарантиях прав граждан.

Число людей, пострадавших от произвольных арестов в период «культурной революции» и после нее, велико. Среди них и видные в прошлом деятели, вернувшиеся сейчас на руководящие посты. Они хотели бы, конечно, обеспечить гарантии против произвола, во всяком случае против такого, который может задеть их непосредственно. От произвола страдают и народные массы, так как произвольные аресты проводились в различных слоях китайского общества — не только среди кадровых работников и интеллигентов, но и среди многомиллионных масс других трудящихся. Поэтому принятие «Положения КНР об арестах и задержаниях» в известной степени соответствует чаяниям народа. Другое дело, как это положение будет проводиться в жизнь, особенно на местах.

Принципы, которые легли в основу положения, вытекают из конституции КНР 1978 г., а некоторые данные о применении конституции за истекшее после ее принятия время приводят к неутешительным выводам. Вот, например, о каком толковании конституционных положений на местах рассказывала дацзыбао, появившаяся в городе Тайюань 16 марта 1978 г.: «В городе Тайюань органы безопасности, как и прежде, не имея улик и без предварительного согласования с судебными органами, хватают кого попало. Так, позавчера работники безопасности схватили по подозрению в совершении преступления трех молодых рабочих. Арестованные потребовали предъявить им судебные ордера, на что получили такой ответ: «Вы подозреваетесь в преступлении как классовые враги, поэтому в данном случае не требуется ничья санкция. Конституция гарантирует права граждан, но не охраняет прав классовых врагов»²⁶.

Это заявление не требует комментариев, можно лишь добавить, что фактически, согласно официальным решениям китайского руководства, все уголовные преступники в Китае отнесены к классовым врагам²⁷.

Однако как бы ни складывалась практика применения права, в КНР должно произойти быстрое наращивание государственных правовых норм, и в дальнейшем законодательное регулирование охватит, по-видимому, многие отрасли права. На VI заседании Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва 23 февраля 1979 г. была сформирована правовая

²⁶ «Чжунго далу», 1978, № 130.

²⁷ Например, в решениях состоявшегося в декабре 1978 г. III пленума ЦК КПК 11-го созыва сказано: «Ни в коем случае не оставлять классовой борьбы с горсткой контрреволюционеров и уголовных преступников» («Жэньминь жибао», 24.XII.1978).

комиссия с задачей «содействовать Постоянному комитету ВСНП в усилении законодательной работы». Председателем комиссии был назначен недавно реабилитированный Пэн Чжэнь, который до «культурной революции» в периоды трех созывов ВСНП возглавлял его секретариат, являясь одновременно заместителем председателя ПК ВСНП и занимая другие государственные и партийные посты. Ряд известных деятелей, в том числе и деятелей юстиции, был назначен заместителями председателя и членами комиссий. В числе последних — бывший министр юстиции Ши Лян, бывшие руководящие работники Верховного суда Ян Сюфэн и Гао Кэлин, бывшие ответственные работники Госсовета и ПК ВСНП Ван Чжисян, Чжан Су, У Кэцзян и др. В число заместителей председателя комиссии вошли известные деятели — Ху Цяому, Ван Шоудао, Ань Цзывэнь. II сессией ВСНП пятого созыва была образована комиссия законодательных предположений этого органа.

Несколько раньше были приняты меры для оживления правовой науки. Как уже упоминалось, в Китае возобновлена деятельность академического Института права, а также юридических учебных заведений и факультетов. В апреле 1979 г. вышел первый номер теоретического юридического журнала «Фасюэ яньцзю» («Изучение права»). 6 апреля 1979 г. агентство Синьхуа сообщило, что с 22 по 31 марта с. г. состоялось созданное Институтом права АОН Китая Всекитайское совещание по вопросам планирования научной работы в области правоведения, на котором были приняты «Основные положения плана развития научной работы в области права КНР на 1978—1985 гг.».

С 1977 г. в китайских газетах и неспециальных журналах идет поток выступлений по правовым вопросам. Некоторые из них в своих критических частях напоминают выступления периода «соперничества ста школ» весной 1957 г., окрещенного затем «бешеным наступлением правых».

Конечно, такого рода кампания в условиях Китая может вылиться и в повторение провокации с «соперничеством ста школ», однако сейчас более вероятно другое — использование китайским руководством различных правовых институтов в интересах «четырёх модернизаций».

К переоценке тяньаньмэньских событий

*Р. М. Неронов,
кандидат исторических наук*

С оперничающие между собой группировки в китайском руководстве по-разному относятся к «корректировке» основных направлений развития китайского общества и оценок политических событий в Китае. Оценка личности Мао Цзэдуна и «культурной революции», мероприятия по мобилизации «активности масс», проблема реабилитации лиц, осужденных в последние двадцать лет, вопросы социально-экономической политики — все это вызывает новые столкновения внутри пекинского руководства. Китайские лидеры прилагают все силы, чтобы эти конфликты не стали достоянием гласности. Тем не менее некоторые документы и материалы, опубликованные в Китае, позволяют заключить, что временами эта борьба чрезвычайно обостряется.

Одним из свидетельств борьбы между двумя группировками служит изменение подхода к оценке «апрельских событий» на площади Тяньаньмэнь в 1976 г.

* * *

Закончившийся 22 декабря 1978 г. III пленум ЦК КПК 11-го созыва вынес специальное постановление о реабилитации апрельских событий 1976 г. на площади Тяньаньмэнь. В коммюнике пленума говорится: «Тяньаньмэньские события, происшедшие 5 апреля 1976 г., являются целиком и полностью революционным выступлением; это центральное событие великого революционного массового движения, в ходе которого весь многомиллионный народ страны с глубоким прискорбием чтит память товарища Чжоу Эньлая и с гневом осуждал «четверку». Пленум решил аннулировать все разосланные Центральным Комитетом ошибочные документы относительно «движения против правоуклонистского вихря пересмотра правильных выводов» и тяньаньмэньских событий.

Тяньаньмэньские события названы «великим почином в деле социализма», «гордостью китайской нации», «народным движением 5 апреля», которое «представляло собой схватку не на жизнь, а на смерть из-за судеб Китая», борьбу между «научным социализмом и феодальным социализмом». Газета «Жэньминь жибао» в двух номерах, от 21 и 22 ноября 1978 г., поместила пространную статью «Подлинный характер событий на Тяньаньмэнь», снабдив ее подзаголовком «Вновь перевернем поставленную с ног на голову историю событий, которую сфабриковала «банда четырех», использовав “Жэньминь жибао”».

Таким образом, произошла полная политическая переоценка указанных событий. Как известно, орган ЦК КПК — газета «Жэньминь жибао» с апреля 1976 г. долго и упорно утверждала, что события на Тяньаньмэнь — это «контрреволюционный политический инцидент», а письменные и устные выступления на площади направлены «против ЦК КПК и лично председателя Мао Цзэдуна»¹.

¹ См. «Жэньминь жибао», 27.IV.1976.

При оценке апрельских событий 1976 г. и развернувшейся вокруг них борьбы в китайском руководстве следует ответить прежде всего на такие вопросы:

1. Были ли тяньаньмэньские события чисто «народным движением» во главе с рабочими, как сейчас утверждает китайская печать?
2. Какие политические силы стояли за кулисами этих событий?
3. Было ли это движение антимаоистским, что в соответствии с новой версией отрицается в Китае?

В свое время печать Советского Союза и других социалистических стран дала принципиальную оценку событий 5 апреля, в целом охарактеризовав их как первое открытое и массовое выступление китайских трудящихся против маоистского режима².

Советские китаеведы справедливо отмечали следующие особенности апрельских событий 1976 г., которые явились выражением настроений наиболее сознательной части китайского общества, открыто выразившей свое недовольство маоизмом и маоистскими порядками: их антимаоистский характер; факт вступления народных масс в борьбу; элемент провокации особого, гапоновского типа; создание условий в ходе корректировки нынешнего курса для проявления здоровых сил на политической арене Китая.

С начала 1978 г. в Китае опубликованы новые материалы, проливающие свет на детали и существо событий на площади Тяньаньмэнь. Кровавая расправа над сотысячной массой демонстрантов, десятки убитых, многие сотни раненых, десятки тысяч арестованных³ стали еще одним свидетельством нарастающего кризиса режима Мао Цзэдуна, показателем того, что народное недовольство может привести к опасному для режима социальному взрыву. Испугал маоистов, как верно отмечала в свое время чехословацкая «Руде право», именно факт выступления в борьбу народных масс.

Отношение китайского руководства к «инциденту 5 апреля» весьма показательное. Состоявшееся 7 апреля, по следам событий, заседание Политбюро ЦК КПК квалифицировало их как «контрреволюционный инцидент». Заместитель председателя ЦК КПК, заместитель премьера Дэн Сяопин был снят со своих постов, а Хуа Гофэн назначен первым заместителем председателя ЦК и премьером Госсовета КНР.

Встает вопрос: действительно ли народные массы Пекина и других городов Китая в начале апреля 1976 г. неожиданно одновременно решили почтить память «уважаемого премьера Чжоу» и, изготовив сотни дорогих венков, портретов, написав большое количество стихов, осуждавших тогдашних правителей КНР, в том числе и самого Мао Цзэдуна, вышли на площадь? Или же, повторяя выражение, бывшее в ходу у китайской пропаганды при жизни Мао Цзэдуна, этот «политический инцидент был полностью заранее продуман и проведен планомерно и организованно»?

Сейчас выявились факты, свидетельствующие о том, что чествование памяти Чжоу Эньлая было лишь предлогом для массового выступления, а сами события на площади Тяньаньмэнь и в других городах Китая явились отражением резко обострившейся борьбы между двумя основными группировками внутри руководства КПК — левомаоистскими приближенными Мао и старыми кадровыми работниками во главе с Дэн Сяопином. Народные массы, разуверившиеся в политике Мао Цзэдуна, считали линию, связанную с именем Чжоу Эньлая, альтернативой, пусть небольшой, преступному политическому курсу, поэтому

² См., например, А. М. Михайлов. К событиям 5 апреля в Пекине. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3, с. 36—42.

³ По китайским данным, в Пекине в 1976 г. было репрессировано свыше 40 тыс., в Шанхае — более 3 тыс. человек.

охотно пошли на то, чтобы почтить память усопшего премьера и выразить протест против домогательств группировки Цзян Цин.

Сейчас китайская пресса характеризует те события следующим образом: «Это была особая война, война, когда оружием служили венки и стихи, с помощью которых открыли беглый огонь по «банде четырех», сидевшей высоко на захваченных постах»⁴.

Из сообщений китайской печати можно сделать вывод, что выступление не было стихийным: венки от предприятий и организаций готовились заранее в массовом порядке, как и стихи и тексты листовок. По более поздним сообщениям можно установить, что об этом знали партийные комитеты соответствующих производственных и административных единиц. Пекинский горком распространил телефонограмму: «Праздник поминовения усопших — это пережиток, поклонение духам. Он относится к четырем «старым» привычкам. Идти к памятнику не следует». Тем не менее многие низовые парткомы нарушили этот запрет. Видимо, они получили инструкции по другим каналам. Ряд должностных лиц лично возглавили траурные колонны и зачитывали тексты траурных клятв в память Чжоу Эньлая.

Политический смысл стихов и лозунгов, направленных против Мао Цзэдуна и его приспешников, говорит о том, что это отнюдь не был просто «плач по премьеру», это было начало открытой борьбы против ближайшего окружения Мао. В выступлениях принимали участие промышленные предприятия, в частности рабочие и служащие пекинских радиозаводов, завода 109 АН КНР, военнослужащие, сотрудники Института автоматки и других организаций⁵. А само участие военнослужащих, конечно, не могло не быть санкционировано командованием. Конечно, к людям, направленным от организаций, на площади могли присоединиться и случайные элементы, но не они составляли основную массу участников.

Сейчас говорится, что поводом для выступления послужили завулгаризованные выпады против покойного премьера Чжоу Эньлая в шанхайской газете «Вэньхуэй бао» в марте 1976 г. В редакционной статье, напечатанной в номере от 5 марта 1976 г., сначала была опущена цитата Чжоу Эньлая — слова, адресованные «нержавеющему винтику — товарищу Лэй Фэну», якобы безмерно преданному Мао Цзэдуну. Эта редакционная «вольность» была истолкована как попытка отделить Чжоу Эньлая от Мао и от армии. Затем в редакционной статье 25 марта 1976 г. «Вэньхуэй бао» написала: «Эти каппутисты внутри партии хотят поставить на арену свергнутого, но до сих пор не желающего исправиться каппутиста». Сейчас говорят, что население страны «немедленно поняло», что «эти две ядовитые стрелы, пущенные в премьера Чжоу, явились опасным сигналом в заговоре «банды четырех» по захвату власти в партии»⁶. И это якобы послужило запалом к взрыву тьяньаньмэньских событий.

Ныне всячески раздувается версия о «всеобщей любви» к «премьеру Чжоу», совершившему чуть ли не революцию. Необходимо сказать, что популярность Чжоу Эньлая в массах в условиях непомерно раздутого культа личности Мао Цзэдуна, который в то время был еще жив, весьма преувеличивается. Тем более что по Чжоу «наносились удары» в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», а также в ходе борьбы с «правоуклонистским поветрием пересмотра правильных выводов культурной революции» и т. п.

Известно, например, какова была реакция на сообщение о кончине Чжоу Эньлая в Шанхае. Многие партийные кадровые работники про-

⁴ «Жэньминь жибао», 21.XI.1978.

⁵ См. там же, 4.XII.1978.

⁶ Там же, 21.XI.1978.

тиводействовали траурным церемониям по случаю смерти Чжоу. Когда отдельные люди плакали, им делали замечания: «Чего плачете? Даже если бы умер ваш отец, и то полагается плакать дома!» В другом месте руководящий кадровый работник иронически замечал: «До такой степени ты убиваешься, что лучше самому отправиться вслед за премьером Чжоу!» А на одном шанхайском предприятии даже так говорили: «Стоит ли горевать из-за смерти какого-то американского шпиона?»⁷

Безусловно, что значительную массу населения страны, в первую очередь молодежь, соответствующим образом отрицательно настроивали против Чжоу Эньлая. Заметим, кстати, что никакой «линии премьера Чжоу» в Китае никогда не существовало. Сам Чжоу Эньлай проводил в жизнь установки Мао Цзэдуна, допуская только тактические коррективы маоистского курса, смягчая жесткость и обходя острые углы.

Не удивительно поэтому, что выступление народных масс началось не в Шанхае или Пекине, а в Нанкине, где было сильнее влияние «прагматиков». На улицах Нанкина 29 марта 1979 г. были расклеены листовки такого содержания: «Антипартийная статья в «Вэньхуэй бао» является сигнальной ракетой к захвату власти в партии», «Пока не схватим черное подполье из «Вэньхуэй бао», не успокоимся!»⁸ Была изготовлена трибуна, украшенная лилиями, к которым приносили траурные венки в честь покойного Чжоу Эньлая. На поезда, следовавшие в Пекин, тоже наклеивали листовки, которые читали вслух по пути следования. Таким образом, был найден путь для распространения информации о нанкинских событиях.

Интересно, что еще до нанкинских событий в Пекине знали содержание нападок на Чжоу Эньлая. «Народ Пекина еще раньше был разгневан подобными контрреволюционными действиями «Вэньхуэй бао», — говорится в корреспонденции о тех днях. — На предприятиях, в учебных заведениях, в учреждениях и в воинских частях — повсюду шли бурные обсуждения»⁹.

Доказательством организации массового выступления на площади Тяньаньмэнь могут служить почти одновременные инциденты подобного характера в ряде других больших, средних и малых городов КНР, причем некоторые из них происходили уже после принятия «двух решений» ЦК КПК от 7 апреля 1976 г. Все это говорит о том, что подобные выступления имели отнюдь не случайный характер.

Вопрос в том, кто мог подтолкнуть массы на подобные выступления.

По логике событий это вряд ли нужно было «четверке»: она при Мао Цзэдуне занимала достаточно высокое и прочное положение в партийном руководстве. Анализ призывов, лозунгов, стихов и других материалов во время событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине и в других городах показывает, что в подавляющем большинстве они были направлены против Мао и «банды четырех», главным образом против Цзян Цин, и выражались в прямых или косвенных призывах «свергнуть вдовствующую императрицу Цы Си», «долгой У Цзэтянь, провоцирующую беспорядки», «долгой людей типа Люй Хоу»¹⁰, «удавить Цзян Цин», «разбить собачью голову Цзян Цин».

Не подлежит сомнению, что все эти выступления готовились заранее и были инспирированы сторонниками Дэн Сяопина, который в результате интриг ближайшего окружения Мао оказался фактически отстраненным от дел. Слухи о его падении быстро распространились, а печать завуалированно подтверждала это.

⁷ «Чжаньван», 1.II.1976, с. 11.

⁸ См. «Жэньминь жибао», 21.XI.1978.

⁹ Там же.

¹⁰ Образы этих императриц Китая ранее использовались для восхваления Цзян Цин.

В подобной ситуации сторонникам Дэн Сяопина необходимо было принять меры, направленные на сохранение своего положения в руководстве.

Удобным случаем оказался наступавший день поминовения усопших. Сама личность покойного Чжоу Эньлая, отношение к нему стали своеобразной разграничительной линией между двумя основными группировками. Группировка Дэн Сяопина по усилению нападков в печати на «каппутистов», «демократов», «возвращенцев» поняла, что с устранением Дэн Сяопина она окажется в трудном положении. Можно даже предположить, что эта группировка в предвидении скорой смерти «великого кормчего» решила нанести упреждающий удар по «четверке» и если не свергнуть ее, то, во всяком случае, массовыми выступлениями в день поминовения усопших скомпрометировать в глазах народа и тем самым, используя выражение маоистов, «подготовить общественное мнение» к ее свержению.

Почему же все-таки удалось так быстро подавить выступление в аппареле? Во-первых, командование армии, очевидно, было расколото на фракции и не решилось выступить против фаворитов Мао Цзэдуна при его жизни. Во-вторых, фракция Цзян Цин, почувствовав, что борьба развертывается непосредственно против нее и что ее позиции подвергаются опасности, использовала авторитет Мао Цзэдуна, информировав его о событиях так, как ей было выгодно. С его согласия для подавления назревавшего бунта были применены вооруженные силы, аппарат общественной безопасности и ополчение. В-третьих, относительную свободу действий «четверки» предопределяло наличие в руководстве таких деятелей, как Хуа Гофэн, У Дэ, Чэнь Силян, Ван Дунсин, Цзи Дэнкуй, которые были связаны с «леваками» с начала «культурной революции» и возвысились в ходе ее. Как известно, Хуа Гофэн после этого «контрреволюционного политического инцидента» вышел в иерархии власти в КНР на второе место.

Левомаоистская группировка умело использовала события на площади Тяньаньмэнь для временного укрепления своих позиций: со всех постов был смещен Дэн Сяопин, исчезли с политического горизонта Вань Ли, Чжан Цзинфу, Чжоу Жунсин, Лю Бин, Ху Яобан, Ху Цяому и другие его сторонники. Под псевдонимом Лян Сяо была опубликована серия статей, где, в частности, говорилось: «Можно понять, что всякая нечисть, пришедшая на площадь Тяньаньмэнь, чтобы устроить скандал, плясала под дудку Дэн Сяопина. Инцидент на площади Тяньаньмэнь был преступным развитием раздутого Дэн Сяопином правоуклонистского поветрия за пересмотр правильных выводов культурной революции... контрреволюционный инцидент на площади Тяньаньмэнь доказал, что представители буржуазии и их руководители существуют внутри партии»¹¹.

Такая квалификация «кровавого понедельника» 5 апреля 1976 г. была на пользу левозэкстремистскому крылу, давала ему возможность усилить борьбу с «демократами — суть каппутистами», устранять своих противников в борьбе за дальнейшую «узурпацию» власти в партии. Однако последовавшие события — смерть Мао Цзэдуна и арест 6 октября 1976 г. Цзян Цин, Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня — повернули развитие политических событий в другое русло.

В советской и зарубежной печати арест «банды четырех» и разгром ее сторонников был оценен как верхушечный переворот. В Китае в течение длительного времени после разгрома «четверки» попросту замалчивали инцидент на площади Тяньаньмэнь или давали ему прежнюю оценку. Едва ли не единственным, и то неофициальным, проявлением нового подхода к «апрельским событиям» можно считать слова заме-

¹¹ «Жэньминь жибао», 22.X.1976.

стителя председателя Постоянного комитета ВСНП, вдовы Чжоу Энь-ляя — Дэн Инчао, которая в беседе с югославскими журналистами в 1977 г. сказала, что «вопрос об инциденте на Тяньаньмэнь в основном решен». Она повторила сделанное в свое время Хуа Гофэном заявление, что «после неоднократного расследования установлена непричастность Дэн Сяопина к апрельскому инциденту».

После разгрома «четверки» сторонники Дэн Сяопина начали настоятельно требовать его реабилитации. III пленум ЦК КПК 10-го созыва, состоявшийся в июле 1977 г., восстановил на всех постах Дэн Сяопина, снял со всех должностей и «навечно исключил из партии» членов «банды четырех». С возвращением Дэн Сяопина к политической деятельности усилилась реабилитация кадровых работников, репрессированных до и во время «культурной революции». По мнению ряда исследователей Китая, уже в самом начале вторичного возвращения Дэн Сяопина к политической деятельности появились противоречия между ним и Хуа Гофэном по вопросам отношения к «культурной революции» и реабилитации. Очевидно, не раз ставился и вопрос о реабилитации участников апрельских событий 1976 г. Вопрос этот был не так прост: в подавлении были замешаны власти Пекина (секретарь горкома и президиума У Дэ), армия (в то время министром обороны был Е Цзяньин, а Чэнь Сяньянь командовал Пекинским ВО), органы общественной безопасности (министром общественной безопасности был Хуа Гофэн), «дворцовая гвардия» — войсковая часть 8341 (подчиненная заведующему канцелярией ЦК КПК Ван Дунсину) и народное ополчение Пекина (командующий — Ни Чжифу).

В подобной ситуации вполне понятно было стремление части нынешних руководителей замолчать, предать забвению события 5 апреля, позорным клеймом отметившие маоистский режим. Отношение пекинского руководства к событиям 5 апреля, стремление «спасти лицо» Мао — красноречивое свидетельство того, что происходящий ныне процесс корректировки маоистского политического курса мало затрагивает существо маоизма и созданного им режима.

Это подтверждает и содержание большинства дацзыбао, два года подряд появлявшихся в Китае — в ознаменование первой и второй годовщин апрельских событий. Например, в листовке, появившейся в апреле 1977 г. за подписью «Мнение народа», ставился вопрос: почему кадровые и рядовые работники, смещенные со своих постов до ликвидации «банды четырех», не реабилитированы ни в Пекине, ни в других городах? Авторы другой дацзыбао заявляли: «... Действительно ли народ победил? «Четверка» свергнута, но реальное положение показывает, что массы по-прежнему подвергаются преследованиям, новорожденные силы революции уничтожены, в политической и экономической областях действуют все старые установки «четверки», которые получили еще большее развитие...» Дацзыбао утверждала, что «революция потерпела поражение», что «нынешняя власть не является властью пролетариата».

И во вторую годовщину событий 5 апреля на постаменте Памятника павшим героям революции на площади Тяньаньмэнь появились дацзыбао с нападка на высокопоставленных руководителей. В дацзыбао выдвигались требования «провести тщательное расследование подоплеки событий 5 апреля 1976 г. и опубликовать его результаты в печати». За несколько дней до второй годовщины событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине и Нанкине произошли массовые демонстрации, которыми руководили люди, пострадавшие два года назад. Демонстранты распространяли листовки, расклеивали дацзыбао, скандировали лозунги. В них содержалось требование сузить наказание «злодеев», расправившихся с народом на площади Тяньаньмэнь, — прежде всего У Дэ и Чэнь Сяньяня. Полицейские получили приказ, пре-

сечь демонстрации, в результате произошли стычки и кровавые драки. И в Пекине и в Нанкине имелись убитые, число которых до сих пор неизвестно.

В одной дацзыбао прямо ставился вопрос об ответственности тех, кто руководил тогда «ЦК партии и органами диктатуры в нашей стране». Все знали, что это относится прежде всего к Мао Цзэду, Хуа Гофэну, Чэнь Силянью, У Дэ и Ни Чжифу. На этот раз, в апреле 1978 г., помимо упомянутых лиц, критиковались руководители более низкого ранга, например секретарь Пекинского горкома КПК Дин Гоюй — «за предательство Чжоу Эньлая, под началом которого он в свое время работал в МИД КНР». Нападкам подверглась Се Цзини, бывшая членом ЦК КПК и Постоянного комитета ВСНП, руководителем Подготовительной группы созыва X съезда КСМК, членом авторской группы «Лян Сяо», а также Ли Сувэнь — член ЦК, заместитель председателя ПК ВСНП.

В многочисленных дацзыбао, появившихся с 4 по 8 апреля 1978 г., содержался ряд новых фактов и требований. Например, сообщалось о самоубийстве бывшего начальника Пекинского управления общественной безопасности Лю Чуаньсиня, который лично участвовал в планировании кровавого инцидента — подавления народного выступления 5 апреля 1976 г.¹² Подробно описывались пытки и издевательства, применявшиеся в тюрьмах, над «героями 5 апреля», многие из которых, как явствует из написанного, погибли. Авторы дацзыбао требовали наказания ряда руководителей из пекинского горкома КСМК, федерации женщин, столичного штаба ополчения и пекинских вузов, а также привлечения к ответственности членов авторской группы Пекинского горкома КПК, известной под псевдонимом «Тан Гуансы».

Анализ текстов дацзыбао указывает на некоторые особенности кампании в защиту правомерности событий 5 апреля непосредственно перед их реабилитацией.

Во-первых, не было ни одного материала, посвященного Мао Цзэду, не допускалось поименных нападков на Хуа Гофэна. Последнее говорит об установлении более жесткого полицейского контроля (известно, что некоторые дацзыбао немедленно срывались) и о введении в действие принятых ранее, в 1977 г., специальных решений ЦК о пресечении нападков на Мао, Чжоу и Хуа Гофэна. А вот тенденция к нападкам на Кан Шэна по-прежнему прослеживалась.

Во-вторых, стало меньше нападков на Чэнь Силяня и не упоминались военные, подавлявшие демонстрантов. Поступили сообщения, что дацзыбао с критикой Чэнь Силяня вывешивались в Шэньяне, то есть критику из столицы переместили в провинцию, по месту прежней службы Чэнь Силяня.

В-третьих, в лексиконе дацзыбао стали преобладать термины текущего этапа — «третьей битвы» с «четверкой» — это свидетельствовало о том, что вывешивание дацзыбао инспирировалось политической группировкой, разжигавшей кампанию против «четверки», — людьми Дэн Сяопина.

На усиление активности Дэн Сяопина и его сторонников указывали повторные репрессии против бывших лидеров хунвэйбинов — Куай Дафу, Не Юаньцзы, Тань Хоулань и других, которые с 19 апреля осуждались участниками «митингов ненависти».

Как результат очередного этапа внутрипартийной борьбы следует рассматривать и переоценку «инцидента на площади Тяньаньмэнь» в китайской печати в октябре — декабре 1978 г.

¹² Именно его китайская печать именует «черным генералом» Пекинского управления общественной безопасности.

Официальное сообщение о «полной реабилитации товарищей, подвергшихся преследованиям за выступления против "банды четырех"», и о восстановлении их доброго имени Пекинским горкомом КПК было напечатано 16 ноября 1978 г., однако статьи с упоминанием о реабилитации участников инцидента стали появляться уже с августа месяца. Характерно, что в некоторых из них содержались довольно неместные отзывы о работниках общественной безопасности, тормозивших реабилитацию.

Есть основания говорить, что фактическая переоценка тяньаньмэньских событий происходила еще в июне — августе 1978 г. Например, об одном из «героев» событий на Тяньаньмэнь — бульдозеристе Хань Чжисюне¹³ и о митинге молодежи Пекина с требованием пересмотра всех «дел» участников апрельских событий 1976 г. печать сообщала в августе¹⁴. Известно, что в июне 1978 г. в партийных организациях КНР изучался документ «Указания ЦК партии об исправлении и пересмотре дел невинно пострадавших людей и ошибочных дел», где говорилось о необходимости реабилитировать пострадавших во время апрельских событий 1976 г.¹⁵ Причем речь шла не только о жителях Пекина, так как сообщения о реабилитации поступали из города Гуйяна и других мест.

Для октябрьских материалов китайской печати характерно то, что в них впервые подробно приводилась новая версия апрельских событий 1976 г., свидетельствующая об усилении фракции Дэн Сяопина, которая в течение двух лет вела упорную борьбу за отмену ярлыка «контрреволюционный политический инцидент».

Хронологически первым было сообщение из города Сиань о семинаре кадровых работников провинции Шэньси, на котором, как писала газета, были «полностью реабилитированы ошибочно обвиненные как контрреволюционеры участники апрельских событий 1976 г. в Сиани (31 человек), в ходе которых массы чттили память премьера Чжоу и выступали против "банды четырех"». Действия этих людей в 1976 г. в общении квалифицировались как «революционные»¹⁶.

18 октября газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью «В бунт», в которой события апреля 1976 г. в Пекине были квалифицированы как «революционная борьба», а их участники названы «революционными героями». В статье подробно рассказывалось об участии рабочего пекинского ремстройуправления Хань Чжисюна в событиях на площади Тяньаньмэнь и его аресте. В газете приведены факты, которые опровергают прежнюю версию событий, иллюстрируют, каким образом фабриковалась прежняя оценка событий. В статье ярко обрисованы незаконные аресты, бесчеловечные нравы следователей и деятельность машины органов общественной безопасности маонистского Китая.

В газете «Гунжэнь жибао» 20 октября был напечатан очерк о делегате IX съезда профсоюзов, Цао Чжицзе — одном из 29 авторов первого лозунга, появившегося 30 марта 1976 г. на площади Тяньаньмэнь. В очерке представлены мотивы, побудившие Цао Чжицзе, который был в то время заместителем руководителя теоретической группы Пекинской федерации профсоюзов, написать призыв: «Почтить память премьера Чжоу, довести кровавую борьбу с буржуазией до конца!» Описывались также репрессии, которым подвергались Цао, его отец и тесть, и обстоятельства ареста и допросов, когда следователи пытались получить показания о связи Дэн Сяопина с участниками событий на площади Тяньаньмэнь.

¹³ В октябре 1978 г. на X съезде КСМК он был избран членом ЦК КСМК.

¹⁴ См. «Жэньминь жибао», 3.VIII.1978.

¹⁵ См. там же, 18.X.1978.

¹⁶ См. там же, 8.X.1978.

Наконец, газета «Гуанмин жибао» 24 октября опубликовала очерк о преподавателе Сямэньского университета Линь Дэчжуне, который пострадал в ходе событий на площади Тяньаньмэнь. Он представлен как человек, защищавший Дэн Сяопина. В настоящее время Линь Дэчжун восстановлен на преподавательской работе в университете.

Анализ материалов, появившихся уже в октябре, позволил установить общую тенденцию, которая сводится, видимо, к четырем моментам.

Во-первых, в статьях на первый план выведены те, кто защищал Дэн Сяопина, подчеркивается, что «95% народа было против снятия заместителя председателя Дэна». Дэн Сяопин представлен как человек, который «заботится о массах, действует в их интересах». Отмечалось, в частности, что при нем «производство чугуна и стали выросло, поезда принялись ходить по расписанию, образование стало возрождаться, условиям жизни народа стали придавать значение».

Во-вторых, маскируется подлинная роль Хуа Гофэна в апрельских событиях 1976 г., когда он выполнял приказы Мао и «четверки». Сейчас Хуа Гофэна, наоборот, восхваляют за то, что он «одним ударом разгромил "банду четырех"» и «спас» арестованных. Более того, в Пекине организованы «приветствия народа» по поводу того, что с собственноручным факсимиле председателя Хуа вышел сборник, посвященный событиям 5 апреля 1976 г. на площади Тяньаньмэнь¹⁷. Виновность Хуа Гофэна как бывшего министра общественной безопасности перекладывается на «черного генерала» Пекинского управления общественной безопасности Лю Чуаньсиня.

В-третьих, вина за кровавое побоище и аресты возложена исключительно на органы общественной безопасности и ополчение, хотя в подавлении масс участвовали и дивизии НОАК, которыми командовал Чэнь Силян, и войска охраны Чжуннаньхая под началом Ван Дунсина. Думается, что эта тенденция не случайна и что вокруг этого вопроса шла борьба за вывод из-под критики Чэнь Силяня и Ван Дунсина.

В-четвертых, всячески оберегается авторитет Мао Цзэдуна, про которого говорилось, что он давно восстановил бы справедливость, «если бы был здоров». Но все же тенденция к «спасению лица» Мао, отрицанию антимаонистских настроений в китайских массах, вышедших на площадь Тяньаньмэнь в апреле 1976 г., весьма противоречиво представлена в нынешних статьях прессы. С одной стороны, утверждается, что «народ защитил марксизм-ленинизм и революционную линию Мао», но зачастую в той же самой статье приводятся фразы и стихи, дискредитирующие Мао¹⁸. Думается, что в прессе нашел отражение конфликт по данному вопросу между различными политическими группировками.

Хронологически дальнейшие события представляются следующим образом. В середине ноября 1978 г. развернулось фронтальное наступление сторонников Дэн Сяопина в Пекине: 1) объявлено о назначении Линь Хуцзя — соратника Дэна — председателем пекинского ревкома (15 ноября); 2) в «Жэньминь жибао» опубликована статья «Следовать реалистическому подходу, если есть ошибки — исправлять», в которой говорилось, что если документы вышестоящих инстанций или высказывания высокопоставленных лиц и различные резолюции ошибочны, то их необходимо исправить (15 ноября); 3) состоялась премьера пьесы «В безмолвии», где реабилитированы события на Тяньаньмэнь (16 ноября); 4) опубликовано постановление бюро пекинского горкома о том, что события на Тяньаньмэнь — полностью «революционные действия» (16 ноября).

¹⁷ См. «Жэньминь жибао», 22.XI.1978.

¹⁸ См., например, «Жэньминь жибао», 21 и 22.XI.1978.

Начиная с 16 ноября 1978 г. стали говорить и о выходе в свет сборника стихотворений, которые появились во время событий на площади Тяньаньмэнь. Подчеркивалось, что название сборника собственноручно написал Хуа Гофэн. Сообщалось, что продано более двух миллионов экземпляров этого сборника. Коллектив авторов представлен псевдонимом «Скорбящие о Чжоу».

В тот же день была развернута в широких масштабах кампания дацзыбао и массовых демонстраций. Главная цель этой кампании — поддержка реабилитации событий на Тяньаньмэнь. Наряду с этим появлялись и лозунги, требовавшие демократических свобод, соблюдения законности и прав человека.

20 ноября в «Жэньминь жибао» появилась статья «Историческое подспорье для пересмотра несправедливых обвинений», в которой указывалось, что не следует излишне раздумывать над пересмотром несправедливых дел. На следующий же день появилась статья «Подлинный характер событий на Тяньаньмэнь», которая является ударом как по «четверке», так и по Мао Цзэдуну, снимает все обвинения против Дэн Сяопина.

Несомненно, что вся эта цепь действий подчинялась продуманному плану — оказать давление на деятелей, поддерживавших Хуа Гофэна. То, как была проведена реабилитация «событий на площади Тяньаньмэнь», показывает, что авторитет Хуа Гофэна сильно пошатнулся.

Вышесказанное свидетельствует о том, что еще до III пленума ЦК КПК 11-го созыва реабилитация событий на Тяньаньмэнь была достигнута в острейшей борьбе и компромиссах. Пленуму оставалось лишь официально утвердить новую версию событий.

Затем китайская пропаганда стала отождествлять и даже доказывать генеалогическое родство движения 5 апреля с другими крупными массовыми движениями. «Потрясающее движение 5 апреля 1976 г., — писала газета «Чжунго цинняньбао», — является широким развитием традиций и духа движения 9 декабря 1935 г.»¹⁹. Причем апрельское выступление масс стало оцениваться как наиболее сильное движение с «антифеодальной (!) направленностью». Так, в журнале «Чжунго циннянь» отмечалось: «Это движение прозвучало более громким прогрессивным звоном феодальному абсолютизму, чем «движение 4 мая» и Синьхайская революция». При этом лозунг «феодальный режим Шинь Шихуана ушел безвозвратно» характеризовался как более твердый и последовательный, чем призывы «движения 4 мая» («Долой лавочку Конфуция!») и Синьхайской революции²⁰.

Метаморфоза с оценкой событий на площади Тяньаньмэнь показывает, что те или иные события оцениваются, истолковываются и используются в Китае необъективно, а в зависимости от целей и выгод правящих группировок.

Изучение текстов дацзыбао и китайской прессы за 1978 г. приводит к ряду выводов.

Тяньаньмэньские события не явились чисто народным выступлением во главе с рабочими, как это сейчас утверждают в Пекине. Первоначально возложение венков в память Чжоу Эньлая в Пекине и еще шести городах, а также в ряде уездов было организовано группировкой прагматических деятелей, ориентировавшихся на Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, которых поддерживали их сторонники на местах.

К событиям в праздник цинмин примкнули народные массы, изведавшиеся в политике Мао Цзэдуна, боявшиеся, что после смерти Мао власть возьмут леваки из его клана. Особенно активно в событиях 5 апреля 1976 г. участвовали интеллигенты и студенты — прослойка,

¹⁹ «Чжунго циннянь бао», 9. XII. 1978.

²⁰ См. «Чжунго циннянь», 1979, № 1.

наиболее сильно ущемленная при жизни Мао, а также служащие. Атмосферу полицейского и политического террора ярко показали как сам разгон демонстрации на площади Тяньаньмэнь, так и официально названная демонстрация в защиту «двух решений ЦК» (о снятии Дэн Сяопина и назначении Хуа Гофэна премьером и первым заместителем председателя ЦК КПК).

Провокационные действия и наклеивание политических ярлыков на сторонников Чжоу были предприняты леваками из политехнического института Цинхуа, после чего 5 апреля на площади начались столкновения и самосуд. Положение усугубила провокационная затея с уничтожением венков и оцеплением памятника, которая была проведена, как пишет теперь печать, по приказу Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня с помощью сотрудников Пекинского управления общественной безопасности.

Подавление народных масс осуществили совместно рабочие-ополченцы (начальник городского штаба ополчения Ни Чжифу), сотрудники общественной безопасности (начальник городского управления ОБ Ляо Чуаньсинь), дивизии НОАК (начальник Пекинского ВО Чэнь Силян), части охраны Чжуннаньхая (начальник Ван Дунсин). Документально доказано, что подавление демонстрантов было санкционировано Мао Цзэдуном и осуществлялось с ведома Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня, Цзян Цин, Хуа Гофэна и многих других членов политбюро. Роль Хуа Гофэна недостаточно ясна, имеется лишь одно свидетельство в речи Цзян Цин на банкете 26 апреля 1976 г.: «Подход и оценка премьером Хуа подавления беспорядков на площади Тяньаньмэнь полностью совпадают с мнением Председателя Мао».

Нынешняя переоценка событий на Тяньаньмэнь произошла не в интересах исторической правды, а как фактор внутривластной борьбы. Поэтому значение апрельских событий несколько раздуто, в них сделаны значительные купюры, смещены акценты, антимаоистская сущность событий замалчивается. Из-под удара снова выводится Мао Цзэдун, все сваливается на «четверку». Например, говорится, что она якобы специально для «дезинформации партии и правительства» выпускала «Сборники о текущих событиях», в которых события на площади отражались как в кривом зеркале». Во-первых, возвеличение событий сделано в интересах группировки Дэн Сяопина; во-вторых, их переоценка позволяет утверждать, будто решаются острые социально-политические проблемы (вопросы демократии, законности, преодоления культа личности, соблюдения прав народа и пр.), хотя они искусственно пристегиваются к тяньаньмэньским событиям. События на Тяньаньмэнь изображаются подчас даже как некий рычаг для «борьбы с ревизионизмом и для его предотвращения» внутри ЦК КПК²¹.

На том этапе, когда произошла переоценка событий на Тяньаньмэнь, окончательному раскрытию всех фактов и документов 1976 г. препятствовал фактор использования наследия Мао («идей Мао Цзэдуна») как группировкой Хуа Гофэна, так и группировкой деятелей, поддерживающих Дэн Сяопина. Таким образом, переоценка тяньаньмэньских событий является одним из пунктов временного компромисса между группировками Дэн Сяопина и Хуа Гофэна.

Таковы лишь главные мотивы опубликования новой версии апрельских событий 1976 г. Они говорят о том, что переоценка тяньаньмэньских событий — лишь звено во внутривластной борьбе, по-прежнему ведущейся в пекинском руководстве.

²¹ См. «Жэньминь жибао», 22.XI.1978.

Китайская община на Маврикии

Н. В. Кривцов

В связи с тем, что в последнее время Пекин заметно усилил работу среди китайцев, постоянно проживающих за границей, пытаюсь использовать их в качестве проводников своей шовинистской и экспансионистской политики, а также в связи с ростом экономического значения китайских общин за рубежом, являющихся важным источником инвалютных поступлений Китая, возросло внимание к многочисленным китайским общинам в различных странах мира.

Существует значительное число исследований, посвященных китайским общинам Юго-Восточной Азии, США, Канады, Западной Европы; есть работы о китайских эмигрантах в Латинской Америке, Австралии, Океании. Однако специальные работы, рассматривающие положение китайских общин в странах Африки, до сих пор крайне малочисленны. Единственная работа обобщающего характера — исследование Сяо Цун «Экономика китайских эмигрантов в Африке»¹. Можно упомянуть также книгу о французской политике в отношении китайцев на Мадагаскаре². Остальные работы представлены в основном небольшими статьями, не претендующими на полное и глубокое исследование. На русском языке имеется всего лишь одна статья о китайских общинах в странах Африки — «Китайцы на Реюньоне», которая является переводом главы из книги Ж. Дефо дю Ро «Остров Реюньон»³.

Китайские общины в странах Африки, составляя весьма незначительный процент от их населения, играют заметную роль в экономической жизни этих стран. Исторически сложилось так, что в Африке китайские эмигранты расселились в основном в районах, имеющих важное стратегическое значение (южная оконечность Африки; острова, лежащие на морских коммуникациях; прибрежные районы). Подавляющее большинство китайцев, постоянно проживающих в Африке, сосредоточено в районе Индийского океана — как на его островах, так и в непосредственно прилегающих к нему странах.

Крупнейшей китайской общиной в Африке (30 тыс. чел., 3% населения страны) является китайская община государства Маврикий. Другие, менее значительные, китайские общины существуют в Африке на острове Реюньон (12—15 тыс.), на Мадагаскаре (от 9 до 17 тыс.), в ЮАР (8 тыс.), в Мозамбике (3 тыс.), в Танзании (более тысячи), на Сейшельских островах, в Анголе, Кении, Уганде и некоторых других странах (острова Сан-Томе и Принсипи, Замбия, Родезия, остров Св. Елены, Египет, Заир). Точные данные о численности китайцев по подавляющему большинству африканских стран отсутствуют. По нашим оценкам, общая численность китайцев, постоянно проживающих в Аф-

¹ Сяо Цун. Экономика китайских эмигрантов в Африке (на кит. яз.). Тайбэй, 1956.

² L. M. S. Slawicki. French Policy towards the Chinese in Madagascar. Hamden, 1971.

³ См. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 10, с. 38—39.

рике, составляет приблизительно 70—80 тыс. чел., что примерно соответствует данным тайбэйского ежегодника⁴.

Китайская община в государстве Маврикий представляет значительный интерес для исследования потому, что она — самая сильная и наиболее организованная по сравнению с другими китайскими общинами в странах Африки и здесь особенно ярко проявляется специфика взаимоотношений китайской общины с другими национальными группами.

Начало массового переселения китайцев на Маврикий было связано с отменой там рабства и необходимостью найти новые рабочие руки, которые смогли бы заменить труд рабов на плантациях. С этой целью в 1829 г. на Маврикий была ввезена первая организованная группа китайских эмигрантов. Это были законтрактованные рабочие для сахарных плантаций. Группа в 300 человек прибыла на остров в августе, однако, столкнувшись с тяжелейшими условиями труда и быта, они отказались работать на плантациях, потребовали расторжения контракта, и в октябре того же года большая их часть покинула остров. Таким образом, первая попытка массового переселения китайцев оказалась безуспешной.

В 1841 г. попытка завезти китайских рабочих на Маврикий была повторена: на остров из Китая прибыли 515 человек. А к 1843 г. число китайцев на Маврикий достигло полутора тысяч. Однако в следующем году китайское население на Маврикий вновь сократилось, и к 1850 г. на Маврикий проживало всего 1178 китайцев.

Первые группы китайцев приезжали на Маврикий из Гуанчжоу. Затем основная масса их стала прибывать из Гонконга, и сегодня выходцы из Гонконга и их потомки численно преобладают на острове.

Неравномерный рост китайского населения на Маврикий объясняется несколькими причинами. Во второй половине XIX в. Маврикий превратился в своеобразный перевалочный пункт для китайских эмигрантов: многие, приехав сюда, переселялись затем на Мадагаскар или Реюньон. Вслед за группами рабочих для плантаций устремились на Маврикий из Китая и торговцы. Но в конце XIX — начале XX в., когда на Маврикий вести торговое дело приходилось уже в условиях конкуренции, многим китайцам, прибывавшим на остров, казалось перспективнее начать новое дело на соседнем Мадагаскаре, колонизация которого только начиналась.

Переселение части китайцев с Маврикия в соседние страны объяснялось и тем, что когда выходцы из Гонконга стали преобладать в китайской общине острова, выходцы из Гуанчжоу, которые постоянно враждовали с ними, стали предпочитать селиться на Реюньоне и Мадагаскаре. Потому, в частности, на этих островах китайские общины образованы в основном из выходцев из Гуанчжоу.

Представители китайской общины Маврикия в последнее время все чаще отказываются от своих традиционных религий — буддизма и конфуцианства — и все больше склоняются к католицизму. Если в 1944 г. христиан среди китайцев было 26 %, то в 1952 г. — уже около 50 %. В 1962 г. 68 % китайцев своей религией указали христианство. Процесс христианизации маврикийских китайцев проходил и проходит не без влияния католической церкви: раньше, например, на Маврикий специально посылали миссионеров, знавших китайский язык. В то же время представителям китайской общины Маврикия, как никакой другой общине острова, свойствен атеизм: в 1962 г. из 890 атеистов 699 были китайцами. Традиционные китайские религии, по данным 1952 г., исповедовало: буддизм — 42,9 %, конфуцианство — 4,1 %. В 1940 г.

⁴ In: China Yearbook. 1976. Taipei, 1976, p. 383.

китайская община Маврикия торжественно отметила 100-летие первой китайской пагоды на острове. В 1956 г. на Маврикии было 11 буддийских храмов и монастырей, из которых два были семейными и клановыми храмами.

В китайской общине острова существует значительное число семей, в которых разные члены исповедуют разную веру. Известны случаи, когда отец-китаец одного сына крестит по римско-католическому обряду, а другого воспитывает в вере предков. Сейчас многие китайцы на Маврикии дают своим детям европейские имена.

Китайская община Маврикия сохранила, несмотря на свою относительно малочисленность, и свой родной язык. Китайский язык на Маврикии представлен двумя диалектами — юэ (гуандунский) и хакка (гонконгский), однако в значительной степени преобладает последний. В течение длительного времени в китайской общине острова делались попытки избрать один общий диалект, однако все они оказались безуспешными. Только сравнительно недавно было решено перейти в системе образования на пекинский диалект, на котором теперь ведется преподавание в Высшей китайской школе в Порт-Луи.

Для определенной группы китайцев родным стал креольский язык (в основном для китайцев, родившихся от смешанных браков). Так, в 1962 г. китайцы составляли несколько более 3 % населения страны, а китайский язык признало родным всего лишь 2,8 % населения. Причем процесс постепенного перехода китайцев к креольскому или европейским языкам (английскому и французскому) продолжается. О распространении креольского языка среди китайцев Маврикия может свидетельствовать такой факт: в 1952 году 18 % китайцев указали креольский в качестве родного языка, 26 % — в качестве разговорного и 67 % — как язык, которым они пользуются время от времени.

Читать и писать по-китайски может всего чуть больше половины китайской общины Маврикия: в 1952 г., когда китайцы составляли 3 % населения страны, 2,9 % населения указало, что может говорить по-китайски, и лишь 1,8 % могли писать и читать. В настоящее же время среди молодых китайцев немногие могут написать более сотни наиболее обиходных иероглифов.

Таким образом, как в религии, так и в языке на Маврикии наблюдается процесс европеизации китайской общины. Однако, несмотря на это, китайский язык сохраняет довольно крепкие позиции, он используется в маврикийской прессе и на радио.

Собственная пресса китайской общины Маврикия существует еще с конца прошлого века. Ее первая газета была выпущена 21 декабря 1895 г. и называлась «Моршез чайниз газетт». Ни одного экземпляра ее не сохранилось, но можно предположить, что она издавалась не на китайском языке. Первой же газетой, вышедшей на Маврикии на китайском языке, была «Чжунхуа жибао» — «Чайниз дэйли ньюс». Первый номер вышел в свет 11 августа 1932 г. Газета издается и поныне.

Сегодня китайская община Маврикия, в отличие от китайских общин других африканских стран, ввиду своей относительно многочисленности и прочного положения в стране, имеет довольно развитую прессу, которая представлена четырьмя газетами, выходящими на китайском языке. Общий тираж китайских газет на Маврикии превышает 15 тыс. экземпляров. Ежедневно выходят две наиболее крупные и влиятельные — «Чайниз дэйли ньюз» (2 тыс. экз.) и «Чайна таймс» (2 тыс. экз.), издается с 1953 г., а также «Нью чайниз комершиал пейпер» (1 тыс. экз., издается с 1956 г.).

Китайцы — самая читающая национальная община Маврикия: составляя 3,2 % всего населения, они дают 4,5 % всех читателей маврикийской прессы.

На маврикийском радио китайский язык используется в специаль-

ных передачах. В 1971 г. вещание на китайском языке составляло 3,5 часа в неделю. В маврикийских кинотеатрах фильмы на китайском языке не демонстрируются, однако их можно иногда увидеть на частных просмотрах, организуемых членами китайской общины.

Маврикий — многонациональное государство. Кроме китайцев, в 1967 г. там проживали индийцы-индуисты (403 551 чел., или 51,6 % населения), индийцы-мусульмане (128 779 чел., или 16,5 % населения), креолы и франко-маврикийцы (вместе 224 692 чел., или 28,7 % населения). Каждая из этих национальных общин сохраняет свой партикуляризм, однако китайская община, за исключением разве что франко-маврикийцев, представляет собой самую цельную, компактную и замкнутую группу. Это выражается и в характере их взаимоотношений с другими общинами, и в их социальном положении.

В китайской общине Маврикия существует налаженная система взаимопомощи, организованы специальные союзы и клубы, призванные защищать как деловые, так и бытовые интересы китайцев на Маврикии. У китайской общины есть свои спортивные команды, а молодежь объединена в организацию китайских скаутов.

Для представителей китайской общины характерно развитое национальное самосознание; они стараются держаться особняком и противопоставляют себя другим национальным группам.

Традиционные связи общины с Китаем были особенно сильны до второй мировой войны. В 40-е годы они прервались в связи с оккупацией Японией Гонконга и Гуанчжоу. К этому времени относится бурный расцвет китайского патриотизма, и китайская община как никогда старалась продемонстрировать свои симпатии Китаю, оказавшемуся жертвой японского милитаризма. После войны старые связи частично восстанавливаются, однако теперь это в основном связи с Гонконгом и Тайванем. До сих пор многие маврикийские китайцы ездят туда в гости к родственникам и переписываются с ними.

Как уже говорилось, за исключением первых одиночных китайских торговцев, поселившихся на Маврикии еще в конце XVIII в., и тех, кто эмигрировал на Маврикий в конце XIX—XX вв., все китайцы, группами прибывшие на остров, были законтрактованными сельскохозяйственными рабочими. Однако сейчас в сельском хозяйстве Маврикия не занят ни один китаец. Слово «китаец» на острове ассоциируется у всех только со словом «торговля». К середине нашего века почти все китайское население острова перешло в розничную торговлю и сферу обслуживания (содержание ресторанов). Этому в большой степени способствовала развитая система семейной и клановой взаимопомощи, характерная для китайской общины. С 1908 г. на Маврикии существует Китайская торговая палата — единственная в своем роде узконациональная организация, целью которой является защита деловых интересов предпринимателей китайской национальности и интересы китайской общины в целом.

По данным переписи населения Маврикия 1952 г., китайцы составляли 81,7 % всех продавцов и 60,8 % всех владельцев лавок и магазинов. В настоящее время китайская община Маврикия почти полностью монополизировала розничную торговлю, и лишь индийцы-мусульмане составляют им в этом смысле конкуренцию.

В связи с тем что ежегодно увеличивается поток иностранных туристов, приезжающих на Маврикий, богатые китайцы стали вкладывать свои капиталы в туризм, причем не только в строительство китайских ресторанов, что характерно наравне с торговлей, но и в создание гостиниц и пансионатов. Сегодня на Маврикии китайские бизнесмены владеют рядом гостиниц. Так, бизнесмен Ван Ин, семье которого с 1904 г. принадлежит магазин в Порт-Луи, несколько лет назад открыл на

западном побережье острова гостиницу, оборудование которой обошлось ему в 150 тыс. ф. ст.⁵

С начала 70-х годов, с созданием на Маврикии «свободных промышленных зон» и развитием в них обрабатывающей промышленности (производство бытовой электроники, одежды, галантереи, игрушек, гранение драгоценных камней), наиболее богатые китайские предприниматели стали вкладывать свои капиталы и в такую, новую для них, сферу, как промышленность.

Таким образом, продолжая сохранять за собой монополию в традиционных сферах (содержание магазинов, лавочек, ресторанов), китайская община Маврикия распространила свою деятельность и на туристский бизнес и отчасти на промышленность. Причем доля мелких торговцев сокращается, и наоборот, увеличивается число средних и крупных китайских предпринимателей. Все это свидетельствует об укреплении экономических позиций китайской общины острова и об усилении ее влияния.

В настоящее время определенное число маврикийских китайцев занято также на службе в государственном аппарате, в английских и французских торговых компаниях, китайцы пополняют ряды так называемых «белых воротничков» и европеизированной интеллигенции. Среди представителей китайской общины Маврикия есть известные врачи, адвокаты, инженеры. Так, например, работы маврикийского ученого китайского происхождения Мадлен Ли Тиофан по истории развития плантационного хозяйства издавались не только на Маврикии, но и в Европе. В последнее время для членов китайской общины острова характерно стремление дать своим детям хорошее образование, многие молодые китайцы с Маврикия учатся за рубежом. Про маврикийских китайцев сейчас даже говорят, что, если поколение дедов почитало семью, а поколение родителей — деньги, то дети ценят образование.

Как мы видим, китайская община является наиболее зажиточной, если не считать франко-маврикийцев, издавна занимавших командные высоты в экономике острова, и цельной по социальному составу (в ней не существует таких полюсов бедности и богатства, как, скажем, в среде индо-маврикийцев).

Сливаясь по социальному положению с верхушкой маврикийского общества, то есть с франко-маврикийцами, наиболее зажиточными креолами, и частью преуспевших индо-маврикийских торговцев, китайцы смыкаются с ними и на политической арене. Однако в отличие от других национальных общин Маврикия, почти каждая из которых имеет свою партию (или даже несколько, как, например, индо-маврикийцы), выражающую ее интересы, китайская община своей партией не имеет.

Наиболее зажиточная часть китайской общины острова поддерживает правую Маврикийскую социал-демократическую партию, большинство остальных — лейбористскую. Правда, в последние годы наметилось падение популярности Маврикийской социал-демократической партии как у всего населения страны, так и среди членов китайской общины.

Китайская община вообще практически не участвует во внутриполитической борьбе на острове. Китайцы считают, что участие в политической борьбе, которая зачастую принимает форму соперничества между национальными группами, может повредить их торговле.

Несмотря на пассивность китайской общины во внутриполитической жизни государства, традиционно одним из министров в кабинете назначается китаец. В настоящее время представитель китайской общины

⁵ In: "The Times", 5.III.1973.

Поль Чонг Леунг является министром юстиции Маврикия. Китайцам принадлежат и два места из 70 в Национальной Ассамблее (парламенте) страны.

Лидеры политических партий в предвыборной борьбе, однако, стремятся добиться симпатии и заручиться поддержкой китайской общины, взывая к ее национальным чувствам. Так, перед последними выборами на Маврикий, которые состоялись в конце декабря 1976 г., лидер мусульманской общины и партии Мусульманский комитет действия А. Р. Мохамед призывал китайцев острова не отдавать свои голоса самой радикальной и наиболее сильной оппозиционной партии Маврикийское боевое движение, так как она якобы является «опасной прорусской коммунистической организацией», а следовательно, и противницей маоистского Китая⁶. Это указывает и на то, что значительная часть китайской общины симпатизирует Пекину.

Национальные чувства китайской общины Маврикия, а также сохранившиеся связи с прародиной в известной степени определяют и внешнеполитические симпатии китайской общины.

После второй мировой войны, ослабившей, а временно и полностью прервавшей связи китайской общины Маврикия с Китаем, китайская община острова разделилась на две примерно равные по численности группы: пропекинскую и протайбэйскую, причем это произошло независимо от их социального или имущественного положения, иногда даже внутри одной семьи. Это положение сохраняется и теперь, однако внешнеполитические симпатии ни в коей мере не влияют на взаимоотношения между китайцами внутри общины. Противоречия между ними выливаются чаще всего в споры по поводу того, какие флаги — КНР или Тайваня — вывешивать во время китайских праздников и какие праздники — КНР или Тайваня — следует отмечать общине. Из двух ведущих китайских газет острова одна является пропекинской, другая — протайбэйской, но большинство китайцев читают обе газеты. Когда на Маврикий приезжают представители материкового Китая или Тайваня, то в аэропорту их встречают представители соответственно либо пропекинской, либо протайбэйской группировки.

Характерно, что Маврикий, голосовавший в ООН за принятие КНР в эту организацию, поддерживает связи и с Тайванем. Это в известной степени определяется тем, что между Маврикием и Тайванем существуют традиционные экономические связи, налаженные не без участия маврикийских китайцев. В связях как с КНР, так и с Гонконгом и Тайванем весьма заинтересованы влиятельные группировки китайской общины острова: у одних там остались родственники, с которыми поддерживаются отношения; других связывают с ними традиционные экономические интересы.

Положение китайской общины на Маврикий, социальные процессы, протекающие в ней, в целом характерны для китайских общин в других странах Африки. Китайская община Маврикия является лишь наиболее сильной, сплоченной и организованной, что объясняется характером китайской эмиграции на Маврикий, значительной численностью общины, отсутствием в стране расовой дискриминации, широкими возможностями для частного предпринимательства; китайцев на Маврикий не затронула и ассимиляционная политика Франции, оказавшая большое влияние на китайцев Реюньона.

За последние десятилетия произошли существенные изменения в китайской общине Маврикия, заметно выросла в ней численность и влияние буржуазной прослойки. Конечно, китайские общины Маврикия и других стран Африки гораздо слабее китайских общин в странах Юго-Восточной Азии, где китайские бизнесмены во многом конт-

⁶ In: "Star" (Port-Louis), 20.XII.1976.

ролируют экономическую и финансовую жизнь, однако можно с уверенностью сказать, что и им отводится немалое место в современном курсе Пекина.

Еще в начале 60-х годов в Танганьике, первой восточноафриканской стране, где было открыто посольство КНР, его сотрудники начали налаживать прочные контакты с местной китайской общиной, а тогдашний президент Малагасийской Республики Ф. Циранана даже пригрозил китайской общине своей страны высылкой из Мадагаскара, если ее члены будут заниматься подрывной деятельностью. Китайская же община Маврикия, практически обладая монополией на розничную торговлю страны и будучи способной в любой момент парализовать всю торговлю на острове, представляет собой силу, интересы которой нельзя не принимать в расчет.

Активизация экономических связей КНР с Маврикием (например, предоставление займа и экономической помощи для строительства нового аэропорта), а также усиление политических контактов, в частности открытие посольства КНР на Маврикии, обмен различными делегациями, направлены как на укрепление влияния КНР в стране, так и на развитие связей с представителями китайской общины острова.

Маоистская концепция «новой демократии» — праворевизионистская версия «национального» социализма

Д. А. Смирнов

Агрессивная политика нынешних пекинских властей, развязавших захватническую войну против социалистического Вьетнама, окончательно раскрыла антисоциалистическую, великодержавно-гегемонистскую сущность маонизма и доказала полную несостоятельность измышленной империалистической пропаганды о якобы происходящем в Китае процессе «демаонизации». Производимый в Пекине пересмотр отдельных наиболее скомпрометировавших себя маоистских установок в экономике и политике и использование некоторых рациональных методов в различных сферах управления страной на деле означает не отказ от маонизма, а лишь прагматический подход к выбору средств для создания таких внутри- и внешнеполитических условий и военно-экономического потенциала, которые реально обеспечили бы достижение Китаем мирового господства.

Достижению этой цели и была подчинена вся политическая и теоретическая деятельность Мао Цзэдуна, что обусловило сугубо прагматический характер его теоретических поисков особого, «третьего», пути развития Китая, направленных в конечном счете на обеспечение условий для скорейшего «самоусиления» страны. В зависимости от политической ситуации в Китае и в мире в целом, а также от прочности собственных политических позиций Мао Цзэдун в разное время предлагал различные пути «самоусиления» Китая — от праворевизионистской концепции «новой демократии» до левоавантюристического курса «большого скачка» и «народных коммун». Поэтому содержание теоретического «наследия» Мао Цзэдуна столь противоречиво, что позволяет, отказываясь от одних, не оправдавших себя, маоистских методов подготовки к реализации великодержавных замыслов, заимствовать у него же другие, прямо противоположные, методы. Об этом свидетельствует проводимый в последнее время в Китае курс на установление политического и экономического союза с буржуазией, как с международной монополистической, так и с китайской национальной и эмигрантской, чья поддержка призвана обеспечить осуществление программы «четырёх модернизаций».

Процесс открытого смыкания Пекина с самыми реакционными силами международной буржуазии и опоры на буржуазию внутри страны, переход с ультралевых на ультраправые позиции — закономерный итог всего антисоветского, антисоциалистического курса Мао Цзэдуна, который положил практическое начало этому процессу и выдвинул, в частности, теоретическое обоснование политики опоры на буржуазию в целях создания «сильного» Китая в разработанной им еще на рубеже 30—40-х годов концепции «новой демократии».

В связи с этим вопрос о политическом содержании концепции «новой демократии», и особенно о трактовке Мао Цзэдуном роли и места

буржуазии в государстве «новой демократии», приобретает актуальное значение — он важен для изучения идейных истоков политического курса современного китайского руководства.

Классовое содержание и политическая форма «новой демократии»

Концепция «новой демократии» была первым развернутым выступлением Мао Цзэдуна по коренным вопросам теории и практики китайской революции, которому предшествовал более чем двадцатилетний период становления его идейно-политических взглядов. Характерной особенностью этого периода было стремление Мао Цзэдуна найти ту социальную силу в Китае, которая смогла бы возглавить борьбу за национальное освобождение и ликвидацию сковывавших развитие страны феодальных пережитков, а затем за восстановление былого могущества Китая.

Если в первой опубликованной статье «К вопросу о физическом воспитании» (апрель 1917 г.) Мао Цзэдун возлагал эту задачу на всю китайскую нацию в целом, то в последующих выступлениях, в соответствии с произведенной им классовой дифференциацией китайского общества, эта задача возлагалась на «простой народ», которому противопоставлялись «аристократы» и «капиталисты» (в статье «Широкий союз народа», июль — август 1919 г.), затем на национальную буржуазию (в статье «Пекинский переворот и торговцы», июль 1923 г.), промышленных рабочих и кули (в статье «Анализ классов китайского общества», февраль 1926 г.) и, наконец, на крестьянство (в «Докладе об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань», март 1927 г.), которое Мао Цзэдун призвал к выполнению своей «исторической миссии», заключавшейся в «установлении неограниченной власти крестьян»¹.

Выдвинув тезис о гегемонии крестьянства в китайской революции, определивший все последующее развитие его взглядов на содержание революционного процесса в Китае, Мао Цзэдун приступил к созданию на этой основе своей собственной теории революции. Новые объективные условия развития китайской революции, которые сложились в результате поражения национальной революции 1925—1927 гг. и вынужденного ухода главных сил КПК из городов в сельскую местность, когда революционная война с гоминьданом стала главным средством, а армия — основным орудием революционной борьбы, были истолкованы Мао Цзэдуном как обязательные для всего процесса развития революции в Китае и потому составлявшие ее непреходящую национальную особенность. Ссылаясь на необходимость учета национальных особенностей китайской революции, Мао Цзэдун поставил вопрос о ее «правильной теоретической основе»², в соответствии с которой крестьянство являлось главной стратегической силой, а революционная война — основным тактическим средством революции³. На этой «теоретической основе» под флагом придания марксизму «национальной формы»

¹ См. «Синь циннянь», т. 3, № 2, 1.IV.1917, с. 1—11; «Сянцзян пинлунь», 1919, № 2—4; «Сяндао», № 31—32, 11.VII.1923, с. 233—234; «Чжунго нунминь», 1926, № 2, с. 12; Мао Цзэдун. Избр. произв. (на кит. яз). Харбин, 1948, с. 22, 24.

² О разработке Мао Цзэдуном «теоретической основы» китайской революции см. Е. Ф. Ковалев. Из истории развития маоистских взглядов. — «Вопросы истории», 1972, № 4, с. 63—76.

³ См. «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (1936), «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (1938), «О затяжной войне» (1938), доклад и заключительное слово на VI пленуме ЦК КПК шестого созыва (1938). — Мао Цзэдун. Избр. произв. Харбин, с. 585—646, 647, 677—743, 913—930; Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1. М., 1952, с. 314—317, 329—339.

он выдвинул несовместимую с марксизмом мелкобуржуазно-националистическую теоретическую платформу, окончательно оформленную в виде концепции «новой демократии».

Мао Цзэдун начал разрабатывать отдельные положения этой концепции в 1935—1938 гг.⁴, а частично или полностью ее содержание изложил в работах «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» (1939), «О новой демократии» (1940) и в докладе «О коалиционном правительстве» (1945), уже после выдвижения им на VI пленуме ЦК КПК шестого созыва (1938), курса на «китанзацию» марксизма и в период укрепления своего положения в руководстве КПК в ходе проведения кампании «чжэнфэн».

Анализируя в этих работах характер китайской революции, Мао Цзэдун выделил в ней два этапа — «новодемократический» и социалистический. Основной задачей «новодемократического» этапа революции он объявил избавление Китая от империалистического господства и засилья феодальных пережитков. Поэтому, определяя характер «новодемократической» революции, Мао Цзэдун подчеркивал, что эта революция «по своему социальному характеру в основном все еще остается буржуазно-демократической»⁵. Исходя из этих задач и характера «новодемократической» революции, Мао Цзэдун включил в состав ее движущих сил пролетариат, крестьянство, городскую мелкую буржуазию и национальную буржуазию, а также все остальные социальные прослойки китайского общества, в той или иной мере заинтересованные в национальном освобождении и решении задач буржуазно-демократической революции.

Постановка Мао Цзэдуном вопроса о классовой гегемонии в «новодемократической» революции крайне противоречива. С одной стороны, Мао Цзэдун заявлял, что власть в «новодемократической республике» «не должна присваиваться одной партией, одной группой, одним классом», а должна представлять собой «диктатуру нескольких партий» антияпонского национального единого фронта⁶. С другой стороны, главную роль в осуществлении «новодемократической» революции и руководство ею он отводил крестьянству. Абсолютизированный им тезис о крестьянстве как главной стратегической силе революции и о революционной войне как основном тактическом средстве этой революции, разработавшийся им с 1927 г., получил в концепции «новой демократии» законченное развитие. «Каждому школьнику известно, — писал Мао Цзэдун, — что 80 процентов населения Китая составляют крестьяне... Поэтому крестьянский вопрос стал основным вопросом китайской революции, сила крестьянства — это главная сила китайской революции», а потому «китайская революция есть, по сути дела, революция крестьянская». Отсюда был сделан вывод о том, что «политический строй новой демократии есть, по сути дела, предоставление крестьянству власти»⁷. При этом если в работе «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» Мао Цзэдун сделал оговорку о том, что под крестьянством он имеет в виду главным образом бедняков и середняков и не включил кулачество в состав революционного лагеря⁸, то в работе «О новой демократии», явившейся наиболее полным изложением концепции «новой демократии», он, решая основной вопрос рево-

⁴ См. «О тактике борьбы против японского империализма» (1935), «Задачи Коммунистической партии Китая в период антияпонской войны» (1937). В этом докладе Мао Цзэдун впервые использовал термин «новая демократия» для обозначения текущего этапа китайской революции; «Направление развития молодежного движения» (1939) и др. — Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1. М., 1953, с. 285—288; т. 3, М., 1953, с. 17—18.

⁵ Мао Цзэдун. Избр. произв., Харбин, с. 238.

⁶ Там же, с. 277, 229.

⁷ Там же, с. 258—259.

⁸ Там же, с. 226.

люции — вопрос о власти — в пользу крестьянства, даже не обмолвился при этом о расслоении китайского крестьянства, подразумевая тем самым крестьянство в целом, включая кулачество.

При анализе политики Мао Цзэдуна в отношении крестьянства (в рассматриваемый период) следует исходить из того, что, по определению В. И. Ленина, «среди крестьянства есть трудовое крестьянство и крестьянство мелкобуржуазное, которое живет как мелкий собственник на чужой счет, трудовое же крестьянство эксплуатируется другими, но оно хочет жить на свой собственный счет»⁹.

В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в 1939—1940 гг., в период написания вышеупомянутых работ о «новой демократии», в результате проведенных в это время в освобожденных районах выборов сельских собраний представителей, окружных и уездных национально-политических советов основные руководящие слои в них заняли представители мелкобуржуазных и буржуазных слоев деревни. Так, на долю середняков, кулаков и торговцев приходилось 60,4 % общего числа председателей и секретарей окружных советов и 85,7 % — уездных советов. Средняки и кулаки составляли более 60 % начальников округов и более 85 % начальников уездов. Немногим меньше половины начальников уездов в освобожденных районах составляли в то время кулаки (42,8 %) ¹⁰. Это наглядно показывает, что означало на практике «предоставление крестьянству власти». Выходит, что, выдвигая лозунг предоставления крестьянству политической власти в подобных условиях, сложившихся в освобожденных районах, Мао делал ставку на зажиточную прослойку китайской деревни, которая в конечном счете больше всех других слоев деревни выиграла бы в результате предложенных им «новодемократических» аграрных преобразований, предусматривавших предоставление земли в частную собственность крестьянам и неприкосновенность кулацкой верхушки ¹¹. Тем более, что именно от этой прослойки, и в первую очередь, от кулаков, имевших наибольшие резервы товарной продукции сельского хозяйства, зависело состояние рынка сбыта промышленной продукции в деревне, расширение которого рассматривалось Мао Цзэдуном в качестве одного из важнейших условий успешного осуществления индустриализации «новодемократического» Китая ¹².

Отождествление Мао Цзэдуном «политического строя новой демократии» с «предоставлением крестьянству власти», по сути, означает диктатуру мелкой буржуазии в государстве «новой демократии». Последовательность разработки тезиса о ведущей роли крестьянства в революции говорит о том, что установление политической власти крестьянства рассматривалось Мао Цзэдуном в качестве стратегической задачи китайской революции, определяющей классовое содержание государства «новой демократии». Отрывая крестьянство от его союзника — пролетариата и тем самым лишая «новую демократию» социалистической перспективы ¹³, Мао Цзэдун действовал в интересах не трудового крестьянства, а его зажиточной части.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 274.

¹⁰ См. Новейшая история Китая, М., 1972, с. 190.

¹¹ См. Мао Цзэдун. Избр. произв., Харбин, с. 247, 330.

¹² См. там же, с. 330.

¹³ Указывая на важнейшую роль крестьянства в китайской революции, Коминтерн отмечал необходимость руководства рабочего класса борьбой крестьян. «Основным вопросом китайского национально-освободительного движения, — говорилось в решениях VI Пленума ИККИ (март 1926 г.), — является крестьянский вопрос. От того, в какой мере массы 400-миллионного китайского крестьянства окажутся вовлеченными в решительную революционную борьбу совместно с китайскими рабочими и под их руководством, зависит победа революционно-демократической тенденции китайского национально-освободительного движения. — Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 114.

Трактовкой государства «новой демократии» как государства «народа» Мао Цзэдун пытался обосновать тактику сплочения вокруг КПК различных социально-политических сил, заинтересованных в осуществлении задач буржуазно-демократической революции и построения «новодемократического» государства, представлявшего собой «объединенную диктатуру» нескольких классов, входивших в антияпонский единый национальный фронт, а по форме — коалиционное правительство, сформированное из представителей этих классов.

Роль и место национальной буржуазии в «новодемократической» революции и в государстве «новой демократии»

Важную роль в создании государства «новой демократии» Мао Цзэдун отводил национальной буржуазии. Политика опоры на национальную буржуазию преследовала две цели: политическую — обеспечение политической поддержки национальной буржуазией программы «новой демократии», и экономическую — использование капиталов, опыта и международных связей национальной буржуазии для построения «богатого и могучего» «новодемократического» Китая путем индустриализации и модернизации сельского хозяйства¹⁴.

В этих целях Мао Цзэдун провозгласил задачей государства «новой демократии» «создание условий для свободного развития частного капитала»¹⁵ за исключением тех капиталистических предприятий, масштабы которых позволяют им «держат в своих руках жизнь народа», то есть за исключением монополий. Такая экономическая программа, явно выгодная национальной буржуазии, должна была стимулировать быстрый рост частнокапиталистического предпринимательства.

В интересах буржуазии строилась и политика Мао Цзэдуна в отношении экономических требований рабочего класса. Называя эти требования «близорукой и односторонней установкой на так называемое благосостояние трудящихся»¹⁶, он требовал защиты частных собственников от подобных «установок». Среди задач рабочего класса в «новодемократической» революции Мао Цзэдун совершенно не упоминал задачу борьбы за самостоятельные экономические требования рабочего класса. Поэтому в его работах о «новой демократии», если не считать упоминаний о необходимости соблюдения ряда элементарных прав рабочих, отсутствует какая-либо развернутая программа борьбы за повышение жизненного уровня рабочего класса в государстве «новой демократии».

В вопросе об отношениях между пролетариатом и буржуазией Мао Цзэдун лишь преследовал цель «создания условий для того, чтобы обе стороны — труд и капитал — прилагали усилия к развитию промышленного производства». Этой цели он по существу рассчитывал достичь политикой классового мира, выдвинув принцип «регулирования отношений между трудом и капиталом», основанный на гарантии получения буржуазией «надлежащей прибыли»¹⁷.

Свидетельством игнорирования марксистско-ленинской оценки национальной буржуазии и противоречия со своей же трактовкой места и роли крестьянства являются рассуждения Мао Цзэдуна о роли национальной буржуазии в «новодемократической» революции и в государстве «новой демократии». Уже в ранних его выступлениях прослежива-

¹⁴ См. Мао Цзэдун. Избр. произв., Харбин, с. 335, 336.

¹⁵ См. там же, с. 314.

¹⁶ См. Мао Цзэдун. Избр. произв., т. IV. Пекин, 1964, с. 204.

¹⁷ См. Мао Цзэдун. Избр. произв. Харбин, с. 336.

ется недооценка реакционных сторон и переоценка революционных возможностей буржуазии. В этой связи уместно напомнить, что еще в 1923 г. в статье «Пекинский переворот и торговцы» Мао Цзэдун назвал буржуазию руководящей силой и поставил вопрос о ее классовой гегемонии в национальной революции¹⁸. В 1937 г. Мао Цзэдун (см. доклад «Борьба за вовлечение многомиллионных масс в антияпонский единый национальный фронт»), говоря о периоде борьбы за гегемонию между пролетариатом и буржуазией, утверждал о наличии «перевеса буржуазии» в «новодемократической» революции¹⁹. В работе «О новой демократии» Мао Цзэдун, выражая неверие в силы рабочего класса, заявлял о возможности руководства «новодемократической» революцией буржуазией, если она поведет «народ на свержение империализма и феодальных сил... и... сумеет... ввести демократическую систему правления...»²⁰. В период антияпонской войны (1937—1945 гг.) и после (1946—1949 гг.), заигрывая с национальной буржуазией, Мао Цзэдун имел в виду не столько интересы единого фронта борьбы всех патристических сил страны с внешним врагом, сколько интересы борьбы за установление личной власти в послевоенном Китае, в том числе и путем опоры на национальную буржуазию и ее откола от гоминьдана. Одновременно на национальную буржуазию Мао Цзэдун возлагал задачу осуществления индустриализации страны, необходимой для создания «сильного» Китая. В этих условиях рабочий класс ради обеспечения экономической заинтересованности буржуазии в создании мощного промышленного потенциала страны должен был, по Мао Цзэдуну, поступиться своими интересами. Правда, это прикрывалось демагогическими заявлениями Мао Цзэдуна о том, что он рассматривает пролетариат в качестве главного союзника крестьянства, но на деле роль рабочего класса принижалась.

«Новая демократия» — праворевизионистская версия «национального» социализма

Как сам Мао Цзэдун оценивал перспективы развития «новодемократической республики»?

В этом вопросе он занял весьма двусмысленную позицию, заявив, что, хотя в перспективе она все еще может пойти по капиталистическому пути, существует и возможность перехода ее на путь некапиталистического развития²¹. Крайняя противоречивость Мао Цзэдуна в этом вопросе говорит о том, что он по меньшей мере не верил в реальную возможность руководства революцией китайским пролетариатом и его победы над буржуазией и вообще сомневался в возможности построения социализма в Китае. Это подтверждается содержанием концепции «новой демократии».

Касаясь вопроса о соотношении «новодемократического» и социалистического этапов революции, Мао Цзэдун заявил, что «новодемократический» этап революции подготавливает условия для социалистического этапа, эти этапы «должны смыкаться, и между ними нет места для этапа буржуазной диктатуры», только через «новодемократическую» революцию Китай «сможет идти дальше по пути к социалистической революции»²². Однако под предлогом отсутствия в Китае соот-

¹⁸ См. «Сяндао», 11.VII.1923, № 31—32, с. 233—234.

¹⁹ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1, М., 1952, с. 495.

²⁰ Мао Цзэдун. Избр. произв. Харбин, с. 244.

²¹ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1, с. 468—469.

²² Мао Цзэдун. Избр. произв. Харбин, с. 253, 229.

ветствующих условий Мао Цзэдун не ставил конкретные задачи по подготовке к переходу от «новодемократического» к социалистическому этапу революции, и прежде всего в деле обеспечения политического руководства со стороны пролетариата процессом перерастания «новодемократической» революции в социалистическую. Более того, он подчеркивал, что «в Китае в течение всего периода новой демократии невозможен, а потому и не должен иметь места строй диктатуры одного класса и монопольного положения одной партии в правительстве». Эта программа «новой демократии», — добавлял он, — не будет подвергаться изменениям десятки лет»²³. Отсюда видно, что Мао Цзэдун не ставил задачу построения социализма даже в отдаленной перспективе.

Вопреки этим взглядам Мао Цзэдуна, под влиянием разгрома гитлеровской Германии и японского милитаризма во второй мировой войне, приблизившего победу народной революции в Китае, подъема освободительной борьбы самого китайского народа, возраставшей помощи Советского Союза перед китайскими коммунистами все настойчивее вставал вопрос о борьбе за социализм.

Не желая отказываться от концепции «новой демократии», Мао Цзэдун попытался «совместить» ее с социализмом, внося в нее некоторые коррективы. В частности, он заявил о необходимости переходного периода от «новой демократии» к социализму. Осуществление задач этого периода им возлагалось на так называемую «демократическую диктатуру народа», обоснованию которой было посвящено его выступление «О демократической диктатуре народа» (30 июня 1949 г.)²⁴.

Как известно, одной из основных задач государства периода перехода к социализму является ликвидация эксплуатации человека человеком и, соответственно, эксплуататорских классов. Однако Мао Цзэдун, по существу, так и не признал необходимости ликвидации класса буржуазии в период перехода к социализму, упомянув лишь об «ограничении» буржуазии. Чтобы разрешить противоречие между антиэксплуататорской сущностью социализма и допущением существования класса буржуазии в социалистическом обществе, Мао Цзэдун в 1957 г. выступил с концепцией характера противоречий при социализме в докладе «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», посвященном теоретическому обоснованию провозглашенной им ранее политики «регулирования» отношений между трудом и капиталом путем включения рабочего класса и буржуазии в состав «народа» и противопоставления «народа» «врагам народа», к которым были отнесены противники линии Мао Цзэдуна. Согласно маоистской концепции характера противоречий при социализме, в социалистическом обществе существуют противоречия двух типов: «между нами и нашими врагами» и противоречия внутри народа»²⁵. Противоречия между «народом» и «врагами народа» («между нами и нашими врагами») объявлялись антагонистическими. Что же касается противоречий «внутри народа» то, подменяя вопрос о характере противоречий между пролетариатом и буржуазией вопросом о способе их разрешения, Мао Цзэдун заявил, что «если соответствующим образом регулировать антагонистические противоречия между этими двумя классами, они могут превратиться в неантагонистические, могут разрешаться мирным путем»²⁶. Однако путем «регулирования» невозможно изменить внутреннюю непримиримую сущность этих противоречий. Разрешить их можно только путем социальной революции, направленной на ликвидацию буржуазии ка

²³ См. там же, с. 317, 319.

²⁴ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. IV. Пекин, 1964, с. 501—517.

²⁵ Мао Цзэдун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М., 1957, с. 4.

²⁶ Там же, с. 7.

класса (путем либо насильственной экспроприации, либо мирного выкупа средств производства, принадлежащих буржуазии). Но Мао Цзэдун утверждал, что в период социалистической революции буржуазия якобы сама «желает принять социалистические преобразования»²⁷. Ввиду своей экономической и политической слабости китайская национальная буржуазия действительно не была способна на серьезное сопротивление социалистическим преобразованиям. В то же время она никак не могла и «добровольно» участвовать в подобных преобразованиях, если их содержание действительно соответствовало названию, то есть означало в конечном счете ликвидацию класса буржуазии. Выходило, что «социализм» в понимании Мао Цзэдуна не означал ликвидацию класса буржуазии.

Какую же роль отводил Мао Цзэдун национальной буржуазии в государстве «демократической диктатуры народа»? Прежде всего экономическую: «В течение довольно длительного периода времени после победы революции все еще необходимо будет по возможности использовать в интересах развития народного хозяйства активность частного хозяйственного капитализма в городе и деревне»²⁸. Сама по себе такая постановка вопроса была естественной в условиях разрухи и общей экономической отсталости Китая. Это подтверждено опытом и других стран, вступивших на путь строительства социализма. Но временное использование мелкого и среднего капитализма в целях экономического развития в период перехода к социализму ни в коей мере не подменяет политическую сущность этого периода, государство которого «не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»²⁹ в той или иной форме. В любом случае возможность временного существования частнокапиталистического уклада в экономике не означает какого-либо политического участия буржуазии в осуществлении социалистических преобразований. Однако путем включения национальной буржуазии в состав «народа», призванного осуществлять диктатуру над противниками социализма, Мао Цзэдун превращал буржуазию из объекта, против которого направлены социалистические преобразования, в полноправного участника этих преобразований и тем самым признавал возможность участия буржуазии в решении политических задач в период перехода к социализму. Более того, в соответствии с выдвинутым им курсом «длительного сосуществования и взаимного контроля» не только провозглашался контроль КПК над «демократическими» партиями, представлявшими национальную буржуазию, но и оговаривалось право последних «контролировать коммунистическую партию»³⁰.

Таким образом, «демократическая диктатура народа», целью которой Мао Цзэдун провозглашал переход к социализму, была фактически направлена против установления в Китае диктатуры пролетариата, которую он растворял в диктатуре «народа», против ликвидации капиталистической эксплуатации и ее носителя — класса буржуазии, а следовательно, и против создания социалистического общества. Отрицание руководящей роли пролетариата и политикой опоры на буржуазию — основополагающие принципы «новой демократии». Разработка Мао Цзэдуном на основе этих принципов собственной интерпретации содержания периода перехода к социализму в форме концепции «демократической диктатуры народа» свидетельствует о том, что она являлась модификацией концепции «новой демократии» применительно

²⁷ См. там же, с. 5.

²⁸ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. IV. Пекин, 1964, с. 448.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 27.

³⁰ Мао Цзэдун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа, с. 40.

к новым историческим условиям. Растворив диктатуру пролетариата в «диктатуре народа», важную роль в осуществлении политических функций государства «демократической диктатуры народа» Мао Цзэдун резервировал за крестьянством: «Все обладающие гражданскими правами люди, сплоченные рабочим классом, в первую очередь крестьяне, осуществляют диктатуру по отношению к реакционным классам, реакционерам и к элементам, которые сопротивляются социалистическим преобразованиям...»³¹. Как известно, крестьянство в целом, наряду с национальной буржуазией, является лишь временным союзником пролетариата до перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. По мере завершения задач буржуазно-демократической революции на первый план неизбежно выходят противоречия между антагонистическими классами внутри революционно-демократического лагеря: в нем, помимо пролетариата, остается не все крестьянство, а лишь его беднейшая часть, при нейтрализации середняка в деревне, а также городской мелкой буржуазии. «За пределами демократизма, — писал В. И. Ленин, — не может быть и речи о единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической республики эта борьба и будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой за социализм»³². Однако Мао Цзэдун не признавал подобной перспективы, пытаясь искусственно законсервировать социальный состав «новодемократической диктатуры» («демократической диктатуры народа») на длительный исторический период после победы народной революции, применяя бонапартистскую тактику лавирования между различными классами и социальными прослойками путем проведения политики так называемого «регулирования» классовых противоречий.

Изложение Мао Цзэдуном в рассмотренном докладе своего понимания «демократической диктатуры народа» и характера противоречий при социализме раскрывает подлинный смысл принципа «регулирования» классовых противоречий, положенного им в основу социальной политики «новой демократии». За отказом Мао Цзэдуна от борьбы за гегемонию пролетариата в «новодемократической» революции и от постановки на последующем этапе революции конкретных задач по преобразованию «новодемократической» «объединенной диктатуры нескольких классов» или «демократической диктатуры народа» в диктатуру пролетариата скрывался по существу отказ от строительства социализма в Китае.

В чем же заключался в таком случае социализм в понимании Мао Цзэдуна?

Ответ на этот вопрос дают его идеалистические представления о природе классов и классовой борьбы. В основе этих представлений лежит приоритет субъективного фактора над объективным, идеологии и политики над экономикой. Эти представления Мао Цзэдуна определили и его подход к проблеме классовых противоречий. Подчеркивая, что в Китае развивается иностранный капитализм, а не китайский³³, и ссылаясь на особую «патриотичность» китайской буржуазии, Мао Цзэдун отрицал антагонистический характер противоречий между пролетариатом и национальной буржуазией в Китае, тем самым фактически отрицая и эксплуататорский характер китайской национальной буржуазии. А отсюда и вывод Мао Цзэдуна о возможности включения буржуазии в политическую систему социалистического общества. Это говорит о том, что Мао Цзэдун рассматривал социализм с ладклассовых позиций, чем и объясняются его попытки отождествления «новой демократии» с социализмом.

³¹ Там же, с. 9—10.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 73—74.

³³ См. Мао Цзэдун. Избр. произв., Харбин, с. 248.

Основные положения концепции «новой демократии», прежде всего отрицание руководящей роли пролетариата в революции и необходимости установления диктатуры пролетариата в той или иной форме, фактический отказ от строительства социализма на основе марксистско-ленинской теории социализма, курс на установление «диктатуры народа», которая трактовалась им с надклассовых позиций, — все это позволяет рассматривать маоистскую концепцию «новой демократии» как праворевизионистскую разновидность мелкобуржуазных теорий «национального» социализма.

Концепция «новой демократии» была выдвинута Мао Цзэдуном в качестве модели особого, «третьего», пути развития Китая и всех колониальных и зависимых стран в противовес ленинской теории некапиталистического развития. Подтверждение этому можно найти в работе Мао Цзэдуна «О новой демократии», в которой он, ссылаясь на то, что для создания капиталистических «республик буржуазной диктатуры старого европейско-американского типа «время уже прошло», а для создания «социалистических республик пролетарской диктатуры новейшего советского типа» еще не настало, заявил, что в силу этих причин «на определенном историческом отрезке времени единственно возможной государственной формой для всех революционных колоний и полуколоний может быть лишь третья форма — так называемая республика новой демократии», называемая им также «демократией китайского типа»³⁴.

Анализ политической, экономической и социальной программ «новой демократии» показывает, что от ее осуществления должны были выиграть прежде всего национальная буржуазия и кулацкая прослойка деревни. В политическом плане «предоставление» крестьянству власти на практике означало установление мелкобуржуазной диктатуры, опиравшейся на политический и экономический союз с национальной буржуазией. Такая диктатура объективно открывает дорогу к капитализму. Что же касается субъективной точки зрения Мао Цзэдуна по этому вопросу, то по существу он и не скрывал своего убеждения в том, что главным, если не единственным, средством проведения индустриализации может быть лишь всемерное развитие частнокапиталистического уклада в экономике. Характерным в этом отношении представляется его доклад «О коалиционном правительстве» (1945), в котором он, провозгласив целью государства «новой демократии» «превращение Китая из страны аграрной в страну индустриальную»³⁵, не связывал эту цель с созданием материально-технической базы социализма, заявляя о невозможности социалистических преобразований в экономике и политике «новодемократического» государства, и в то же время подчеркивал необходимость создания благоприятных условий для свободного развития частного капитала.

Откровенно капиталистическая направленность внутривнутриполитического содержания концепции «новой демократии» определяла и ее внешнеполитическую направленность. В вопросе об источниках капиталовложений в экономику «новодемократического» государства Мао Цзэдун особое внимание уделял привлечению иностранных капиталовложений, объем которых, по его словам, «будет необыкновенно большим»³⁶. Хотя из политических соображений он открыто не указывал на возможные источники иностранных капиталовложений, но в ходе тесных контактов между руководством КПК и американскими представителями в Китае в середине 40-х годов выяснилось, что

³⁴ См. Мао Цзэдун. Избр. произв. Харбин, с. 244, 236.

³⁵ См. там же, с. 335.

³⁶ См. там же, с. 336.

Мао Цзэдун рассчитывал на американскую помощь³⁷. Эти расчеты Мао Цзэдуна не ограничивались только экономической сферой, но и преследовали далеко идущие политические цели. «За оружие и союз с Соединенными Штатами, отмечал П. П. Владимиров, — Мао Цзэдун гарантировал отказ от «связей с Москвой»³⁸.

Эволюция концепции «новой демократии» показывает постепенный переход Мао Цзэдуна к открытой ревизии основополагающего учения марксизма-ленинизма о всемирно-исторической роли рабочего класса и ленинской теории некапиталистического развития, в основе которой лежало требование «безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме»³⁹. От разработки собственной «теоретической основы» китайской революции к «китанизации» марксизма, а затем к отказу от борьбы за социализм и курсу на всемерное развитие капитализма с целью создания мощного экономического потенциала — таков путь развития концепции «новой демократии».

Гегемонистские устремления Мао Цзэдуна, проявившиеся в том, что концепцию «новой демократии» — «демократии китайского типа» он объявлял единственно приемлемой для всех колониальных и зависимых стран, курс на установление тесного экономического и политического союза с американским империализмом, подчинение экономических интересов рабочего класса требованиям капиталистической индустриализации — все это достаточно ясно указывает на цели создания «могучего и сильного» «новодемократического» Китая. Такая политика, не имевшая ничего общего с социализмом, коренным образом противоречила интересам пролетариата и всех трудящихся в китайской революции.

* * *

Содержание маоистской концепции «новой демократии» показывает, что прагматическая политика современного китайского руководства, направленная на установление политического и экономического союза с национальной и эмигрантской буржуазией, а также международной империалистической буржуазией, является практическим воплощением в жизнь наиболее реакционных сторон маоизма.

Что же восприняло из маоистской концепции «новой демократии» нынешнее китайское руководство, пришедшее к власти после смерти Мао Цзэдуна?

В первую очередь курс опоры на буржуазию и теоретическое обоснование этого курса, сформулированное Мао Цзэдуном в докладе «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» в виде теории двух типов противоречий при социализме. Использование данной теории понадобилось новым китайским руководителям для того, чтобы придать видимость теоретического обоснования, освященного авторитетом Мао Цзэдуна, своей политике опоры на буржуазию в осуществлении амбициозной гегемонистской программы «четырёх модернизаций», а также для оправдания политических репрессий против противников маоистского режима в ходе проведения политики так называемого «продолжения революции при диктатуре пролетариата». Эта позиция нашла свое отражение еще в

³⁷ Согласно записям американского дипломата Дж. Сервиса, Мао Цзэдун в интервью 23 августа 1944 г. заявил ему следующее: «Китай должен провести индустриализацию. Это может быть сделано в Китае только путем свободного предпринимательства и с помощью иностранного капитала. Китайские и американские интересы взаимосвязаны и близки друг к другу. Они совпадают в экономическом и политическом отношениях. Мы можем и должны работать вместе». (Lost Chance in China. The World War II Despatches of John S. Service. New York, 1974, p. 307.)

³⁸ П. П. Владимиров. Особый район Китая. М., 1973, с. 505.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 167.

докладе Хуа Гофэна XI съезду КПК в 1977 г., а затем получила дальнейшее развитие в докладе Е Цзяньина на I сессии ВСНП пятого созыва в 1978 г. «Рабочие, крестьяне, городская мелкая буржуазия, патристически настроенная интеллигенция, патристически настроенные капиталисты и другие демократические деятели-патриоты... при нашей демократической диктатуре народа... относятся к народу, — говорилось в докладе Е Цзяньина. — Данный председателем Мао Цзэдуном... классовый анализ различных социальных сил, на которые диктатура пролетариата в нашей стране должна опираться и с которыми она должна спланиваться, является... стратегической идеей, которой мы обязаны придерживаться в борьбе за осуществление генеральной задачи на новый период»⁴⁰.

Таким образом, получается, что диктатура пролетариата должна опираться на... «патристическую» буржуазию в составе «народа» и этот принцип выдвигается в качестве центрального социально-политического принципа в период осуществления «генеральной задачи» развития страны. Подобная интерпретация диктатуры пролетариата означает, по существу, ее отрицание, так как основной социальной задачей диктатуры пролетариата является ликвидация эксплуатации человека человеком, а следовательно, и буржуазии как класса.

Курс опоры на национальную и эмигрантскую буржуазию был законодательно закреплен в новой конституции КНР в 1978 г. Под лозунгом «спланивать все силы, какие только можно сплотить»⁴¹, широко пропагандируемым китайскими средствами массовой информации, в конституцию были внесены положения о «революционном едином фронте», в который среди других классов и социальных групп включена национальная буржуазия и представители эмигрантской буржуазии, и о «международном едином фронте», который должен объединить все антисоветские силы на мировой арене.

Одновременно приняты меры по практическому осуществлению этого курса: возрождена на маоистской основе деятельность НПКСК (в руководящих органах которой представлена буржуазия⁴²); под видом восстановления «демократических» партий легализуется политическая деятельность буржуазии; приняты законы, предоставляющие выгодные условия для помещения китайского и иностранного частного капитала в различные отрасли китайской экономики при одновременном отказе от экономического сотрудничества с международным лагерем социализма; проводится политика возвращения денежных вкладов и конфискованного имущества национальной буржуазии и другие меры, направленные на привлечение буржуазии к сотрудничеству с китайскими властями в создании таких экономических и политических условий, которые позволили бы им в полной мере осуществить реализацию своих гегемонистских замыслов. Знаменательно, что курс опоры на буржуазию проводится одновременно с усилением агрессивности внешней политики пекинского руководства.

Разъяснению политики опоры на буржуазию была посвящена опубликованная в газете «Жэньминь жибао» 15 февраля 1979 г. статья Отдела Единого фронта при ЦК КПК «Правильно понимать и надлежащим образом проводить в жизнь политику партии в отношении национальной буржуазии», в которой говорится о «необходимости провести повторное воспитание широких масс кадровых работников, рабочих и служащих в духе политики единого фронта», чтобы можно

⁴⁰ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики пятого созыва (Документы). Пекин, 1978, с. 198-199.

⁴¹ См. там же, с. 112.

⁴² Широко представлена буржуазия и в ВСНП, в составе которой так называемые «патристически настроенные деятели» и «возвратившиеся из-за границы соотечественники» составляют почти 10 % всех депутатов.

было «дальше осуществлять политику партии в отношении национальной буржуазии». С этой целью в статье дается подробное изложение курса руководства КПК в отношении национальной буржуазии в духе положения III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.) о том, что «все патриотически настроенные китайцы — члены одной большой семьи».

В качестве теоретического обоснования политической опоры на буржуазию приводится все та же теория Мао Цзэдуна о двух типах противоречий при социализме, отрицающая антагонистический характер противоречий между пролетариатом и буржуазией «при правильном к ним подходе», и повторяется его формулировка социального состава «народа», включающего национальную буржуазию. На этой основе делается такой вывод: «На историческом этапе социализма нам необходимо сплотить все силы, которые можно сплотить, в том числе и представителей национальной буржуазии, с тем чтобы она участвовала в борьбе против внутренних и внешних врагов».

Возникает вопрос: какова же в конечном счете направленность развития подобного «социализма», если не только не ставится конкретная задача ликвидации капиталистической эксплуатации, но и привлекается буржуазия к осуществлению политических функций социалистического государства по подавлению противников социалистического строя, к которым в силу объективной противоположности классовых интересов пролетариата и буржуазии относится в первую очередь сама буржуазия?

Этот курс на привлечение буржуазии к сотрудничеству в осуществлении «социалистической модернизации», провозглашенный главным направлением развития страны, был подтвержден на сессиях ВСНП и НПКСК, состоявшихся в июне текущего года. Хуа Гофэн, заявляя в своем докладе на сессии ВСНП⁴³ о том, что социалистический строй в Китае «окончательно и прочно утвердился», в то же время призвал продолжать «неуклонно вести классовую борьбу». Но не между рабочим классом и буржуазией, которая, по его словам, полностью «перевоспиталась» и «составляет часть народа Китайской Народной Республики», а «между нами и нашими врагами», то есть между «народом», а значит, и буржуазией как его составной частью и «разными классовыми врагами», к которым прежде всего относят противников маоистского режима. Таким образом, вопреки утверждению Хуа Гофэна о наличии в Китае диктатуры пролетариата эта диктатура фактически растворяется в диктатуре «народа». Это наглядно проявляется и в докладе Дэн Сяопина на упомянутой сессии НПКСК⁴⁴, который заявил, что «демократические» партии, связанные с «патриотически настроенными деятелями» (то есть с буржуазными элементами), «являются политической силой, которая служит социализму».

При отсутствии действительного руководства рабочего класса в условиях созданной маоистским режимом военно-бюрократической диктатуры (новые китайские руководители пытаются замаскировать ее воссозданием государственных и общественных институтов, разрушенных в ходе «культурной революции»), когда у власти находится партия, руководство которой стоит на мелкобуржуазно-националистической платформе маоизма, такая политика, стимулирующая экономическую и политическую активность буржуазии, при поддержке международной империалистической буржуазии неминуемо ведет к реставрации капитализма (что и делают китайские власти, возвращая буржуазии конфискованную собственность и тем самым возрож-

⁴³ См. «Жэньминь жибао», 26.VI.1979.

⁴⁴ См. там же, 16.VI.1979.

дая класс капиталистов, «переставший существовать как класс», по словам Хуа Гофэна).

Проводимую нынешним китайским руководством политику опоры на буржуазию можно рассматривать как современную модификацию маоистской концепции «новой демократии» путем заимствования той ее части, где речь идет о политике в отношении буржуазии. Сам факт возвращения к концепции, в основе которой лежит политика опоры на буржуазию в целях создания с ее помощью мощного военно-экономического потенциала ради достижения гегемонистских целей, в условиях, когда, согласно заявлениям китайских руководителей, в Китае «окончательно утвердился социализм», наглядно подтверждает антисоциалистический характер маоизма, его беспринципную шовинистическую сущность.

Патриотическая борьба китайских рабочих против японской агрессии. 1931—1937 гг.

*Т. Н. Акатова,
кандидат исторических наук*

Весьма слабая изученность истории рабочего движения в период гоминьдановского господства, наступивший после революции 1925—1927 гг., породила (не без влияния маоистских концепций) представление о том, будто рабочий класс города в целом в эти годы утратил свое революционное значение в связи с резким спадом социально-политической активности пролетариата и что именно это обстоятельство явилось основной причиной отрыва КПК от рабочего класса.

Однако исторические факты свидетельствуют о том, что уже с 1928 г. в обстановке бело-гоминьдановского террора рабочий класс крупнейших промышленных центров выступает как инициатор активного противодействия все более нарастающей агрессии Японии, что после японского захвата Маньчжурии в 1931 г. патриотическая активность китайских рабочих выражает главное направление революционного процесса, способствуя, в частности, созданию единого национального антияпонского фронта. События этого периода ярко выявляют силу возмущения рабочих Китая гнетом иностранного империализма. Их освещение опровергает антипролетарскую концепцию маоизма, антиисторичность его официальных версий относительно отдельных периодов и эпизодов китайской революции. В то же время этот материал еще раз подчеркивает, что факт утраты маоистским руководством КПК идеологических и политических связей с рабочим классом — самой стойкой и самоотверженной силой национального освобождения — сыграл и продолжает играть в высшей степени пагубную роль в развитии революционного процесса в Китае.

В настоящей статье рассматривается лишь один аспект многоплановой и сложной проблемы создания в Китае единого национального антияпонского фронта, а именно — историческое значение развернувшейся в этот период антияпонской борьбы рабочих промышленных центров. В последнее время советские историки-китаеведы: К. В. Кукушкин, В. Н. Никифоров, А. С. Титов, Р. А. Мироничская и другие плодотворно исследуют проблему в целом. Однако в плане рабочих выступлений она все еще не освещена.

При рассмотрении истории рабочего движения в 1917—1949 гг. отчетливо выявляется определяющее значение его антиимпериалистической направленности. Возмущение гнетом иностранного капитала было преобладающим мотивом боевых выступлений китайского пролетариата. При этом специфика развития антиимпериалистической борьбы китайских рабочих, как и всего национально-освободительного движения, в полной мере отразила своеобразие полуколониального состояния страны. На каждом отдельном историческом этапе острее борьбы четко направлялось против той империалистической державы, которая проводила в данный период наиболее агрессивную политику в отношении Китая.

Не случайно первый выход молодого рабочего класса Китая на арену политической борьбы произошел в ходе патриотического движения «4 мая» 1919 г., вызванного усилением японской экспансии против Китая и явившегося следствием как социально-экономических сдвигов в самом Китае, так и изменения всей международной обстановки в послевоенный, послеоктябрьский период. С тех пор национально-освободительная борьба в Китае разворачивалась при все возрастающей социально-политической активности китайского пролетариата, в неразрывной связи с мировым революционным процессом, с международной пролетарской солидарностью.

Экспансия японского империализма долгие годы являлась постоянно действующим фактором политической, антиимпериалистической борьбы в Китае. В революции 1925—1927 гг. главные удары сил национального освобождения были направлены против Японии и Англии. После установления гоминьдановского режима в 1927 г. и вплоть до окончания второй мировой войны в 1945 г. главным агрессором, выступавшим против Китая, неизменно оставался японский империализм. На последнем же этапе национально-революционной борьбы, после разгрома Советским Союзом основных сил японской военной в Китае, монополистом в деле порабощения Китая выступили США.

Национальный момент — возмущение китайских рабочих гнетом иностранного капитала — определял основу специфики рабочего движения в стране вплоть до 1949 г. Дело в том, что национальное угнетение, от которого страдал весь китайский народ, особенно остро и непосредственно ощущалось именно рабочим классом, сконцентрированным в крупных промышленных центрах. В городах вообще наиболее ярко и обнаженно проявлялись и эксплуататорская сущность иностранных поработителей, и их засилье во всех сферах экономической и общественно-политической жизни. Именно наличие классового, социального момента в антиимпериалистической борьбе рабочих делало ее столь яркой, самоотверженной, бескомпромиссной.

Несмотря на относительную малочисленность рабочих в масштабах страны, они представляли собой весьма внушительную политическую силу, особенно в жизненно важных экономических, политических и культурных центрах Китая. В угнетенном Китае такое общее социальное преимущество пролетариата, как его географическая и производственная концентрация, приобретало особое значение именно в антиимпериалистической борьбе, поскольку в городах были сконцентрированы и другие патриотические силы страны: прогрессивная интеллигенция, многочисленные слои мелкой буржуазии и городского люда, национальная буржуазия. Это создавало предпосылки к единению рабочего класса с другими патриотическими силами, к реализации в Китае ленинской стратегии единого национального антиимпериалистического фронта. При этом рабочие иностранных предприятий не только выступали застрельщиками в антиимпериалистической борьбе, но и привносили в нее свои пролетарские формы борьбы и организации. Забастовка рабочих, материально и морально поддерживаемая широкими городскими слоями, стала испытанным средством национально-революционного движения.

Опыт революции 1925—1927 гг. особенно четко выявил огромные революционные потенции китайского пролетариата в антиимпериалистической борьбе и подтвердил, что его социально-политическая роль, необъяснимая ввиду его относительной малочисленности в масштабах страны, определялась позицией наиболее решительного, последовательного и самоотверженного борца против национального гнета.

Первое после революции 1925—1927 гг. оживление политической активности китайского пролетариата происходит в связи с «Цзинаньскими

ми событиями» 3 мая 1928 г.¹ Антияпонские забастовки и манифестации охватили Шанхай, Цзинань, Циндао, Тяньцзинь, Гуанчжоу и другие города². В обстановке депрессии, наступившей после революции, сила возмущения новым актом японской агрессии вновь продемонстрировала мобилизующее значение национального момента в китайском рабочем движении. Цепь антияпонских выступлений рабочих крупнейших центров страны в 1928—1930 гг. стала прологом активного выступления рабочих масс против открытой японской агрессии, начавшейся в 1931 г. В связи с всеобщей забастовкой на японских предприятиях в Ханькоу в 1929 г. ЦК Коммунистической партии Японии и ЦК КПК выступили с совместным обращением к рабочим, крестьянам и угнетенным народам обеих стран, призывая их объединиться в борьбе против японского империализма³. Размах антияпонской забастовочной борьбы в крупнейшем промышленном центре провинции Шаньдун — городе Циндао — в 1929—1930 гг. был настолько велик, что правительство Чан Кайши, опасаясь конфликта с Японией, запретило здесь деятельность даже легальных гоминьдановских профсоюзов⁴.

После начала открытой агрессии Японии против Китая, когда осенью 1931 г. была захвачена Маньчжурия, угроза самому существованию китайского государства стала главным фактором политической жизни страны. Не будет преувеличением сказать, что для китайских рабочих с этого момента отпор японским захватчикам становится главным побудительным мотивом политической активности.

В условиях, когда социальные силы национального сопротивления были разобщены предательской политикой чанкайшистского гоминьдана, стремившегося во что бы то ни стало истребить КПК, патриотическая борьба рабочего класса приобрела особое политическое значение. Она способствовала решению главной исторической задачи этого периода — созданию в стране единого национального антиимпериалистического фронта, укрепляя общеполитические позиции КПК, побуждая обе противоборствующие стороны к объединению.

В чем же конкретно проявлялась роль рабочего движения в создании предпосылок формирования единого антияпонского фронта? Формы патриотической борьбы рабочих в эти критические для страны дни были весьма разнообразны. Главным методом пролетарской борьбы, естественно, выступала забастовка. После нападения Японии на Маньчжурию по всей стране разворачиваются забастовки на японских предприятиях. Антияпонские забастовки рабочих, выражавшие дух времени и всеобщее настроение, пользовались сочувствием и широкой поддержкой городского населения. Они проходили также на иностранных предприятиях, обслуживавших японские фирмы, и на китайских предприятиях, владельцы которых чинили препятствия антияпонским манифестациям своих рабочих. Весьма деятельным было участие рабочих масс также в широком антияпонском бойкоте⁵. Антииностранный бойкот, в

¹ 3 мая 1928 г. японские войска захватили город Цзинань — столицу провинции Шаньдун, стремясь утвердить здесь свое влияние, а также преградить путь войскам Чан Кайши, успешно наступавшим на позиции японского ставленника Чжан Цзолиня в Маньчжурии. При этом в Цзинани погибло несколько тысяч мирных жителей.

² См. «Шанхай гунжэнь», 1928, № 17; История рабочего движения в Китае, т. 3. Тайбэй, 1959 (на кит. яз.), с. 795—800.

³ См. «Буэрсайвэйкэ», 1929, т. 2, № 5, с. 1—8.

⁴ См. Собрание материалов по политической истории Китая в новейшее время. Материалы гоминьдановского архива в Нанкине, вып. 2, т. 43 [Б. м.], 1958, документы 5406, 5489.

⁵ Программа действий для всего населения, принятая 2 октября 1931 г. на общем митинге рабочих Нанкина — столицы страны, в то время включала следующие формы антияпонского бойкота: не работать на японцев, не покупать японских товаров, изъять из обращения и торговли все предметы японского производства, не носить одежду японского изготовления. — См. История рабочего движения в Китае, т. 3, с. 1046.

элементарной форме выражавший стихийно складывавшийся единый фронт самых разнородных социальных сил, был традиционной формой патриотической борьбы. Выступая организаторами антияпонского бойкота, контролируя его проведение, рабочие профсоюзы тем самым не только обеспечивали его массовость и, следовательно, эффективность, но и в определенной степени сплачивали вокруг себя широкие круги населения. Именно рабочие выявляли и изобличали соглашателей и наказывали нарушителей бойкота, подвергая их публичному осуждению. Так, в Шанхае рабочие пикеты проверяли склады и магазины, громили заведения, торговавшие японскими товарами, избивали и с позором водили по улицам спекулянтов — нарушителей бойкота. В Тяньцзине рабочий Комитет отпора Японии и спасения Китая организовал тщательную проверку всех магазинов и складов, публично обвинил в преступной спекуляции председателя местной торговой палаты, тайно закупившего японскую пряжу, и организовал в городе 50-тысячную антияпонскую демонстрацию, в ходе которой были разгромлены магазины и лавки нарушителей бойкота⁶.

Среди созданных по всей стране различными социальными слоями многочисленных комитетов отпора Японии и спасения Китая комитеты рабочих профсоюзов стали серьезной политической силой в городах в этот период. Не случайно японцы организовывали провокации прежде всего против рабочих антияпонских организаций⁷.

Наивысшего размаха достигает антияпонская борьба рабочего класса в период знаменитой Шанхайской обороны (январь — март 1932 г.). Здесь она приобретает форму непосредственной вооруженной борьбы с захватчиками.

Героическая оборона Шанхая, решившая в те дни судьбу главного экономического центра Китая, была историческим подвигом китайского рабочего класса. В то же время в ходе этой обороны впервые отчетливо проявилось стремление широких городских масс к созданию единого фронта борьбы против захватчиков (боевое содружество рабочих и студентов, единение их с 19-й армией, материальная поддержка оборонявшихся город рабочих со стороны национальной буржуазии⁸).

Возрождение социальной-политической активности китайского рабочего класса, выступившего застрельщиком решительного сопротивления японской агрессии, сыграло серьезную роль в формировании единого национального антияпонского фронта. Как признавали официальные представители гоминьдана, рабочие всех без исключения городов страны с первых же дней японской агрессии всеми способами выражали свой гневный протест и по собственному почину создавали патриотические объединения — антияпонские общества и комитеты под девизом «Отпор Японии — спасение Китая»⁹.

Прежде чем перейти к событиям антияпонской борьбы китайских рабочих в 1935—1937 гг., вошедших в историю как период непосредственной подготовки единого фронта, необходимо остановиться на таких важнейших проблемах, как позиции КПК и гоминьдана в руководстве рабочим движением и значение для каждой из этих противоборствующих сторон патриотической активности рабочего класса.

Специфика революционного процесса в Китае после разрыва в 1927 г. единого фронта проявилась в резком изменении соотношения рабочего класса и крестьянства в руководимом КПК революционном

⁶ История рабочего движения в Китае, т. 3, с. 1049—1050.

⁷ Так, в Тяньцзине японцы организовали покушение на возглавившего патриотическую борьбу в городе профсоюзного деятеля Чэнь Вэньпэня (см. там же, с. 1050); бесчисленные провокации против рабочих предшествовали нападению японцев на Шанхай в начале 1932 г.

⁸ Подробнее см. Т. Н. Акатова. Пролетариат Китая в борьбе против японской агрессии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 1, с. 114—127.

⁹ См. История рабочего движения в Китае, т. 3, с. 1045.

активе. Все промышленные центры страны оказались под властью гоминьдана. Загнанная в подполье КПК не смогла утвердить свое влияние в рабочих массах, несмотря на беспредельный героизм и величайшее самопожертвование коммунистических кадров, работавших в городах. Сказался и чрезвычайный вред левоавантюристических установлений, апогеем которых явилась лилисаневщина, развернувшаяся в 1930 г., незадолго до японского вторжения в Маньчжурию. Подпольные красные профсоюзы, руководимые коммунистами, практически полностью были ликвидированы в период лилисаневщины.

В ходе антияпонской борьбы, развернувшейся после захвата Маньчжурии, компартии удалось несколько укрепить свои связи с массами. Однако действовавшие вплоть до VII Конгресса Коминтерна сектантские установки на противопоставление красных профсоюзов легальному гоминьдановскому профдвижению препятствовали установлению единства рабочего класса. К 1934 г. кадры КПК, работавшие в городах, были в значительной степени истреблены. Это была колоссальная потеря для КПК, оказавшаяся невосполнимой.

Непомерные трудности КПК в ее борьбе с гоминьданом за руководство рабочим классом усугублялись тем обстоятельством, что гоминьдан придавал огромное значение установлению своего безраздельного контроля над рабочим движением. Рабочий класс стал объектом весьма активной и целенаправленной политики гоминьдана. Она базировалась на трезвой оценке социальной значимости и высокой революционности пролетариата в освободительной борьбе. Немаловажную роль играло и стремление искоренить влияние КПК в центральной сфере ее деятельности. Намереваясь полностью исключить развитие классовой борьбы против китайских предпринимателей, гоминьдан апеллировал к национальным чувствам рабочих. Используя их возмущение гнетом иностранного капитала, гоминьдан рассчитывал использовать свой авторитет борца за национальное освобождение, заслуженный им в предшествовавшие годы, чтобы направить рабочее движение исключительно в русло антииностранной борьбы, полностью подчиненной интересам его политики. Иными словами, гоминьдан надеялся сделать рабочий класс своим послушным орудием, направляя и дозируя его политическую активность по своему усмотрению. В деле подчинения рабочего движения руководству гоминьдана немаловажное значение наряду с национализмом, имело известное внимание гоминьдана к жизненным нуждам рабочих. Добиваясь классового мира, гоминьдан принуждал и китайских предпринимателей идти на определенные уступки, чтобы не вызывать «экстремизма рабочей активности»¹⁰.

Казалось бы, антияпонская борьба китайских рабочих должна была встретить всемерную поддержку гоминьдана. Однако в этом вопросе проявилось основное противоречие всего гоминьдановского режима: провозглашение великих целей национального освобождения, возрождения и в то же время боязнь развязать революционную инициативу собственного народа. Не только экономическая, но и антияпонская борьба рабочих постоянно сдерживалась гоминьдановским правительством, поскольку она, естественно, перехлестывала допускаемые им рамки. К тому же, надеясь «умиротворить агрессора» и проводя, в сущности, капитулянтскую политику, нанкинское правительство по настоянию японских резидентов зачастую предпринимало репрессивные акции против рабочих. Таковы, например, мероприятия властей против бастующих рабочих японских фабрик в Циндао в 1930 г.¹¹, репрессии

¹⁰ Подробнее см. Т. Н. Акатова. Основные направления политики гоминьдановского правительства в рабочем вопросе. — В кн. Общество и государство в Китае. М., 1973, с. 294—313.

¹¹ См. Собрание материалов по политической истории Китая в новейшее время, вып. 2, т. 43, документы 5406, 5489.

против антияпонских рабочих организаций, проведенные мэром Шанхая У Течэном после ультиматума японцев накануне нападения на Шанхай, и многие другие¹².

С первых же дней японской агрессии патриотическая борьба рабочих была органически связана с осуждением капитулянтских тенденций правительства. Требования к гоминьдану об организации немедленного отпора агрессору, возвращения всех оккупированных врагом земель, вооружении рабочих добровольческих отрядов стали главными политическими лозунгами всех рабочих выступлений этого периода. Эти лозунги полностью поддерживались и радикальным студенчеством. Именно рабочие и студенты наиболее решительно выступают в эти дни против гоминьдана, доводя дело до кровопролитных стычек с полицией, разгромов правительственных учреждений и избияния чиновников. В ответ нанкинское правительство не останавливалось даже перед расстрелами манифестантов¹³. Выступления рабочих и студентов обнажили наиболее уязвимую сторону гоминьдановского режима — непоследовательность и противоречивость его политики в самом главном, наболевшем вопросе жизни китайского общества. Для гоминьдана, столь дорожившего своим престижем борца за национальную свободу, сделавшего национализм главным козырем всей своей социально-политической программы, подобные выступления в крупнейших экономических, политических и культурных центрах страны значили очень много.

В то же время эти выступления не затрагивали в тот период сущности гоминьдановского режима в целом. В глазах широких народных масс гоминьдан продолжал оставаться дееспособной силой национального спасения, призванной организовать всенародное сопротивление. Эта дееспособность, собственно говоря, и стала основой объединения усилий гоминьдана и КПК в борьбе против агрессора.

Таким образом, с самого начала японской агрессии против Китая выступления рабочего класса оказывали прямое воздействие на гоминьдан, побуждая его стать на путь решительного отпора захватчикам. И именно этот путь был главным условием последующего союза КПК и гоминьдана.

Характерно при этом, что рабочий класс, как всегда, вносил в борьбу за национальное освобождение и социально-демократическое содержание. В призывах рабочих профсоюзов к нанкинскому правительству сочетались требования организации немедленного отпора Японии, вооружения рабочего класса с требованиями общей демократизации рабочего движения, отмены ограничительного закона о профсоюзах 1929 г., свободы забастовок, а также проведения мероприятий по улучшению жизни рабочих и охраны их труда¹⁴.

Очень важное значение имела осознанная тяга рабочего класса к единству своих рядов в борьбе против японской агрессии. Гоминьдан вынужден был пойти на серьезные уступки рабочим — разрешить создание Генерального совета профсоюзов Шанхая, ряда всекитайских отраслевых профсоюзов, учредить в 1935 г. Китайскую ассоциацию труда.

¹² См. Материалы по истории антияпонской борьбы 19-й армии. Шанхай, 1933, с. 60—64; Борьба народных масс Шанхая в период «обороны 28 января». Шанхай, 1958, с. 13—14.

¹³ Особенно глубокое негодование общественности вызвал расстрел 17 декабря 1931 г. демонстрации студентов, собравшихся со всех городов страны в Нанкин, чтобы потребовать от правительства немедленной организации отпора японцам. После этого расстрела рабочие и студенты проводили в городах «демонстрации с гробами», неся тела расстрелянных гоминьдановской полицией и обличая капитулянтство правительства. См. Борьба народных масс Шанхая в период «обороны 28 января», с. 11.

¹⁴ Таково было, например, содержание Обращения к IV съезду гоминьдана 70 профсоюзов Шанхая, объединявших 800 тыс. рабочих. Полный текст документа см. в кн. «История рабочего движения в Китае», т. 3, с. 1056.

Для того чтобы в полной мере оценить значение антияпонской борьбы рабочего класса, следует учитывать всю меру ее воздействия на общественное мнение и на политику гоминьдана. Для захватившего власть гоминьдана, как уже указывалось, рабочее движение было одной из серьезнейших проблем. На урегулирование конфликтов между трудом и капиталом, на организацию легального профдвижения, которое все время выходило из повиновения и никак не становилось опорой режима, на мероприятия в области трудового законодательства и т.п. гоминьдан тратил значительные средства. Размах антияпонской забастовочной борьбы усугубил напряженность обстановки в городах; она активизировала и борьбу рабочих за свои жизненные права¹⁵. Таким образом, патриотическая борьба рабочих в эти годы объективно способствовала укреплению общеполитических позиций КПК, ослаблению реальных сил, направляемых гоминьданом на борьбу против советских районов. Усилилось значение рабочего класса как силы, приковывавшей внимание и средства гоминьдановского правительственного и партийного аппарата к «замирению» городов, объективно оказывавшей поддержку вооруженной борьбе коммунистов в сельских районах страны.

Как известно, серьезным препятствием к созданию единого антияпонского фронта было ожесточение в рядах самой КПК против гоминьдана. Жестокий террор против КПК, развязанный гоминьданом после разрыва единого фронта, унес тысячи жизней революционных бойцов. Гоминьдан рассматривал истребление коммунизма в Китае как задачу, неразрывно связанную с отпором японцам. В свою очередь и КПК вплоть до VII Конгресса Коминтерна выдвигала лозунг свержения гоминьдановского режима в качестве главного условия организации отпора агрессору.

В этой обстановке сам опыт антияпонской борьбы рабочего класса явился важным фактором, который помог КПК преодолеть ее сектантские заблуждения и правильно воспринять рекомендации VII Конгресса Коминтерна о необходимости создания единого антияпонского фронта с гоминьданом.

Безуспешные попытки КПК возглавить антияпонскую борьбу рабочих, опираясь исключительно на красные профсоюзы, совместить ее с борьбой за свержение гоминьдана, отрывали партию от рабочих масс, втянутых в легальное профдвижение. В дни Шанхайской обороны, когда члены и легальных, и красных профсоюзов сражались рядом и гибли за общее дело, коммунисты ошибочно выдвинули лозунг свержения в городе власти гоминьдана и создания правительства трудящихся, которое единственное сможет возглавить отпор захватчикам. Одновременно с задачей изгнания японских войск провозглашалось максималистское и нереальное в тот момент требование: ликвидировать привилегии всех империалистических держав. Столь же нереальный характер имели и экономические требования ко всем (а не только к японским) предпринимателям.

Подобное смешение актуальнейшей задачи момента с дальними перспективами революции не только не могло способствовать распространению влияния КПК в рабочих массах, но и приходило в противоречие с самой логикой отпора врагу. Среди членов красных профсоюзов было распространено стремление к единству с основной массой рабочих, объединенной в легальные профсоюзы.

Среди китайских коммунистов под влиянием этих событий рабочей борьбы также нарастало стремление установить широкий единый анти-

¹⁵ По официальным гоминьдановским данным, в 1935—1937 гг. в промышленных центрах примерно половина всех конфликтов выливалась в забастовки. В предшествующие годы гоминьдану удавалось разрешать подавляющее большинство конфликтов путем принудительного арбитража, не допуская всплеск забастовочной борьбы

японский фронт, включающий и национальную буржуазию, оказавшую материальную поддержку бастующим рабочим японских фабрик.

Таким образом, сама практика антияпонского рабочего движения в 1931—1935 гг. подводила и КПК, и гоминьдан к осознанию необходимости единого фронта. Стихийное создание единого рабочего фронта снизу, тесный союз рабочих и революционного студенчества, поддержка антияпонских рабочих забастовок китайской буржуазией — все это говорило о том, что идея единства овладевает массами.

Японское наступление против Китая охватывало все новые и новые территории страны. Становилось все более очевидным, что агрессор не удовлетворится отторжением отдельных районов. Перед всем китайским народом отчетливо встала дилемма: либо оказать сопротивление японской агрессии — тогда жизнь, либо не оказывать этого сопротивления — тогда смерть для всей нации и всего государства.

Для выработки единственно верной в тех условиях, диктуемой самой жизнью политики КПК огромное значение имели решения VII Конгресса Коминтерна (июль — август 1935 г.), закончившего с левосектантскими ошибками в международном рабочем и коммунистическом движении. Была восстановлена ленинская стратегия единого антиимпериалистического фронта. Конгресс рекомендовал объединение красных и легальных профсоюзов. «Осуществление единого фронта борьбы рабочего класса представляет на нынешнем историческом этапе главную, ближайшую задачу международного рабочего движения», — гласила резолюция¹⁶. Единый фронт рабочих в Китае должен был стать основой широкого единого национального антияпонского фронта. В политике КПК наступил крутой поворот. Интересна в связи с этим ошибочность, антиисторичность представлений Мао Цзэдуна о путях преодоления раскола рабочего класса.

Первые шаги маоистского руководства КПК в деле организации единого антияпонского фронта и в частности объединения рабочего движения осложнялись непоследовательностью и противоречивостью его тактики. Вплоть до мая 1936 г. руководство КПК (с января 1935 г. его возглавил Мао Цзэдун) полагало, что острие единого фронта должно быть направлено и против японцев, и против Чан Кайши как национального предателя. В декабре 1935 г. на совещании в Ваяобао Мао Цзэдун рекомендовал направить силы рабочего класса «на борьбу против империализма и его прихвостней — национальных предателей»¹⁷. Подобное сохранение сектантской установки на борьбу против официального гоминьдановского правительства на практике означало бы для рабочего класса полную невозможность установления единства не только с широкими патриотическими слоями населения, но и внутри самого рабочего класса. Ни буржуазные слои, ни рабочие массы, входившие в легальные профсоюзы, не могли в тот момент быть вовлечены в антиправительственную борьбу. Характерно также, что в вышеназванном выступлении Мао характеризует рабочий класс как «авангард национальной революции», однако не дает никаких конкретных рекомендаций о руководстве КПК борьбой рабочих и даже не упоминает о его необходимости¹⁸. К этому времени силы партии в городах стали очень незначительными. В 1935 г. КПК уже не создавала свои местные организации в городах. Сохранились лишь коммунисты-одиночки, действовавшие на свой страх и риск, без связи с маоцзэдуновским руководством. С каждым днем катастрофически сужался пролетарский базис КПК. Именно эти герои-коммунисты проводили комин-

¹⁶ Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935, с. 28.

¹⁷ См. Мао Цзэдун. О тактике борьбы против японского империализма. — Избр. произв., т. 1. М., 1952, с. 286.

¹⁸ См. там же, с. 287.

терновскую политику борьбы за единый национальный антияпонский фронт, активизировали патриотическое движение рабочих и студентов¹⁹.

Все обстоятельства, вместе взятые,—огромные трудности подполья, гибель кадров, связанных с рабочим движением, специфический состав руководства КПК — способствовали тому, что после 1935 г. маоистское руководство КПК отказалось от работы в городах, сосредоточив все силы на укреплении своей армии, признав фактически монополию гоминьдана на руководство рабочим классом. Дальнейшая антияпонская борьба рабочих развертывалась стихийно, либо под руководством гоминьдановских профсоюзов.

Отказ от попыток возродить связи партии с рабочими массами, полное отсутствие конкретных планов в этом направлении породили характерную для всего периода маоцзедуновского руководства формулу: само руководство КПК во главе с Мао Цзедуном якобы адекватно осуществлению гегемонии пролетариата.

Однако (и в этом проявилась специфика революционного процесса в Китае) рабочий класс своей высокой политической активностью в 1935—1937 гг. оказал реальную поддержку политике КПК по созданию единого антияпонского фронта, несмотря на слабость партийного руководства. Антияпонская борьба пролетариата все более становилась определяющим фактором общенародного патриотического подъема, ставившего гоминьдан перед фактом стремления масс создать единый фронт «снизу». На событиях антияпонской борьбы рабочих в 1935—1937 гг. следует остановиться подробнее.

В начале 1935 г., несмотря на оккупационный режим, поднялись на борьбу шахтеры Маньчжурии²⁰. В Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзинь и других городах не прекращались отдельные антияпонские забастовки и манифестации. Очень большую роль в патриотической борьбе этого периода играло революционное студенчество, в среде которого тайно действовали коммунисты. Как и в годы революции, студенты и рабочие выступали единым фронтом. Начатое студентами знаменитое патриотическое движение «9 декабря» 1935 г. было поддержано рабочими и оказало большое влияние на рабочие массы, все настойчивее выдвигавшие перед гоминьданом лозунги создания единого фронта. Вслед за студенческими волнениями и в непосредственной связи с ними с начала 1936 г. развертываются мощные антияпонские стачки в Шанхае и Циндао — крупнейших в Китае центрах японской промышленности.

6 февраля 1935 г. в Шанхае вспыхнула всеобщая забастовка 8 тысяч рабочих японской текстильной фабрики «Дакан», возмущенных расправой японского надсмотрщика над рабочим-патриотом, участником Шанхайской обороны Мэй Шицзюнем²¹. Забастовка эта была жестоко подавлена, но волнения перекинулись на другие японские фабрики, охватывая их одну за другой в течение февраля — марта 1935 г. Все забастовки были стихийными, но отличались чрезвычайно боевым характером. Рабочие громили фабрики, уничтожали продукцию, вступали в стычки с японской полицией и войсками. Многие из них были уволены, арестованы²².

¹⁹ О студенческом движении этих лет см.: А. С. Титов. О «движении 9 декабря» 1935 г. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3, с. 103—116.

²⁰ См. «Шэньбао», 27.1.1935.

²¹ Китайская пресса в те дни подробно описывала зверское убийство Мэй Шицзюня японскими надсмотрщиками, которые при обыске обнаружили у него бережно хранимую собственную фотографию в форме добровольца Шанхайской обороны. — См. «Гоцзи лаогун тунсюнь», 1936, № 3, с. 112.

²² Об этих забастовках см. Собрание материалов политической истории Китая в новейшее время (на кит. яз), вып. 2, т. 43, документы 5500—1, 5500—11; «Дягунбао», 13.III, 15.III.1936.

Несмотря на репрессии японских хозяев, рабочие уже в ноябре вновь забастовали. На этот раз возмущение вызвало новое расширение японского наступления в провинции Суйюань. Более 45 тысяч рабочих японских текстильных фабрик Шанхая объявили всеобщую забастовку, выдвинув весьма радикальные требования об улучшении своего положения²³. Японцы бросили на подавление рабочих все свои силы, имевшиеся в Шанхае: полицию и войска, вооруженные пулеметами, танками, броневиками. Солдаты избивали бастующих, связывали их и насильно отвозили на фабрики, заставляя приступить к работе под угрозой расстрела. И все же рабочие держались. Забастовка продолжалась с 8 по 26 ноября и нанесла японским текстильным предприятиям ощутимый урон. Положение же национальной текстильной промышленности улучшилось. Население Шанхая и других городов горячо поддерживало бастующих. Объединявшее широкие слои Общества спасения родины собирало для них деньги и продовольствие. Проводились массовые антияпонские митинги с участием бастующих, на которых выдвигалось единодушное требование создать единый фронт. В китайской буржуазной прессе тех дней высоко оценивалось значение борьбы рабочих против японского засилья, настойчиво звучали призывы сплотить все силы нации в единый фронт. Однако власти по-прежнему пытались ограничить размах борьбы рабочих и объединение их с другими слоями населения. В гоминьдановских архивах хранятся документы за 1936 г. о тайной слежке за студенческими и другими демократическими организациями различных городов страны, собиравших пожертвования и организовывавших поездки в Шанхай для помощи бастующим²⁴. Стремясь представить забастовку как обычную экономическую борьбу, мэр Шанхая У Течэи уговаривал рабочих возобновить работу и спокойно ждать, пока японские предприниматели удовлетворят их экономические требования при посредничестве гоминьдана²⁵. Стойкость бастующих и поддержка их широчайшими кругами общественности вынудили японцев пойти на серьезные экономические уступки и восстановить на работе всех бастовавших. В тех условиях подобные уступки явились значительной победой рабочих и были расценены общественностью как успех общей антияпонской борьбы. Это был серьезный опыт организации рабочих выступлений и их координации с общей патриотической борьбой. Характерно, что несмотря на завоеванные экономические результаты, рабочие рассматривали эту борьбу как политическую и остро осознали необходимость своего единства для оказания сопротивления японским империалистам. После этой забастовки они потребовали от Генерального совета профсоюзов Шанхая создать объединенный комитет всех текстильщиков города для дальнейшей борьбы против японцев²⁶. Правда, это требование тогда не было удовлетворено.

Под непосредственным влиянием антияпонской борьбы в Шанхае развернулась всеобщая забастовка японских текстильных фабрик в Циндао — втором после Шанхая центре сосредоточения японской промышленности в Китае. Поскольку и в Шанхае, и в Циндао действовали одни и те же японские фирмы, экономический эффект забастовок был особенно велик. Общее число бастующих в обоих городах превысило 100 тысяч. Но еще большим было политическое значение антияпонской борьбы. И в Шанхае, и в Циндао бастовавшие пользовались сочувствием и поддержкой широких масс населения. Активную деятельность

²³ См. Собрание материалов политической истории Китая в новейшее время, вып. 2, т. 46, документы 5500 — 1, 5500 — 11. Как правило, в ходе антиимпериалистических, политических забастовок выдвигались и экономические требования, причем содержание их было тем выше, чем выше был накал борьбы.

²⁴ См. там же, документ 4228.

²⁵ См. там же, документы 5500 — 1, 5500 — 11.

²⁶ Промышленность и профсоюзы Шанхая (на кит. яз.). Сянган, 1939, с. 110—113.

по организации помощи бастующим развернула Всекитайская ассоциация национального спасения²⁷. Для того чтобы подавить забастовки, ставшие наиболее значительным проявлением широкой антияпонской борьбы, японцы приняли чрезвычайные меры — направили в порт Циндао 9 военных кораблей. 3 декабря в городе был высажен двухтысячный десант, вооруженный пулеметами. Японские солдаты заняли не только помещения всех японских фабрик, но блокировали важнейшие правительственные и общественные организации, в том числе горком гоминьдана, типографии, издательства и т. д.

Однако эти бесчинства вызвали такую бурю протеста по всей стране, что японцам пришлось отступить. Как и в Шанхае, японские предприниматели, чтобы прекратить забастовки, пошли на значительные экономические уступки. 15 декабря японские войска были выведены из Циндао. Это была серьезнейшая победа, одержанная в результате стихийного создания единого фронта. Гоминьдановское правительство еще пыталось сузить размах борьбы, развивавшейся вне его контроля. В гоминьдановских архивах наряду с подробным описанием событий содержатся секретные материалы о тайной слежке за рабочими-патриотами, о попытках пресечения связей между рабочими и студентами, о репрессиях против различных антияпонских комитетов²⁸.

Характерно, что эти действия гоминьдана вызывали все большее осуждение самых широких кругов общественности. Значение антияпонских забастовок 1935—1937 гг. для формирования предпосылок единого фронта борьбы трудно переоценить. Рабочие шли в авангарде сопротивления захватчикам. Их стойкость и самоотверженность, стремление сплотить свои ряды и объединиться со всеми патриотическими силами страны вызывали в эти бурные дни широчайшее сочувствие. Именно в связи с борьбой рабочих особенно четко формулировались лозунги единого антияпонского фронта. Во время забастовок буржуазная газета «Чжунхуа жибао» писала: «Великое значение рабочих антияпонских забастовок в том, что они вызывают сочувствие всех слоев населения страны. Наконец-то китайские рабочие и китайская буржуазия объединенными усилиями пытаются спасти нацию. Все соотечественники должны всемерно поддержать бастующих рабочих. Наше правительство в деле сопротивления агрессорам должно оценить самоотверженную борьбу рабочих, помочь их организации и борьбе»²⁹.

Несомненно, что на решающем этапе, когда КПК с помощью Коминтерна сосредоточила все свои усилия на создании единого антияпонского фронта, патриотическая борьба рабочих ведущих промышленных центров страны явилась важным фактором того всенародного подъема, который способствовал переходу гоминьдана от гражданской войны к союзу с КПК. Ван Мин утверждает, что Лю Шаоци, возглавлявший в тот период Бюро ЦК КПК Северного Китая, в своем письме Мао Цзэду, говоря о трудностях советского движения и боевых сил КПК в те дни, подчеркнул: в деле создания единого фронта «не деревня спасла город, а город спас деревню». Ван Мин поясняет: «Иными словами, успехи политики антияпонского национального единого фронта в городе спасли деревню»³⁰.

Однако специфика развития революционного процесса в Китае проявилась в том, что при всем колоссальном значении единого фронта для

²⁷ Создана в мае 1936 г. при участии китайских коммунистов.

²⁸ См. Собрание материалов по политической истории Китая в новейшее время, вып. 1, т. 46, документ 4228.

²⁹ «Чжунхуа жибао», 21.XI.1936.

³⁰ Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, с. 35. А. С. Титов справедливо приводит эту цитату, характеризуя значение антияпонского студенческого движения «9 декабря» 1935 г., развернувшегося в городах Китая (см. «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3, с. 114). В полной мере она относится и к внутриапатриотическим выступлениям пролетариата промышленных центров.

студеб страны, революции и самой КПК после его создания в 1937 г. не последовало укрепления пролетарского базиса партии КПК. В КПК так и не сложилось пролетарское ядро. Указания VII Конгресса Коминтерна о сплочении всех патриотических сил Китая в единый национальный антияпонский фронт предусматривали упрочение союза рабочих промышленных центров и революционного крестьянства советских районов, координацию их борьбы под руководством КПК. В период формирования единого фронта предполагалось, что возрождение союза между КПК и гоминьданом откроет перед коммунистами возможность укрепить свои связи с рабочим классом, а это, в свою очередь, будет способствовать большевизации самой КПК.

Представитель КПК в Коминтерне Ван Мин писал в те дни: «Большинство нынешних кадров КПК было воспитано и закалено в гражданской войне. Многие из них происходят из крестьян. Они имеют опыт вооруженной борьбы с гоминьданом и его армиями, но многие из них совершенно не имеют ни опыта борьбы за массы в таких условиях, где отсутствуют советская власть и красная армия, ни даже представления о рабочем движении крупных городов. Поэтому воспитание старых партийных кадров применительно к новым условиям и методам работы является отнюдь не легким делом. Не менее важная задача — воспитание и выдвижение новых кадров, в первую очередь из рабочих. В последние годы выросли и растут многие активисты и вожаки массового антияпонского движения и стачечной борьбы. Из них компартия может и должна черпать свежие силы и новые резервы, свои новые боеспособные кадры, непосредственно связанные с широчайшими массами и обладающие новым опытом борьбы и работы»³¹.

Однако эти устремления не нашли поддержки со стороны Мао Цзэдуна, утвердившего свое руководство в партии, и не вылились в какие-либо реальные акции. Более того, со временем отсутствие пролетарского базиса стало расцениваться маоистским руководством КПК чуть ли не как преимущество. То, что, согласно ленинскому учению и жизненному опыту борьбы, следовало оценить как беду и слабость партии (не удалось опереться на рабочий класс, зарекомендовавший себя как революционный авангард в освободительной борьбе, из всех многообразных форм революционной деятельности удалось развить лишь вооруженную борьбу и т. д.), было оценено маоистским руководством как величайший позитивный опыт. Причем этот односторонний, обедненный опыт был возведен в абсолют и стал расцениваться как революционный путь, будто бы обязательный для всех угнетенных стран.

Как показали дальнейшие события, пренебрежительное отношение к исторической роли собственного рабочего класса было вначале органически связано с чисто утилитарным подходом к проблемам международной пролетарской солидарности, а ныне завершилось прямой изменой ее принципам, смычкой с наиболее реакционными силами современности.

Весь опыт развития китайского рабочего движения подтверждает, что главным направлением рабочей активности, в котором максимально проявлялись социально-политическая значимость и лучшие боевые качества китайского пролетариата, была борьба против империалистического угнетения. И именно это направление в рассматриваемый период было исторически необходимым перед лицом японской агрессии — смертельной угрозы самому существованию Китая. Для КПК, стоявшей на позициях последовательного антиимпериализма, имелся, таким образом, верный ключ к овладению доверием рабочего класса,

³¹ Ван Мин. Новый этап агрессии японского империализма и новый период борьбы китайского народа. — «Коммунистический Интернационал», 1937, № 8, с. 57.

к установлению руководства его патриотической борьбой. Доказательством этого служит и то, что рабочий класс, к чести его, не стал опорой гоминьдановского режима, несмотря на все старания последнего. В конечном счете сказались как недостижимость гоминьдановских установок на «классовый мир» в Китае, так и непоследовательность гоминьдана в деле национального освобождения, его боязнь развязать инициативу патриотической борьбы рабочих.

Отчуждение маоистского руководства КПК от рабочего класса тяжелейшим образом сказалось на судьбах самой КПК, на развитии революционного процесса, на судьбах рабочего класса и его борьбы.

Вся сложность развития революции в Китае и специфические черты рабочего класса угнетенной страны сами по себе не предопределяли с фатальной неизбежностью то отчуждение между КПК и пролетариатом, которое сыграло и продолжает играть столь отрицательную историческую роль. Серьезную роль в этом сыграл субъективный фактор — антипролетарские националистические устремления Мао Цзэдуна и его сторонников.

Гоминьдановский произвол

(Из записок советского дипломата)

И. Н. Никитин

В мае 1945 г. была разгромлена гитлеровская Германия, но война на Дальнем Востоке все еще продолжалась. Японские милитаристы имели достаточно сил, чтобы долго сопротивляться своим противникам — США и Англии. Советский Союз не мог спокойно наблюдать, как народы Азии изнемогают от японской агрессии. Вместе с тем наша страна была озабочена и собственной безопасностью на Дальнем Востоке. Еще на Крымской конференции Советское правительство заявило, что выступит на стороне союзников против Японии уже через два-три месяца после окончания войны с Германией. Оно полностью выполнило взятые на себя обязательства и 8 августа 1945 г. объявило войну милитаристской Японии. Красная Армия нанесла сокрушительный удар по японским вооруженным силам, более чем миллионная Квантунская армия прекратила сопротивление и сдалась в плен. 2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Великая Отечественная война Советского Союза, а вместе с ней и вторая мировая война закончились. Советский Союз спас человечество от фашизма. Для народов всего мира наступил долгожданный мир.

Как известно, во время второй мировой войны гоминьдановское правительство Китая занимало явно антисоветскую позицию. Вместе с тем оно желало вступления Советского Союза в войну против Японии, связывая с этим событием расчеты на облегчение своего положения. Когда же после разгрома гитлеровской Германии стало очевидным, что СССР в целях быстрее завершения войны на Дальнем Востоке выступит на стороне союзников против Японии и примет участие в послевоенном урегулировании в этом районе мира, оно вынуждено было пойти на известное улучшение советско-китайских отношений, на их стабилизацию путем заключения нового договора. Что же касается Советского Союза, то он всегда стремился к дружбе с китайским народом, к укреплению с ним союза и тесного сотрудничества. В то время, когда советские войска вели бои с японской Квантунской армией, в Москве 14 августа 1945 г. был подписан договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем¹.

Договор провозглашал укрепление традиционных дружественных отношений между СССР и Китаем «путем союза и добрососедского послевоенного сотрудничества». Оба правительства обязались «вести войну против Японии до окончательной победы», «взаимно оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь и поддержку в этой войне», «не вступать в сепаратные переговоры с Японией», а «после окончания войны против Японии совместно предпринимать все находящиеся в их власти меры для того, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией». Договор предусматривал также сотрудничество обеих сторон после войны, основанное на принципах

¹ См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. III. М., 1947, с. 456—466.

«взаимного уважения их суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела» другой стороны.

В тот же день были подписаны дополнявшие этот договор соглашения о Китайско—Чанчуньской железной дороге (оно предусматривало, что основные магистрали КВЖД и ЮМЖД, идущие от станции Маньчжурия до станции Пограничная и от Харбина до Дальнего и Порт-Артура, объединенные в одну дорогу, перейдут в общую собственность СССР и Китая и будут эксплуатироваться ими совместно); о Порт-Артуре; о порте Дальнем; об отношениях между советским главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию Трех Восточных Провинций (Маньчжурии).

Дальнейшие взаимоотношения СССР и Китая строились в соответствии с этими договорами и соглашениями. На освобожденной территории Маньчжурии проводились разоружение и прием капитуляции японских войск. Создавались комендантуры во главе с советскими офицерами. Китайское население помогало частям Красной Армии ликвидировать вражеские гарнизоны и устанавливать порядок в городах и населенных пунктах. Капитуляция японских войск продолжалась до 30 августа. К этому времени вся территория Маньчжурии была очищена от японских захватчиков.

Освобожденное Красной Армией китайское население ликovalo: всюду проходили собрания и митинги, на которых китайцы от всего сердца благодарили советские войска, принесшие им свободу. Подавляющее большинство китайцев хотело установления в Маньчжурии демократических порядков и ждало прихода революционных войск. Вопреки воле народа гоминьдановское правительство торопилось установить свою власть. Уже 15 августа 1945 г. оно объявило о делении Маньчжурии на девять провинций. Одновременно были назначены и губернаторы этих провинций, которые к концу года стали прибывать в Маньчжурию. Однако далеко не все из них прибыли к месту своего назначения. Но даже те губернаторы, которые решились приехать в назначенные провинции, предпочитали отсиживаться в административных центрах, дальше которых их власть не распространялась. Чиновники, которых они посылали на места, немедленно изгонялись местным населением, которое не хотело установления у себя гоминьдановских порядков.

Еще в период пребывания в Маньчжурии советских войск гоминьдановцы под тем предлогом, что им необходимо принять Маньчжурию от советского командования, а также для сохранения вновь созданной администрации, ввели во все крупные центры, где находились их губернаторы, свои войска и полицию. Они развернули там жестокую борьбу против демократических организаций и прогрессивных деятелей, не останавливаясь перед применением террора. Там, где не было гоминьдановских губернаторов и гоминьдановских войск, была установлена народно-демократическая власть, которой руководила Коммунистическая партия Китая. Народно-демократические органы власти начали активную подготовку к проведению коренных социально-демократических преобразований. Вполне естественно, это не могло понравиться гоминьдановцам. Вдохновляемые американцами, чанкайшисты уже в октябре — декабре 1945 г. начали наступление на Маньчжурию. Попытки Компартии Китая добиться мирного урегулирования успеха не имели. Чанкайшистское правительство продолжало концентрировать свои войска в Южной Маньчжурии. На кораблях военно-морского флота США туда были спешно доставлены две лучшие гоминьдановские армии. После того как закончилась концентрация чанкайшистских войск, был спровоцирован предлог для агрессии. В начале февраля 1946 г. государственный секретарь США Бирнс, игнорируя тот факт, что советские войска продолжали находиться в Маньчжурии по просьбе гоминьдановского правительства и 15 января 1946 г. вновь начали эвакуацию, обвинил Советский Союз в агрессивных

намерениях и выдвинул требование о сохранении принципа «открытых дверей и равных возможностей в Маньчжурии».

Советское правительство не могло оставить без ответа эту клевету. 26 февраля 1946 г. командование советских войск в Маньчжурии выступило с заявлением, в котором подробно изложило причины отсрочки отвода войск². Как говорилось в заявлении, вывод советских войск был начат еще в ноябре 1945 г., но дважды по просьбе гоминьдановского правительства был приостановлен и отложен до 1 февраля 1946 г. 15 января 1946 г. вывод войск возобновился, и к концу февраля значительная часть советских войск из Маньчжурии была выведена. Основной причиной задержки вывода советских войск было то, что войска гоминьдановцев подходили в районы, оставляемые нашими войсками, крайне медленно и с опозданием, вследствие чего советскому командованию некому было передавать оставляемую территорию. Китайские власти не раз предъявляли ему претензии по поводу того, что советские войска уходят, не дожидаясь подхода войск гоминьдановского правительства. Советское командование вынуждено было учитывать это обстоятельство.

Эвакуация советских войск из Маньчжурии полностью закончилась 3 мая 1946 г. Выполнив освободительную миссию и свой союзнический долг, Красная Армия возвратилась на Родину, оставив о себе добрую память у китайского народа. Со слезами на глазах простые китайцы, рабочие и крестьяне Маньчжурии провожали советских бойцов. На многочисленных митингах и собраниях они говорили им слова благодарности и клялись жить в мире и дружбе с советским народом, своим добрым соседом.

В то время я работал секретарем генерального консульства в Харбине и одновременно являлся помощником Г. И. Павлычева, политического советника при маршале Р. Я. Малиновском, главнокомандующем советских войск в Маньчжурии. Мне довелось быть свидетелем событий тех лет на маньчжурской земле, встречаться со многими людьми. Ежедневно я виделся с Р. Я. Малиновским и генералами его штаба, с офицерами и солдатами нашей армии; по роду службы мне приходилось бывать в командировках в различных городах и населенных пунктах Маньчжурии. Здесь мне хочется рассказать о тех событиях, которые имели место после вывода советских войск из Мукдена и Чанчуня, об издевательствах чанкайшистов над находившимися там советскими людьми, о нарушении гоминьдановцами Договора о дружбе и союзе между СССР и Китаем от 14 августа 1945 г. и других соглашений, подписанных тогда же, в частности соглашения о КЧЖД. Чанкайшистский режим, поощряемый Вашингтоном, встал на путь яркой антисоветской борьбы. Гоминьдановцы открыто проповедовали крестовый поход против Советского Союза. Они намеревались отвлечь китайский народ от внутриполитических проблем и сконцентрировать все внимание общественного мнения на маньчжурской проблеме, «доказать», что Советский Союз «нарушает» суверенитет Китая и помогает КПК в «захвате» власти. Развязанная чанкайшистами антисоветская кампания совпала с «холодной войной» империалистических держав против СССР и стран народной демократии, а вернее, была вызвана ею.

14 апреля 1946 г. Чанчунь покинула советская военная комендатура. Три дня хозяйничанья гоминьдановцев в Чанчуне ознаменовались жесточайшим террором не только против китайских коммунистов, но и против советских людей, как железнодорожников и работников советских учреждений, так и местных советских граждан. Уже 14 апреля, в 18 часов вечера, на главной улице города гоминьдановцы обстреляли легковые автомашины, принадлежащие советским работникам КЧЖД. Инженер Романенко был убит выстрелом в упор, инженер Поляк тяжело

² См. «Известия», 27.II.1946.

ранен. 15 апреля в 10 часов утра гоминьдановские солдаты ворвались во двор дома заместителя председателя правления КЧЖД генерала И. Каргина, обстреляли вход в его квартиру, ранив охранника Маскирова. В это время я как раз звонил по телефону Каргину, чтобы узнать о судьбе Г. И. Павлычева и вице-консула генконсульства СССР в Чанчуне И. К. Кизима. Когда телефонную трубку передали Г. И. Павлычеву, он сообщил, что квартиру Каргина обстреливает гоминьдановская артиллерия и что все находящиеся там вынуждены лечь на пол, чтобы не пострадать от пуль и осколков снарядов. В трубку были слышны звуки разрывов и треск пулеметных очередей. Положение наших товарищей было исключительно тяжелым, мы ничем не могли им помочь.

В 14 часов гоминьдановцы ворвались в квартиру помощника начальника отдела кадров КЧЖД Машникова и ранили его.

15 апреля днем гоминьдановцы остановили на улице машину Г. И. Павлычева, в которой находился также вице-консул И. К. Кизим. После предъявления дипломатических паспортов один из гоминьдановцев дал по машине очередь из автомата и ранил в обе ноги И. К. Кизима.

Страшная трагедия разыгралась в гостинице «Интурист», где проживали с семьями сотрудники советских учреждений. Когда гоминьдановцы стали обстреливать из пулемета гостиницу, люди спустились в подвал, чтобы укрыться от пуль. Гоминьдановские солдаты ворвались в подвал и из автоматов стали расстреливать беззащитных людей, среди которых были женщины и дети. Затем они ушли, но через некоторое время возвратились и бросили три гранаты. Те, кто остался в живых, выбрались на улицу, их укрыла в подвале соседнего дома женщина-японка. Гоминьдановцы снова возвратились в гостиницу, чтобы продолжать свое грязное дело, но наши люди были уже в относительной безопасности. Всего было убито 18 советских граждан.

19 апреля на территории склада Внешторга в колоде и в куче мусора были обнаружены пять трупов советских работников «Экспортхлеба»: Александрова, Мургина, Боровицкого, Иванова и Романовского. Все они были уведены гоминьдановцами 15 апреля и зверски убиты. В тот же день были уведены из дома и убиты старший инспектор «Дальбанка» К. В. Никифорок и служащий Миргородский, а также служащий «Интуриста» Т. З. Кулокьян.

Советские люди — железнодорожники, другие специалисты, работники советских организаций, местные советские граждане, оставшиеся на контролируемой чанкайшистами территории, — оказались в очень тяжелом положении. Когда об этом стало известно Советскому правительству, оно немедленно стало принимать меры к защите от гоминьдановского произвола законных прав и интересов граждан СССР.

18 апреля 1946 г. меня вызвал к себе вице-консул А. Н. Логинов. Андрей Николаевич сказал, что я должен срочно вылететь в Мукден, чтобы выяснить, в каком положении находятся там советские граждане и, если потребуется, защитить их интересы. Он пояснил, что в Центр поступают сведения о плохом отношении гоминьдановских властей к командированным из СССР и местным советским гражданам. Мне было поручено также вывезти из Мукдена группу советских инженеров, находившихся там в командировке еще со времени пребывания в городе Красной Армии. А. Н. Логинов предупредил, что командировка будет не из легких, поскольку связи с Мукденом нет и консульство не знает, что там происходит. Он также сказал, что перед самым уходом советских войск из Мукдена заведующий отделением торгпредства СССР в Мукдене М. А. Ивкин был назначен старшим по колонии советских граждан. На него возлагалась защита их прав и интересов, а также прав и интересов советских организаций. В этом качестве он официально был пред-

представлен как военным, так и гражданским властям Мукдена и Ляонинской провинции.

19 апреля в пять часов вечера на гоминьдановском самолете я вылетел в Мукден. Вместе со мною летели представитель управления КЧЖД директор-полковник административной службы Ковригин, представитель МВТ СССР Ермашев, переводчики Куликов и Каневский и представитель акционерного общества «И. Я. Чурин и Ко» Иванов. Вместе с нами летели гоминьдановские офицеры и представители гоминьдановской администрации в Харбине. На первых порах они держали себя предупредительно, но, когда после Чанчуня мы пересекли линию фронта, «осмелели» и стали вести себя вызывающе. Например, гоминьдановский офицер, который всю дорогу тихо сидел около меня на корточках, сразу же забрался на мой чемодан, потеснив меня так, что я оказался на полу. Я не замедлил ответить ему тем же и снова уселся на свой чемодан. Мы почувствовали, что находимся среди враждебно настроенных людей, и насторожились.

Вот и Мукден. К самолету бегут сотрудники аэродромной службы, полицейские и гоминьдановские солдаты. Выходим из самолета. Нас тут же окружают, требуют предъявить документы, затем начинают тщательный досмотр вещей. Как это непохоже на ту обстановку, в которой мы только что находились в Харбине. Другие люди, другое, враждебное отношение. Наконец нам разрешают пройти в пассажирский зал. Все время находимся в окружении шпиков и полицейских. Никто не хочет помочь нам добраться до города. На аэродроме чувствуется какая-то напряженность. Гоминьдановцы держат себя беспокойно и не отвечают на наши вопросы. Я попросил разрешения позвонить в советские учреждения. Однако телефоны оказались отключенными, и связаться с нашими людьми не удалось. Тогда обращаюсь за содействием к полицейскому инспектору. Он стал звонить в главную комендатуру города и попросил прислать за нами автобус. Ждать пришлось очень долго. Наконец в 22 часа подъехал долгожданный автобус, и мы в сопровождении трех полицейских отправились в гостиницу «Интурист». Ехали очень медленно, так как автобус часто останавливали патрули. Город находился на осажденном положении, и гоминьдановцы боялись атаки Народно-освободительской армии. Чувствовалось, что сопровождавшие нас полицейские и встречные патрули волнуются.

М. А. Ивкин подробно рассказал о положении в Мукдене, о жизни советской колонии, об издевательствах гоминьдановцев над нашими людьми. Затем я встретился с представителями других советских учреждений в Мукдене. Из бесед с советскими товарищами выяснилось, в каком положении находятся наши люди после ухода из города Красной Армии и вступления гоминьдановских войск. Было совершенно очевидно, что шанкайшистские власти Мукдена не только игнорировали права и интересы советских граждан и организаций, но и всячески подогревали анти-советские настроения в городе, в результате чего имели место случаи побоев и арестов советских граждан, издевательства над ними, грабежа советского имущества гоминьдановскими солдатами, полицейскими. Вот короткий перечень этих фактов.

13 марта 1946 г. ночью в доме отделения торгпредства был убит сотрудник отделения торгпредства М. А. Кабанец. В это время охрану здания нес гоминьдановский полицейский.

13 марта полицейские задержали на улице пятерых служащих акционерного общества «И. Я. Чурин и Ко». При задержании все пять человек были жестоко избиты, а затем доставлены в полицейский участок и помещены в холодную комнату. Там их привязали к радиатору отопительной батареи и стали снова избивать. Освобождены эти советские граждане были лишь на следующий день.

13 марта солдаты гоминьдановской армии, угрожая оружием, заняли дом отделения торгпредства по улице Узимати, 3. Солдаты сорвали со здания государственный флаг СССР.

14 марта в три часа дня на участке Итидан № 12 китайские солдаты обыскали сотрудника акционерного общества «И. Я. Чурин и Ко» Волкова. Во время обыска один из солдат выстрелом ранил его.

15 марта на угольном складе был убит сотрудник «Дальвнештранса» Д. С. Демин.

19 марта в здании «Союзпушнины» по улице Саходзе, 28 прибыл новый майор Тын. Он потребовал немедленно освободить помещение этого советского учреждения и выставил там гоминьдановскую охрану.

19 марта утром на улице были задержаны солдатами 3-й роты 209-й дивизии сотрудники акционерного общества «И. Я. Чурин и Ко» Ражев, Житницкий и Рахмангулов. Их отвели в казарму и стали избивать, а затем подвесили за руки к перекладине и потребовали выкупа в сумме 1 млн. 800 тыс. гоби.

21 марта неизвестными были убиты местные советские граждане Н. С. Идянин, Б. А. Гогунский, А. Д. Королькова, А. И. Кормщикова.

21 марта в 17 часов 30 минут на улице был задержан солдатами и отправлен в казарму возвращавшийся с работы электромонтер А. М. Черкашин. В казарме его зверски избили. Он был подвешен за руки к перекладине и в таком состоянии находился в течение полутора часов. После этого его вывезли в загородный дом и снова подвергли пыткам. Руководивший пытками офицер пытался заставить Черкашина сказать, что советские руководители — плохие люди. Офицер также принуждал его признаться, что он якобы является офицером Красной Армии, спрашивал, сколько солдат и офицеров нашей армии осталось в Мукдене.

21 марта взвод китайских солдат захватил мешочную фабрику «Экспортхлеба» и находившийся при ней склад с товарами. При этом солдаты выгнали из квартир проживавших при фабрике советских граждан Будаева, Тиктинского и Казаченко и отобрали принадлежавшие им личные вещи.

22 марта в 10 часов утра на станции Ляоян были задержаны служащие КЧЖД Д. Ф. Горбачев, С. С. Аграноник, Н. А. Агапов, В. М. Целиковская и И. В. Пшеничный. Им связали веревками руки, накинули на шею петли и в таком виде провели на глазах у жителей по всему городу Ляояну. По дороге их все время избивали. После этого они были посажены в сарай, а затем отправлены на машине вместе с пленными бойцами Народно-освободительной армии в Ляочжун. По пути их заставляли вставать на ноги, как только появлялась навстречу чанкайшистская воинская часть. Проходившие солдаты кричали: «Бей русских!» Все это делалось для того, чтобы разжечь ненависть к советским людям у гоминьдановских солдат, идущих на фронт. В Ляочжуне Горбачев, Аграноник, Агапов, Целиковская и Пшеничный были посажены в тюрьму, где просидели до 7 апреля. На протяжении семнадцати дней их ежедневно подвергали побоям и издевательствам. Сопровождавший их чанкайшистский офицер хвастливо заявил, что чанкайшисты скоро объединятся с американцами, пойдут войной против Советского Союза и так ударят по русским, что им некуда будет бежать. Вещи арестованных на сумму около 500 тысяч гоби были разграблены. Лишь 9 апреля эта группа советских людей прибыла в Мукден. Там этих товарищей разместили в общежитии советских железнодорожников.

22 марта в 13 часов 30 минут солдатами гоминьдановской армии в присутствии офицеров и полицейских были сорваны со здания Мукденского вокзала портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Товарищи рассказали, что в последнее время положение советских граждан в Мукдене несколько улучшилось: убийства, аресты и обыски

прекратились. Однако еще до сих пор среди гоминьдановских солдат и гражданского населения ведется антисоветская пропаганда. При появлении советских граждан на улице раздаются крики: «Бей русских!» Работа советских организаций остановилась. Наши железнодорожники полностью отстранены от работы и сидят без дела, что является вопиющим нарушением соглашения о КЧЖД от 14 августа 1945 г. Продуктами питания, топливом и электроосвещением советские граждане и организации не обеспечиваются.

Товарищи рассказали и о положении в Мукдене. В городе объявлено военное положение. С семи часов вечера всякое движение по улицам прекращалось. На каждом перекрестке укрепления из мешков с песком, опутанные колючей проволокой. Всюду строятся железобетонные огневые точки. Много солдат и офицеров гоминьдановской армии. Все они одеты в американскую военную форму. Многие вооружены американскими автоматами. Можно видеть, как днем по улицам движутся колонны «студбеккеров», на которых перевозятся солдаты и военные грузы. Водопровод и канализация в городе не действуют. Электрическое освещение имеется только в военных учреждениях. В Мукдене много американцев. Почти все они живут в гостинице «Интурист». Там же живет и американский консул Эдмунд Клабб, который до этого был консулом в Советском Союзе во Владивостоке.

Цены, особенно на продукты питания, после ухода из города Красной Армии возросли в два-три раза. Население этим очень недоволено. Чувствуется также некоторое недовольство городской верхушки действиями властей. Сказывается старая вражда между северянами и южанами. Южане стараются вытеснить северян с руководящих постов, которые они занимают в местных органах власти, в промышленных компаниях и т. п., а северяне сопротивляются и, наоборот, хотят избавиться от южан.

20 апреля в два часа дня вместе с товарищами Ивкиным, Ермашевым и Куликовым я был принят комендантом города генерал-майором Пэн Бишэном. Я сообщил генералу о цели нашего прибытия в Мукден и попросил его предоставить самолет для отправки советских инженеров в Харбин. В ответ Пэн Бишэн обещал сделать все от него зависящее. Вместе с тем он просил извинить за нарушения прав советских граждан, которые имели место со стороны китайских солдат. Убийства, аресты и грабежи советских граждан гоминьдановский генерал объяснил «сложностью» ситуации. Пэн заверил, что примет все меры к тому, чтобы произвол в отношении советских граждан не повторился. Я обещал передать его заявление в Москву. В конце беседы генерал пригласил нас на банкет.

На следующий день мы посетили и мэра города Мукдена Дун Вэн-ши. Сначала разговор носил общий характер. Затем я заявил мэру устный протест в связи с упомянутыми нарушениями гоминьдановскими властями прав и интересов советских граждан и советских организаций в Мукдене. Я выполнял такую миссию впервые и потому допустил небольшую оплошность. Почему-то я был уверен, что устный протест надо излагать по памяти. Приступил к изложению протеста и споткнулся на первой же фразе. Я был настолько возмущен произволом по отношению к советским гражданам, что разволновался и ничего не мог сказать. Михаил Акимович, человек постарше и поопытнее, тут же пришел на помощь. Он тихонько подсказал мне: «Читай по бумажке». Тогда я извлек из кармана текст устного протеста и начал читать его по-русски, а переводчик Куликов переводил фразу за фразой на китайский язык.

В преамбуле протеста говорилось, что местные гоминьдановские гражданские и военные власти не только совершенно не заботятся об обеспечении прав советских граждан, проживающих в Мукдене, и их безопасности, а также прав советских организаций и сохранности их

имущества, но, наоборот, создают такую обстановку, при которой эти права систематически нарушаются, а жизни советских граждан угрожает опасность. Потом шло перечисление фактов.

В заключение я заявил протест и потребовал, чтобы подобные факты в будущем не повторялись, чтобы были приняты меры к защите прав, безопасности жизни и сохранности имущества граждан СССР. Я потребовал также защиты прав и сохранности имущества советских организаций и возмещения убытков, которые понесли советские граждане и организации в результате незаконных действий китайской стороны.

Китайцы внимательно слушали. Закончив, я передал текст протеста Дун Вэнци. Мэр признал, что указанные в протесте факты действительно имели место, объяснив их происхождение той же причиной, что и генерал Пэн. Он заверил, что впредь ничего подобного не случится и что он берет на себя ответственность за сохранность жизни и имущества советских граждан, проживающих в Мукдене. Я сказал, что доведу его ответ до сведения Министерства иностранных дел СССР.

21 апреля за нами заехал полковник Чжан, и мы отправились на прием на квартиру генерала Пэн Бишэна. Во время банкета генерал Пэн рассказывал, как он, будучи командиром 209-й дивизии, воевал на юге с японцами. За другим столом полковник Чжан вел совсем другой разговор. Он заявил, что Красная Армия будто бы ограбила 70 процентов населения, поэтому-то якобы китайцы и мстят русским. Этим Чжан пытался оправдать те убийства, грабежи и издевательства над советскими гражданами, которыми по приказу свыше занимались гоминьдановцы. Наши товарищи полностью опровергли эти измышления.

22 апреля было проведено общее собрание советских граждан, на котором товарищи рассказали, в каком положении они находятся, а также высказали свои пожелания и нужды. Я объявил на этом собрании, что старшим по колонии является М. А. Ивкин и что по всем вопросам следует обращаться только к нему. Надо сказать, что со своими обязанностями Михаил Акимович справился блестяще. Несмотря на сложные условия работы и угрозы гоминьдановцев — они два раза водили его на расстрел, и только смелость и находчивость спасли его от гибели, — Михаил Акимович с честью выполнил свой долг перед Родиной.

В час ночи 23 апреля в отделении торгпредства появились гоминьдановские чиновники, сообщившие, что в 8 часов утра мы можем специальным самолетом отправиться в Харбин. В ту ночь никто не спал. Все писали письма домой. Товарищи продолжали рассказывать мне о положении советских граждан, высказывали пожелания, если не изменится обстановка, эвакуировать на родину советских железнодорожников, которых гоминьдановцы не допускают к работе, и ограничить число советских работников. Настало время прощаться с товарищами, оставшимися в логове гоминьдановской военщины, вдали от Родины и без какой-либо связи с Москвой.

Порученное мне задание было выполнено, но полной уверенности в безопасности советских граждан, оставшихся в Мукдене, у нас не было. Лишь в декабре 1946 г. мы смогли эвакуировать их из Мукдена и морем доставить во Владивосток. Эти советские люди перенесли очень тяжелые испытания. В обстановке издевательства и произвола со стороны гоминьдановских властей, без работы, без языка, лишённые нормальных условий жизни, они не забывали о своем долге перед Родиной. Что же касается руководителей советских учреждений в Мукдене, то они делали все возможное, чтобы защитить интересы и жизнь советских граждан, сохранить принадлежащее нашей стране имущество.

Экономическое освоение Сахалина: история и современность

К. Е. Черевко,
кандидат филологических наук

Промысел в отдаленных районах был искони присущ хозяйству Руси. Уже в 1114 г. в летописи отмечалось, что ладожский посадник Павел сообщал о походах «мужей старых» «за Югру и за Самоядь»¹, то есть в Зауралье и Восточную Сибирь.

Первые сведения о стремлении русских к освоению природных богатств Дальнего Востока появляются в начале XVI в. О возможности плавания Северным морским путем в районы, прилегающие к Японии и Китаю, «держась правого берега» Азиатского материка, высказывал мнение в 1525 г. русский дипломат в Риме Дмитрий Герасимов, посол к папе Клементу VII².

После «наказания» в 1571 г. Иваном Грозным Новгорода за сношения с Литвой некоторые из его жителей, спасаясь от «одушья» (подушной подати), по знакомым им издревле путям дошли до бассейна Лены и Индигирки, где до сих пор обитают их потомки, а часть русских направилась к Камчатке через реку Анадырь. «Тут одно судно разбило, из коего люди вышли на берег; начали жить, сделали церковь, которой пол и поныне цел, и сделан ныне тут город Анадырск, прочия же суда пошли в море и пристали в Ижиге, в Якум, Танску, а шестой деваляся без вести, то и думают, что непременно то судно принесло в Америку...» — писал о них позднее член русской духовной миссии на Аляске Герман, ссылаясь на свидетельства старожилов.

В первой половине XVII в. русские землепроходцы из отряда томского казака Ивана Москвитина вышли на берега Охотского моря к островам «Гиляцкой орды» (1640)³, а Юрий Селиверстов из отряда Михаила Стадухина получил первые сведения о Курильских островах (1649), которые стали наноситься на русские географические карты с 1667 г.

В 1697 г. В. Атласов, посетив вслед за И. Камчатцем Камчатку и Курилы, оставил красочное описание этого района. В результате экспедиций на Курильские острова в 1711 г. и 1713 г. И. Козыревский получил данные о рудных богатствах этого края (остров Райкоке). К поискам серебряной руды на этом острове приступили посланные Петром I геодезисты И. Евреннов и Ф. Лужин. В 1739 г. рудознатец Гардебол с группой русских матросов вел на острове Шикотан работы «для отыскания на том острове металлов и минералов»⁴. Гардебол входил в состав от-

¹ См. Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 197.

² См. П. И. Новакомский. Книга о Московитском посольстве. Спб., 1908, с. 262.

³ См. Б. П. Полевой. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? — «Материалы по истории географических знаний», вып. 1. Л., 1962, с. 68; его же. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан. — «Страны и народы Востока», вып. XX, кн. 4. М., 1979, с. 94.

⁴ См. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, с. 178.

ряда М. Шпанберга, по имени которого стал называться на многих морских картах этот остров из Малой Курильской гряды. Этот отряд составлял часть экспедиции В. Беринга. Из инструкции Петра I В. Берингу вытекало, что граница России должна была быть установлена по проливу между Азией и Америкой, которую, по географическим представлениям того времени, восходящим к японцам, следовало искать у берегов земли Эдзонис (Эдзо) или Бореалис (Гамы)⁵.

Эти открытия внесли большой вклад в географическую науку. Так об экспедиции И. Козыревского японский исследователь Т. Акидзука писал: «В то время о Курилах в Японии не имели почти никаких сведений. Более того, в период, когда в Японии не в состоянии были еще составить описания каждого из этих островов, отчет о них И. Козыревского имел поистине огромное значение»⁶.

В 1714 г. в записке «Изъявления прибыточные государства» русско-го дипломата Ф. С. Салтыкова Петру I предлагалось описать берега Сибири «до последнего речного устья, которое обшется удобное близ Амуры реки, и по устье Амурское и вдоль между Епоном и Китаем»⁷, а также построить на острове Сахалин крепость для завязывания торговых отношений с Японией и Китаем и разработки природных богатств, в особенности лесных.

В 1763 г. великий русский ученый, основатель Московского университета М. В. Ломоносов писал, что, «имея Сибирского океана оба конца и целый берег в своей власти... чтобы сие открытие не досталось в чужие руки... на Камчатке, или около устьев реки Уды, или на Курильских островах, где климат как во Франции, можно завести поселения. хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом...»⁸.

В XVIII—XIX вв. исследования прибрежных вод, поверхности, недр Сахалина и Курильских островов и первоначальное хозяйственное освоение природных ресурсов, в особенности промысел морского зверя и рыболовство, входили в программы, которые разрабатывались высшими государственными органами страны, Российской академией наук, сибирскими властями и военно-морскими деятелями. К Сахалину плавали И. Шестаков (1729), И. Скурихин (1730), А. Е. Шельтинг, В. Ртищев и М. С. Гвоздев (1742), группа русских, поселившихся в заливе Терпения (1780), А. Терентьев (1789—1790), И. В. Крузенштерн (1805), Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов (1806—1807), Г. И. Невельской (1849—1854). В 1808 г. правительственным указом было дозволено Российско-Американской компании «учредить свои заселения»⁹ на острове Сахалин. Сподвижник Г. И. Невельского Н. К. Бошняк открыл угольные месторождения на этом острове. Его дело в 1867—1868 гг. продолжил горный инженер И. А. Лопатин. К 1880 г. геолог Л. Ф. Барцевич приступил к изучению нефтяных месторождений острова. С 1881 г. подробное исследование флоры и фауны Сахалина начали А. М. Никольский и И. С. Поляков, а рыболовных ресурсов — П. Ю. Шмидт и В. П. Бражников. В 1908—1910 гг. экспедиция Н. Н. Тихоновича и П. И. Полевого обнаружила несколько десятков месторождений полезных ископаемых в северной части острова Сахалин.

⁵ См. Б. П. Полевой. Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошласа Америка с Азией». — «Страны и народы Востока», вып. XVII. М., 1975, с. 29.

⁶ Т. Акидзуки. Козыревски таикэн то Тисима тидзу (Исследования И. Козыревского и карта Курильских островов). — «Хоппо бунка кэнкю», 1968, № 3, с. 157.

⁷ Цит. по Л. С. Берг. Избранные труды, т. 1. М., 1955, с. 162.

⁸ М. В. Ломоносов. Пол. собр. соч., М.—Л., 1952, с. 498.

⁹ См. Полное собрание законов Российской империи, т. 40. Общие приложения. Указ № 23207-а. Спб., 1830, с. 55.

К Курильским островам плавали до острова Уруп Н. Треска (до 1727 г.), до острова Кунашир Н. Сторожев, принимавший в подданство России местных жителей айнов (1755), А. Толстых (1765), И. Черный (он составил подробное описание природы архипелага и принял в подданство жителей островов Симушир, Уруп и Итуруп, 1766—1768), И. Никонов (до островов Уруп и Итуруп, где занимался промыслом морского зверя, 1770—1773), А. Сапожников (до островов Симушир и Уруп, 1771—1772), Ф. Путинцев и И. Антипин (до острова Уруп, 1775—1776), М. Петушков (до острова Уруп, 1777), Д. Шабалин (на острова Уруп, Итуруп, Кунашир, Шикотан и Аткис, пли Хоккайдо, где он также принимал в подданство местных жителей, 1778)¹⁰.

В 1785—1786 гг. группа русских моряков (С. Ежов и др.) зимовала на острове Итуруп. От них М. Токунай, входивший в первую официальную экспедицию японцев на Курильские острова в 1786 г., получил собранные ими сведения о природных условиях островов к северу от Итурупа¹¹.

В конце того же года президент Комерц-коллегии России А. Р. Воронцов и государственный секретарь А. А. Безбородко представили Екатерине II записку о необходимости официального присоединения к России Курильских островов, а также Аляски и Алеутских островов с целью охраны прав России «на производство торгу и промыслов звериных на Восточном Море»¹². Положения этого документа были введены в действие Указом Адмиралтейской коллегии 22 декабря 1786 г. за подписью Екатерины II¹³.

Цель русских экспедиций в этот район состояла в том, чтобы, как это предписывалось, например, в инструкции главного камчатского командира К. Бема И. Антипину, «разведать, где можно завести хотя небольшие заводы или плавильные небольшие печи; разведать, нет ли железной и медной руды, других металлов и минералов, а особливо самородных слитков и разных красок, курioзных и любопытства достойных вещей, например окаменелых животных и растений, и всякого рода камней, черепак, раковин и в них ориентальского большого, среднего и малого жемчугу» ...Вместе с тем ставилась задача, «с японцами увидясь и учиня знакомство, завести с ними торг»¹⁴. Но японцы при встрече с Антипиным в 1779 г. соглашались вести торговлю только через айнов (курульцев).

Русские мореплаватели выяснили также, где на Курильских островах имеются места, пригодные для сельского хозяйства. Так, во второй половине XVIII в. на острове Уруп было создано поселение Курилороссия, где русские занимались хлебопашеством и огородничеством.

В 1798 г. японский отряд во главе с М. Кондо низверг русские крепости в южной части Курил как знаки их принадлежности России и установил, в том числе на острове Уруп, столбы с надписью, что этот район включается в состав Японской империи¹⁵. Тем не менее, стремясь защитить от иностранцев русскую торговлю, пушной, рыболовный и китобойный промысел, в 1821 г. при возобновлении привилегий Российско-Американской компании, которой с этого года было разрешено заниматься также открытые русскими земли на Курилах к югу от 45°50' с. ш., Александр I издал указ об экономическом суверенитете России в ее владениях в северо-западной части Тихого океана от берегов Аляски до ли-

¹⁰ См. Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 89—93, 188.

¹¹ См. С. Такакура. Очерк истории Курильских островов. Токио, 1961, с. 42.

¹² ЦГАВМФ, ф. гр. И. Г. Чернышева, д. 408, ч. II, лл. 793—796.

¹³ ЦГАДА, Госархив, разряд VII, д. 2539, лл. 107—108, 148.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1967—1875 г. М., 1960, с. 41, 69—70.

нии в 100 морских милях (185,2 км) от русского берега, проходящей южнее острова Уруп, по широте южной части острова Итуруп¹⁶.

В 1854 г. глава русской миссии в Японии Е. В. Путятин при заключении первого русско-японского торгового договора отстаивал права России на южную часть Курил, но, находясь в условиях Крымской войны, под постоянной угрозой нападения английских и французских военных кораблей, вынужден был в 1855 г. уступить Японии де-факто этот район. В 1905 г. Япония захватила в результате русско-японской войны южную часть острова Сахалин, от претензий на которую она отказалась в 1875 г.

* * *

Новый этап в жизни Сахалина наступил после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В начале 1918 г. Сахалинский областной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов провозгласил Советскую власть. Однако борьба с колчаковщиной задержала утверждение новой власти до начала 1920 г.

После установления Советской власти в северной части острова начали создаваться трудовые коммуны. Местные народности стали получать необходимые товары — лекарства, охотничьи припасы, рыболовные снасти и т. п.

С апреля 1920 г. по май 1925 г. Северный Сахалин был оккупирован японскими войсками, которые вторглись на Советский Дальний Восток в 1918 г.

В 1925 г. была подписана советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений между двумя странами, в соответствии с которой был восстановлен полный суверенитет СССР над Северным Сахалином. При заключении соглашения советская сторона опубликовала декларацию о том, что правительство СССР не разделяет с бывшим царским правительством политической ответственности за подписание Портсмутского мирного договора с Японией 1905 г.¹⁷, по которому Япония навязала России статью об уступке южной части этого острова.

13 ноября 1922 г. Народное собрание Дальневосточной республики после освобождения Советского Дальнего Востока от интервентов объявило о ее присоединении к РСФСР. 15 ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР провозгласил Дальневосточную республику, включая зону, оккупированную японцами, составной частью Российской Федерации¹⁸. В территорию Дальневосточной республики включалась «вся территория бывшей царской России к востоку от реки Селенги и озера Байкал до Тихого океана», в том числе Западно- и Восточно-Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области (в состав последних бывших двух губерний Российской империи входили с 1875 по 1905 год южная часть Сахалина и с 1849 по 1866 год Курильские острова)¹⁹.

За годы Советской власти жители Северного Сахалина добились больших успехов в экономическом освоении этого края. Здесь была создана энергетическая база, обслуживающая не только хозяйство этой островной области, но и всего Советского Дальнего Востока. В 1932 г. было добыто 201 тыс. т нефти (по сравнению с 16 370 т в 1928—1929 гг.) и 160 тыс. т угля (в 4,5 раза больше, чем в 1928—1929 гг.). Быстрыми темпами развивались рыбная и лесная промышленность. Вступили в

¹⁶ См. П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. 1. Спб., 1861, с. 27, 41.

¹⁷ См. Документы внешней политики СССР, т. VIII. М., 1963, с. 77.

¹⁸ См. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. 25.1.1923, № 1, раздел 1, с. 3.

¹⁹ См. С. Григорьевич. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922). М., 1957, с. 91.

строй первые рыбоконсервные и рыболовный заводы, судверфь и лесозаготовительный комбинат. Большое внимание было уделено росту благосостояния и удовлетворению духовных потребностей жителей края, число которых за годы пятилеток увеличилось в 6,5 раз, достигнув в 1940 г. 110 тыс. человек. Особой заботой были окружены малые народности — нивхи, ороки, эвенки, якуты и другие, для которых были созданы школы-интернаты, красные юрты и культбазы²⁰.

После опубликования упомянутой декларации 1925 г. Советское правительство неоднократно ставило вопрос о возвращении южной части Сахалина и Курильских островов²¹. Так, 18 ноября 1940 г. в ходе переговоров о заключении советско-японского пакта о ненападении было внесено предложение о восстановлении суверенитета нашей страны над Курильскими островами. В апреле 1941 г. В. М. Молотов поставил перед министром иностранных дел Е. Мацуока вопрос о пересмотре некоторых статей несправедливого Портсмутского договора 1905 г. в связи с заключением советско-японского пакта о нейтралитете. В этом пакте говорилось, что «в случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта».

Как известно, в конце 1941 г. внезапно напав на США и Великобританию, Япония стала не объектом агрессии, а агрессором. При этом одной из целей японской военной политики был захват не только Северного Сахалина, но и всего Советского Дальнего Востока и Сибири. Поэтому вопрос об изменении статуса Южного Сахалина и Курил рассматривался также на Тегеранской конференции глав правительств великих держав в ноябре 1943 г. Вот почему 12 января 1944 г. в меморандуме президента США Ф. Рузвельта участникам сессии Совета по вопросам войны на Тихом океане говорилось: «И. Сталин выразил пожелание, чтобы России был возвращен весь Сахалин и чтобы ей были отданы Курильские острова»²². Позднее, в феврале 1945 г., на заключительном пленарном заседании Ялтинской конференции, которая приняла решение восстановить права СССР на эти территории, Ф. Рузвельт заявил, что американцы хотят вернуть только то, что было у них отторгнуто»²³.

В мае 1945 г., сразу же после разгрома фашистской Германии, на основе решения Высшего совета по руководству войной Япония выразила готовность вернуть СССР южную часть острова Сахалин и Курильские острова (кроме их южной части) в случае, если советское правительство выступит посредником в заключении мирного договора с западными странами и возобновит действие советско-японского пакта о нейтралитете. Но Советский Союз не согласился на эти сепаратные действия, которые противоречили бы совместным решениям союзников в отношении Японии²⁴.

В результате крушения японского милитаризма в 1945 г. суверенитет нашей страны над южной частью Сахалина и Курильскими островами был восстановлен в соответствии с международными соглашениями (Яванская, Ялтинская и Потсдамская декларации), направленными на ликвидацию агрессии Японии, которая планировала расчленение СССР, и обеспечены гарантии от ее повторения с использованием выгодных рубежей.

²⁰ См. П. А. Леонов, И. В. Панькин, И. Е. Белоусов. *Область на островах*. М., 1974, с. 61.

²¹ См. N. Kutakov. *Japanese Foreign Policy on the Eve of Pacific War: A Soviet View*. Tallahassee, 1972, p. 185.

²² D. Leahy. *I was there*. London, 1947, p. 364.

²³ FRUS, *Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran, 1943*. Washington, 1961, p. 869.

²⁴ См. G. Lensen. *The Strange Neutrality*. Tallahassee, 1972, p. 134—135.

Наступил новый период в изучении и освоении природных богатств жемчужины Советского Дальнего Востока.

В водах Сахалина, прилегающих к нему островов и островов Курильского архипелага — важнейшего рыбопромыслового района нашей страны — обитают сельдь, горбуша, кета, камбала, минтай, скумбрия, палтус, треска и другие породы рыб, краб, кальмар, мидия, морской гребешок, водоросли — ламинария, анфельция, морские звери — котик, сивуч, нерпа, разные виды китов, калан (морская выдра) и другие. Ондатра, которая была привезена на остров Сахалин в 1952 г., хорошо здесь прижилась. На острове Шикотан успешно восстанавливается поголовье каланов. Славится область норкой.

Рыболовство и рыбная промышленность — ведущие отрасли народного хозяйства Сахалинской области. Обработанная свежемороженая и консервированная рыба, изделия из моллюсков и морских водорослей высоко ценятся как на внутреннем рынке СССР, так и за рубежом. Активно осуществляется воспроизводство лососевых. Количество мальков кеты, горбуши, чавычи, кижуча, симы и нерки, выпускаемых каждый год с 20 рыбоводных заводов, превышает число молоди, выпускаемой всеми рыбоводными заводами Японии²⁵.

В письме трудящихся Южнокурильского района Сахалинской области Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу, опубликованном в газете «Советский Сахалин», подчеркивалось: «Эти успехи стали возможны благодаря всесторонней помощи и заботе партии, лично Вашему вниманию к освоению и развитию промышленного производства на Курильских островах...»²⁶.

Японская печать обращает внимание на то, что решение об ускоренном развитии Сахалина и Курил было принято в 1964 г. на совместном заседании ЦК КПСС и Совета Министров СССР под председательством Л. И. Брежнева²⁷.

На островах Охотского моря встречаются самые различные полезные ископаемые. Здесь осваиваются месторождения нефти и природного газа, причем нефть эта — легкая, светлая, содержащая мало серы и парафина. Нефть и газ находятся в непосредственной близости от месторождений мало- и среднезольных высококалорийных бурых и каменных углей, малосернистых, но высокофосфорных. Бурые, длиннопламенные и газовые угли содержат высокий процент смол. Легко обогатимый сахалинский уголь используется не только как высококачественное энергетическое топливо, но и как сырье для металлургического кокса и нефтехимии. Вот почему он пользуется высоким спросом и за пределами области, в том числе за рубежом. Уголь залегает на глубине до 300 м, что позволяет вести его добычу открытым способом. В 1980 г. добычу угля предполагается довести до 5,5—6 млн. т.

Недавно на северо-востоке Сахалина открыто месторождение «Юбилейное», которое подтверждает перспективность запасов этих ценных видов топлива. Строится нефтепровод Даги — Погиби, а через некоторое время нефтепровод проложат и на материк, что явится существенным дополнением к построенному в 1976 г. нефтепроводу Оха — Комсомольск. Закончено сооружение второй очереди газопровода Даги — Ноглинка протяженностью 40 км. Геофизические исследования и сейсморазведка осуществляются новейшими методами с помощью современных ЭВМ.

Славятся Сахалин и Курильские острова также месторождениями торфа. Его разведанные запасы — свыше 4 млрд. куб. м. По оценкам

²⁵ См. П. А. Леонов. Жемчужина Советского Дальнего Востока. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 4, с. 31.

²⁶ «Советский Сахалин», 1.1.1978.

²⁷ См. «Майнити симбуи», 21.1.1978.

геологов, они могут возрасти в несколько раз. Зольность торфа невысока, а технические условия разработки хорошие. Основные его залежи — в недрах Тымь-Поронайской, Сусунайской и Северо-Сахалинской низменностей.

Богатые топливные ресурсы позволят в десятой пятилетке увеличить производство электроэнергии, что даст в дальнейшем возможность повысить выработку электроэнергии на ТЭЦ области и экспортировать ее в Японию.

На острове Итуруп (южная часть Курильских островов) обнаружены залежи титано-магнетитовых песков. Они используются в самолето- и судостроении, а также на предприятиях химической промышленности в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. Ценными в промышленном отношении являются также россыпи многих минералов. Вопрос о совместном освоении этих месторождений рассматривается Советско-японским и Японо-советским комитетами по экономическому сотрудничеству.

На Кунашире и Урупке известны месторождения полиметаллических руд. Курильское ожерелье украшают также цветные и редкие металлы. А на Сахалине, в Восточно-Сахалинских горах и на Тонино-Анивском полуострове, найдены проявления различных руд и металлов. На Курильских островах также выявлено много металлических руд и рудных минералов.

На Курильских островах издавна известны обширные запасы самородной серы. Наибольшее промышленное значение имеют месторождения на островах Итуруп и Парамушир. Так же, как и сера острова Кунашир, она используется в бумажно-целлюлозной промышленности Сахалина.

Мрамор и яшма выявлены в Восточно-Сахалинских горах, в Сусунайском хребте и на Тонино-Анивском полуострове на Сахалине. Помимо Гомонского месторождения известняков мощностью 50 млн. т, открыты яшмовые месторождения в Восточно-Сахалинских горах. Добыча гравия ведется в крупном Охинском месторождении.

Неисчислимы лесные богатства края. Известно до 200 видов деревьев, кустарников и деревянистых лиан. Запасы древесины Сахалина достигают 650 млн. руб. м. Наибольшее хозяйственное значение имеют ель, пихта, лиственница, береза. Немалую ценность представляют также леса Курильского архипелага, в особенности серебристая ель и пихта Кунашира. Благодаря лесонасаждениям на островах Симушир и Харимкотан преобразился ландшафт средней части Курил. Растущее вовлечение в эксплуатацию перестойных лесов Сахалина к северу от 50° с. ш. создает большие возможности для экспорта леса.

На базе лесных ресурсов Сахалина в области действуют семь бумажно-целлюлозных комбинатов, фабрика картонной тары и производственный комбинат в Южно-Сахалинске. В девятой пятилетке выпуск целлюлозы доведен до 350 тыс. т., производство бумаги превысило 2000 тыс. т. В десятой пятилетке эти показатели возрастут соответственно на 11,4 и 12,1 %.

На VII совещании Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству в сентябре 1977 г. было достигнуто соглашение о техническом переоснащении целлюлозно-бумажных предприятий области в связи с заключением в ближайшем будущем третьего Генерального соглашения по лесу²⁸. Заинтересованность японской стороны в этом проекте в значительной мере объясняется традиционным импортом сахалинской газетной бумаги.

²⁸ См. В. Б. Спандарьян. Важный этап в развитии советско-японской торговли. — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 1, с. 108.

Больших успехов добились труженники сельского хозяйства области. В приветствии, направленном товарищем Л. И. Брежневым сахалинцам и курильчанам, говорилось: «С удовлетворением отмечаю, что за последние годы труженники сельского хозяйства в сложных климатических условиях Сахалинской области ежегодно добиваются хороших и устойчивых показателей по продаже государству картофеля и овощей»²⁹.

К началу 1978 г. пущена в строй первая очередь птицефабрики «Первомайская» на 1 млн. бройлеров в год, а в 1979 г. начнется строительство ее второй очереди, что позволит увеличить выпуск бройлеров до 6 млн. в год. Усиленными темпами ведется строительство животноводческих комплексов по производству молока, говядины, свинины.

После войны много сделано для налаживания транспортного хозяйства Сахалинской области — железнодорожного, автомобильного, авиационного, морского. Осуществлена полная техническая реконструкция железнодорожных линий, опоясавших Сахалин. В 1973 г. введена в строй железнодорожная паромная переправа Ванино — Холмск, которая связала область с материком.

Расширение сети железных дорог на Дальнем Востоке способствует увеличению советских заказов на транспортные средства в Японии. Так, в 1976 г. Советский Союз занял третье место в японском экспорте железнодорожного подвижного состава для Сахалина³⁰.

Большое внимание уделяется в Сахалинской области курортному строительству. На Сахалине и Курильских островах обнаружено несколько десятков целебных источников, которые подвергнуты всестороннему исследованию. В области насчитывается около ста групп и отдельных минеральных источников. Особенно ценны Синегорские углекислые борные, хлоридно-гидрокарбонато-натриевые воды, уникальные по своему составу и обладающие высокими лечебными свойствами, Лопатинские воды, содержащие хлор, натрий, калий, щелочи и т. п. (остров Сахалин), термальные углекислые, хлоридно-гидрокарбонатные воды (Дачные и Горячие Ключи на острове Итуруп), сероводородно-углекислые, сульфатные воды (Алехинские на острове Кунашир), азотно-углекислые, сероводородные и хлоридно-натриевые (Горячий пляж на острове Кунашир) и др.

На Сахалине открыты сопочные углекисло-метановые (Пугачевские и Южно-Сахалинские) и иловые сероводородные минеральные грязи озер-лиманов (Стародубские и Дагинские), а на Курильских островах — грязи минеральных источников (Кунаширские)³¹.

По целебным свойствам минеральные воды и лечебные грязи не уступают имеющимся на юге нашей страны и весьма перспективны для дальнейшего использования в бальнеологии.

На Синегорских источниках действует санаторий «Сахалин», на Дагинских, Курильских и Южно-Курильских источниках — водолечебницы и грязелечебницы, 7 санаториев и домов отдыха, много туристических баз, домов рыбака и охотника. В них ежегодно проводят свой отпуск и лечатся десятки тысяч рабочих и служащих, в том числе из других областей.

Немаловажное значение придается в крае развитию культуры и спорта. Здесь построено 7 стадионов, около 200 спортивных залов, десятки лыжных баз, сотни волейбольных, теннисных и других спортивных площадок. Физкультурой и спортом занимаются десятки тысяч сахалинцев и курильчан.

²⁹ «Советский Сахалин», 10.1.1978.

³⁰ См. В. Б. Спандарьян. Указ соч., с. 103.

³¹ См. А. Ф. Ефременков, Д. П. Жижин, А. Я. Таболяков, Б. Д. Широков, М. А. Шпеталенко. Полезные ископаемые. — В кн. «Атлас Сахалинской области». М., 1967, с. 40.

Жители области принимают активное участие в культурном строительстве. Школы для местных жителей стали строиться здесь вскоре после прихода первых землепроходцев, а в 1970 г. дети обучались уже в 378 школах. Построены учебные корпуса педагогического института, музыкального и педагогического училищ и лесотехнического техникума. В Южно-Сахалинске намечено построить учебный центр на несколько десятков учащихся и студентов.

После войны был открыт областной драматический театр имени А. П. Чехова, созданы народные театры в Александровске, Охе, Макарове и Томари, действуют нивхский национальный ансамбль, филармония, Южно-Сахалинский русский народный хор. В 60-х годах сложилась писательская организация с широким литературным активом.

На Сахалине созданы комплексный НИИ Дальневосточного научного центра АН СССР, отделение Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, сельскохозяйственная и лесная опытные станции.

Ими руководят опытные ученые. Сахалинские ученые ведут океанографические и геологические исследования в регионе, работают над усовершенствованием методов поисков нефти и газа. Сахалинский филиал Тихоокеанского института рыбного хозяйства разработал биологические основы технико-экономического развития лососеводства Сахалино-Курильского бассейна.

В годы советской власти стала сбываться мечта русских людей об овладении богатствами легендарного Беловодья — сказочной страны на островах Восточного океана, куда, по преданию, бежали от гнета крепостничества «кораблями через Ледовитое море» участники крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина после подавления в 1676 г. последнего очага сопротивления на Соловецких островах в Белом море³².

1978 г. трудящиеся Сахалина и Курильских островов встретили новыми достижениями, выполнив к 7 декабря 1977 г. план двух лет десятой пятилетки. Прирост промышленной продукции составил за 1978 г. 5,7 % против 3,9 % по плану, а рост производительности труда с 1975 г. — 7,3 % при плане 4,9 %. «Большая работа проведена по развитию энергетики, средств связи, материально-технического снабжения, дорожного, лесного и коммунального хозяйства, улучшению торгового и бытового обслуживания населения», — писала газета «Советский Сахалин» 21 февраля 1978 г. В 1978 г. в Сахалинской области были реконструированы и технически перевооружены многие предприятия, на которых установлены автоматические и поточно-механизированные линии, автоматизированы технологические процессы, внедрено более высокопроизводительное оборудование. Сверх плана произведено большое количество нефти, угля, деловой древесины, бумаги, картона, целлюлозы, пищевых рыбных продуктов, консервов, получен хороший урожай овощей и картофеля.

С энтузиазмом встретили жители области телеграмму, направленную товарищем Л. И. Брежневым жителям Сахалинской области во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока.

7 декабря 1978 г. труженики Южно-Сахалинска досрочно выполнили план трех лет пятилетки по реализации промышленной продукции с превышением планового задания более чем в два раза (12,7 %). При этом если в первые три года предыдущей пятилетки выполнение плана происходило на 80 % за счет роста производительности труда, то в этой пятилетке оно осуществляется за счет роста ее на 100 %. В областном

³² См. К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVIII—XIX вв. М., 1967; его же. Легенда о Беловодье. — «Труды Карельского филиала АН СССР», 1962, т. 35, с. 116—181.

центре выполнена широкая программа капитального строительства, построено 202 тыс. кв. м жилья, из них 17 тыс. кв. м сверх плана. Перевыполнен план по перевозке грузов, товарообороту и бытовому обслуживанию населения³³.

13 декабря 1978 г. выполнила план по объему реализации важнейших видов промышленной продукции вся Сахалинская область. Одновременно закончилось досрочно выполнение плана продажи молока государству, а к 25 декабря он был уже перевыполнен по сравнению с 1977 г. на 8 %. В 1978 г. ежедневные средние удои молока увеличились на 400—500 г от одной коровы³⁴.

К концу 1978 г. перевыполнены также планы промышленного производства, розничного товарооборота кооперации (4,4 %), бытового обслуживания населения (7,1 %), производства промышленных и продовольственных товаров (7,1 млн. руб.). Перевыполнен план продажи государству сельскохозяйственной продукции — картофеля (1,9 тыс. т) и овощей (1,3 тыс. т.), скота и птицы (1,2 тыс. т), яиц (2 млн. шт.) и клочковой пушнины (на 2,7 млн. руб.).

Всего в 1978 г. колхозы и совхозы области продали государству 86 тыс. т молока, 19 тыс. т мяса и 132 млн. яиц. По показателям сельскохозяйственной продукции впереди идут Южно-Курильский, Северо-Курильский, Южно-Сахалинский, Анивский, Охинский и Макаровский районы³⁵.

По сравнению с 1975 г. среднемесячная зарплата рабочих и служащих выросла на 7,5 %, а ассигнования на здравоохранение, социальное обеспечение и культуру — на 9,3 %. За три года пятилетки сдано в эксплуатацию около 1 млн. кв. м жилья и в благоустроенные квартиры переехало 75 тыс. человек³⁶.

В целом народное хозяйство области на островах работает продуктивно и устойчиво, и ее труженики поддерживают намеченные планами темпы ускоренного развития этих районов Советского Дальнего Востока.

23 декабря 1978 г. состоялся пленум Сахалинского обкома КПСС, посвященный организационным вопросам. В связи с избранием первого секретаря обкома партии П. А. Леонова первым секретарем Калининского обкома КПСС избраны первым секретарем Сахалинского обкома партии П. И. Третьяков, секретарем обкома — А. Т. Кузин, а заведующим отделом организационно-партийной работы — П. В. Савин. В работе пленума принял участие заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Е. З. Разумов³⁷.

Планом на 1979 г. предусмотрен рост промышленной продукции на 12,5 % по сравнению с 1975 г. По сравнению с 1978 г. предусмотрено увеличить добычу нефти и газа соответственно на 13,7 % и 7,2 %, производство целлюлозы, бумаги и картона — на 1,2 %, цемента — на 2 тыс. т, известняковой муки — на 5 тыс. т, строительного известняка — на 3 тыс. т. Намечено также повысить за год производство мяса и молока на 1,2 %, а кондитерско-макаронных изделий — на 8 %. Бюджет области на следующий год увеличится более чем на 8 млн. руб. и составит 291 млн. 832 тыс. руб.

Закупая в Сахалинской области нефть, уголь, лес, бумагу, рыбпродукты и т. п., Япония экспортирует сюда, в том числе по линии прибрежной торговли, представляемой с советской стороны конторой «Дальинторг», товары широкого потребления, средства транспорта, оборудование для лесной и лесобработывающей промышленности и дру-

³³ См. «Советский Сахалин», 21.XII.1978.

³⁴ См. там же, 26 и 29.XII.1978.

³⁵ См. там же, 27.XII.1978.

³⁶ См. там же, 29.XII.1978.

³⁷ См. там же, 24.XII.1978.

гую технику. Особая близость Сахалина и Курильских островов к Японии и конкретные планы освоения Советским Союзом природных богатств этого края делают весьма перспективными советско-японскую торговлю и обоюдовыгодное экономическое сотрудничество в соответствии с установившейся международной практикой финансирования.

После воссоединения с Советским Союзом Сахалинская область усилиями ее тружеников превращается в развитый в экономическом отношении район нашей страны, важное звено единого народно-хозяйственного комплекса, восточные районы которого, богатые энергетическими сырьевыми ресурсами, осваиваются опережающими темпами. Эта программа осуществляется в соответствии с планом десятой пятилетки с целью создания новых территориальных пропорций, на основе как особенностей размещения производительных сил внутри страны, так и международного разделения труда.

Если в прошлом этот район представлял собой сырьевой придаток центральных районов сначала России, а затем Японии, то ныне из этого края легендарных богатств во многие зарубежные страны экспортируются не только первичные продукты, но и различные виды промышленной продукции.

В условиях послевоенного мирного строительства особенности географического положения по отношению и к развитым капиталистическим странам (Япония, США, Канада, Австралия), и к социалистическим странам (КНР, МНР, КНДР, СРВ), окраинное положение Сахалина и Курильских островов как части Советского Дальнего Востока перестает быть их недостатком и, наоборот, становится серьезным преимуществом.

Судьба этого района исторически сложилась так, что он в конечном счете стал неотторжимой составной частью территории нашей страны. Вот почему попытки некоторых кругов Японии пересмотреть международные соглашения военного и послевоенного времени, прибегая к кампании за возвращение так называемых северных территорий, нереалистичны и бесплодны, ведут к нагнетанию напряженности и взаимному недоверию между народами Советского Союза и Японии. Гораздо важнее было бы практически подойти к проблеме наиболее целесообразного использования природных ресурсов Сахалина и Курильских островов с точки зрения экономических и политических интересов советского и японского народов на основе принципов сотрудничества и добрососедства. Эти цели могли бы быть достигнуты, например, в случае выработки соглашения о принципах экономического сотрудничества обеих стран, рассчитанного на длительную перспективу, по аналогии с соглашениями, заключенными Советским Союзом с Францией, Англией, Италией, Канадой и другими государствами.

Мирный договор, признающий существующие реальности, или договор о сотрудничестве и добрососедстве, проект которого был опубликован в нашей печати, могли бы улучшить политический климат в отношениях между СССР и Японией и тем самым создать более благоприятные условия для советско-японского экономического сотрудничества, в том числе в совместном освоении природных ресурсов Сахалина и Курильских островов. Именно на этом пути можно найти ускоренное решение задачи наиболее рационального овладения огромными богатствами этого края на основе сложившегося на Дальнем Востоке международного разделения труда.

Су Чжаочжэнь — талантливый вождь китайских рабочих

А. С. Титов

Молодой рабочий класс Китая, вступивший впервые на арену политической борьбы под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России, стал выдвигать из среды рабочих своих талантливых руководителей и вождей еще до образования Коммунистической партии Китая. Одним из таких руководителей и вождей китайских рабочих был Су Чжаочжэнь, видный деятель китайского и международного рабочего движения, 50 лет со дня смерти которого исполнилось в феврале текущего года.

Су Чжаочжэнь (1895—1929) прожил недолгую, но яркую, героическую жизнь. Высшим смыслом жизни для него была неустанная борьба за интересы рабочего класса и трудового народа Китая, за их национальное и социальное освобождение. Ему было суждено сыграть немалую роль в истории китайского рабочего движения; он всегда находился в первых рядах борющегося китайского пролетариата, неоднократно вел рабочих в бой и руководил ими не только в экономической, но и в политической борьбе, добиваясь успеха. Су Чжаочжэнь поднимал на борьбу и рабочих, и беднейшее крестьянство, подвергавшееся беспощадной эксплуатации со стороны помещиков, шэньши и ростовщиков. Он неоднократно приезжал из города к себе в деревню и вел агитацию среди крестьян, организуя их на борьбу против угнетателей, за что однажды был арестован и просидел в тюрьме более года. Своей близостью к рабочему классу, трудовому народу, глубоким пониманием их интересов и неустанной борьбой Су Чжаочжэнь снискал искреннее уважение и горячую любовь всех трудящихся в Китае.

Су Чжаочжэнь родился в бедной крестьянской семье в уезде Сяншань провинции Гуандун. Нужда заставила его еще мальчиком поступить на океанский пароход. Свыше 20 лет он проработал простым матросом, плавал на английских и других иностранных судах, объездил весь свет, побывал во многих странах Европы, Азии, Африки и Америки. Это, безусловно, способствовало расширению его кругозора и осознанию необходимости борьбы против национального и социального гнета. Он сам испытал гнет, насилие и унижение, которым подвергались китайские моряки со стороны иностранных и китайских судовладельцев, их администрации подрядчиков-посредников. Для того чтобы получить работу, китайским морякам приходилось давать подрядчику взятки до 100 долл., а поступив на работу, они обязаны были отдавать ему свыше 10 % своего ежемесячного заработка. Избежать этих поборов было невозможно — без помощи подрядчика-посредника китайский моряк не мог получить работу, так как судовладельцы заключали договоры о найме рабочей силы только с подрядчиками. Заработок китайского моряка был мизерным, его едва хватало на то, чтобы прокормиться. Кроме того, китайский моряк подвергался расовой и национальной дискриминации: за одну и ту же работу он получал в пять раз меньше, чем белый; если белые моряки размещались по одному-два в каюте, то китайские — по шесть-семь человек в самой худшей части корабля, иногда без света и вентиляции. Были и другие дискриминационные условия. На судах, принадлежавших китайцам, зарплата и условия труда были не лучше.

Су Чжаочжэнь был одним из тех, кто не мог и не хотел мириться с этой вопиющей несправедливостью; она будила его классовое и революционное сознание. Он горел желанием начать борьбу за улучшение положения своих братьев. Первой попыткой как-то облегчить их положение было создание Су Чжаочжэнем вместе с группой товарищей Ассоциации дружбы моряков, основными принципами которой были взаимопомощь и взаимная поддержка.

Бывая в различных портовых городах мира, Су Чжаочжэнь интересовался жизнью и борьбой рабочих за свои интересы в других странах. Особое впечатление произвело на него известие об Октябрьской социалистической революции в России, где рабочий класс взял власть в свои руки. Он стал проявлять все больший и больший интерес к рабочему и профсоюзному движению.

В 1920 г. вместе с Линь Вэйлинем¹ и другими Су Чжаочжэнь организует Союз китайских моряков, а в марте 1921 г. — Объединенный всеобщий индустриальный союз китайских моряков, штаб-квартира которого находилась в английской колонии, Гонконге. Этот союз объединял китайских моряков, портовых рабочих, докеров. Вскоре после создания союза судовладельцам были предъявлены требования об улучшении положения китайских моряков и портовых рабочих, а именно: увеличить зарплату, предоставить союзу право участвовать в распределении моряков на работу и заключении договоров между моряками и хозяевами. Английские судовладельцы трижды отвечали отказом. Тогда 13 января 1922 г. объединенный союз объявил всеобщую забастовку, которая к февралю охватила 100 тыс. рабочих. Гонконг был парализован. Английский губернатор Гонконга объявил объединенный союз китайских моряков незаконной организацией, в связи с этим штаб стачечного комитета вынужден был переехать в Кантон.

Хотя председателем объединенного союза китайских моряков был Чэнь Биншэнь², центральной фигурой этой организации и руководителем забастовки являлся Су Чжаочжэнь. Он был избран председателем забастовочного комитета и фактически выполнял всю работу по руководству забастовкой, а также по переговорам с предпринимателями и гонконгскими властями. Он решительно отвергал любые попытки гонконгских властей и их посредников из числа китайских судовладельцев сорвать забастовку и запугать бастовавших. Отвечая представителю гонконгского правительства, Су Чжаочжэнь заявил: «Мы уже трижды предъявляли свои требования. Мы своевременно об этом сообщили правительству. Почему же оно ничего не заявляло раньше? Теперь мы начали забастовку и единственное условие возвращения на работу — это удовлетворение всех наших требований. Будем ли мы голодать или нет — это наше дело, правительству нечего об этом беспокоиться»³.

Этой твердой линии Су Чжаочжэнь придерживался в течение всей забастовки, что имело очень важное значение, так как некоторые представители союза моряков готовы были пойти на уступки и приступить к работе. Особенно на них подействовали увещания китайских судовладельцев, которые, обращаясь к бастовавшим, говорили: «Все мы — китайцы, и естественно, что мы сочувствуем вашей стачке. Быть может, нам удастся найти какой-нибудь выход из положения. Сначала вы вернитесь на китайские суда. После того, как иностранные судовладельцы выполнят ваши требования, мы, конечно, последуем их примеру»⁴. Игра на национальных чувствах не тронула Су Чжаочжэня. Он с рабочей откровенностью и достоинством ответил китайским судовладельцам: «Конечно, мы все — китайцы. Поэтому, когда началась забастовка, мы призывали китайских капиталистов помочь нам. Если, как вы говорите, вы сочувствуете своим землякам, почему же вы не ответили на наше предложение? Почему вы не выступили с протестом в нашу пользу перед гонконгским правительством? Теперь вы добиваетесь специального отношения к себе на том основании, что мы одной национальности, но это противоречит интересам стачки и на это мы пойти не можем. Мне кажется, что для вас самое лучшее помочь нам заставить гонконгское правительство выполнить возможно скорее наши требования»⁵.

Забастовка длилась 55 дней и закончилась 8 марта победой рабочих. Судовладельцы и английские власти Гонконга вынуждены были принять требования объединенного союза моряков. Губернатор Гонконга отменил приказ об объявлении объединенного союза китайских моряков незаконной организацией.

Это была первая крупная победа китайских рабочих. Забастовка моряков и портовых рабочих Гонконга продемонстрировала силу и возможности организованных рабочих, указала конкретный путь борьбы за улучшение своего положения. Она оказала большое влияние на развитие рабочего движения во всем Китае.

Во время забастовки Су Чжаочжэнь уделял много внимания не только внутренним, но и международным связям. Не будучи еще коммунистом, он верил в солидарность и помощь пролетариата всего мира. Находясь в Кантоне, он ежедневно заходил в Информационное агентство Страны Советов с просьбой распространить по всему миру сведения о ходе забастовки и призвать рабочих всего мира оказать помощь своим братьям — китайским рабочим. С такой же просьбой он обратился в редакцию газеты французских коммунистов «Юманите»⁶.

В результате кампания солидарности с гонконгскими рабочими развернулась не только на железных дорогах Северного Китая, в Шанхае и Кантоне, где правительство Сунь Ятсена оказало материальную и политическую помощь и поддержку бастующим, но также в Сингапуре и других зарубежных портах.

¹ Линь Вэйлинь был первым председателем Всекитайской федерации профсоюзов, умер в 1927 г.

² Чэнь Биншэнь вскоре предал интересы рабочих и был изгнан из объединенного союза китайских моряков.

³ Цит. по: Дэн Чжунся. Краткая биография Су Чжаочжэня. — В кн. Су Чжаочжэнь — вождь китайских рабочих. М., 1929, с. 13.

⁴ Дэн Чжунся. Указ. соч., с. 14.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Тогда же Су Чжаочжэнь пытался установить контакт с Коммунистической партией Китая, но, по его словам, «обегал весь город (Кантон) в напрасных поисках коммунистической партии»⁷.

В 1924 г. Су Чжаочжэнь участвовал в работе конференции транспортных рабочих стран Тихоокеанского побережья, созванной по инициативе Профинтерна. После конференции он поддерживал тесные связи с руководителями профдвижения ряда тихоокеанских стран. Он был сторонником и защитником необходимости профсоюзного единства в тихоокеанских странах. Он особенно интересовался успехами профсоюзного и национально-революционного движения в Индии и других странах, с восторгом отмечал рост единства китайских и филиппинских рабочих⁸.

В 1924 г. Су Чжаочжэнь вступил в Коммунистическую партию Китая и активно включился в ее деятельность. Одновременно он изучает марксизм-ленинизм и остается верен этому учению до конца своей жизни. В 1925 г. Су Чжаочжэнь принимает участие в созыве и работе второго Всекитайского съезда профсоюзов, который проходил под руководством коммунистов. Съезд сыграл важную роль в сплочении рабочего класса Китая. На съезде было принято решение о создании Всекитайской федерации профсоюзов и о вступлении ее в Профинтерн. Су Чжаочжэнь был избран членом исполкома Всекитайской федерации профсоюзов.

После съезда Су Чжаочжэнь по решению партии едет в Гонконг для организации знаменитой 16-месячной антиимпериалистической забастовки рабочих Гонконга и Кантона, сыгравшей важную роль в развитии китайской революции 1925—1927 гг. Используя свое влияние среди масс, приобретенное им после гонконгской забастовки моряков в 1922 г., Су Чжаочжэнь сумел уговорить даже лидеров «желтых» профсоюзов в Гонконге принять участие в антиимпериалистической забастовке в знак солидарности с бастовавшими шанхайскими рабочими. Вначале забастовали 100 тыс. рабочих Гонконга, которые поддержали требования шанхайских рабочих и выдвинули дополнительные требования, направленные на ограничение дискриминации китайского населения Гонконга и улучшение условий труда. Через два дня вспыхнула забастовка на территории англо-французской концессии в Кантоне — Шамяне, к которой присоединились рабочие Кантона.

Во время этой забастовки Су Чжаочжэнь был избран председателем стачечного комитета, находившегося в Кантоне, и одновременно председателем финансовой комиссии. Стачечный комитет фактически превратился во второе правительство (так его иронически называли империалисты) в Кантоне. При стачке действовала дружина пикетов из рабочих в составе около 3000 человек, по существу державших Гонконг в блокаде, функционировали суды, законодательное бюро, места заключения, общественные столовые и общезнания, школы, бюро для конфискации товаров у купцов, которые нарушали бойкот и торговали иностранными товарами, бюро по продаже конфискованных товаров и бюро для выдачи пропусков судам, входившим в кантонский порт или оставлявшим его (все суда, входившие в кантонский порт, должны были регистрироваться в стачкоме). Были созданы особые отряды из бастующих для надзора за судами, чтобы воспрепятствовать их рейсам в Гонконг.

В течение 16 месяцев Су Чжаочжэнь умело руководил этим огромным сложным механизмом. Во время забастовки он проявил свои политические способности и организаторский талант. Несмотря на занятость руководством стачкомом, Су Чжаочжэнь находил время и для участия в работе профсоюзов. Он содействовал созыву первого Всекитайского съезда китайских моряков, на котором был избран председателем Исполкома профсоюза моряков.

В 1926 г. Су Чжаочжэнь участвовал в подготовке и работе третьего съезда Всекитайской федерации профсоюзов, на котором был избран ее председателем. С этого времени Су Чжаочжэнь становится общепризнанным лидером китайского пролетариата. В том же году он был введен в состав гуандунского провинциального комитета КПК.

В 1927 г. Су Чжаочжэнь совместно с руководством Профинтерна готовит созыв Тихоокеанской конференции профсоюзов. На конференции он выступил поборником единства и совместных действий рабочих стран Тихоокеанского побережья, призывал к расширению освободительного движения угнетенных народов Востока как одного из важнейших участков мировой пролетарской революции, клеймил предательство рабочих интересов лидерами реформистских профсоюзов и руководителей Амстердамского интернационала профсоюзов. На конференции Су Чжаочжэнь был избран председателем Тихоокеанского секретариата профсоюзов, штаб-квартира которого тогда находилась в Шанхае.

Позднее в качестве председателя Тихоокеанского секретариата профсоюзов Су Чжаочжэнь обратился к рабочим азиатских стран с предостережением против попытки Альберта Тома из Международного бюро труда подорвать растущее влияние Тихоокеанского секретариата посредством созыва азиатской рабочей конференции в Индии. Он указал, что лидер японской федерации труда Бунджи Сузуки, агент барона Танаки, предательски поддержал эту попытку раскола тихоокеанские профсою-

⁷ Дэн Чжунся. Указ. соч., с. 17.

⁸ Там же, с. 42.

зы и изолировать рабочих Востока от их братьев по классу в других странах. Он призывал к энергичной борьбе с этими предательскими попытками⁹.

На V съезде КПК в 1927 г. Су Чжаочжэнь был избран членом ЦК, а затем кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК. Весной того же года он вошел в качестве представителя КПК в уханьское правительство, где занял пост министра труда. Впервые за всю историю Китая рядовой рабочий стал министром. Это выдвигание отразило силу тогдашнего рабоче-крестьянского движения, руководимого КПК. Хотя уханьское правительство вскоре предало дело революции, Су Чжаочжэнь продолжал вести борьбу за интересы рабочего класса. В Уханьском правительстве было два министра-коммуниста: рабочий Су Чжаочжэнь и интеллигент Тань Пиншань. В самый критический момент, накануне ухода коммунистов из правительства, Тань Пиншань обнаружил признаки капитулянтства и трусости (вскоре он был исключен из партии), тогда как Су Чжаочжэнь с целью разоблачения перед широкими массами рабочих и трудящихся Китая ренегатского характера лидеров Уханьского правительства намеревался внести на обсуждение правительства разработанный при его непосредственном участии проект закона о труде. Он решительно поддержал мнение Коминтерна о необходимости демонстративного выхода коммунистов из Уханьского правительства в связи с гегемонизмом предательства его лидерами дела революции. Покидая правительство, Су Чжаочжэнь распорядился передать имевшиеся в министерстве труда 100 тысяч юаней наличными для распределения среди безработных.

После ухода из правительства Су Чжаочжэнь по решению руководства КПК отправился в Цзюцзян для подготовки Наньчанского вооруженного восстания. Однако вскоре он был отозван обратно в Ухань для участия в работе чрезвычайного совещания ЦК КПК, которое состоялось 7 августа 1927 г. Совещание подвергло критике ошибки руководства КПК во главе с Чэнь Дусю и отстранило Чэнь Дусю и его сторонников от руководства партией. Был принят новый курс на решительное развертывание аграрной революции и организацию вооруженного отпора реакции. Су Чжаочжэнь на этом совещании был избран членом Политбюро ЦК КПК.

По свидетельству одного из видных деятелей КПК, Дэн Чжунся, «вожди партии считали тогда, что рабочие по своему умственному уровню еще не подготовлены для ответственной работы в центре». Поэтому Су Чжаочжэня не привлекали к руководящей партийной работе. Положение изменилось после чрезвычайного совещания ЦК КПК 7 августа 1927 г. Несмотря на то, что Су Чжаочжэнь не имел даже начального законченного образования, он выступал как публицист. Его статьи читались с огромным интересом. Им был подготовлен проект резолюции о профдвижении, принятой на чрезвычайной конференции 7 августа¹⁰.

После поражения революции в 1927 г. Су Чжаочжэнь по решению руководства партии остался на нелегальной работе в Ухани. Он проводил линию на консолидацию и большевизацию партии и решительно боролся со всяким оппортунизмом в ее рядах. Слышки внутренней и внешней реакции охотились за Су Чжаочжэнем, за его голову была обещала большая награда. Однако многие рабочие, которые знали местонахождение Су Чжаочжэня, не выдавали своего вождя даже под пытками.

Находясь в Ухани, Су Чжаочжэнь принимал участие в обсуждении и подготовке плана революционного вооруженного восстания в Кантоне. Однако он не смог выехать в Кантон для участия в восстании, которое началось 11 декабря 1927 г. В ходе кантонского восстания было провозглашено Китайское советское правительство, председателем Совета Народных Комиссаров заочно был избран Су Чжаочжэнь, ибо его имя было самым популярным среди китайского рабочего класса и широких масс трудящихся.

В феврале 1928 г. Су Чжаочжэнь провел расширенное заседание Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов (нелегально), на котором были обсуждены новые формы деятельности профсоюзов в изменившейся обстановке. В том же месяце по решению руководства партии он выезжает в Москву в качестве представителя КПК в Коминтерне, а также для участия в работе IV конгресса Профинтерна. Сразу же по прибытии в Москву в марте 1928 г. Су Чжаочжэнь обратился к руководству Коминтерна с просьбой об оказании помощи в политической и организационной подготовке созыва очередного съезда КПК в ближайшее время. На IV конгрессе Профинтерна, который состоялся в апреле 1928 г., Су Чжаочжэнь был избран в состав Президиума конгресса, а затем членом Исполкома Профинтерна.

Находясь в Москве, Су Чжаочжэнь принимает активное участие в подготовке VI съезда КПК, который состоялся в июне—июле 1928 г. в Москве. На съезде он выступает с приветствием от имени Всекитайской федерации профсоюзов и участвует в обсуждении докладов. В своем выступлении по отчетному докладу ЦК КПК он подверг критике тех участников съезда, которые пытались свалить вину за оппортунизм в КПК на представителя Исполкома Коминтерна в Китае. Такой взгляд, говорил он, совершенно неправилен, ибо в оппортунизме повинно само руководство партии, которое совершило ряд крупных оппортунистических ошибок, особенно в уханьский период. Он критиковал руководство КПК за то, что оно не доверяло рабочему классу, не говорило ему правду, не вело с ним должную работу. Пропагандистская работа

⁹ См. Дэн Чжунся. Указ. соч., с. 42—43.

¹⁰ См. там же, с. 29, 36.

среди рабочих, продолжал он, была поставлена очень плохо. Статьи, которые публиковались в рабочих газетах, в большинстве были непонятны рабочим, поэтому газету «Шанхайский рабочий», орган шанхайского генсовета профсоюзов, рабочие не читают.

Су Чжаочжэнь подверг критике также неправильную работу партии в профсоюзах, указав, что комфракции в профсоюзах существуют лишь формально, так как нет никакой разницы между партийными и профсоюзными руководящими органами, ответственные работники были одни и те же; в руководящих органах профсоюзов нет ни одного беспартийного и т. д.

В своем выступлении на съезде Су Чжаочжэнь обратил внимание на то, что в партии существует тенденция отдавать предпочтение работе в деревне. «Центральным лозунгом партии, — говорил он, — должен быть охват и завоевание масс, развертывание работы в городах и профсоюзах»¹¹.

На VI съезде партии Су Чжаочжэнь вновь был избран членом ЦК и членом Политбюро ЦК КПК. После завершения работы VI съезда КПК Су Чжаочжэнь в качестве представителя КПК участвовал в работе VI конгресса Коминтерна, в котором был избран членом Исполнительного Комитета Коминтерна. Избрание Су Чжаочжэня в руководящие органы Коминтерна и Профинтерна свидетельствовало о признании его активным пролетарским бойцом в международном масштабе.

Су Чжаочжэнь был искренним другом Советского Союза. Он призывал изучать опыт Советского Союза, учиться у него, следовать его примеру. Находясь в Советском Союзе, Су Чжаочжэнь неоднократно выступал перед трудящимися Москвы и Ленинграда. Повсюду его приветствовали с величайшим энтузиазмом. По свидетельству очевидцев, будучи по натуре спокойным и невозмутимым, Су Чжаочжэнь совершенно преобразался во время своих выступлений, говорил с подлинным революционным энтузиазмом. Он говорил на китайском языке, но даже без перевода на русский можно было понять, как Су Чжаочжэнь «умел вдохновлять своих китайских товарищей — рабочих в Кантоне и других местах, где он работал и боролся»¹².

Непрерывная тяжелая и напряженная работа на ответственных постах во имя рабочего дела, во имя революции, постоянное переутомление, а иногда и недоедание подорвали здоровье Су Чжаочжэня. Во время пребывания его в Советском Союзе врачи рекомендовали ему длительный отдых и лечение в санатории в Крыму. После отдыха и лечения в Крыму он выехал в январе 1929 г. в Китай. Вскоре после прибытия в Шанхай Су Чжаочжэнь тяжело заболел и в феврале 1929 г. умер. Перед смертью он сказал пришедшим навестить его товарищам: «Напрягите все силы, чтобы добиться победы»¹³.

Печальное известие о безвременной кончине Су Чжаочжэня потрясло весь рабочий класс Китая и вызвало сочувствие рабочих всего мира. Китайское и международное коммунистическое движение потеряло талантливого руководителя и борца за рабочее дело.

С глубокой скорбью узнал Советский народ о смерти искреннего друга Советского Союза Су Чжаочжэня. Скорбь советских людей очень хорошо выразил в своем письме скульптор Григорий Козлов. Он писал 9 марта 1929 г.: «Выражаю китайской секции и всему Коминтерну мою глубокую скорбь по поводу безвременной смерти тов. Су Чжаочжэня. Присутствуя на VI конгрессе Коминтерна в качестве скульптора, одновременно следя за работой конгресса, я не мог не удивляться беззаветной преданности китайских товарищей китайской и мировой революции, как это проявилось в их выступлениях. Тем ощутительнее потеря таких борцов-революционеров, как тов. Су Чжаочжэнь. Приходится сожалеть, что положение нелегальности всех китайских товарищей лишило меня возможности сделать хотя бы с некоторых из них скульптурные наброски. Теперь пожалеть об этом приходится в отношении тов. Су Чжаочжэня, а также делегата от японской компартии, не так давно погибшего от наймитов японской буржуазии. Память о таких революционерах должна оставаться не только в сердцах миллионов рабочих и крестьян, но и в произведениях искусств. Да будет долгой память о тов. Су Чжаочжэне и ему подобных».

Орган французских коммунистов «Драпо руж» в некрологе, посвященном памяти Су Чжаочжэня, писала: «Оглядываясь на работу, которую вел тов. Су Чжаочжэнь, мы должны признать, что он был не только вождем китайского пролетариата, но и вождем Коммунистической партии Китая и мировой коммунистической революции. Смерть тов. Су Чжаочжэня является не только неизмеримой потерей для китайского пролетариата и партии, но и потерей для мировой революции...»¹⁴.

После смерти Су Чжаочжэня в Китае остались его жена, сын и дочь. Во избежание репрессий со стороны китайских реакционных властей они нелегально были вывезены в Советский Союз. Дети Су Чжаочжэня в Советском Союзе получили высшее образование и в 40-х годах вернулись в Китай. Во время пресловутой «культурной революции» Мао Цзэдуна они подверглись гонениям.

¹¹ Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая, кн. 3. М., 1930, с. 17—18.

¹² Дэ н Ч ж у н с я. Указ. соч., с. 55.

¹³ "Drapau rouge", 13.III.1929.

¹⁴ Ibid.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы

М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР

1. Из истории Восточного института во Владивостоке

В конце XIX в. на Дальнем Востоке происходили важные политические события, вызванные переходом капитализма в высшую, империалистическую стадию развития, сопровождавшуюся войнами, конфликтами ведущих держав за передел мира. На Дальнем Востоке, возвращенная при содействии Англии и других западноевропейских стран, на мировую арену вышла молодая капиталистическая Япония, заявившая о своих притязаниях на соседние территории на Азиатском материке.

Одним из важнейших событий в 90-е годы была агрессивная война Японии против Китая (1894—1895), в результате которой побежденному Китаю японское правительство предъявило обширные территориальные притязания — отторжение острова Формозы (Тайвань) и Южной Маньчжурии, включая Ляодунский полуостров. Переход к Японии Южной Маньчжурии и Кореи привел бы к изоляции России от Китая и на море, и на главном, северо-восточном направлении к китайской столице.

Выступление России против японских притязаний в Маньчжурии, поддержанное Францией и Германией, вынудило Японию отступить и отказаться от захвата Южной Маньчжурии, хотя в компенсацию этой уступки финансовая контрибуция, подлежащая уплате Китаем Японии по условиям мирного Симонсэцкого договора, была увеличена от 200 до 230 млн. таэлей и оказалась для Китая, пострадавшего в войне, крайне обременительной. Россия и в этом случае оказала поддержку Китаю. Под гарантию российского правительства русские банки с участием французского капитала предоставили правительству Китая в 1895 г. крупный заем в сумме 400 млн. франков.

Опасения повторной агрессии Японии против Китая и возможного нападения ее на русские дальневосточные владения, к чему подталкивала Японию Англия, привели к дальнейшему сближению России с Китаем. В 1896 г. был заключен русско-китайский договор о военном союзе. По условиям этого договора, в случае нападения Японии на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая и Кореи договаривающиеся стороны обязались поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами.

Для осуществления союзных обязательств правительство Китая предоставило России в аренду территорию на Ляодунском полуострове для сооружения военно-морской базы Порт-Артур и концессию на 80 лет Русско-китайскому банку для строительства в Маньчжурии железной дороги. Образованное Русско-китайским банком «Общество

КВЖД», акционерами которого могли быть только китайцы и русские, а председателем — представитель правительства Китая, стало ведущим предприятием в развитии экономики Маньчжурии и сыграло значительную роль в русско-китайских отношениях. Руководство КВЖД и многочисленных промышленных, торговых и финансовых предприятий, возникших в связи со строительством и деятельностью дороги, потребовало от России расширить подготовку квалифицированных китаеведов, в том числе в непосредственной близости от Китая — во Владивостоке.

В 1899 г. во Владивостоке был создан Восточный институт, директором которого стал доктор монгольской и калмыцкой словесности профессор А. М. Позднеев, остававшийся в этой должности до 1906 г.

Одновременно были приняты меры по укомплектованию института профессорско-преподавательскими кадрами по китаеведению и японоведению.

Сразу же после заключения русско-китайского договора в 1896 г. группа студентов, окончивших восточный факультет С.-Петербургского университета, была направлена в Китай на три года для совершенствования знаний по Китаю и китайскому языку. Среди них были успешно окончившие университетский курс А. В. Рудаков и П. П. Шмидт. Эти два университетских друга, приглашенные в открывшийся в 1899 г. Восточный институт во Владивостоке на должности исполняющих обязанности профессоров, и положили начало русскому китаеведению на Дальнем Востоке.

А. В. Рудаков с первых дней возглавил научную деятельность института и с 1906 г. стал и его директором. Талантливый ученый, наряду с руководством научной деятельностью института он был автором фундаментальных научных трудов по самым различным отраслям китаеведения («Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции», «Практическое руководство к изучению мандаринского наречия», «Лекции по общему курсу географии и этнографии Китая, Японии и Кореи», «Общество Ихэтуань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке», «Образцы китайской драматической литературы — китайские повести» и др.), принесших Аполлинару Васильевичу мировую известность.

Оставивший в годы мировой войны по болезни (паралич ног) научно-административные должности А. В. Рудаков оставался руководителем кафедры китайского языка до конца своей жизни (умер в 1948 г. во Владивостоке).

С 1900 г. на японском факультете института начал педагогическую деятельность Евгений Генрихович Спальвин, окончивший Восточный факультет С.-Петербургского университета в 1898 г. и прошедший двухгодичную стажировку в Японии. Е. Г. Спальвин — автор многочисленных трудов по Японии: «Обзор политического устройства Японии в прошлом и настоящем», «Практические японские разговоры», «Японская хрестоматия» и др.

Е. Г. Спальвин оставался ведущим профессором японского факультета (в советское время — японского отделения Восточного факультета ГДУ) до 1925 г., когда он, после установления советско-японских дипломатических отношений в 1925 г., выехал в Японию в качестве драгомана посольства СССР.

Среди других ведущих научных деятелей института в дореволюционный период следует упомянуть Николая Васильевича Кюнера, окончившего восточный факультет С.-Петербургского университета в 1900 г. и начавшего педагогическую деятельность в Восточном институте Владивостока с 1902 г. Николай Васильевич оставался бессменным руководителем кафедры истории стран Дальнего Востока до конца 20-х годов, когда он пересехал в Ленинград. Его лекции, изданные владивосток-

ским Восточным институтом и ГДУ, — «Новейшая история стран Дальнего Востока», «География стран Дальнего Востока», «Взгляд на современное состояние европейской литературы, в частности географической, о Дальнем Востоке» и др. — представляют большую ценность и для современного китаеведения.

Н. В. Кюнер создал своеобразную гипотезу о появлении ханьцев (китайцев) в излучине Хуанхэ, утверждая, что они в этот район пришли с Запада (либо из районов южнее Каспия, либо с берегов Евфрата) и вытеснили аборигенов — народности лоло, мяо и другие на юг и юго-запад.

Ведущие научные кадры института пополнялись воспитанниками и самого института. В 1907 г. китайско-маньчжурское отделение владивостокского Восточного института окончил Александр Васильевич Гребенщиков, который после двухгодичной подготовки на звание профессора возглавил кафедру маньчжурской словесности. Мы, первые студенты советского периода, застали Александра Васильевича в должности декана восточного факультета, входящего в состав Государственного дальневосточного университета; он оставался в этой должности до 1925 г., когда переехал в Ленинград. Историко-политическое направление в китаеведении сложилось уже в советское время, и его возглавил с 1923 г. высоко- и разносторонне образованный преподаватель-коммунист Константин Андреевич Харнский, читавший лекции по темам «История социально-экономического строя Китая и Японии», «Европейская и американская политика в Китае», «Современное мировое хозяйство и империалистическая политика в Тихоокеанском бассейне». К. А. Харнский обладал исключительной работоспособностью и знаниями мельчайших подробностей мировой истории и экономики, в том числе, разумеется, по Китаю и Японии. Он живо откликался на текущие политические события в Китае и Японии, публиковал статьи во владивостокской газете «Красное знамя».

Он автор выдающихся трудов по истории Китая и Японии, которые и в наши дни представляют исключительную научную ценность. К. А. Харнский, несомненно, сыграл для нас, советских студентов, важнейшую роль в формировании историко-материалистического мировоззрения, в освоении диалектического метода исследований сложных социально-экономических процессов в странах Востока. Его научную эрудицию высоко оценивали корифеи востоковедения А. В. Рудаков, Н. В. Кюнер, Е. Г. Спальвин, А. В. Гребенщиков и другие, находившие в его лекциях и научных трудах то, чего им не хватало. — материалистическое понимание истории. К. А. Харнский, жизнь которого трагически оборвалась в конце 30-х годов, навсегда сохранился в моей памяти как примерный коммунист-ученый, как умный старший наставник.

В моей студенческой зачетной книжке № 1099, выданной 27 января 1925 г., помимо вышеупомянутых, названы следующие преподаватели восточного факультета. По китайскому разряду — профессор Б. К. Пашков, читавший курс «История и анализ текстов новейшей фразеологии терминологии Китая»; преподаватели китайского разговорного языка Ин Цзичжан и Дэн Наньян; преподаватель Н. Репин — по курсу «История китайской культуры».

По японскому разряду преподаватель Т. С. Юркевич — «Теория и практика газетного стиля» и «Официальная и деловая терминология»; преподаватель П. С. Ануфьев — «Кайва», преподаватель японского разговорного языка — японка (кажется, жена Е. Г. Спальвина) и др. Общефакультетские предметы: преподаватель И. Пашкевич — «Исторический материализм» и «Экономическая политика СССР»; профессор, с 1925 г. декан восточного факультета Н. В. Погодин — «Политическая экономия» и «Политический строй и социальные задачи СССР»; преподаватель Г. Шитов — «Капитализм и пролетарская революция»; про-

фессор П. Г. Овчинников — «Международное и консульское право», «Основы русского и советского права», «Гражданское и торговое законодательство стран Восточной Азии»; профессор Л. И. Иольсон — «Товароведение стран Восточной Азии»; профессор П. Ф. Ливини — «Теория и практика английского языка»; преподаватель английского языка А. А. Шварц-Сторм и другие.

Советский период в истории Восточного института и его преемника — восточного факультета ГДУ начался в вполне благоприятных условиях при наличии довольно значительного и компетентного профессорско-преподавательского состава. В 1923 г., то есть уже в следующем году после освобождения Владивостока от белых банд и японских интервентов, состоялся первый набор студентов в советский Государственный дальневосточный университет на восточный факультет.

2. Двадцатипятилетний юбилей Восточного института

Год моего поступления на восточный факультет ГДУ — 1924 — совпал с большим событием в его истории — 25-летием создания Восточного института. Уже в первые дни нашего студенчества мы почувствовали приближение торжественного юбилея. Бесперывно шли заседания деканата в присутствии представителей студенческого комитета, на которых обсуждалась программа предстоящего юбилейного праздника, утверждались списки приглашаемых гостей «со стороны». И, наконец, в середине октября было вывешено объявление, извещающее, что торжественный юбилейный вечер состоится 21 октября в Пушкинском клубе, расположенном на Пушкинской улице, напротив здания ГДУ. В предъюбилейные дни в своих текущих лекциях, А. В. Рудаков, Н. В. Кюнер, Е. Г. Спальвин и А. В. Гребенщиков делали отступления от учебной темы и делились воспоминаниями о начальной деятельности в институте. В их проникновенных словах чувствовалась глубокая любовь и преданность китаеведению, институту, гордость за выполняемый важный для государства долг — подготовку квалифицированных специалистов.

На вечер были приглашены весь преподавательский состав и студенты восточного факультета, которых на 1-м и 2-м курсах советского набора (значительная часть студентов, обучавшихся на восточном факультете до 1923 г., либо оставила учебу, либо выехала на практику в Китай) насчитывалось примерно 60—70 человек. Гостями вечера были также преподаватели других факультетов ГДУ — педагогического (два отделения: естественное и физико-математическое), технического (горное и механическое), агрономического (лесное и сельскохозяйственное). Большая же часть приглашенных были «со стороны» — знакомые профессорско-преподавательского состава, знатные «приватные» люди города, а их во Владивостоке оставалось еще много, а также официальные представители советских партийных и государственных организаций. Председательствовал на юбилейном вечере А. В. Рудаков. После краткой вступительной речи он предоставил слово декану факультета А. В. Гребенщикову.

Докладчик сделал обширное обозрение деятельности Восточного института и восточного факультета. Он напомнил в своем докладе о том, что идея создания Восточного института на русском Дальнем Востоке относилась к 1896 г., то есть к тому году, когда между Россией и Китаем был заключен союзный договор, направленный на совместную оборону против Японии, когда Россия получила концессию на строительство в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги и когда у России, естественно, появилась нужда в востоковедах.

Докладчик упомянул о первом директоре института А. М. Позднееве (1899—1906) и затем подчеркнул особые заслуги в создании отечественного китаеведения на Дальнем Востоке многоуважаемого профессора А. В. Рудакова и его университетского друга П. П. Шмидта.

На некоторых периодах истории института, особенно совпадающих со студенческими годами Александра Васильевича, докладчик останавливался особенно подробно, рассказывая различные эпизоды из жизни студентов, преподавателей, вспоминая о давно проведенных зарубежных командировках в Китае, Маньчжурии, Корее, Японии. Напоминая о далеких днях безвозвратно ушедшей молодости, он, видимо, доставлял этим немалое удовольствие и себе и своим коллегам. Затем Александр Васильевич огласил подробный список профессорско-преподавательского состава, работавшего в период от образования института до последних дней, и студентов, окончивших институт в течение этого же периода. Назывались имена крупных чиновников Русско-азиатского банка, «Общества КВЖД», сотрудников частных русских фирм, работавших после революции в Шанхае, Харбине, Тяньцзине и даже в Австралии, государственных служащих и т. д.

На этом и закончился доклад декана восточного факультета. К нашему удивлению, у докладчика не нашлось ни одного слова, чтобы сказать о тех больших задачах, которые стояли перед факультетом в связи с только что восстановившимися советско-китайскими дипломатическими отношениями, о подписании специального соглашения о совместном управлении КВЖД. Ничего не сказал он также и о той великой революционной буре, которая поднималась в те годы в Китае.

Прослушав доклад, мы, студенты-комсомольцы и коммунисты, сделали вывод, что профессора наши были пока что людьми отсталыми, и нам, студентам, молодому поколению, нужно было, с одной стороны, у них учиться, с другой же — кое-чему поучить и их, например, революции.

Еще более странное впечатление оставили вопросы и ответы по докладу. В моем дневнике отмечено следующее: дама со взрослой дочерью интересовалась судьбой окончившего институт еще до 1914 г. штабс-капитана Осипова Николая Владимировича. Александр Васильевич, видимо, не имел сведений об Осипове и не мог ответить на этот вопрос, но его аристократическое воспитание не позволяло ему оставить вопрос дамы без ответа, поэтому он обещал ей навести нужные справки. Вслед за этим посыпались другие, такого же рода вопросы — о судьбе знакомых или родственников, эмигрировавших после установления советской власти на Дальнем Востоке.

После доклада и ответов Александра Васильевича выступил профессор японской словесности Е. Г. Спальвин. Уже его внешность вызывала праздничное настроение. На нем был прекрасно скроенный фрак, в петлице которого красовалась большая белая японская хризантема. Он был человеком богатырского телосложения и производил внушительное впечатление.

Е. Г. Спальвин в своем выступлении постарался показать главным образом нам — молодым студентам, изменения в японском народе в последние десятилетия, проявляющиеся симпатии по отношению к России, к русской литературе. Е. Г. Спальвин привел такой случай: до 1907 г. в Восточном институте работал научный сотрудник — японец Маэда. Во время поездки в летнее время в Японию Маэда подвергался угрозам со стороны реакционеров, требовавших оставления им службы в русском институте. Маэда, однако, продолжал работать во Владивостокском восточном институте. 1 августа 1907 г., при очередной поездке в Японию, он был убит японскими реакционерами.

Е. Г. Спальвин летом 1924 г. был в Японии и подробно рассказывал о своих впечатлениях. Неудовлетворенность, которую вызвали у нас,

советских студентов, и «куцый» доклад и монархические вопросы публики «со стороны», была несколько развеяна выступлением Е. Г. Спальвина и особенно заключительной речью А. В. Рудакова. Было видно, что Аполлинарий Васильевич заметил неудовлетворенность студентов и некоторых преподавателей докладом и вопросами и постарался восполнить пробелы докладчика. В своем выступлении он отметил коренные изменения, происшедшие в социальном составе студенчества, пришедшего из народа, говорил о новых задачах, стоящих перед преподавателями, которые должны приспособиться к радикально изменившимся условиям в России. В этом выступлении, так же как и в последующих частых беседах Аполлинария Васильевича, раскрылись его мудрость, народность, патриотичность. Мы были удовлетворены. Тучи недовольства рассеялись. Заключительная часть вечера прошла в веселом, студенческом темпе. Пример веселья и жизнерадостности особенно продемонстрировал Е. Г. Спальвин. Подхватив свою молодую жену-японку, едва ли достававшую своей высокой напомаженной прической плеча Евгения Генриховича, профессор вихрем ворвался в круг танцующей молодежи, исполнял самые модные фокстроты, вальсы, танго. Вечер получился очень оживленный, веселый. Это был действительно вечер единения старых людей, еще не избавившихся от привычек прошлого, и молодых энтузиастов революции, которые еще и сами-то не всегда отчетливо представляли себе новые жизненные цели, дороги будущего.

3. Студенты-китаисты 20-х годов

Студенты юбилейного, 1924 г. были вторым советским набором. На нашем факультете, таким образом, в 1924/25 учебном году было лишь два курса — второй, набора 1923 г., и наш, первый курс. Контингент студентов двух первых наборов был примерно одинаковым: демобилизованные из Красной Армии участники гражданской войны, имевшие среднее образование до службы в армии, комсомольские и партийные работники, либо имевшие среднее образование, либо окончившие различные курсы, приравненные к средней школе, и, наконец, третья группа — только что закончившие школы второй ступени, техникумы. Они составляли большую часть в первых трех наборах (включая 1925—1926 годы), но начиная с 1926 г. состав студентов существенно изменился за счет рабочей молодежи, оканчивавшей рабфак с трехлетним обучением (первый набор был в 1923 г.).

Из старшекурсников мне запомнились почти все студенты. Среди них прежде всего — Тихон Скворцов-Такаркин, член КПСС с 1917 г. считавшийся одним из лучших студентов. Еще до окончания университета он принимал участие в издании на китайском языке газеты «Гунжэнь чжилу» («Рабочий путь»). После окончания института он перешел на дипломатическую работу, много раз выезжал для работы в советском посольстве в Китае, в том числе в ранге советника-посланника.

Весьма интересным человеком был студент Боканенко (имя не помню) — лучший знаток китайского разговорного языка. Именно по этому признаку еще до окончания университета он был направлен драгоманом в армию Фэн Юйсяна, где, как помнится, работал под фамилией Крафт. Дальнейшая судьба его мне не известна.

Преуспевали в китайском языке и две студентки-старшекурсницы — Дубасова и Владимирова, которые также с третьего курса в 1926 г. были направлены в революционный Кантон, где и работали успешно переводчицами.

Старшекурсником также был великовозрастный Виноградов. Ему пришлось провести несколько месяцев в чжанцзолиновской тюрьме в Пекине. Весной 1926 г. он находился в Пекине и жил в домах советского посольства, на которые в апреле 1926 г. войсками «Аньгоцзюна» («Ар-

мня успокоения» — так называлась армия северных милитаристов) был совершен налет и где был арестован скрывавшийся там один из основателей КПК профессор Ли Дачжао. Вместе с Ли Дачжао был арестован ряд сотрудников советского посольства и среди них Виноградов и мой однокурсник Ваня Григорьев, также находившийся на практике в советском посольстве.

Что касается моих однокурсников, то, видимо, следует упомянуть лишь о той части студентов, которые дотянулись до 3-го курса и почти все стали выпускниками.

На 3-м курсе восточного факультета китайского отделения, как свидетельствует сохранившаяся у меня фотография, нас было 17 человек, в том числе двое — оставшиеся от старших курсов: Владимир Новоселов (поступления 1923 г.), отставший от своего курса по болезни, и Игорь Гребенщиков (сын Н. В. Гребенщикова), с 1923 по 1926 г. находившийся на практике в Шанхае, где в 1926 г. работал секретарем профсоюзной организации советского генконсульства и других советских организаций.

Наш курс по своему социальному составу и учебной подготовке был далеко неоднородным. Однако больше половины наших студентов были коммунистами и комсомольцами и они вели большую общественную работу как в стенах университета, так и вне его. Для характеристики состава курса отмечу следующих шесть студентов.

Вася Войлошников — самый взрослый среди нас. В 1927 г. ему было около 30 лет; член партии большевиков с 1917 г., во время гражданской войны был командиром эскадрона Красной Армии в Забайкалье. Сам он из забайкальских казаков. В 1925 г. он был направлен в Кантон и под руководством прославленного полководца — главного военного советника К. Н. Блюхера входил в состав группы советских инструкторов в качестве инструктора кавалерийских частей Национально-революционной армии Южного Китая. Вернулся Вася осенью 1926 г. и вместе с нами заканчивал университетский курс в 1928 г. В конце 30-х годов его судьба сложилась трагично, и сведений о нем позднее не было.

Шура Лысых — мой ближайший студенческий друг. Приехал на учебу из Харбина, где проживал его отец — железнодорожный путевой мастер КВЖД. Призвание Шуры к китаеведению было закономерным. С юных лет он проживал в окружении китайцев. Казалось бы, что и в китайском языке Шура должен был преуспевать, но это не получалось. Он, как и многие русские, проживавшие в Маньчжурии, привык к харбинскому жаргону, состоящему из ломаных русских и китайских слов: «шибко шаньго» (очень хорошо), «чуть-чуть мамонди» (немного подожди). В разговорном языке это мешало ему, хотя по другим дисциплинам он имел хорошие результаты. Он был активным комсомольцем и работал агитатором среди китайских рабочих — грузчиков Владивостокского порта. После окончания университета был направлен в «Дальгосторг» и работал в качестве заведующего агентством «Экспортхлеб» в Турьем Роге (на озере Ханко). Шура — участник Отечественной войны, был тяжело ранен в бою под Курском и после войны работал в Саратове в системе Министерства пищевой промышленности. Умер в 1971 г.

Валя Суньфу — дед его китаец и был женат на русской, отец также был женат на русской, служил в Красной Армии и в 1924—1926 гг. был во Владивостоке начальником отделения милиции в районе Семеновского базара (где проживали китайские торговцы). Валя при поступлении в университет не знал китайского языка, но проявлял большие способности в освоении его. После окончания учебы работал в военных организациях до конца 30-х годов. Дальнейшая судьба его мне не известна.

Галина Бондаренко — после окончания университета осталась пре-

подавателем китайского языка. Последние годы (до ухода на пенсию в начале 70-х гг.) работала в Московском институте международных отношений.

Лев Хасис — выходец из семьи крупного торговца. После окончания университета выехал в Маньчжурию и работал в лесоторговой фирме своего родственника в Мукдене.

Ваня Шишкин — студент, которого знали не только в университете, но многие и в городе. Он участник всех вечеров, спектаклей самодеятельности, экскурсий и т. д. Он имел слабую учебную подготовку и, видимо, не получил среднего образования, но имел справки об окончании различных курсов. Биография его была не менее путаной. По одним документам, он — рабочий полиграфической промышленности Новосибирска, по другим — матрос торгового флота, побывавший в Гонконге. Ему прощали все биографические неясности за исключительно бурную общественную деятельность. Он был отстающим по всем предметам, за исключением китайского разговорного языка. После окончания учебы Шишкин не задерживался на одной работе и побывал в различных городах Советского Союза. Последний раз я встречал его в Москве в 1936 г., когда он, оставив должность политического работника на Присынецянском внешнеторговом тракте на юге Казахстана, возвращался на Дальний Восток на армейскую работу. Дальнейшая его судьба мне не известна.

С 1926 г., как упомянуто выше, из рабфака и по партийно-комсомольским путевкам стали поступать на восточный факультет по преимуществу выходцы из трудового народа, активные общественники. Было бы несправедливо не упомянуть о некоторых наиболее ярких и активных студентах последующих наборов.

Прежде всего следует сказать о Косте Поседко, амурском красном партизане, члене партии с 1921 г., которого по партийной путевке направили на учебу еще в 1923 г. Поступив на восточный факультет, он через несколько месяцев был отозван на партийную работу в Николаевск-на-Амуре, где и работал до середины 1925 г. заворгом Укома ВКП (б). Вернувшись на учебу, он был не только ведущим студентом, но и партийным вожаком в университете. Будучи секретарем общеуниверситетского парткома, он вел активную борьбу с троцкистами, преникшителями в студенческую среду. После окончания факультета он был оставлен на научную работу, но вскоре был направлен в качестве представителя Всесоюзного объединения «Экспортхлеб» в Харбин, а затем работал заведующим агентством В/о «Экспортхлеб» в г. Фукдин — на реке Сунгари. Позднее он был директором оленеводческого совхоза (имеющего экспортное значение) на острове Сидими. Впоследствии судьба забросила его на север, где он оставался долгие годы, до выхода на пенсию.

Не менее активным в университете был и Валерий Ищенко, член партии с 1920 г., находившийся в начале 20-х годов на нелегальной работе на КВЖД. Он также был секретарем общеуниверситетского парткома. Судьба Валерия сложилась таким образом, что многие годы он был оторван от своей профессии китаеведа. Лишь в начале 70-х годов, уже в преклонном возрасте, ему удалось заняться Востоком. Он оставил интересную работу по истории КВЖД (умер в 1976 г.).

На восточном факультете в конце 20-х годов обучалась также группа приморских партизан, партийно-комсомольских работников в годы становления советской власти. Среди них — партизан, участник «белых ночей Спасска» — Феодосий Кобыща, после окончания учебы долгие годы работавший в дальневосточном морском пароходстве, участник войны против Японии, остававшийся на военной работе в городе Дальнем — Порт-Артуре. Сейчас — пенсионер, проживает во Владивостоке.

Все студенты восточного факультета помнят энергичного, жизнерадостного Сашу Боянова (Помилуйко), одного из организаторов комсомола в Приморье. После окончания учебы он работал в различных организациях, но не по востоковедческой специальности. Сейчас Саша Боянов — пенсионер. Проживает во Владивостоке.

Геннадию Астафьеву, студенту набора 1925 г., посчастливилось более других. Всю свою послеуниверситетскую жизнь он был связан с научной и исследовательской работой по Китаю; сейчас он — доктор исторических наук, заслуженный деятель наук РСФСР, известный многочисленными трудами; работал заместителем директора Института Дальнего Востока АН СССР и сейчас продолжает там работать в качестве научного консультанта.

Разумеется, персональные характеристики не дают полного представления о политической и научной значимости восточного факультета в 20-х и начале 30-х годов. Между тем можно без преувеличения сказать, что восточники ГДУ принимали участие во всех важнейших мероприятиях, относящихся к странам Дальнего Востока, особенно Китаю.

Большая группа студентов-китаистов в 1926 г., в связи с подъемом революционного движения в Китае, была направлена в Кантон (Войлошников, Владимирова, Дубасова), в Шанхай (Сладковский, Шишкин), на север Китая (Бакуненко, Виноградов, Андреев, Григорьев). Пребывание их в Китае явилось реальной помощью нашим старшим военным и политическим работникам, оказывавшим интернациональную помощь революционному Китаю. С другой стороны, они сами получали возможность всестороннего ознакомления с жизнью китайского народа, с китайским языком.

Владивосток в 1925—1927 гг., то есть в годы наивысшего революционного подъема в Китае играл существенную роль в подготовке китайских революционных кадров. Созданное при губернской совпартшколе китайское отделение (для китайцев) подготовило не один десяток политических работников для КПК, в том числе деятелей высокого класса. Среди них Кэ Цинши — член Политбюро восьмого созыва, Ли Чэншэн (он же Ван Сянба), занимавший в КНР пост Заместителя председателя Совета профсоюзов, и другие. Студенты-китаисты принимали активное участие в учебной работе Совпартшколы. К. Е. Поседко и М. И. Сладковский в течение 1927—1928 гг. руководили научной частью китайского отделения этой школы.

Во Владивостоке был создан рабочий клуб имени Первого Мая, где проводилась систематическая политическая работа с китайскими рабочими, готовились профсоюзные работники. При клубе была создана из числа молодых китайских рабочих комсомольская организация, а также пионерский отряд. Руководство китайской комсомольской организации осуществлялось студентом Боканенко. В работе клубных организаций активное участие принимали А. Лысых, В. Суньфу, И. Шишкин, М. Новиков, Г. Бондаренко и др.

Студентам приходилось держать и политический экзамен. В июле 1927 г. группа востоковедов-китаистов (С. Боянов, А. Лысых, К. Поседко и М. Сладковский), а также студентов технического факультета в количестве 10 человек (Якушкин, И. Мосин и др.) была направлена на производственную практику на КВЖД. По прибытии в Харбин большая часть техфаковцев была направлена на различные железнодорожные станции. Востфаковцы были оставлены в Харбине — в коммерческом управлении КВЖД. Нам удалось посетить Коммерческое управление лишь через два дня, после чего нас собрали в здании школы на Почтовой улице Нового Харбина, и представитель полиции объявил о нашем аресте, «так как среди студентов есть тайные агенты ГПУ». Начались нажимы, китайские полицейские и среди них белогвардейский казачий есаул (кажется, Воцеховский) старались разобщить нас и устраивали

допросы отдельно. Мы категорически отказались отвечать и требовали присутствия представителя советского Генконсульства. Ни угрозы, ни шантаж не поколебали нашу товарищескую солидарность, и мы отказались идти на допросы вне школы. Наибольшим строгостям полицейские подвергали наших старших по возрасту — К. Поседко и С. Боянова. Наша стойкость и категорические требования уведомить советского генконсула в конце концов увенчались успехом. Через две недели нас освободили, но практика на КВЖД была сорвана, и мы вернулись на Родину.

В 1929 г., во время военного конфликта, спровоцированного китайскими милитаристами, большая часть китайцев (мужчин) была призвана в ряды Красной Армии как переводчики-консультанты. Они находились в составе Верхнеудинской дивизии (К. Поседко, А. Лысых, Ф. Кобыща, М. Сладковский), в частях Амурской флотилии (А. Ильевский, С. Боянов, Федосеев) и в различных других частях.

Имена китайцев, окончивших восточный факультет, оставили след и в последующей истории советско-китайских отношений, и во время антияпонской войны в Китае, и в период сотрудничества КНР и СССР в течение первого десятилетия существования КНР. Оставшиеся в строю (по возрасту) и сейчас трудятся и принимают активное участие в осуществлении ленинской внешней политики СССР в отношении Китая.

* * *

Создание Восточного института во Владивостоке, 80-летие которого мы отмечаем, ставило своей целью подготовку квалифицированных востоковедов, так необходимых нашему государству и в дореволюционный и тем более в советский период. Восточный институт и его преемники — восточные факультеты ГДУ и нынешнего Дальневосточного университета сыграли большую роль в становлении отечественного востоковедения. Выпускники этих учебных центров способствовали развитию дружественных отношений с соседними нашему государству народами Китая, Японии, Кореи, Монголии.

Осуществление миролюбивой ленинской внешней политики диктует необходимость готовить кадры квалифицированных востоковедов, в том числе и на дальневосточном форпосте — во Владивостоке, и привлекать их к практической и научной деятельности во всех сферах наших отношений со странами Дальнего Востока.

Предшественники и современники лингвистических трудов Цюй Цюбо

*М. В. Софронов,
доктор филологических наук*

Публикуемая в этом номере статья покойного А. Г. Шпринцина о работах Цюй Цюбо по китайскому алфавитному письму написана им незадолго до его смерти, в 1974 г.* А. Г. Шпринцин — непосредственный участник разработки китайского латинизированного письма и активный деятель его распространения на Советском Дальнем Востоке в начале 30-х годов. В эти годы он тесно сотрудничал с Цюй Цюбо, а также с его коллегами, и русскими и китайскими. Это дало ему возможность осветить деятельность Цюй Цюбо в области китайского алфавита не только на основании опубликованных текстов, но также и на основании личных впечатлений от встреч с Цюй Цюбо и его коллегами. Это придает работе А. Г. Шпринцина характер не только научной статьи, но и человеческого документа.

Статья А. Г. Шпринцина о деятельности Цюй Цюбо в области китайского алфавитного письма раскрывает его роль в разработке и распространении китайского алфавита как в Советском Союзе, так и в Китае в начале 30-х годов. Для того чтобы в полном объеме представить себе многогранную деятельность Цюй Цюбо в области китайского языкознания и в формировании политики КПК относительно языка и письменности, статью А. Г. Шпринцина необходимо дополнить некоторыми замечаниями относительно того научного и общественного окружения, в котором протекала работа Цюй Цюбо по языкознанию.

Лингвистическая ситуация в Китае образована языками и диалектами, на которых осуществляется общение в этой стране. Китайский язык разделен на значительное число диалектов, носители которых далеко не всегда могут понять друг друга при взаимном общении без специальной подготовки или опыта общения. Наиболее явственно граница взаимопонимания между диалектами китайского языка проходит вдоль реки Янцзы, отделяющей южную часть страны от северной. В северном Китае диалекты достаточно сходны, поэтому в этой части страны говорящие на своих диалектах обычно понимают друг друга. В южном Китае диалекты существенно отличаются как между собой, так и от северных диалектов в целом. Эта часть Китая делится на несколько диалектных районов, жители которых не понимают друг друга при взаимном общении. В целом в южном Китае насчитывается шесть больших диалектных групп: группа У, группа Гань, группа Сян, северная группа Минь, Южная группа Минь, группа Хакка, группа Юэ¹.

Столь сложная лингвистическая ситуация всегда затрудняла процессы национальной консолидации в Китае. Именно эти особенности лингвистической ситуации в Китае способствовали формированию и утверждению иероглифической письменности, которая смогла принять на себя функции наддиалектного письма. Она способствовала утверждению письменного языка вэньянь, основанного на древнекитайском языке, который выполнял функции единого для всего многоязычного и многодиалектного Китая официального письменного средства общения.

После того как в конце XIX — начале XX в. в Китае стали распространяться национальные идеи, прогрессивная китайская интеллигенция выдвинула предложение не только модернизации всей общественной и политической жизни страны, но также о модернизации средств общения в Китае: создание устного национального языка, основанного на живом разговорном языке, и создание простого алфавитного письма, с помощью которого можно было бы в короткий исторический срок решить проблему грамотности и поднять культурный уровень широких народных масс в Китае².

* С. Е. Яхонтов. Памяти Александра Григорьевича Шпринцина (1907—1974); Список основных научных работы А. Г. Шпринцина. — «Народы Азии и Африки», № 1, с. 247—249.

¹ Юань Цзяхуа. Диалекты китайского языка. М., 1965, с. 10, 35—41.

² Лян Ци чао. Предисловие к алфавиту господина Шэня. — В кн. Шэнь Сюэ. Шэнь ши юань ши. Пекин, 1956, с. 3—4.

Создать в условиях Китая единое средство устного общения оказалось весьма просто. Процессы экономической и политической консолидации Китая привели к формированию полицентрической структуры диалектов китайского языка, в условиях которой сложилось несколько региональных наддиалектных средств устного общения. Для северного Китая в этой роли выступил пекинский диалект — диалект столичного Китая, на котором, помимо жителей Пекина, говорили государственные служащие, учившиеся в столице. Поэтому пекинский диалект называли цзинхуа (столичный язык) или гуаньхуа (язык чиновников). Однако за пределами северного Китая гуаньхуа был известен очень немногим. Диалекты северного Китая составили основу литературного письменного языка байхуа. На этом языке в XIV—XVI вв. были написаны популярные романы и повести, получившие распространение по всей стране, поэтому с северными диалектами в их письменной форме были знакомы все грамотные люди в Китае.

На юге Китая существовало несколько региональных устных общих языков: в Восточном Китае таким языком был диалект Сучжоу, а затем Шанхая, в Юго-Восточном Китае — диалект большого портового города Сяменя, в Южном — диалект Гуанчжоу. Такие же региональные общие языки существовали, вероятно, также и в других частях страны, но они остались менее известными. На всех этих региональных языках существовала литература в форме фольклора и местной драмы — рукописные и печатные издания фольклорных и драматических произведений. Единственная письменная традиция на этих диалектах была слаба и не могла сравниться с письменной традицией на байхуа. Печатные издания на местных диалектах обычно не выходили за пределы своего ареала, между тем как печатные издания на байхуа были распространены по всей стране. Байхуа как письменный язык был известен также и на юге Китая.

Таким образом, к моменту зарождения в Китае национальных идей, среди которых национальный язык занимал важное место, в стране существовали следующие два общегосударственных письменных средства общения: письменный язык вьньхуа, на котором не говорили, но на котором составлялась вся официальная документация, писались научные труды и публицистические произведения, и второй письменный язык — байхуа, на котором были написаны знаменитые литературные прозаические произведения. Устный язык гуаньхуа, основанный на пекинском диалекте, был известен на севере Китая, но был мало известен на юге страны. При этом следует иметь в виду, что гуаньхуа в действительности не был устной формой байхуа, потому что в грамматическом отношении классические романы XIV—XVI вв. весьма существенно отличались от пекинского диалекта XIX в. На пекинском диалекте написаны романы XVIII в. «Сон в красном тереме», «Повесть о героях и героинях», но остальные написаны на языке, в котором отразились влияния других северных диалектов.

В конце XIX в. в Китае появляются первые предложенные китайцами проекты алфавитного письма, предназначенные для различных, преимущественно приморских диалектов китайского языка. Все они были основаны на латинской графике. Ни один из этих алфавитов не претендовал на роль общегосударственного средства письменного общения. Все они предназначались на роль местных вспомогательных средств общения в помощь иероглифической письменности³. Первым алфавитным письмом, предназначенным для общегосударственного распространения, является алфавит Ван Чжао — соратника Кан Ювэя, — основанный на национальной графике. Алфавит Ван Чжао, опубликованный в 1900 году, был предназначен для обозначения звуков пекинского диалекта. Назначение алфавита состояло в том, чтобы дать простому народу доступное ему средство письма⁴. Алфавит Ван Чжао имел и другую цель: он должен был служить для обозначения чтения иероглифов на гуаньхуа, что способствовало бы распространению гуаньхуа по всей стране и установлению единого национального языка.

Старший современник Ван Чжао, Лао Найсюань, предложил использовать алфавит Ван Чжао совсем другим путем. Он исходил из того, что диалекты китайского языка занимают очень прочные позиции, поэтому для скорейшего распространения просвещения и культуры среди простого народа его нужно обучать грамоте и давать ему начатки знаний не на гуаньхуа, а на понятных для него местных диалектах. Для этой цели он на основе алфавита Ван Чжао разработал алфавиты для основных южнокитайских диалектов и предложил их для преподавания по всей стране. В ответ на обвинения в попытках противопоставить север Китая его югу и в поощрении политического раскола страны Лао Найсюань писал, что письменность на диалекте будет легче для простых крестьян, для которых эта письменность явится необходимой ступенью для изучения в случае необходимости языка гуаньхуа, который будет выполнять функции общегосударственного средства устного общения⁵.

Так при первой же попытке создания алфавитного письма, предназначенного для распространения в масштабе всего Китая, наметились два противоположных подхода. Обнаружилась также неразрывная связь алфавита с национальным языком. Ван Чжао предусматривал создание алфавита только для национального языка и считал, что

³ Чжоу Югуан. Очерк реформы китайского письма. Пекин, 1964, с. 53—57.

⁴ Ван Чжао. Звукослагающая азбука для гуаньхуа. Пекин, 1957, с. 4.

⁵ Ни Хайшу. История алфавитного письма в Китае. Шанхай, 1948, с. 48—52.

для диалектов собственные письменные средства не нужны. Носители диалектов должны вместе с грамотой выучить также и национальный язык. Лао Найсюань, наоборот, предусматривал создание письменности как для национального языка, так и для диалектов, с тем чтобы крестьяне, владеющие только местными диалектами, получили доступ к культуре и просвещению с помощью родного диалекта. Иначе говоря, Ван Чжао подчеркивал политический аспект проблемы алфавита, между тем как Лао Найсюань — ее культурно-просветительский аспект. В дальнейшем дискуссия между сторонниками этих двух подходов к лингвистическим проблемам Китая происходила постоянно при обсуждении всех проблем национального и алфавитного письма.

Вскоре после свержения маньчжурской династии Цин была созвана Комиссия единого чтения иероглифов, задача которой состояла в том, чтобы определить официальное чтение иероглифов во всем Китае, а также алфавит, с помощью которого это единое чтение можно было записывать. Результатом его четырехмесячной работы с февраля по май 1913 года был алфавит чжунь цзыму на национальной графической основе и краткий словарь, содержащий наиболее распространенные иероглифы с указанием их чтения с помощью нового алфавита.

На заседаниях Комиссии единого чтения иероглифов разгорелась дискуссия относительно состава алфавита. Ван Чжао и большинство делегатов северных провинций настаивали на том, чтобы включить в состав алфавита только те знаки, которыми можно обозначить звуки пекинского диалекта. Представители южных провинций настаивали на том, чтобы в составе алфавита были все звуки, встречающиеся в диалектах китайского языка. С большим трудом победила точка зрения Ван Чжао и его единомышленников. Однако представители южных провинций настояли на введении дополнительных диакритических знаков для обозначения звонких согласных, которые встречаются только в южных диалектах⁶.

«Национальное произношение», которое было создано Комиссией единого чтения иероглифов, представляло собой искусственное соединение звуков пекинского диалекта с тональной системой, свойственной преимущественно южным диалектам. Именно поэтому «национальное произношение» оказалось нежизнеспособным. Не нашлось никого, кто практически владел бы им. В 1918 г. алфавит чжунь цзыму был официально утвержден министерством просвещения Китая и введен в практику преподавания в школах, а в следующем, 1919 году был издан «Словарь национального произношения», в котором чтения иероглифов были указаны с помощью нового алфавита.

Во время революционно-демократического «движения 4 мая» 1919 г. проблемы создания национального языка и реформы китайской письменности находились в одном ряду с другими задачами этого движения. В 1917 г. Ху Ши выступил в журнале «Синь циннянь» со статьей о реформе китайской литературы, в которой он предложил отказаться от мертвого письменного языка вэньянь и создать современную литературу на языке байхуа⁷. Для официального названия этого нового языка литературы был использован уже существовавший к тому времени термин «гоюй» — «национальный язык», который до этого времени использовался для обозначения северокитайского гуаньхуа⁸.

Проблема нового литературного языка стала практически решаться китайскими прогрессивными писателями, среди которых выдающуюся роль сыграл Лу Синь: они отказались от вэньяня и в своих произведениях стали пользоваться языком байхуа. Естественно, что они не могли перенести в современную прозу непосредственно язык средневековых классических романов. Им пришлось провести большую работу по преобразованию средневекового байхуа в современный литературный язык.

Лексическая и грамматическая норма китайского национального языка создавалась писателями, приспособившими байхуа к современным требованиям. Фонетическая норма национального языка, утвержденная вместе с алфавитом чжунь цзыму в 1918 г., была искусственной и непригодной для практического использования. Поэтому лингвисты и деятели просвещения еще в 1924 г. потребовали признать пекинский диалект фонетической нормой китайского национального языка. Пекинский диалект в этой роли был официально признан в 1932 г., когда «Словарь национального произношения» был переиздан с новыми пекинскими чтениями иероглифов вместо старых искусственных «национальных чтений».

Стратегия формирования китайского национального языка, разработанная идеями руководителями «движения 4 мая», состояла в том, чтобы на место явно устаревшего и не соответствующего требованиям современности вэньяня поставить другой письменный язык — байхуа, модифицированный в соответствии с требованиями современной ситуации. Средством письменного выражения этого нового литературного языка должна была по-прежнему оставаться иероглифическая письменность. Литературный язык байхуа, по мысли идеологов «движения 4 мая», должен был явиться единым национальным языком для всего Китая. Положение диалектов китайского языка

⁶ Ли Цзиньси. Очерки истории движения за национальный язык, т. 1. Шанхай, 1936, с. 59—60.

⁷ Ху Ши. Некоторые предложения относительно «Синь циннянь», 1917, т. 2, вып. 5, с. 1—11.

⁸ Цянь Сюаньтун. Лунь инъюн вэнь цзин гайлян (Наш язык нуждается в реформе). — «Синь циннянь», 1917, т. 3, вып. 5, с. 8—13.

при этом оставалось неизменным. Их роль в создании литературного языка была весьма ограничена, а об использовании их для целей просвещения народа также не упоминалось. Иначе говоря, новая лингвистическая ситуация, которая складывалась в Китае после «движения 4 мая» 1919 г., отличалась от средневековой только тем, что вместо веяния письменным языком для всей страны был сделан байхуа. Это хорошо сознавал Цюй Цюбо и критиковал современный ему язык байхуа за отрыв от языковой реальности.

Реформа китайской письменности была также одной из тем, которая активно обсуждалась во время «движения 4 мая» 1919 г. Непосредственным предшественником критики китайской иероглифической письменности в журнале «Синь цининянь» была дискуссия в журнале китайских анархистов «Синь шицзи» («Новый век»), которую они издавали в Париже в 10-х годах. Основным предложением критических статей был отказ от китайской иероглифической письменности, отказ от китайского языка и переход к латинскому алфавиту и международному языку эсперанто. Правда, при этом анархисты считали, что предварительным условием перехода на эсперанто является его коренная реформа и насыщение словами китайского языка⁹.

Первые дискуссионные материалы по поводу китайской письменности во время «движения 4 мая» 1919 года были написаны Цянь Сюаньтуном — одним из видных деятелей этого движения и другом Лу Синя. В этих статьях он призывал к отказу от иероглифов и переходу к алфавитному письму на латинской основе. Его предложение поддержал Чэнь Дусю, а Ху Ши, дипломатично признав неизбежность перехода к алфавитной письменности, заявил, что это является делом отдаленного будущего.

В 1923 г. Цянь Сюаньтун провозгласил революцию письменности в статье «Революция письменности», опубликованной в журнале «Синь цининянь». В этой статье он призывал к широкому использованию упрощенных форм знаков китайской письменности и к использованию так называемых «белых знаков». Он призывал также к практической разработке алфавитного письма на международной латинской графической основе¹⁰. В том же году неправительственный Подготовительный комитет единства национального языка создал комиссию филологов под руководством Чжао Юаньцзюаня с заданием разработать алфавит на латинской основе. В сентябре 1926 г. работа над алфавитом была завершена, а в 1928 г. Дасюэюань, ведавший делами просвещения, во главе которого короткое время стоял Цай Юаньпэй, принял этот алфавит как «вторую форму алфавита национального языка»¹¹.

Этот алфавит, созданный известным китайским лингвистом Чжао Юаньцзюанем и его сотрудниками, предназначался для того, чтобы писать на национальном языке, основанном на пекинском диалекте. Он получил название «новой форма цзы» — «романизированный алфавит национального языка». Основной особенностью этого алфавита было строчное обозначение тонов с помощью специальных знаков. Первый тон пекинского диалекта обозначался нулевым знаком, второй — знаком г, третий — удвоенным гласной, четвертый — знаком h. Так, например, слог ба в первом тоне обозначался как ba, во втором — ba^g, в третьем — ba^{aa}, а четвертом — ba^h. Но уже в слоге бань обозначение тонов было несколько иным: в первом — ba^g, во втором — ba^g^g, в третьем — ba^{aa}^g, в четвертом — ba^h^g. В слогах других типов обозначение тонов имело свои особенности. Очевидно, что орфография этого алфавита была очень сложна. Ее трудности были преодолимы для людей с определенной подготовкой, но для тех, кто лишь приступал к изучению грамоты, она была слишком сложна.

«Романизированный алфавит» был письменным средством, предназначенным для того, чтобы писать на национальном языке, который в то время отождествляли с пекинским диалектом, и не годился для записи других диалектов китайского языка. По своей основной идее этот алфавит является всецело преемником алфавита Вэй Чжао, который призывал распространять грамотность вместе с национальным языком.

Однако трудности распространения алфавита вместе с национальным языком были ясно видны многим китайским лингвистам. Деятели просвещения, заинтересованные в быстром распространении грамотности среди китайского народа, считали, что самым коротким путем к достижению всеобщей грамотности является создание алфавитов для основных групп диалектов на общей латинской графической основе, над которыми будет возвышаться алфавит для национального языка. Подробно эта точка зрения была развита Ли Цзиньси в его «Декларации конгресса всекитайского движения за национальный язык», опубликованной в 1926 г.¹² Эти взгляды целиком восходили к идеям Лао Найсюаня.

Цюй Цюбо приступил к работе над своим вариантом китайского алфавита на латинской графической основе в 1928 г. Он исходил из того, что латинский алфавит нужнее

⁹ У Цзиньхэн. Как усовершенствовать китайское письмо? — «Синь цининянь», т. 5, вып. 5, с. 483—490.

¹⁰ Цянь Сюаньтун. Революция письменности. Ли Чжунхэо (сост.). Бэйпин, 1933, с. 173—175.

¹¹ Ни Хайшу. Цит. соч., с. 106—109.

¹² Ли Цзиньси. Декларация конгресса всекитайского движения за национальный язык. Ли Чжунхэо (сост.). Бэйпин, 1933, с. 347—368.

для того, чтобы в короткий срок обучить грамоте многомиллионное население страны, открыть ему доступ к культуре и знаниям. Поэтому естественно, что Цюй Цюбо стал разрабатывать такой алфавит, которому можно было бы без труда обучить любого неграмотного крестьянина и который можно было бы легко приспособить для письма на любом диалекте китайского языка. В результате работы Цюй Цюбо, а затем и комиссии китаеведов под руководством акад. В. М. Алексеева был разработан исключительно простой и практичный алфавит, который с успехом был использован для ликвидации неграмотности среди китайских граждан, проживавших в Советском Союзе в 30-х годах, а в дальнейшем и в Китае. Основным отличием этого алфавита, получившего название «ладнихуа цзыму» — «латинизированный алфавит», от романизированного является отсутствие обязательного обозначения тонов. Строчные буквы использовались только для обозначения звуков языка, но не для тонов. В результате слово, прочитанное тем, кто знал лишь алфавит, могло быть понято без специальной орфографической подготовки. Этот алфавит был пригоден также для целей транскрипции и транслитерации китайских слов. Благодаря именно этим свойствам латинизированный алфавит послужил основой для современного китайского алфавита пиньинь цзыму, который был принят сессией ВСНП в феврале 1958 г.

Другим важным достижением Цюй Цюбо является идея превращения путунхуа («общераспространенного языка») в национальный язык. Как известно, существуют два пути формирования литературных языков. Первый — это создание литературного языка в результате постепенного преобразования средневекового письменного языка в современный литературный. Так в романских странах из письменного латинского языка создавались современные литературные языки. Так на основе письменного старославянского создавался русский литературный язык. Второй путь — это создание литературного языка на основе одного из диалектов разговорного языка. В том и другом случае решающую роль в создании литературных языков играют писатели, создающие литературную норму, которые проводят отбор языковых форм и устанавливают соотношение между старыми и новыми, просторечными и литературными словами и формами.

Путь формирования литературного языка, предложенный лидерами «литературной революции» в период «движения 4 мая» 1919 г., представлял собой формирование литературного языка из средневекового письменного языка байхуа путем внесения в него слов и форм современного китайского языка. Соотношение новых и старых форм в литературном языке двадцатых годов складывалось явно в пользу старого байхуа, что давало Цюй Цюбо и его единомышленникам основание для критики складывающейся тенденции в развитии литературного языка. Поэтому Цюй Цюбо называет литературный байхуа конца 20-х годов язык-мул, то есть не осел и не лошадь.

Цюй Цюбо предложил другой путь формирования китайского литературного языка, который состоял в том, чтобы превратить путунхуа — смешанный язык, основанный на северных диалектах, — в литературный язык. Его целью было создание такого литературного языка, произведения на котором были бы понятны читателю на слух. Этому условию, по его мнению, могли удовлетворять только произведения на путунхуа, так как именно этот язык понятен на слух значительной части населения Китая. Для того чтобы ускорить создание литературы для широких народных масс, Цюй Цюбо и его друг Лу Синь предполагали создание целой системы, состоящей из региональных литератур на диалектах и общекайтайской литературы на языке путунхуа. Литературный язык, основанный на путунхуа, Цюй Цюбо и Лу Синь называли «дачжун юй» — «язык масс».

В 30-х и 40-х годах уже после трагической гибели Цюй Цюбо его идеи развивали его последователи, которые работали с ним в Лиге левых писателей. Влияние его идей ощущается и сегодня. Сближение литературного языка с языком разговорным, к которому постоянно призывал Цюй Цюбо, продолжается и в настоящее время.

По своему положению в КПК Цюй Цюбо оказался тем человеком, который принял на себя обязательства по формированию политики КПК в области литературы, языка, письменности в конце 20-х — начале 30-х годов. И когда Мао Цзэдун в 1940 г. в своей работе «О новой демократии» описал, что «письменность при определенных условиях должна быть реформирована, язык литературных произведений должен быть приближен к народным массам»¹³, это явилось лишь воспроизведением идей, которые были детально разработаны Цюй Цюбо в начале 30-х годов.

¹³ Мао Цзэдун. Избр. соч., т. 3. М., 1953, с. 273.

Цюй Цюбо и китайское алфавитное письмо

А. Г. Шпринцин

I

Заслуги Цюй Цюбо в деле разработки и пропаганды китайского алфавитного письма бесспорны. Достаточно напомнить, что утвержденный в 1958 году Всекитайским собранием народных представителей Проект китайского государственного алфавита (Hanyu Pinyin fang'an)* исходит в существенной своей части из так называемой латинизированной китайской письменности (Latinhua Xīnwēnzi), принципы которой были сформулированы Цюй Цюбо еще сорок лет тому назад. И хотя на фоне исключительно многообразной деятельности Цюй Цюбо — революционера, публициста, литературоведа и переводчика — его работа по реформе китайской письменности может, особенно на первый взгляд, казаться частным, преходящим эпизодом, анализ алфавитизаторских начинаний Цюй Цюбо во всем их объеме показывает, что обращение к идее китайской алфавитизации, обоснование ее принципов и целей органически вытекали из общественно-политических взглядов Цюй Цюбо, были естественным следствием и элементом борьбы за демократизацию китайского литературного языка, в которую Цюй Цюбо включился еще в период «движения 4 мая» 1919 г.

Конечно, если судить об алфавитизаторских идеях Цюй Цюбо только на основе брошюры, изданной в Москве в 1930 г.¹, как это, к сожалению, имело место, то, пожалуй, могло бы сложиться впечатление о преходящем и неглубоком интересе Цюй Цюбо к проблеме создания китайского алфавитного письма. Сейчас, однако, известно, что упомянутую брошюру предваряла другая, более обстоятельная в специальной части статья 1929 г.², а в 1931 и 1932 гг. Цюй Цюбо, уже будучи в Китае, написал ряд статей, специально посвященных различным аспектам проблемы демократизации китайского языка и китайской письменности. Статьи эти вошли во второй том собрания сочинений Цюй Цюбо, где составляют два раздела объемом свыше двухсот страниц³. Более или менее пространные замечания Цюй Цюбо по вопросам языка и письменности содержатся в его литературоведческих и критических статьях, написанных в эти же годы⁴. Таким образом, можно утверждать, что проблемой создания китайского алфавитного письма Цюй Цюбо занимался не менее пяти лет (1928—1932), вдаваясь, и притом не поверхностно, в широкий круг лингвистических проблем, вне которых невозможно было успешное решение научной и практической задачи создания полноценного алфавитного письма для современного китайского языка.

Серьезный и длительный интерес Цюй Цюбо к идее перехода от иероглифики к алфавитному письму и его отнюдь не половинчатые и вместе с тем вполне реалистические представления о путях этого процесса исходили из настоятельной необходимости в средстве быстрого приобщения народных масс Китая к культуре, прежде всего к грамотности. В самом деле, мог ли Цюй Цюбо, активно выступавший за развитие доступного массам письменного языка, оставаться безразличным к тому, что иероглифическая письменность являлась наряду со старым литературным языком — вэньянь — серьезным препятствием на пути распространения грамотности в Китае?

В заслуги Цюй Цюбо следует поставить не только инициативу создания просто-

* Здесь и дальше все примеры на китайском языке даны, если это специально не оговорено, в написании этим алфавитом.

¹ Zhongguo latinhuadi zemi (написание оригинала). Китайская латинизированная азбука. Составил Цюй Цюбо (Страхов). 1930.

² Страхов. Djungguoh Latinsshe Dzzemiu Tseauxann (написание оригинала). Проект китайского алфавита на латинской основе. М., 1929. См. А. Г. Шпринцин. Об одной малоизвестной работе Цюй Цюбо. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 6, с. 135—137.

³ Qu Qiu-bai. Wenzi. Цюй Цюбо. Собр. соч., т. II. Пекин, 1954, разделы Lun wenxue geming ji yuyan wenzi wenti (О литературной революции в вопросах языка и письменности), с. 593—704; (Проект новой китайской письменности), с. 705—851.

⁴ Например, статья Lun dazhong wenyi (О литературе для широких масс), раздел Young shepine pia xie (Каким языком писать). Русский перевод см. в сб. Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 132—138.

го и легкого для усвоения алфавита, но и настойчивую пропаганду той мысли, что успешное применение алфавита возможно только в приложении к общепонятному разговорному китайскому языку, а переход на алфавитное письмо является в свою очередь предпосылкой успешного развития современного китайского литературного языка.

Наконец, следует в этих вводных замечаниях подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: Проект китайского алфавитного письма Цюй Цюбо начал разрабатываться в 1928 г. в Советском Союзе, и не приходится сомневаться в том, что опыт проводившейся в нашей стране как раз в эти годы ликвидации неграмотности, опыт создания алфавитов для бесписьменных народов и перехода ряда национальностей Советского Востока от сложных и малодоступных алфавитов (арабский, калмыцкий) к простым и легко усвояемым повлиял на алфавизаторскую деятельность Цюй Цюбо, показав и подсказав ему пути и средства реализации его идеи, претворения возможности в действительность.

В книжках Цюй Цюбо, изданных в Москве (1928, 1930), внимание автора было сосредоточено на изложении разработанных им основ китайского алфавитного письма, то есть на системе графики и на орфографии слога. Другие аспекты реформы письменности, в частности языковые, рассматривались в этих работах лишь попутно и кратко. В статьях же, написанных Цюй Цюбо в 1931—1932 гг., по возвращении в Китай, и, к сожалению, оставшихся неизвестными деятелями латинизации тех лет — я имею в виду участников первой (1931) и второй (1932) конференции по латинизации⁵, — изложены взгляды автора по широкому кругу вопросов развития китайской письменности, языка и литературы в их взаимной соотношенности. Это, очевидно, и позволило издателям собрания сочинений Цюй Цюбо объединить статьи, касающиеся этой проблемы, в один раздел, озаглавленный «О литературной революции в вопросах языка и письменности».

Положительное отношение к реформе китайской письменности было естественным для революционера-марксиста Цюй Цюбо. Но сказать только это было бы недостаточным, ибо для Цюй Цюбо было характерно не просто положительное отношение к алфавизации, а деятельное в ней участие, более того, инициатива в ее осуществлении. Поэтому важно знать, что именно побудило Цюй Цюбо к активному участию в реформе китайской письменности и каковы были его взгляды по сложным в научном решении и практической реализации проблемам, в совокупности слагавшим необходимые предпосылки реформы, существенные ее элементы и неизбежные следствия.

Можно полагать, что интерес Цюй Цюбо к алфавитной китайской письменности определяли два важных обстоятельства. Во-первых, основанное на социальном анализе китайской действительности убеждение в том, что иероглифическая письменность препятствует распространению в стране просвещения и грамотности. В этом убеждении Цюй Цюбо был не одинок: аналогичные взгляды высказывали и до него многие прогрессивные китайские деятели, например известный филолог и один из зачинателей «литературной революции» Цянь Сюаньтун⁶. Бесспорной заслугой Цюй Цюбо являлось то, что он придал этой теме должную социальную окраску, обосновывая необходимость алфавизации потребностями широких народных масс и объясняя в противоположность реформе стремлением господствующих классов монополизировать владение грамотностью и культурой, по возможности держать народ в темноте и невежестве⁷. Во-вторых, приверженность Цюй Цюбо идее алфавизации вытекала из его взглядов на взаимоотношение китайского письменного языка с разговорным, и хотя нельзя утверждать, что к этой идее Цюй Цюбо пришел, разрабатывая свою концепцию формирования современного китайского литературного язы-

⁵ Эти статьи увидели свет лишь в 1938 г. См. М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цюбо. М., 1964, с. 160, прим. 11.

⁶ См. Цянь Сюаньтун. Hanzhi Gaige (Революция иероглифики). Опубликовано в журнале "Guoyu Yenkan" в 1922 г. Спец. вып., с. 5—25. Переиздано в 1957 г. издательством Wenzhi Gaige (Реформа письменности).

⁷ Мне кажется уместным в этой связи отметить, что аналогичную точку зрения высказывал в эти же годы (1931) и, также обращаясь к иероглифической письменности, Е. Д. Поливанов. Говоря о реформе русской орфографии 1917 г., Е. Д. Поливанов писал:

«Таким образом, вопрос осуществления всякой направленной к упрощению письма реформы прежде всего зависит от того, какому классу принадлежит политическая власть и гегемония книжной культуры в данной стране. Именно этим, главным образом, обстоятельством и объясняется, между прочим, то, что и в Японии и в Китае до сих пор пишут труднейшим в мире иероглифическим письмом (требующим для усвоения во много раз больше школьного труда, чем даже труднейшая из буквенных — английская орфография), ведь проекты замены японской и китайской иероглифики уже разработаны, и, казалось бы, отчего не реализовать эти проекты в массовом общенациональном масштабе? Но это будет сделано лишь тогда, когда в Японии и Китае будут свои Октябрьские революции». (Е. Д. Поливанов. О трех принципах построения орфографии. — Цит. по сб. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 257).

ка, но в несомненную заслугу ему надо поставить вывод о несотъемлемой связи алфавитизации с формированием китайского литературного языка на основе современной живой речи. На этом, как будет видно из дальнейшего изложения, покоились представления Цюй Цюбо о сфере и объеме китайской алфавитизации. Ограниченные темой и размерами настоящей статьи, мы можем лишь кратко и только в этом плане охарактеризовать взгляды Цюй Цюбо на современный китайский литературный язык.

Из статей Цюй Цюбо, написанных в 1931—1932 гг., видно, что он отвергал использование в качестве современной литературной нормы не только древнего письменного языка вэньянь и его распространенного в тридцатых годах варианта — современного вэньяня (шивэнь)⁸, но также и письменного языка байхуа, также в его двух разновидностях: байхуа старого типа, то есть языка повествовательной литературы XI—XVIII вв., преимущественно романов XIV и XVIII вв., который также деятель «литературной революции», как Ху Ши, считали живым языком, и байхуа периода «литературной революции», так называемого байхуа нового типа, механически сочетавшего в себе самые разнородные лексические и грамматические элементы прошлого и настоящего и справедливо характеризуемого Цюй Цюбо как язык-гибрид, «ни лошадь, ни осел, ни то ни се». В основу нового литературного языка должен быть положен «подлинно живой народный язык». Существенное препятствие этому Цюй Цюбо усматривал в нероглифической письменности.

Цюй Цюбо придерживался точки зрения об изначальном расхождении китайского письменного языка с разговорным и в ряде своих работ последовательно проводил ту мысль, что нероглифика уже в глубокой древности не фиксировала живую речь своего времени. Считая, что уже литературные памятники середины первого тысячелетия до н. э. (династия Чжоу) не отражали разговорный язык той эпохи⁹ Цюй Цюбо усматривал одну из главных причин этого в характере письменности, так как нероглифика всегда препятствовала возможности единства письменного и разговорного языка. «Несомненно, — пишет он, — что именно по той причине, что байхуа старой повествовательной литературы пользовался несистемой звукового письма, а нероглификой, он далеко отошел от подлинной и точной записи устной речи»¹⁰.

Иероглифика является оковами — это определение Цюй Цюбо повторяет неоднократно — для современного языка, «всестороннее развитие которого в качестве языка, способно отвечать новой культурной жизни народных масс, требует полного устранения нероглифики. Почему? Да потому, что нероглифика лишает миллионы людей возможности легко получить образование без чрезмерных усилий и с минимальной затратой времени овладеть грамотой. Мало того, существование нероглифики препятствует успешному развитию строя нового китайского языка, препятствует восприятию из языков передовых стран Европы и Азии новых понятий и слов из области культуры и науки»¹¹.

Заканчивая большую программную статью о реформе языка и письменности¹², Цюй Цюбо писал:

«Новый китайский письменный язык, основанный на современном общепонятном разговорном языке — путунхуа, требует романизации. Романизация, или латинизация, означает переход на латинский алфавит, для чего необходимо в корне ликвидировать иероглифику. О мотивах ликвидации нероглифики не приходится много говорить. Во-первых, нероглифы — это чрезвычайно трудные знаки письма, овладение которыми требует даже от одаренного человека затраты восьми-десяти лет напряженного труда. Рекомендуемый нероглифический минимум «Тысяча знаков для простого народа» позволяет написать лишь простенькое письмо или немудреный счет. Можно ли с помощью этой тысячи нероглифов овладеть наукой? Конечно, нет. Во-вторых, нероглифы — это не звуковое письмо, и попытка создать на такой основе «новый язык» не-

⁸ Под современным вэньянем (шивэнь) Цюй Цюбо имел в виду современный ему деловой стиль: язык газетных телеграмм, ведомственных распоряжений, торговых реклам, а порой и учебников для университетов. См. Цюй Цюбо. Собр. соч., т. II, прим. 63.

⁹ В этом сложном и до сих пор не решенном в китаеведной филологии вопросе Цюй Цюбо придерживался очень крайних взглядов (см. Соч., т. I, с. 637, 638, 658, 660, 668), отвергая даже определение вэньяня как мертвого языка, ибо, как писал Цюй Цюбо, «мертвый» означает нечто бывшее когда-то живым, а вэньянь никогда живым языком не был. Подлинная трудность проблемы заключается в невозможности сравнения, то есть в отсутствии для древнекитайского языка текстов, фиксировавших устную речь как систему. Впрочем, для собственно алфавитизации эта тема достаточно академична, так как для современной ситуации безразлично, начался ли разрыв между письменным и разговорным языком во втором тысячелетии до н. э., как считал Цюй Цюбо, или же лишь в VI в. н. э., как полагают современные китаеведы (см. С. Е. Яхонтов. Древнекитайский язык. М., 1965, с. 7).

¹⁰ Цюй Цюбо. Собр. соч., т. II, с. 638.

¹¹ Цюй Цюбо. Собр. соч., т. II, с. 684.

¹² Guimenguan yiwaidi zhanzheng (Война, не затрагивающая гиблых мест. — Собр. соч., т. II, с. 619—650. Цит. место — с. 648—650. Статья была написана в 1931 г. и автор, видимо, намеренно датировал ее 30 мая, то есть годовщиной кровавых событий 30 мая 1925 г. в Шанхае.

неизбежно и несомненно приведет лишь к выработке языка еще более сложного, нежели старый письменный язык — гувэнь, то есть к выработке не более чем книжного, кабинетного языка. До тех пор пока существует иероглифика, абсолютно недостижимо единство китайского устного и письменного языка.

В-третьих, иероглифика привела к тому, что «новый китайский язык» задержался в лексических рамках словаря Канси (XVII в.) и самое большее способен обращаться к словарю Шовэнь (II в. н. э.) в поисках среди его древних значений и чтений единиц, необходимых для перевода и создания современной научной лексики; тем самым новый язык не может всесторонне развиваться, заимствуя новые научно-технические термины из языков Европы и Америки... Иероглифика поистине заставляет страдать всю жизнь «людей из низов», она преступно растрчивает жизненные силы подрастающего поколения.

К тому же свойство каждого иероглифа обладать самостоятельным значением позволяет, как и можно было предполагать, нерадивому пишущему избежать написания слов в их полной, произносимой форме. При необходимости транскрибировать заимствуемые термины прибегают к редко встречающимся иероглифам, отбираемым в большинстве случаев соответственно их диалектному чтению, например промышленного центра страны Шанхая. В стандартном произношении так называемого «гуаньхуа» такие слова звучат абсолютно непонятно...

Из всего сказанного ясно, что если мы хотим писать на подлинном байхуа, хотим создать подлинно современный китайский письменный язык, то, безусловно, необходимо отбросить иероглифику и перейти на латинский алфавит... ибо иероглифика является не письменностью четырехсотмиллионного населения нынешнего Китая, а всего лишь оставшейся в наследие от Древнего Китая письменностью привилегированных людей, составляющих 3—4 % китайцев.

Поэтому новый письменный китайский язык на основе современного общепонятного языка (путунхуа) должен стать привычным, общепринятым в разных районах Китая разговорным языком наших дней, языком многосложным, имеющим грамматические окончания и пользующимся латинским алфавитом. Создание такой письменности и является одной из обязанностей третьей литературной революции».

В другой статье, написанной в эти же годы, Цюй Цюбо, обобщая задачи реформы в ее комплексе — литература, язык, письменность, утверждал:

«По сути дела, литературная революция должна была прежде всего ниспровергнуть старые литературные устои, заменив их новыми; ниспровергнуть старое искусство, заменив его новым. Но в Китае двадцатого столетия невозможно осуществлять такого рода революцию литературы и искусства, не осуществляя вместе с тем и так называемую революцию литературного языка, а именно ниспровержение мертвого языка древности и замену его разговорным языком наших современников; писать произведения исключительно на языке байхуа, а не на вэньяне. Мало того, последовательная до конца замена языка мертвецов — вэньянь — языком живых людей — баайхуа — требует еще и упразднения иероглифики, замены ее фонетической письменностью, иначе говоря, требует осуществления революции письменности»¹³.

Таким образом, настоятельная необходимость отказа от иероглифической письменности диктуется, как полагал Цюй Цюбо, тем, что иероглифика создала оторванный от живой речи письменный язык; иероглифика способствовала консервации этого языка в течение многих веков, и она же поддерживает его существование в настоящее время. Успешный переход на современный письменный язык, основанный на современном же разговорном языке, возможен только в том случае, если будет покинчено с источником языка вэньянь — иероглификой, ибо, «пока иероглифика существует хоть один день, не может быть обеспечено создание подлинной литературы на человеческом языке — современной китайской литературы (то есть китайской литературы и письменности, целиком и полностью использующей язык байхуа)»¹⁴.

Как видим, Цюй Цюбо высказывался решительно, бескомпромиссно, но, пожалуй, чересчур уж категорично. Однако, оценивая в этом смысле статьи Цюй Цюбо почти сорокалетней давности, следует учитывать их полемическую направленность — свидетельство тому и сами заглавия статей — и условия, в которых статьи были написаны. Проблема была остро дискуссионной, положение в области создания современного литературного языка — явно неблагоприятным, борьба вокруг нее шла ожесточенная.

Хотя Цюй Цюбо не был лингвистом-теоретиком, чем и объясняются неточности и непоследовательности в его языковедческой концепции, но было бы неверным считать, что языковедческие взгляды Цюй Цюбо сложились чисто интуитивно. Это было бы неверно прежде всего потому, что Цюй Цюбо был марксистом и хорошо владел методом марксистского анализа. Во-вторых, Цюй Цюбо благодаря полученному им с детства образованию был абсолютно доступен китайский язык во всех тонкостях его исторических разновидностей и стилей. В-третьих, Цюй Цюбо хорошо владел западными языками, в том числе отлично — русским. Все это позволило Цюй Цюбо сделать важный вклад в теорию и практику алфавитизации, предвосхитив многое из того, что стало формулой лишь впоследствии.

¹³ Цюй Цюбо. Собр. соч., т. II. с. 598.

¹⁴ Там же, с. 597.

Позиция Цюй Цюбо станет более конкретной и ясной, когда мы обратимся ко второму и более сложному аспекту алфавитизации, а именно к вопросу о возможности реформы письменности, точнее говоря, о сфере, объеме применения китайского алфавитного письма.

II

Многие из выдвигавшихся в свое время доказательств невозможности китайской алфавитизации выглядят сейчас несерьезными и даже наивными. Тем не менее в 20—30-х годах такие возражения имели широкое хождение, особенно в самом Китае, и Цюй Цюбо в его латинизаторской деятельности, естественно, приходилось учитывать такую аргументацию. Одно из главных возражений против алфавитизации основывалось на том хорошо известном факте, что китайский язык содержит всего четыреста различающихся по звуковому составу типов слогов, обслуживающих многие тысячи слогоморфем, зачастую омонимичных в произношении, но различающихся в иероглифическом написании. Переход на алфавитное письмо, утверждали его противники, приведет к одинаковому написанию тождественно звучащих однослогов, что нарушит функционирование письменности как средства общения. Очевидно, в ответ на такого рода доводы Цюй Цюбо пишет специальную работу — «Исследование о слове в общепонятном китайском языке»¹⁵.

Основная идея этой небольшой, но богатой мыслями статьи выражена в первой же ее фразе-тезисе: «Современный общепонятный китайский язык — это, несомненно, уже не так называемый односложный язык, а многосложный»¹⁶. Тезис, вытекающий из лежащих на поверхности фактов и настолько самоочевидный, что, казалось бы, и нет нужды в обосновании его специальным исследованием. Однако статья Цюй Цюбо потому и заслуживает внимания, что она выходит за рамки простой иллюстрации этого тезиса, развивает его в продуманную схему закономерностей современного китайского словообразования, прослеживает взаимоотношение словообразования с иероглификой и на основе этого анализа опровергает возражения, выдвигаемые против алфавитизации с позиций именно норм китайского слова. В статье впервые в латинизационной литературе дана классификация китайских многосложных слов по словообразовательным типам — аффиксация и корнесложение — с дальнейшим подразделением на словообразовательные разряды.

Анализируя структуру многосложных слов, Цюй Цюбо задумывался и над их внутренней формой, в частности над взаимоотношением между значением слова и его иероглифическимписанием: для значительного числа многосложных слов иероглифическое написание мотивировано только в одной части слова (Цюй Цюбо называет ее корнем слова), тогда как написание другой части слова не мотивировано. В более редких случаях связь между значением слова и его иероглифическимписанием совсем утрачена или же вообще не выражена. Следует отметить, что Цюй Цюбо уделял особое внимание процессам, происходившим в современном ему общекитайском языке, и факторам, обуславливавшим эти процессы¹⁷.

Таким образом, в статье, цель которой состояла в лингвистическом обосновании возможности алфавитизации, концепция Цюй Цюбо сводилась к следующему:

1. Нормой в современном китайском языке являются не односложные, а многосложные (двусложные) слова, построенные по определенным словообразовательным моделям. Это значительно сокращает число возможных слов-омонимов¹⁸.

2. Иероглиф не обязательно совпадает со словом; в многосложных словах он соответствует части слова.

3. Иероглифическое написание не обязательно отражает внутреннюю форму слов, а в ряде случаев (диалектные написания, заимствованные иноязычные слова, термины) иероглифика маскирует внутреннюю форму.

¹⁵ Putong Zhongguohuadi ziyandi yanjiu. Собр. соч., т. II, с. 683—692. Статья не датирована, но, очевидно, написана после возвращения Цюй Цюбо в Китай в 1930 г.

¹⁶ Цюй Цюбо. Собр. соч., т. II, с. 683. Этот тезис хорошо известен сейчас китайцам в виде формулы: односложность современного китайского языка означает лишь то, что в нем морфологическая делимость не идет дальше слога, передаваемого на письме отдельным иероглифом; нормой слова в китайском языке является двусложное.

¹⁷ «Помеченная империализмом и капитализмом жизнь китайского общества — от политической, научной и до самой обыденной — претерпела колоссальные изменения. Потребности реальной жизни вызвали развитие языка нового типа; новые связи, новые предметы, понятия, перемены столь мощно повлияли на разговорный язык, каждодневно порождая в нем новые слова и обороты, что иероглифика и иероглифический язык — вэньянь — больше уже не могут его сковывать». — Цюй Цюбо. Собр. соч., т. II, с. 684.

¹⁸ Отмечу еще раз, что представление о двусложной норме слова и о слитном алфавитном написании двуслогов как о средстве преодоления трудностей омонимии существовало довольно давно. Об этом писал еще в 1918 г. Ху Ши (письмо в Чжу Цзиннуну; Ху Ши вэньцзунь, т. I, с. 116) и в 1922 г. Чжао Юаньжэнь.

Из всего этого следует, что современный китайский язык не имеет обязательной и необходимой связи с иероглификой. Другими словами говоря, передача его на письмо алфавитом абсолютно возможна.

Возможность китайской алфавитизации отрицают еще и на том основании, что в условиях разнодиалектного Китая она привела бы к разобщению страны, объединенной в этом отношении общей для всех и наддиалектной иероглификой.

Цюй Цюбо и другие деятели латинизации отвергали этот довод, резонно указывая на фиктивность унифицирующей роли иероглифики, объединяющей лишь владеющих ею, то есть незначительное меньшинство народа. Вместе с тем Цюй Цюбо не мог не учитывать реального факта диалектного дробления, тем более осязаемого, что латинизация имела своим объектом разговорный китайский язык, которому как раз и свойственны диалектные варианты. Таким образом, Цюй Цюбо предстояло решить, что же именно подлежит алфавитизации.

Известно, что такой вопрос возникал при всех многочисленных попытках применить алфавитное письмо к китайскому языку, и из истории создания китайских алфавитов можно установить две тенденции в его решении: 1. Алфавит, назначение которого способствовать распространению просвещения, прежде всего грамотности, базируется на местном диалекте (проекты Лу Ганьчжана 1892 и 1906 гг., Лао Найсюаня 1905 г., Чжу Вэньсюна 1906 г. и др.). 2. Алфавит базируется на унифицированной произносительной норме, имея своим назначением обучение этой норме и ее распространение в качестве общенациональной (проект Ван Чжао 1906 г., алфавиты «чжуннь цзыму и гоюй ромацзы») ¹⁹.

Решение проблемы Цюй Цюбо наметил уже в 1928—1929 гг. во время работы над проектом алфавита, кратко изложив свои взгляды на этот предмет в брошюре 1930 г. ²⁰ и более подробно — в специальном разделе обстоятельной статьи о романизации, датированной 1931 г. ²¹ По этой концепции, алфавитизации прежде всего подлежал общепонятный китайский язык, так называемый путунхуа, а затем, и лишь в необходимых случаях, также и местные диалекты.

Будучи последовательным сторонником распространения современного общекитайского письменного языка, развивающегося на базе разговорного, Цюй Цюбо придавал особое значение тому, чтобы эти процессы протекали естественно, соответствовали общественным потребностям и не были принудительными. Вот почему большую часть первого раздела статьи Цюй Цюбо о романизации занимает критика так называемой «политики одинаковой письменности и письменного языка» (*tongwen zhengce*). Такая политика, игравшая определенную роль в историческом прошлом Китая и его соседей, покорявших Китай и покоряемых им народов, в современных историко-культурных условиях является непригодной, ненужной и невозможной ²².

Иная ситуация сложилась в современных условиях, ибо «лишь теперь, когда экономическое развитие связало ранее почти разобщенные районы страны, появилась возможность формирования в общем взаимопонятного для населения различных провинций языка путунхуа. Широкое развитие такого языка вплоть до его унификации является естественным процессом; оно не может быть достигнуто при политике принудительно навязываемого общего письменного языка, политике навязываемого государственного языка гоюй. Общепонятный язык путунхуа вырос из потребности общественной жизни, науки и политики в языке общего пользования. Вместе с тем на современном этапе экономического развития Китая еще не окончательно сформировался подлинно общекитайский рынок, и поэтому в повседневной жизни население различных районов страны достаточно обособлено... это сказывается на языке населения разных провинций и на диалектной окраске народной литературы разных районов страны... Проведение политики общего письменного языка (*tongwen zhengce*) означало бы принятие одного пекинского диалекта в качестве общегосударственного стандарта и подавление развития всех прочих диалектов. Это политика реакционная и к тому же неосуществимая» ²³.

Какой же следует избрать путь? По мнению Цюй Цюбо, неоднократно повторяемому в различных его работах, «самое в настоящее время подходящее это создать на основе естественно развивающегося общепонятного языка путунхуа новую китайскую письменность, а именно латинизированное фонетическое письмо в качестве общекитайского. Вместе с тем можно в необходимых случаях и на основе этого же алфавита создавать фонетическое письмо для гуандунского, цзянсу-чжэцзянского, фуцзяньского диалектов... Именно здесь проходит путь развития народной культуры» ²⁴.

¹⁹ Из 28 проектов алфавита, составленных в Китае в период 1892—1910 гг., 11 были рассчитаны на различные диалекты, а 10 — на так называемый мандаринский язык (гуаньхуа). См. Чжоу Югуан. *Hanzi Gaige Gailun* (Очерки по реформе иероглифики). Пекин, 1964, с. 54—57.

²⁰ *Zhongguo Latinhuadi Zemu* (Китайская латинизированная азбука). М., 1930, с. 8 (китайский текст); с. 19 (русский текст).

²¹ *Luomazidi Zhongguo wen haishi rouma zidi Zhongguo wen*. — Собр. соч., т. II, с. 651—682.

²² Там же, с. 652—654.

²³ Там же, с. 654—655.

²⁴ Там же, с. 654—655.

III

Концепция Цюй Цюбо охватывала три взаимосвязанных элемента общественной жизни — литературу, письменно-литературный язык и письменность, а суть этой концепции можно, пользуясь словами самого Цюй Цюбо, выразить формулой: новая литература, новый язык, новая письменность, или литературная революция, революция языка, революция письменности. Почвой, породившей у Цюй Цюбо идею перехода современного китайского языка на алфавитное письмо, была китайская действительность двадцатых годов, но превращение этой идеи, возможности в действительность связано с двумя важными обстоятельствами, придающими особое значение латинизаторской деятельности Цюй Цюбо и тому, что мы в Советском Союзе о ней специально говорим.

Принципы китайской алфавитизации Цюй Цюбо разрабатывал в Москве сорок лет тому назад, то есть в годы первой пятилетки, когда большое место в жизни советского народа занимала культурная революция, существенным элементом которой была ликвидация неграмотности, в частности, среди в прошлом культурно отсталых народов. Серьезным препятствием на этом пути было или отсутствие у многих национальностей письменности вообще, или существование сложной и трудной для усвоения письменности. И в стране начинается не имеющая прецедента организованная государством деятельность по реформе сложных алфавитов и созданию алфавитов для бесписьменных доселе народов. Достаточно сказать, что в начале тридцатых годов сравнительно простой алфавит на родном языке имели уже 74 национальности, или около 20 млн. человек.

Понятно, что организованная в таких масштабах государством деятельность по распространению просвещения в многонациональной стране не могла пройти мимо внимания Цюй Цюбо, но еще более важно то, что она создала реальную возможность претворения в жизнь идеи китайской алфавитизации. Здесь следует иметь в виду два факта.

В тридцатые годы на территории Советского Союза от Мурманска и до Владивостока проживало несколько десятков тысяч китайских эмигрантов-рабочих. И хотя они в подавляющем своем большинстве были китайскими подданными, эмигрировавшими в СССР в поисках заработка, их просвещение отнюдь не было безразличным для советской власти. Достаточно сказать, что к 1930 г. в Москве и Хабаровске было издано не меньше пяти учебников по ликвидации иероглифической неграмотности, организованы ликпункты, учебные заведения и т. п. Но даже при организационной и материальной поддержке государства иероглифический ликбез не давал ощутимых результатов, и естественно, что предложение Цюй Цюбо о переходе на китайский алфавит было сочувственно встречено советскими общественными и государственными организациями, занимавшимися вопросами просвещения и ликвидации неграмотности²⁵. В этом плане любопытно сопоставить следующее. Китайский алфавит чжу-инь цзыму был разработан в 1913 г., но потребовалось более пяти лет и воздействие общественного политического подъема, чтобы лишь к 1919 г. китайское министерство просвещения издало наконец распоряжение о введении этого алфавита в качестве пособия в школах. Цюй Цюбо выступил со своим проектом в 1929—1930 гг., а уже в 1931 г. уточненный алфавит был утвержден президиумом Всесоюзного ЦК Нового Алфавита и принят на первой конференции по латинизации.

Работа, которую предпринял Цюй Цюбо, была сугубо исследовательской, и в этом он с самого начала пользовался сочувствием и поддержкой советских Китаеведов. Это отнюдь не было счастливым совпадением, ибо, как видно из статей А. И. Иванова, Б. К. Пашкова, Е. Д. Поливанова, опубликованных в 1927—1929 гг., советские Китаеведы с самого начала положительно расценивали развернувшееся в Китае движение за демократизацию китайского языка и китайской письменности²⁶.

Для советских Китаеведов участие в разработке китайского алфавита не было случайным, как не было случайным участие советских тюркологов, монголистов, специалистов по тунгусо-маньчжурским и северным языкам в разработке алфавитов для многих десятков национальностей Советского Союза. Сотрудничество с советскими Китаеведами, начало которому положила совместная работа Цюй Цюбо и В. С. Колоколова в 1918 г., было успешно продолжено в деятельности московской и ленинградской групп по латинизации, на конференциях 1931 и 1932 гг. и завершено совместной работой китайских и советских товарищей в 1931—1937 гг.

²⁵ См. «Проблемы Китая», 1930, № 4—5, с. 221—222; Алфавит Октября (Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР). М.—Л., 1934, с. 143—150; И. Лайхтер. Первые шаги китайского латинизированного алфавита.

²⁶ А. И. Иванов. Борьба за алфавит в Китае. — «Новый Восток», 1929, № 26—27, с. 256—260; Б. К. Пашков. Революция и язык в Китае. — «Революционный Восток», 1927, № 2, с. 78—90; Е. Д. Поливанов. О новом китайском алфавите «чжу-инь цзыму». — Там же, с. 90—96.

**Выдающийся
революционер-
интернационалист**

Личность выдающегося революционера-интернационалиста, основателя независимого социалистического Вьетнама товарища Хо Ши Мина не может не привлекать к себе пристального внимания советских исследователей и публицистов. Его политической биографии посвящена рецензируемая книга И. Кобелева* — журналиста-международника, специализирующегося на освещении проблем современного Индокитая. Автор ставил перед собой трудную, но и благородную задачу: проследить жизненный путь товарища Хо Ши Мина, основные этапы его революционно-политического формирования как солдата революционера-интернационалиста, осветить деятельность Хо Ши Мина по посту первого президента Демократической Республики Вьетнам.

Жизненный путь Хо Ши Мина, как и всякого профессионального революционера, сложен и благороден. Выходец из семьи вьетнамского интеллигента-патриота, он рано остро ощутил несправное положение своей страны, оказавшейся на положении искорченной колонии Франции. Юность Хо Ши Мина совпала с тем периодом, который И. Ленин определял как «начало пробуждения Азии»¹. В начале века под воздействием русской революции 1905 г. многие народы Востока, в том числе и вьетнамский, пошли в движение. Однако во Вьетнаме в рядах патриотической борьбы был понапрямую ограничен иллюзорными представлениями о некоторых национально-патриотических задачах, в частности, о возможности решения социально-политических проблем Вьетнама с помощью самих же французских колонизаторов или о необходимости единения капиталистической Японией как государства общей «желтой» расы в борьбе против «белых» угнетателей с Запада. Это, несомненно, накладывало политические и идеологические «оковы» на силу вьетнамского освободительного движения, вносило путаницу в ряды патриотов, вызывало у участников движения чувство неудовлетворенности. В 1911 г. Хо Ши Мин покинул родину, пытаясь найти, определить пути ее спасения от ига колонизаторов.

Долгие годы скитаний по странам и континентам, участие в демократическом, а затем и рабочем движении Франции, «помноженные» на благотворное влияние идей Великого Октября, обозначили важный перелом в формировании идейно-политических взглядов вьетнамского патриота. В конце 1918 г. в его жизни происходит важная перемена: он первым из вьетнамцев вступает в социалистическую партию Франции. Это событие стало для Хо Ши Мина началом профессиональной революционной деятельности (с. 43).

В 1919—1920 гг. после создания по инициативе В. И. Ленина III Коммунистического Интернационала в рабочем движении капиталистических стран развернулась борьба подлинно революционных сил против реформистских лидеров социал-демократического толка за создание партий нового типа, призванных повести за собой широкие трудящиеся массы, встать во главе революционного движения. Хо Ши Мин в это время активно работал в левом крыле социалистической партии, на основе которого в конце 1920 г. была образована Французская коммунистическая партия. Вступив в ФКП, он стал первым вьетнамским коммунистом. Сознательный выбор в пользу Коминтерна, в пользу ленинизма Хо Ши Мин сделал летом 1920 г., ознакомившись с первой прочитанной им работой В. И. Ленина — тезисами по национальному и колониальному вопросам. Мысли Ленина о необходимости тесного объединения усилий революционного движения метрополий и колоний, об особенностях освободительного движения в колониальных и зависимых странах произвели, как убедительно показывает автор книги, на вьетнамского революционера неизгладимое впечатление. Именно в ленинизме, в подлинно революционном, многоплановом, имеющем универсальный характер ленинском учении, основные принципы которого одинаково приемлемы как для развитых капиталистических стран, так и для отсталых зависимых стран Востока, нашел руководство к действию Нгуен Ай Куок (Нгуен Патриот, такой партийный псевдоним носил тогда Хо Ши Мин). Много лет спустя, уже будучи президентом Вьетнама, Хо Ши Мин вспоминал: «В этих тезисах встречались политические термины, которые мне было весьма трудно понять. Но, читая и перечитывая их много раз, я все же уловил суть. Как это меня взволновало, согрело, просветило, убедило!» (с. 61).

Начав свою деятельность как патриот, борющийся за освобождение родины от ига колонизаторов, Хо Ши Мин сделал сознательный выбор в пользу ленинского учения, в пользу идей социализма и коммунизма. Как и многие другие передовые представители освободительного движения во Вьетнаме, на Востоке вообще, он пришел к марк-

* Евгений Кобелев. Хо Ши Мин. «Молодая гвардия», 1979. 366 с., с ил.
¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 381.

сизму-ленинизму через активную революционную деятельность под национально-демократическими лозунгами антиимпериалистической, антиколониальной борьбы. Позже Хо Ши Мин говорил: «Сначала именно мой патриотизм, а отнюдь не коммунизм привел меня к Ленину, к Коммунистическому Интернационалу. Лишь постепенно, в ходе борьбы я пришел к пониманию того, что только социализм, только коммунизм могут освободить от рабства и угнетенные народы, и трудящихся всего мира. Я понял, как неразрывно связаны между собой патриотизм и пролетарский интернационализм» (с. 69). Это признание как нельзя лучше подтверждает правильность научного предвидения В. И. Ленина о том, что «в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма...»².

20-е и 30-е годы в жизни Хо Ши Мина до предела заполнены революционной, партийной работой. В этот период он ведет активную работу в рядах ФКП, затем направляется партий в Москву, где работает в восточном отделе Исполкома Коминтерна (ИККИ) и учится в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В 1924 г. Хо Ши Мин как представитель Индокитая принял участие в V Всемирном конгрессе Коминтерна в Москве, а затем в течение трех лет в качестве представителя восточного отдела ИККИ вел в Южном Китае работу среди революционно настроенных эмигрантов из Вьетнама и других стран Азии. Работа в органах Коминтерна, общение с выдающимися деятелями международного рабочего движения несомненно стали большой школой революционной борьбы для Хо Ши Мина.

Исполком Коминтерна в этот период обратил внимание индокитайских коммунистов на неотложную необходимость создания революционной партии пролетариата — массовой коммунистической партии. 3—5 февраля 1930 г. в Гонконге под председательством Хо Ши Мина прошла конспиративная объединительная конференция вьетнамских коммунистов, на которой и была создана Коммунистическая партия Вьетнама. Участники конференции одобрили Краткие тезисы программы партии и ее устав, подготовленные Хо Ши Мином. Принятие этих документов имело историческое значение, так как в них было определено основное направление вьетнамской революции. В тезисах констатировалось, что Вьетнам как колония и полуфеодалное по своей социально-экономической структуре государство стоит на пороге буржуазно-демократической революции нового типа. Эта революция, отмечалось в тезисах, должна совершиться под руководством рабочего класса и стать переходным этапом на пути к социалистической революции. Ее задачи — свержение власти колонизаторов и феодалов, достижение национальной независимости, пе-

редача земли крестьянам, создание правительства рабочих, крестьян и солдат, представленные народу демократических свобод и т. д. В принятых на конференции документах подчеркивалось, что КПВ — это авангард вьетнамского рабочего класса, ведущий за собой широкие трудящиеся массы. Партия заявила о стремлении поддерживать связи с прочными вьетнамского народа со всеми угнетенными народами мира, поддерживать тесные связи с международным рабочим классом. Создание КПВ стало поворотным пунктом в истории Вьетнама. Героические действия партии (в октябре 1930 г. она была переименована в Коммунистическую партию Индокитая) по руководству народными выступлениями против колониального гнета и социального неравенства позволили Хо Ши Мину впоследствии сказать: «С момента своего рождения Коммунистическая партия Индокитая проявила себя в целом как партия нового типа, ленинская партия, боевая партия молодого вьетнамского пролетариата, сумевшая сплотить под своим знаменем широкие массы крестьянства и трудового народа» (с. 146).

1934—1938 гг. Хо Ши Мин провел в Москве, где он учился в Международной ленинской школе и работал в Научно-исследовательском институте национальных и колониальных проблем. В 1935 г. Хо Ши Мин участвовал в работе VII Всемирного конгресса Коминтерна, на котором было утверждено решение ИККИ о приеме Компартии Индокитая в Коминтерн. Для Хо Ши Мина это были годы и личной упорной учебы, работы с молодыми вьетнамскими революционерами, постигавшими под его руководством азы революционной науки. Хо Ши Мин всегда с большой теплотой вспоминает годы, проведенные в Советском Союзе. В 1938 г. Хо Ши Мин выехал в Китай, где принял участие в национально-освободительной борьбе китайского народа.

В начале 1941 г. Хо Ши Мин после 30 лет эмиграции нелегально вернулся в родину и встал во главе нарастающего национально-освободительного движения вьетнамского народа. Революционная убежденность в правоте своего дела, высокий авторитет среди вьетнамских коммунистов, личная нестяжательная энергия Хо Ши Мина способствовали активизации деятельности КПК. Уже в мае 1941 г. по его инициативе было принято решение о создании Лиги независимости Вьетнама (Вьетминь), положившее начало стратегии широкого национального фронта в борьбе за свободный Вьетнам, и утвержден курс на подготовку всеобщего вооруженного восстания с целью свержения власти французских колонизаторов. В труднейших условиях Хо Ши Мин лично руководит непосредственной подготовкой всеобщего вооруженного восстания. 16 августа 1945 г. конгресс народных представителей Танчао, работой которого руководил Хо Ши Мин, принял решение о начале всеобщего вооруженного восстания. Именно Хо Ши Мин полмесяца спустя, 2 сентября 1945 г. огласил от имени Временного правительства в ДРВ Декларацию независимости, воз-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

стившую о рождении в Юго-Восточной Азии первого государства рабочих и крестьян.

Молодое независимое государство подорвалось в этот момент всестороннему нападению. Чанкайшисты, пытавшиеся реализовать давние великодержавные замыслы империалистических гегемонистов, ввели на территорию Северного Вьетнама 200-тысячную армию. Империалистические державы намерелись совершить агрессию против Вьетнама. В этих условиях от правительства ДРВ, возглавлявшегося Хо Ши Мином, требовалась особая выдержка. Лишь исчерпав все средства политической борьбы, выиграв для страны так необходимые ей почти полтора года мирной передышки, президент Хо Ши Мин призвал своих соотечественников к героическому Сопротивлению против французских колонизаторов, попытавшихся силой оружия восстановить свое утраченное господство над Вьетнамом. В войне Сопротивления вьетнамский народ разгромил французских колонизаторов и отстоял свою независимость.

Новая историческая обстановка поставила перед вьетнамскими коммунистами и новые задачи. Состоявшийся в 1960 г. III съезд вьетнамских коммунистов определил стратегические задачи вьетнамской революции на новом этапе: строительство социализма на Севере и освобождение Юга от империалистов, мирное объединение страны. Виднейшую роль в выполнении этих задач играл Президент ДРВ, Председатель партии вьетнамских коммунистов Хо Ши Мин. Выдающуюся роль сыграл товарищ Хо Ши Мин и в организации отражения агрессии американского империализма против ДРВ.

Хо Ши Мин как политический деятель, мечтает автор, всегда оставался верен принципам пролетарского интернационализма, демонстрируя всей своей революционной, партийной и государственной деятельностью неразрывную диалектическую взаимосвязь между национальным и интернациональным (с. 349). Как Президент своей страны и руководитель партии, Хо Ши Мин внес крупный вклад в разви-

тие отношений братского сотрудничества Вьетнама с социалистическими странами, международным коммунистическим движением, национально-освободительными силами современности. Он всегда видел в Советском Союзе друга и соратника борющегося Вьетнама, справедливо считал его надежным оплотом вьетнамского народа в борьбе за свободу и независимость. 28 октября 1967 г. в статье «Великий Октябрь открыл народам путь к освобождению» в газете «Правда» Хо Ши Мин писал: «... Идя по пути, указанному великим Лениным, по пути Октябрьской революции, вьетнамский народ одержал огромные победы. Именно поэтому у него столь глубоки чувства признательности и благодарности к славной Октябрьской революции, к великому Ленину и к советскому народу».

«Великие вожди революции, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — заложили основы наших государств, дали решающие импульсы их развитию и начертали наш курс — Владимир Ильич Ленин в Советской России и Хо Ши Мин во Вьетнаме. Мы с гордостью можем сказать, что верно следуем этому курсу»³.

Выдающийся революционер-интернационалист и деятель международного коммунистического и национально-освободительного движения, стойкий марксист-ленинец, последовательный борец за мир и социализм, верный друг советского народа — так расценивают советские люди деятельность Хо Ши Мина, таким он предстает на страницах книги.

Проникнутая глубоким уважением к Хо Ши Мину, всему вьетнамскому народу, написанная с научной четкостью и в то же время живо и увлекательно, книга Е. Кобелева несомненно вызовет широкий интерес советских читателей.

В. А. Архипов

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 7. М., 1979, с. 503.

Культурная

«революция»:

свидетельство очевидца

Книга А. Базильбаева¹ представляет собой описание так называемой «культурной революции» в Синьцзян-Уйгурском ав-

¹ А. Базильбаев. Четыре года в Китае. О так называемой «культурной революции» в Синьцзяне. Алма-Ата, «Казахстан», 1978, 144 с.

тономном районе Китая (СУАР). Она создана на основе богатого фактического материала и личных наблюдений автора — уроженца Синьцзяна и очевидца описываемых событий. В своей книге А. Базильбаев подробно останавливается на особенностях этой кампании, которая стала ярким проявлением великоханьского шовинизма в СУАР.

Первая глава книги отражает начало «культурной революции» в Синьцзяне. Автор отмечает, что сроки проведения этой кампании в СУАР в известной мере «отставали» от сроков проведения ее в центральных провинциях Китая. Она проходила, можно сказать, на основании уже пройденного «опыта» и по заранее составленному плану. Первый удар был направлен про-

тив интеллигенции и передовых рабочих, что соответствовало маоистской установке: «Бей по голове — остальное само развалится». Автор раскрывает деятельность так называемой «рабочей группы», созданной в основном из студентов-ханьцев Синьцзянского университета города Урумчи. Именно эта группа стала инициатором движения за выявление «классовых врагов», «борьбы с черными линиями», «ядовитыми травами». В разряд «ядовитых трав» попали, например, лучшие образцы народного творчества (в частности, жемчужина музыкального искусства уйгурского народа «Двенадцать мукамов»), произведения известных уйгурских писателей и поэтов (в том числе стихи популярного народного поэта Л. Муталлипа).

Формирование отрядов хунвэйбинов в Синьцзяне, как отмечает автор, произошло позднее, чем в центральных районах Китая, и исключительно под руководством хунвэйбинов-ханьцев. Базильбаев подчеркивает, что именно 400 пекинским хунвэйбинам, прибывшим в начале сентября 1966 г. в Синьцзян, было поручено открыть «огонь по штабу», то есть по парткому СУАР. Грубые действия пекинских «посланников» вызвали резкое недовольство населения Синьцзяна (с. 35).

Во второй главе А. Базильбаев подробно рассматривает процедуру и результаты кампании за «установление революционных связей» в Синьцзяне, развернутой по призыву Чжоу Эньлая. В ходе этой кампании хунвэйбины ездили по стране, встречались с руководителями КПК, «обменивались опытом» ведения «огня по штабам». Будучи членом одной из таких делегаций, Базильбаев объехал многие города Китая. На основе своих впечатлений он рисует унылую картину разрухи, тяжелой, нищенской жизни населения огромной страны. Автор пишет, что за длительное время путешествия он встречал только павших духом, с тусклыми взорами, потерявших веру в свое будущее людей (с. 49).

Но подобно тому, что творили маоисты в национальных районах, автор не встречал нигде. В Синьцзяне видел он огромное количество поездов, везущих китайцев-переселенцев для «укрепления границ». На обратном пути эти поезда вывозили зерно, мясо-молочные продукты, шерсть, кожу, фрукты и другие продукты сельского хозяйства, а также промышленное сырье: нефть, драгоценные и цветные металлы, древесину и т. д. (с. 51). Автор отмечает, что кампания за «установление революционных связей» привела хозяйство Синьцзяна на грань хаоса. Из-за того что транспорт был предоставлен хунвэйбинам, срывались поставки сырья, останавливались фабрики и заводы.

В период «культурной революции» на арене событий появлялись все новые и новые «левые группировки», которые вели между собой непримиримую борьбу за влияние. В третьей главе автор дает подробный анализ сил, участвовавших в «культурной революции» в СУАР. Центром хунвэйбиновского движения был Синьцзянский университет, первые «массовые орга-

низации», возникшие в Синьцзяне, возглавляли его студенты. Так, были организованы «Первый штаб синьцзянских хунвэйбинов» («Первый красный штаб») и «Второй буртарский штаб синьцзянских хунвэйбинов» («Второй красный штаб»). Между этими организациями развернулось острое соперничество. На первых порах оно носило характер стычек отдельных групп самих хунвэйбинов. Со временем эти «штабы» посеяли семена разногласий и раздоров среди рабочих и крестьян, которые оказались под контролем противоборствующих штабов».

А. Базильбаев подчеркивает, что все эти организации были созданы хунвэйбинами-ханьцами. Существовала лишь одна группа — «Три красных знамени», — организованная неханьцами, однако на нее сразу же был приклеен ярлык «группировка местных националистов» (с. 77). А. Базильбаев отмечает, что члены группы «Три красных знамени» пытались вести активную деятельность по разоблачению великоханьского шовинизма. Они на конкретных примерах показывали, что в конечном итоге от «культурной революции» страдает прежде всего народ Синьцзяна. Они протестовали молодежь неханьских национальностей Синьцзяна выходить из организаций «красных штабов». Именно по данным этой группы стало известно, что 90% кадровых работников — представителей неханьцев, а без того немногочисленных в аппарате управления, за период этой кампании были причислены к «нечисти» и «черной банде» (с. 82).

К концу 1966 г. столкновения между группировками хунвэйбинов Синьцзяна приняли особенно острый характер. «Идейное» противоборство двух «красных штабов» стало выливаться в кровопролитные бои между ними. Об этом автор рассказывает в главе «Январская революция» и возникновение вооруженной борьбы». Автор подчеркивает, что вмешательство частей Синьцзянского военного округа и производственно-строительного корпуса и не могло стабилизировать положение в Синьцзяне, где уже в феврале 1967 г. началась широкая кампания за «захват власти» в партомах предприятий и учреждений. В это время хунвэйбины в междоусобной борьбе широко использовали оружие.

А. Базильбаев описывает кровавые события в медицинском институте в последние дни июля 1967 г. Представители «Первого красного штаба» при помощи минометов полностью разрушили один из его корпусов, причем погибло множество людей (с. 107). Автор рассказывает о том, как хунвэйбины в эти дни занимались безудержным разбоем и грабежами. В Синьцзянском университете скопилось свыше 300 реквизированных для «нужд культурной революции» автомашин. Не отставали от них и отряды «Второго красного штаба», которые однажды захватили отару овец в тысячу голов (с. 109—110).

В условиях хаоса и массовых беспорядков полностью остановилось производство. Население оказалось в невыносимо тяжелых условиях. Автор подчеркивает, что эти

Безостыдности явились «преддверием крушения твердыни культа Мао Цзэдуна»; усилилось сопротивление неханьских народов Синьцзяна великоханьской шовинистской политике и идеологии (с. 110).

Автор завершает книгу главой «Разочарование великоханьского шовинизма». На многочисленных примерах А. Базильбаев показывает, как проводилась маонистами шовинистская политика по отношению к коренным жителям Синьцзяна. Он приходит к выводу о том, что, в сущности, все политические кампании, которые прокатывались по Синьцзяну с первых дней существования КНР, несмотря на несходство во имя названий, были сходны в одном: они обрушивались в конечном итоге на головы неханьских народов. Автор обращает внимание читателей на ряд особенностей в проведении этих кампаний. Огромное количество кадровых работников Синьцзяна подверглось репрессиям в период проведения борьбы с «правым уклоном» 1957—1958 гг. Среди них были и некоторые знатные, однако вскоре они были реабилитированы и освобождены, а десятки тысяч работников неханьских национальностей так и не избавились от ярлыков «местных националистов».

А. Базильбаев показывает, что маонисты воспитывали и продолжают воспитывать молодое поколение ханьцев СУАР в духе великоханьского шовинизма. Поэтому, как отмечает автор, в период «культурной революции» большое значение имела деятельность группы «Три красных знамени» по разоблачению великоханьского шовиниз-

ма, и эта борьба снискала уважение и поддержку со стороны коренного населения Синьцзяна. Члены группы пропагандировали произведения В. И. Ленина по национальному вопросу, на их основе они написали много статей, раскрывающих лицемерие маонистов в национальной политике. Автор подчеркивает, что эта группа не была единственной. К концу 1967 г. ее поддерживало уже более 60 «массовых организаций» (с. 124).

Большое внимание уделено автором вопросу создания «ревкома» СУАР. Вполне справедливо он считает, что «ревком» был создан без ведома коренного населения автономного района. Председателем сколоченного в Пекине «ревкома» СУАР стал Лун Шуцзинь, которого население не знало вообще. После прибытия членов «ревкома» в Синьцзян с новой силой развернулась кампания массовых репрессий. Снова десятки тысяч ни в чем не повинных людей заключались в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря.

Книга А. Базильбаева характеризует «культурную революцию» в Синьцзяне как наиболее яркое проявление великоханьского шовинизма.

Эта работа, несомненно, поможет читателям составить более полное и точное представление о бесправном положении неханьских народов Синьцзян-Уйгурского автономного района и об истинной сути великодержавной национальной политики маонистов и вчера, и сегодня.

О. В. Толстых

Проблемы японской монархии: история и перспективы

Вот уже более тысячи лет, начиная с периода становления производственных отношений феодализма и до наших дней, Япония по своему государственному устройству является монархией. Естественно, столь длительный промежуток времени и столь богатое содержание понятия «монархия»! Япония неоднократно менялась под влиянием необратимых процессов социального развития страны и сложных, порой весьма драматических коллизий, которыми так богата политическая история Японии. Однако ни всех изменений ее содержания монархия была и остается формой государственного устройства Японии, и факт столь длительного существования этого строя и его различная политическая роль в разные периоды исторического развития страны делают японскую монархию предметом неос-

лабевающего внимания не только японских, но и зарубежных историков, социологов, философов, стремящихся выяснить подлинное значение монархического строя для прошлого страны и его возможное влияние на судьбу будущей Японии.

Пожалуй, одной из наиболее значительных работ на эту тему является монография одного из старейших японских ученых-марксистов, юриста и экономиста Фумио Мория «Исследование монархического строя»¹. Как пишет автор в послесловии, «монархический строй был предметом моего внимания на протяжении полувека. Эта книга фактически представляет собой итог моих пятидесятилетних исследований» (с. 361).

Опираясь на методологическую основу, разработанную К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, широко используя их произведения, автор предпринимает детальный анализ монархического строя Японии как политического и социального явления, исследует его историю, проявляя особый интерес к периодам господства в стране абсолютной монархии, сравнивает японский

¹ Ф. Мория. Тэнносэй кэнкю (Исследование монархического строя). Токио, Аоки Сэтэн, 1979, 367 с.

монархический строй с формами монархического строя других стран, выясняет отношения монархии с классами помещиков, буржуазии, пролетариата и крестьянства. Существенное место в работе отведено доказательству несостоятельности бытующего среди части населения и научных кругов Японии мнения о «чисто символическом» характере современной японской монархии, якобы никак не влияющем на процессы политического развития страны.

Книга состоит из трех разделов. В первом из них, озаглавленном «Значение абсолютной монархии и ее эволюция», автор подвергает анализу взаимоотношения абсолютизма как одной из форм монархического строя и капиталистического способа производства. Эта проблема считается одной из самых актуальных в японских научных кругах. С одной стороны, несовместимость такого продукта феодальной общественно-экономической формации, как абсолютизм, и капиталистических производственных отношений многим представляется очевидной. На этой основе и зиждется мнение, что абсолютизм в Японии — это не более чем достояние истории и что опасения относительно возможности рецидива абсолютизма в стране необоснованны.

С другой стороны, не столь давно, менее четырех десятилетий назад, и при этом именно в Японии, деспотическая монархия как форма политической организации общества и капитализм в своей наиболее завершенной монополистической стадии как социально-экономическая основа государства не только сосуществовали, но и активно сотрудничали, составляя, по существу, единый социально-политический комплекс, легший в основу существования тоталитарного государства. Отсюда ряд трезво мыслящих исследователей делает вывод о том, что высокий уровень развития капитализма сам по себе не исключает возможности возрождения абсолютизма в Японии при определенных политических обстоятельствах.

Автор книги отрицает точку зрения, согласно которой абсолютизм и монополистический капитализм несовместимы как явления разных исторических эпох. Сравнивая отношения абсолютизма и капитализма в разных странах, он приходит к выводу, что противоречия между капитализмом и абсолютизмом, выразившиеся в свое время в ниспровержении буржуазией ряда абсолютистских режимов, не носили характера общей закономерности. Это видно на примере таких стран, как Германия и Россия XIX в. В них нарождавшийся промышленный капитализм был слишком слаб для успешного самостоятельного развития, а интересы абсолютистских режимов требовали создания в этих странах мощной, отвечающей уровню эпохи промышленности. Так в Германии и России промышленный капитализм приобрел в лице абсолютной монархии мощного покровителя, а сами эти государства из феодальных превратились в буржуазно-помещичьи. Как отмечает автор, в Японии последних десятилетий XIX в. развитие отношений между абсолютной монархией и промышленным капи-

тализмом шло в общих чертах таким же путем.

Возникновение и развитие в Японии монополистического капитализма привело к изменению в политической жизни страны соотношения удельного веса классов помещиков и буржуазии в пользу последней, но не изменило отношений «взаимовыгодного партнерства» между капиталом и абсолютной монархией. Монополистический капитал, с одной стороны, и аппарат абсолютной монархии, военщина, а также традиционный поставщик кадров для них — класс помещиков, с другой стороны, органически дополняли друг друга в достижении общих для них политических и экономических целей как внутри, так вне страны. Абсолютная монархия оказалась для монополистического капитала удобным орудием подавления рабочего социалистического движения. Потребности монополистического капитала в расширении рынков сбыта и захвате новых источников сырья находилась в полном соответствии с нарастающими внешнеполитическими амбициями режима абсолютной монархии и агрессивными устремлениями военщины. В обстановке такого взаимопонимания происходило сращивание политической системы абсолютной монархии и экономической системы монополистического капитала, представлявшее собой японскую разновидность более общего мирового процесса формирования государственно-монополистического капитализма.

Второй раздел книги называется «Теоретические проблемы абсолютной монархии». В нем главное внимание уделяется проблеме отношений между абсолютизмом эпохи империализма и фашизмом, выясняется закономерность превращения абсолютной монархии в условиях ее функционирования в качестве надстройки над производственными отношениями монополистического капитализма в монархо-фашистский режим.

Здесь Мория особо подчеркивает, что абсолютная монархия в эпоху империализма представляет собой готовый аппарат для осуществления фашистской диктатуры. В итальянской конституционной монархии и в Веймарской республике фашизму, чтобы установить свой режим, потребовалось сломать старый государственный аппарат и фашистские перевороты там, будучи в своем содержании делом рук социальных верхов, по форме выглядели как «революция снизу». Правящим же классам Японии, когда и для них возникла необходимость в фашистской диктатуре, заниматься реорганизацией государственного аппарата по существу, не пришлось. Установление террористической диктатуры монополистического капитала и помещиков в Японии не только по содержанию, но и по форме было переворотом сверху.

Антидемократический по своей сути характер режима абсолютной монархии, роль аппарата фашистской диктатуры Японии 30-х — первой половины 40-х годов заставляют поборников демократии в стране внимательно изучать материалы в первую очередь экономические, а также

значительные и идеологические факторы, составляющие основу, фундамент, на котором зиждется монархический строй. Если материальной основой для установления и первоначального функционирования абсолютной монархии в Японии, отмечает автор, была помещичья собственность на землю, а сами помещики представляли собой главную социальную опору монархического строя, то впоследствии наряду с помещичьим землевладением такой опорой стал неуставный монархией финансовый капитал, финансовые кланы — дзайбацу. Идеологической же опорой монархического строя служили синтоистские и иные верования, оформившиеся впоследствии в идеологию тэнноизма, национализм, прикрывавшиеся лозунгом патриотизма, проповедь «доброй миссии» Японии в мире. В идеологии тэнноизма подчеркивался «божественный» характер правящей династии как якобы непосредственно происшедшей от верховной богини синтоистского пантеона Аматэрасу, а единственная в мире управляемая «богами во плоти» страна Япония объявлялась, таким образом, орудием «воли богов» в любой из своих внешнеполитических акций.

Как отмечает Мория, некоторые из факторов, составляющих материальную, социальную и идеологическую опору абсолютной монархии, прежде всего помещичья собственность на землю, в сегодняшней Японии совсем не существуют либо утратили свою прежнюю роль. Однако надо отметить, предупреждает автор, что другие факторы еще сохраняются, и их игнорирование является серьезным заблуждением. Третий раздел книги озаглавлен «Последний монархический строй». Этот раздел посвящен выяснению общих и различных черт в содержании современной и довоенной японской монархии. Известно, что расхождению в нынешней Японии не видят между этими двумя явлениями ничего общего, кроме самого факта существования монархии как формы государственного устройства страны до и после войны. Действительно, если довоенная японская монархия представляла собой высший аппарат ударственной власти, ограничивавший и контролировавший всю деятельность парламента и кабинета министров, то ныне существующая конституция страны недвусмысленно провозглашает принцип, согласно которому «император... не наделен полноточиями, связанными с осуществлением ударственной власти»². За императором сохранились лишь некоторые символические функции: назначение премьер-министра и главного судьи верховного суда, созыв парламента и ряд других, осуществляемых только с одобрения и по представлению парламента и кабинета министров. В таких условиях, казалось бы, трудно найти что-либо общее между довоенной монархией и орудием диктаторского режима и современной конституционной монархией.

Однако автор, опираясь на глубокое и всестороннее изучение японской действительности, приходит к совершенно иному выводу. Признавая изменение положения монархического строя в Японии после 1945 г., он отмечает, что это изменение было для правящих кругов страны отнюдь не добровольным, а вынужденным, обусловленным поражением монархо-фашистского режима во второй мировой войне, нарастающим движением демократических сил в стране в обстановке укрепления позиций демократии во всем мире. Эта активизация демократического движения совершенно справедливо рассматривается силами реакции как явление, подрывающее их позиции. А следовательно, пока существуют эти силы, будет сохраняться и возможность попыток реставрации абсолютной монархии довоенного образца как аппарата, уже проверенного в роли непримиримого врага демократического движения.

Из сил, служивших опорой довоенной монархии, в настоящее время не только сохранился, но и серьезно увеличил свою мощь финансовый капитал, составляющий основу современного японского государственно-монополистического капитализма. Помещичье землевладение уже нет, но автор убедительно доказывает, что современное крупнособственническое землевладение, в особенности владение землей с жилым фондом, предназначенным для сдачи внаем, близко по своей сути к помещичьему землевладению и в этом смысле наряду с финансовым капиталом выступает в роли силы, поддерживающей монархию и стремящейся к ее укреплению. В стране с не очень давними демократическими традициями, предупреждает автор, существуют все еще значительные слои населения, чье отношение к монархическому строю и даже к такой его форме, как абсолютная монархия, остается некритическим. Часть из них может поддаться обману монархической пропаганды, заметно усилившейся в последнее время, и сделаться орудием в руках монархически настроенных сил.

Следует отметить, что вся книга Мория проникнута серьезной озабоченностью фактом развертывания монархической пропаганды в стране, и в этом отношении автор не одинок. Активизация монархической пропаганды, принявшей с середины 60-х годов характер широкого идеологического наступления, является предметом серьезного внимания демократических ученых Японии. Так, крупный японский философ-марксист Эсисигэ Кодзан подчеркивает в своей работе «Заметки о „духе Ямато“», что «не случайно возрождается идея «японского духа» типа «императорского пути», который выступал в форме доктрины монархизма»³. Пропаганда идеологии монархизма в конкретной политической обстановке современной Японии есть не что иное, как способ консолидации сил, ведущих непримиримую борьбу против демократии. Вот почему, отмечает Кодзан, в устах поборни-

² См. Современная Япония. М., 1973, с. 517.

³ Е. Кодзан. Современная философия. Заметки о «духе Ямато». М., 1974, с. 127.

ков монархизма «лозунг „демократизации Японии“» теперь принял облик «японизации демократии»⁴. Об этом же пишет и другой известный японский философ-марксист, Контти Мори: «Народу указывается на важность патриотизма и почитания императора: «самобытность Японии» увенчивается императором как символом страны»⁵.

⁴ Там же.

⁵ Марукусюги тэцугаку (Марксистская философия), т. 5. Токно, 1969, с. 22.

Марксистское исследование сущности государства

Глубокое осмысление теоретического наследия основоположников научного коммунизма невозможно без всестороннего анализа его неотъемлемой части — учения о государстве. В условиях усиления идеологической конфронтации между двумя противоположными социальными системами исследование с подлинно марксистских позиций сущности и роли государства на различных ступенях исторического развития приобретает особенно актуальное значение.

Такую задачу поставил перед собой Тэцую Кинугаса — председатель теоретического комитета Общества социализма, возглавляемого Каору Ота. На основе обширного фактического материала он исследует в своей монографии¹ историю возникновения классового антагонистического общества и принцип неизбежности смены социально-экономических формаций. Идеино-теоретической базой монографии послужили труды классиков марксизма-ленинизма, прежде всего «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и «Государство и революция» В. И. Ленина.

Во введении автор отмечает, что задуматься над проблемами происхождения и сущности государства его побудила всколыхнувшая всю страну в конце 50-х — начале 60-х годов борьба трудящихся и всего демократического лагеря против японо-американского «договора безопасности» и укрепления «сил самообороны».

¹ Т. Кинугаса. *Кокка то ва нани ка?* (Что такое государство?). Токно, «Сукура-му бунко», 1977, 170 с.

В такой политической и идеологической обстановке появление книги Мория Фумио, посвященной теоретическому осмыслению роли монархического строя в социальной жизни современной Японии, весьма своевременен. Эта книга ориентирует демократические организации Японии на повышение бдительности по отношению к прояскам реакции, на вовлечение в свою деятельность широчайших масс народа и на разяснение им целей и задач борьбы за демократическое общество.

В. М. Гайдар

Исходя из марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях, Т. Кинугаса выделяет четыре типа государства в истории человеческого общества — рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое. Исследуя особенности каждой формации, ученый подчеркивает, что на всех предшествующих социализму этапах исторического развития — от рабовладения до капитализма — государство выражает интересы эксплуататоров и выступает в качестве средства классового угнетения.

При рассмотрении периода становления и развития капиталистического общества автор главное внимание уделяет критике «теорий» тех социологов, которые искажают историческую истину и лицемерно разглазговывают о «демократизме» буржуазного строя. Вскрывая несостоятельность подобных «теорий», ученый отмечает, что хотя в буржуазном государстве в соответствии с конституцией провозглашаются определенные права человека (свобода слова и собраний, свобода выбора профессии, свобода передвижения и т. п.), фактически демократия в условиях капитализма представляет собой политическую систему, во первую очередь интересующуюся мажоритарными интересами трудящихся масс (с. 71—72, 141).

Разоблачая миф о «благодеянии» нынешнего капиталистического общества, автор со всей убедительностью подчеркивает, что под вывеской «процветающего государства» скрывается погоня монополистических кругов за максимальными прибылями и что тезис «экономического процветания» в действительности не что иное, как словесный камуфляж, к которому прибегают буржуазные идеологи с целью задушевать остроту классового противоборства в странах капитала (с. 98).

Значительная часть книги посвящена исследованию вопросов, касающихся теории и практики социалистической революции и создания государства нового типа. Эти вопросы трактуются ученым с принципиальных позиций марксистской философии. Основываясь на ленинском положении, согласно которому социалистическая революция может осуществиться лишь в тесном единстве объективных условий и субъективных факторов, автор выступает

против ультралевых лозунгов, призывающих к немедленному ниспровержению буржуазного общества и полностью игнорирующих реальную ситуацию (с. 150). В связи с этим ученый обращается к историческому опыту Советского Союза и отмечает, что в 1917 г. большевики во главе с В. И. Лениным смогли добиться победы, поскольку к тому времени в России созрели все предпосылки для захвата политической власти пролетариатом, а в мировом масштабе резко возросли противоречия между монополиями и рабочим классом, между империализмом и угнетенными нациями, а также между самими капиталистическими странами (с. 152—153).

Совершив социалистическую революцию, продолжает далее Т. Кинугаса, пролетариат должен удержать государственную власть и защитить себя от внутренней и внешней контрреволюции. Ссылаясь на выводы К. Маркса и В. И. Ленина, автор подчеркивает, что диктатура пролетариата представляет собой новую форму классовой борьбы и что социализм можно построить, лишь пройдя через период революционной диктатуры пролетариата (с. 157—158).

Большое место в монографии уделено истории Советского государства, росту его могущества и усилению влияния на мировой революционный процесс. Автор особо акцентирует внимание на том, что государство, образующие мировую социалистическую систему, не ставят целью военную конфронтацию с капитализмом, а стремятся добиться превосходства над ним на путях мирного развития (с. 155).

Развивая мысль о миролюбивом характере внешней политики Советского Союза, ученый полемизирует с теми из своих соотечественников, кто пытается выдвинуть пресловутый тезис об «агрессивности» социализма, оправдывая его ссылками на мнимое «нарушение» СССР пакта о нейтралитете, заключенного в апреле 1941 г., и вступление в войну с Японией. По его словам, данный «аргумент» является демagogической пропагандой. Т. Кинугаса подчеркивает, что 9 августа 1945 г. СССР денонсировал советско-японский пакт о нейтралитете, поскольку необходимо было положить конец мировой войне и разгромить японских милитаристов, выступавших союзниками германских и итальянских фашистов и совершивших агрессию в отношении Китая и ряда других стран Азии. Подвергая критике представителей буржуазной прессы, толкующих о «внезапности» советского удара по японским вооруженным силам, автор указывает, что вступление СССР в войну против Японии отнюдь не было неожиданным, ибо Советский Союз официально объявил Японии о своем намерении денонсировать пакт о нейтралитете 5 апреля 1945 г., то есть за четыре месяца до начала военных действий.

Ученый далее подчеркивает, что японский империализм, хотя и заключил с СССР пакт о нейтралитете, в то же время активно готовился к войне с Советским

Союзом. Надеюсь, что в ходе германо-советской войны ситуация сложится благоприятно для Японии, правящие круги страны планировали первыми нанести удар по СССР и вооруженным путем захватить часть советской территории. Японская военщина регулярно совершала провокации в пограничных с СССР районах. Так, например, с августа 1941 г. до конца 1944 г. корабли военно-морских сил Японии задержали 178 и потопили три советских судна. Следовательно, делает вывод Т. Кинугаса, «фактически нарушителем пакта о нейтралитете был японский империализм, а не Советский Союз» (с. 113—114). Автор обращает также внимание на то, что вступление СССР в войну спасло жизнь миллионам людей в самой Японии. Он напоминает, что в последние месяцы войны на Тихом океане японская милитаристская клика призывала народ к ведению «решительных сражений на основной территории» государства. Вступление же СССР в войну и последовавшая за этим капитуляция Японии, по мнению ученого, свели на нет планы японской военщины, реализация которых неизбежно повлекла бы за собой неисчислимые жертвы и разрушения в густонаселенных районах страны (с. 110).

Касаясь выдвигаемых ныне правительством и Либерально-демократической партией территориальных притязаний к СССР, автор отмечает, что у Японии нет для этого никаких юридических оснований, ибо она после капитуляции признала решения Потсдамской конференции и подписала с США Сан-францисский мирный договор, согласно которому отказалась от прав на владение Курильскими островами (с. 114).

Одна из центральных глав рецензируемой работы посвящена широко дискутируемым проблемам обеспечения безопасности Японии. Т. Кинугаса решительно выступает против пропагандируемой правительством и монополиями «концепции самообороны», реализация которой, по его мнению, противоречит национальным интересам страны, так как предполагает проведение политики, направленной на расширение военного сотрудничества с США, в рамках «договора безопасности» и наращивание военно-экономического потенциала Японии (с. 101).

Автор подвергает критическому разбору распространяемый средствами массовой информации тезис о том, что благодаря существованию «договора безопасности» Япония якобы «ни разу не оказалась втянутой в войну». Вскрывая лживость и предвзятость такого рода утверждений, ученый напоминает о том, что территория Японии неоднократно использовалась в качестве базы, с которой совершалась агрессия в отношении соседних стран. Как прямое следствие существования «договора безопасности» Япония фактически была одним из участников войны во Вьетнаме (с. 105). По мнению Т. Кинугаса, единственной разумной альтернативой «концепции самообороны», опасной для будущего Японии, является выдвигаемая СПЯ теория «невооруженного нейтралитета», пре-

дусматривающая борьбу против проводимого правящими кругами курса на ремилитаризацию, за соблюдение девятой статьи конституции, провозглашающей отказ Японии от применения вооруженной силы как средства разрешения международных конфликтов.

В результате глубокого научного анализа нынешнего международного положения и расстановки классовых сил внутри страны автору удалось, таким образом, неопровержимо доказать, что обеспечение безопасности Японии возможно не на пути возрождения милитаризма и дальнейшего укрепления военно-политического союза с США, а на базе осуществления нейтрального внешнеполитического курса, на основе мирного, демократического развития японского государства. И в этом несомненное достоинство работы.

В то же время нельзя не отметить, что в монографии японского ученого некоторые важные проблемы, касающиеся, в частности, мирового коммунистического движения, не получили достаточно полного и верного отражения. Так, например, в заключительной главе не только крайне лаконично, но и несколько искаженно дается оценка современного состояния советско-китайских отношений. Выражая свое несогласие с теми, кто пытается утверждать, будто противоречия между СССР и КНР «вытекают из самой природы социализма», автор вместе с тем рассматривает ситуацию, сложившуюся в отношениях

между обоими странами, лишь сквозь призму «расхождений в понимании переходного периода от капитализма к социализму» (с. 166). В данном случае вне поля зрения ученого оказались главные факторы, лежащие в основе обострения советско-китайских идеологических разногласий: отход руководства КПК от важнейших теоретических принципов марксизма-ленинизма и поворот маоистских лидеров к антисоветскому, гегемонистскому курсу на международной арене.

Тем не менее работа в целом представляет собой серьезное научное исследование, являясь весомым вкладом в изучение вопроса о государстве вообще и о развитии современного японского общества в частности. Неоспоримое достоинство книги состоит в ее политической актуальности. Злободневность, многоплановость проблематики, затронутой автором, привлекли интерес к данной работе широкого круга читателей: с 1973 г. монография выдержала три издания. И хотя отдельные положения, выдвинутые в ней, представляются спорными, несомненным является тот факт, что Т. Кинугаса выступил в своей книге как активный пропагандист марксистско-ленинского мировоззрения, как поборник расширения и укрепления дружественных, добрососедских связей между СССР и Японией.

Г. Д. Спекторов

Японский ученый о политико-правовых проблемах современного Китая

За последние 10—15 лет в Японии было опубликовано несколько исследований, посвященных праву, правовой теории современного Китая. Однако внимание советских ученых-китаеведов не случайно привлек выход в 1975 г. книги прогрессивного ученого, известного специалиста по государству и праву социалистических стран, профессора Нагойского государственного университета Цунэо Инако, переведенной ныне на русский язык*.

Издание исследований по политико-правовым проблемам современного Китая — весьма редкое явление в синологии, что в известной мере объясняется трудностями с

источниками, особенно с китайскими нормативными материалами. Работа Ц. Инако вызывает интерес не только потому, что тема освещается на основе марксистско-ленинской методологии. Она интересна и тем, что автор рассматривает право современного Китая в непосредственной связи с политическим развитием этой страны, анализирует результаты правового развития как следствие маоистского курса.

В рецензируемой монографии использованы многочисленные источники, включая советскую китаеведческую литературу, введены в научный оборот многие малоизвестные китайские источники, ранее не публиковавшиеся на русском языке выступления и «указания» Мао Цзэдуна.

Первая глава — «Истоки права современного Китая» — включает не только исследование правовой идеологии и политики народной власти в освобожденных районах (до 1949 г.), но и общую характеристику права дореволюционного Китая. Указав на формальный характер гоминьдановского законодательства, фактически не применявшегося в сельской местности, автор справедливо подчеркивает ведущий характер местного обычного права на значительной территории страны. Как и в императорском Китае, реальное значение имели лишь нормы уголовного и административного права (с. 24—25).

* Инако Цунэо. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. Пер. с япон. М., «Прогресс», 1978, 295 с.

К вопросу о влиянии старокитайской правовой традиции на право и правовую идеологию КНР автор возвращается несколько раз. Он высказывает мысль о том, что «право сегодняшнего Китая еще не освободилось от груза правовой традиции прошлого», приводя в качестве примера выступления китайской печати в связи с критикой Линь Бяо и Конфуция, когда эта традиция, «идущей от древней школы ле-цзюстов», под действие права подводилась лишь «функция подавления в отношении «врага» (с. 279). Эта мысль автора представляется правильной, если ее дополнить положением о том, что не только легизм, но и конфуцианство признавали необходимость законного уголовного права для проступков (для аристократов, по Конфуцию, достаточно моральных норм).

Автором рассмотрены политико-правовые проблемы, связанные с образованием КНР и восстановительным периодом. Наряду с государственной структурой КНР в восстановительный период автор анализирует наиболее важные из ее первых законодательных актов (законы о земельной реформе, о браке), а также массовые кампании тех лет: «патриотических обязательств», «подавления контрреволюции», борьбы «против трех и против пяти зол» и др. Законы и политические мероприятия того времени оцениваются автором положительно, вместе с тем он, ссылаясь на слова Дун Бю, справедливо отмечает неопределенный характер ряда правовых норм, создающих возможность произвола (с. 77). Разбирая правовые вопросы в связи с генеральной линией КПК 1953 г., автор указывает, что из последующих действий и высказываний Мао Цзэдуна ясно, что он был противником этой линии (с. 83). Как пример острого противоборства вокруг генеральной линии автор приводит «дело» Гао Гана и Жао Шуши (1954 г.).

Политико-правовое развитие Китая рассматривается автором и в свете борьбы двух линий в руководстве КПК. Так, характеризуя конституцию КНР 1954 г., Ц. Инако отмечает, что, после того как маонистами была отброшена генеральная линия КПК, сформулированная в 1953 г. на основе опыта мирового социализма, конституционные положения повисли в воздухе (с. 98). В связи с характеристикой материалов VIII съезда КПК (1956) автор отмечает, что Мао Цзэдун был недоволен решениями этого съезда, но вынужден был внешне согласиться с ними, в том числе с положением о строгом соблюдении законности (с. 118). Однако уже в 1957 г. он предпринял попытку взять реванш за свое поражение на съезде. Ц. Инако считает, что в резинизации линии VIII съезда КПК по вопросам законности и права решающую роль сыграло постановление Государственного Совета КНР о трудовом воспитании от 1 августа 1957 г., согласно которому административные органы получили право без суда и следствия заключать любых граждан КНР в «воспитательно-трудовые» лагеря. Поэтому, отмечает автор, китайские руководители перестали выступать за необходимость

упорядочения и соблюдения законов (с. 126).

Автор рассматривает политико-правовые аспекты периода так называемого урегулирования, то есть периода, когда ряд китайских деятелей в противовес маонистским лозунгам и установкам мобилизовали народ на ликвидацию последствий «большого скачка», используя при этом методы хозяйствования, сходные с практикой мирового социализма. Представляет интерес проведенный автором анализ некоторых правовых проектов того времени, в частности проекта Положения о работе промышленно-сырьевых предприятий (1961), который впоследствии, во время «культурной революции», подвергся нападкам как «ревизионистский». На самом деле проект был направлен на ликвидацию дезорганизации управления предприятиями в период «большого скачка». Автор показывает, что в период «урегулирования» несколько оживилась теоретическая работа в области права. В книге приводятся интересные данные о дискуссии на юридическом факультете Пекинского университета на тему о «характере и действии социалистического права КНР», анализируются две книги, являющиеся последними изданиями по правовым вопросам в КНР: «Основные сведения по конституции» Ван Мина и Ван Шувэня (1962) и «Лекции об основах права» Чжан Жоюя (1963). В 1963 г. был издан последний сборник законов и постановлений КНР. В дальнейшем китайское законодательство полностью утратило гласный характер.

«Культурная революция» — следующий исторический период, рассматриваемый автором. Эта кампания, особенно действия хунвэйбинов и цзаофаней, показала, что в Китае не существует права в полном смысле этого слова. Что же касается различных «указаний» в связи с «культурной революцией», исходивших от ее руководителей и направленных на то, чтобы держать развитые обстановки под контролем маонистской верхушки, то они, как правильно отмечает автор, явились вопиющими свидетельствами царившего в стране беззакония (с. 208).

В книге приведен большой аннотированный перечень маонистских «указаний» времен «культурной революции» (с. 201—206).

Рассматривая последовавший за «культурной революцией» период, Ц. Инако сосредоточивает внимание читателя на таких вопросах, как подготовка новой конституции (анализ конституционного проекта 1970 г.), X съезд КПК, кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», современное положение в области правосудия. Обращает на себя внимание систематизированное изложение впечатлений американских и японских юристов от бесед с китайскими судебными чиновниками, а также впечатлений японских юристов от выездного судебного заседания в одной из пекинских больниц. Суммируя эти впечатления, автор пишет: «... В сегодняшнем Китае при судебном разбирательстве уголовного дела судья вершит суд, исходя из виновности обвиняемого... большое значение придается признанию обвиняемого. Главное внимание обращается

на социальное происхождение обвиняемого, на его идеологию, а не на мотивы и социальные причины преступления» (с. 259). Отмечается отсутствие в КНР практикующих адвокатов (с. 258). Среди наиболее распространенных гражданских дел китайскими чиновниками названы семейные (дела о разводе, о содержании детьми родителей, о вмешательстве в брачно-семейные отношения детей и др.); среди уголовных — убийства (в том числе в связи с возбуждением дел о расторжении брака), причинение телесных повреждений, хищения, взяточничество. Отмечается тенденция представлять общеуголовные дела в качестве дел о контрреволюционных преступлениях (с. 256—257).

Всесторонней критике подвергнута автором маоистская конституция 1975 г. Кризис конституции японский исследователь связывает с начавшейся после ее принятия массовой кампанией «за изучение теории диктатуры пролетариата», поскольку в ходе этой кампании был подвергнут критике один из основных принципов, формально записанных в новой конституции, — принцип распределения по труду. Автор вскрывает фальсификацию маоистами ленинского учения о диктатуре пролетариата и вместе с тем указывает на отсутствие единства взглядов по вопросу о так называемом «буржуазном праве» в прежней маоистской верхушке (к последнему выводу он приходит на основании сравнения выступлений в журнале «Хунци» в течение 1975 г. видных маоистских идеологов — бывших членов Политбюро ЦК КПК Яо

Вэньюаня и Чжан Чуңцзяо). Сама кампания «за изучение теории диктатуры пролетариата», по словам Ц. Инако, превратилась в фактор, вызвавший недовольство народных масс. С июля 1975 г. в Китае повсеместно возникли беспорядки, в особенности в городе Ханчжоу, где остановилось производство на заводах и куда «по особому указанию Мао Цзэдуна и ЦК КПК «Относительно деятельности в провинции Чжэцзян» из других районов были направлены войска для восстановления «порядка». Аналогичные беспорядки возникли и в провинции Хэйлуңцзян. В Юньнани, Сычуаня начались волнения крестьян. В восстании крестьян в провинции Юньнань приняла участие молодежь, направленная из городов в деревню. Для подавления этого крестьянского движения были мобилизованы часты общественной безопасности и войска (с. 277).

Автор подчеркивает, что в Китае и после принятия конституции 1975 г. сохраняется нестабильное положение. Потребуется еще много времени, заключает Ц. Инако, чтобы началось подлинное развитие права в Китае (с. 278—279).

Следует положительно оценить проделанную автором работу, направленную на разоблачение порочной теории и практики маоизма, ныне превратившегося в одну из разновидностей антикоммунизма. Ц. Инако написал интересное, содержательное исследование, которое с большим интересом встречено советскими читателями.

А. И. Соколов

* * *

Страницы героического прошлого КПЯ*

Выпущенная недавно московским издательством «Наука» книга доктора исторических наук И. И. Коваленко «Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны» — первая в нашей стране монография, посвященная истории довоенного этапа коммунистического движения в Японии.

Внимание советских исследователей постоянно привлекали и привлекают проблемы мирового коммунистического движения, особенно его развития в капиталистических странах. И это закономерно: марксистско-ленинский анализ самого передового и революционного движения современ-

* И. И. Коваленко. Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 272 с., с илл. и приложением.

ности всегда имел и имеет первостепенное теоретическое и практическое значение.

В наши дни, когда неуклонное развитие мирового революционного процесса сопровождается дальнейшим обострением идеологической борьбы, исследование этих проблем приобретает все более актуальный характер.

Апологеты буржуазии стремятся принизить влияние Великой Октябрьской социалистической революции на мировой революционный процесс, фальсифицировать ее историю, очернить ее итоги и результаты. В нападениях на Коминтерн, в частности, проявляется тенденция посредством критики этой международной организации, руководившейся принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, нанести удар единству международного коммунистического движения и способствовать росту националистических, шовинистических и раскольнических тенденций. Коминтерн сыграл выдающуюся роль в формировании и становлении международного коммунистического движения, в выработке его политической линии. Исторической заслугой Коминтерна является соединение марксизма-ленинизма с рабочим движением в мировом масштабе. Опыт Октября и международного коммунистическо-

го движения глубоко изучается и творчески используется марксистско-ленинскими партиями.

Новый труд И. И. Коваленко о зарождении и развитии коммунистического движения в Японии посвящен светлой памяти японских коммунистов, героически погибших в борьбе с японской реакцией. И. И. Коваленко, являясь одним из ведущих советских японоведов, автором первой в нашей научной литературе фундаментальной работы о коллективной безопасности в Азии, и в рецензируемом труде обратился к важной и сложной теме, сделав первую в советском японоведении попытку комплексного изложения истории создания Коммунистической партии Японии. Несмотря на то что монография охватывает в основном период с начала 40-х годов, автор удалось придать ей современное звучание. Анализируя трудный и славный путь, пройденный японским коммунистическим движением в довоенные годы, автор подводит читателя к сегодняшнему дню и помогает глубже понять те проблемы, с которыми сталкивается сегодня не только КПЯ, но и все демократические силы Японии.

Большим достоинством рецензируемой монографии является широкое использование в ней трудов классиков марксизма-ленинизма, многих новейших исследований советских и японских прогрессивных ученых, материалов КПЯ и выступлений ее руководителей, а также различных периодических изданий. Вопросы становления и развития коммунистического движения в Японии в довоенные годы рассматриваются на фоне экономической и политической обстановки тех лет.

В рецензируемой монографии, охватывающей обширный и важный период истории КПЯ, научный анализ проблем умело сочетается с ярким описанием самоотверженной деятельности известных японских революционеров — зачинателей и организаторов коммунистического движения. Проявляя объективное отношение к историческим фактам, тактичное отношение к материалу, умение выделить главное, определяющее в оценке деятельности коммуниста, обладая большим опытом и знаниями в области японоведения, автор удачно вводит в книгу портретные зарисовки выдающихся деятелей КПЯ, отдавших свои жизни за дело рабочего класса.

По прошествии многих лет лучше становятся видны заслуги коммунистов, положивших основу коммунистическому движению в Японии. При воссоздании образов революционных деятелей существенно не только охарактеризовать их всесторонне, но и показать идеалы, которые их вдохновляли, вершины, к которым они стремились. Страницы монографии, посвященные этому, придают ей особый революционный пафос.

В приложении к монографии публикуются многие важные документы, среди которых — «Тезисы Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала по Японии от 15 июля 1927 г.», «О положении в Японии и о задачах Коммунистической партии Японии. Тезисы западноевропейско-

го бюро Коммунистического Интернационала», «Обращение ЦК Коммунистической партии Японии по поводу новых тезисов западноевропейского бюро Коммунистического Интернационала по японскому вопросу».

Анализ довоенной истории коммунистического движения в Японии, несомненно, имеет не только познавательное значение, он способствует лучшему пониманию проблем революционного движения, борьбы всех демократических сил страны на современном этапе. Проблемы политики партии рабочего класса (ее организации, тактики, завоевания массовой базы, выработки программных документов и т. д.) являются центральным стержнем анализа в монографии. «Самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, — подчеркивал В. И. Ленин, — это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Руководствуясь таким подходом к проблемам революционного движения в Японии, автор рисует картину социально-экономического развития страны и идейно-политического созревания рабочего класса, его формирования как ведущей силы революционного преобразования общества.

Анализируя особенности развития японского империализма, автор сосредоточивает внимание читателя на тех социально-экономических и политических процессах, которые привели к превращению Японии в империалистическое государство и наложили свой отпечаток на формирование рабочего класса, на зарождение революционного движения в стране. «...Специфические условия развития японского капитализма, — подчеркивает автор, — порождали массу трудных проблем, тормозивших развитие революционного процесса в стране, осложняли борьбу рабочего класса, создавали дополнительные преграды на пути развития социалистического и коммунистического движения в Японии» (с. 28).

Развертывание процесса перерастания японского капитализма в монополистическую стадию, резкое усиление милитаризации страны и эксплуатации рабочего класса вызвали активизацию рабочего движения. Выступления японского пролетариата со второй половины 90-х годов XIX в. становятся более частыми, организованными и боевыми. Уже к этому времени в стране возникли первые профсоюзы. Одновременно стали появляться различные политические группы, кружки и организации, требовавшие свержения монархии и установления парламентской республики. Все это не могло не напугать правящую верхушку, которая ввела в стране первый специальный закон «Об охране порядка». С помощью этого закона безжалостно подавлялись выступления против существую-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

шего строя. Однако, несмотря на трудные условия, социалистические идеи все шире распространялись в Японии.

В монографии ярко показано, как японский пролетариат постепенно набирал силы, выдвигая из своих рядов способных руководителей, включался в активную борьбу против эксплуататоров, за улучшение своих жизненных условий, за политические права и демократические свободы.

Со второй половины 90-х годов начался новый этап в развитии японского рабочего и социалистического движения, который связан прежде всего с именем выдающегося японского революционера Сэн Катаяма, внесшего огромный вклад в распространение марксизма в Японии. Признанный вождь японского пролетариата, основатель Коммунистической партии Японии отдал много сил делу соединения рабочего движения с теорией научного социализма. «Он представлял собой,— пишет автор,— образец японского революционера, который вышел из гущи народа и всю свою сознательную жизнь самоотверженно боролся за великие коммунистические идеалы» (с. 36). Имя Сэн Катаяма и сегодня служит символом беспредельной верности народу, великому делу марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Автор подчеркивает огромное воздействие, которое оказали на развитие революционного движения в Японии ленинские идеи и борьба большевистской партии в России. Победу Октября интернационалисты приветствовали с энтузиазмом. «Вести из России Япония впитывала так же жадно, как высохшая почва пустыни впитывает воду»,— писал японский журналист Огура.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала сильнейший толчок развитию рабочего и крестьянского движения и усилению политической борьбы в Японии. Ее победа нацелила японских революционеров на изучение трудов вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Прогрессивные силы Японии стали искать в этих трудах ответы на волновавшие их вопросы. Японские прогрессивные издательства начали издавать массовыми тиражами ленинские произведения.

«На произведениях В. И. Ленина воспитывалась целая плеяда закаленных и стойких революционеров, создавших Коммунистическую партию Японии и возглавивших революционную борьбу японского пролетариата» (с. 57). Широкое распространение в Японии получили такие произведения В. И. Ленина, как «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Развитие капитализма в России», «Новая экономическая политика», «Империализм и национальный вопрос», «Война и социализм», «Пролетарская революция», «Политические задачи пролетариата», «Пролетариат и парламентские выборы», «Что делать?», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Материализм и эмпириокритицизм».

Под непосредственным влиянием Октября в Японии вспыхнули крупнейшие выступления трудящихся, получившие на-

звание «рисовых бунтов». Основатель Коммунистической партии Японии Сэн Катаяма писал: «Октябрьская революция стала сигналом к пролетарским выступлениям во всех уголках земли. Под влиянием Октябрьской революции рабочие и крестьяне Японии подняли знаменитые рисовые бунты в 1918 году. Это движение, ставшее исходным пунктом нынешнего революционного движения в Японии, родилось на вершине той волны, которая была вызвана Октябрем» (с. 58—59). В значительной степени этому способствовал кризис перепроизводства, разразившийся после окончания первой мировой войны, на которой японские монополии наживали огромные капиталы. Кризис привел к свертыванию целых отраслей промышленности, банкротству банков и компаний, росту безработицы, значительно ухудшил и без того тяжелое положение трудящихся масс. В результате этого резко усилилась забастовочная борьба рабочего класса, на плечи которого легла основная тяжесть кризисных потрясений. Эта борьба принимала все более организованный и целеустремленный характер.

Подъем рабочего и демократического движения привел к оживлению деятельности синдикалистских элементов, выступавших с «левых» позиций, и социал-демократических элементов правого толка. Прекращающаяся идеологическая борьба, развернувшаяся между этими течениями, из-за отсутствия марксистской политической партии не позволяла направить действия рабочего класса по правильному пути.

В этих сложных социально-экономических и политических условиях развития Японии «в повестку дня был поставлен вопрос о необходимости создания революционной политической партии нового типа, которая, руководствуясь учением научного социализма, смогла бы вооружить японский рабочий класс ясной перспективной движением вперед, сплотить вокруг него самые широкие слои трудящихся и повести их на борьбу за мир, демократию и социальный прогресс, на штурм капитализма и построение социалистического общества» (с. 68). 15 июля 1922 г. благодаря усилиям японских профессиональных революционеров-коммунистов, поддержанных международным коммунистическим движением, была создана Коммунистическая партия Японии.

Автор подчеркивает, что образование КПЯ было теснейшим образом связано с победой Великой Октябрьской социалистической революции в России, с политической деятельностью вождя мирового пролетариата В. И. Ленина и Коминтерна. Серьезное внимание в монографии уделено созданию КПЯ и первым шагам ее деятельности, подробно рассказывается о той конкретной помощи, которую Коминтерн, выполняя свой интернациональный долг перед международным пролетариатом, и В. И. Ленин оказали коммунистам Японии в создании и укреплении авангарда рабочего класса.

В первые годы своего существования КПЯ испытывала многочисленные трудности. Перед ней встала задача огромной

жизни — выработать правильную тактику и стратегию борьбы в условиях жестокого военного-монархического режима, бороться и повести за собой широкие массы на борьбу против капиталистического строя, войны и реакции, за развитие страны по пути мира и социального прогресса. Став на путь защиты классовых интересов трудящихся, на путь пролетарского интернационализма, она развернула борьбу за демократизацию страны, за улучшение условий жизни японского народа, против репрессивной политики японского империализма. Менее чем через год после основания КПЯ реакция развязала против коммунистов жесточайшие репрессии, начались первые массовые аресты. Были схвачены и осуждены партийные активисты. Они подвергались невероятным пыткам. Но тяжелые удары не сломали Компартию. «Находясь в глубоком подполье, — пишет автор, — партия продолжала мужественную борьбу за демократические коммунистические идеалы» (с. 1126).

Вся деятельность КПЯ в довоенные годы являет собой пример героического и беззаветного служения коммунистов великому делу преобразования общества в интересах трудящихся масс на основе марксизма-ленинизма. Даже в самые трудные периоды борьбы с превосходящей их сила-

ми реакцией коммунисты верили в неизбежность крушения японского милитаризма и освобождение японского народа от жестокого гнета военно-фашистской диктатуры. Председатель Президиума ЦК КПЯ Кэндзи Миямото в декабре 1944 г., находясь в тюрьме, куда он был брошен японской охранкой почти на 12 лет, пророчески писал, что «близится час приговора суда истории» и что «нужно хорошо подготовиться к встрече дня, когда японский империализм, предположительно в будущем году, потерпит поражение, а демократические свободы будут восстанавливаться» (с. 223—224).

Поражение милитаристской Японии во второй мировой войне открыло новую страницу в истории рабочего и демократического движения, в истории деятельности Коммунистической партии Японии.

Проникнутая духом пролетарского интернационализма и классовой солидарности с коммунистами Японии, книга И. И. Коваленко, несомненно, будет с большим интересом встречена не только советскими читателями, но и японской прогрессивной общественностью, всеми, кто интересуется историей коммунистического движения в Японии.

В. А. Васильев

Фундаментальное исследование юаньской драмы

«Вряд ли можно найти европейца, побывавшего в Китае — в прошлые ли века или в совсем недавние времена — и оставшего письменный рассказ о слышанном и увиденном, который не упомянул бы о главном увлечении китайцев театром. Первым был Марко Поло, поведавший о том, что на пирах... у юаньского императора обильная гостей развлекали «группы комедиантов и исполнителей на различных инструментах». С этих слов начинается свою первую книгу В. Ф. Сорокин. Имя Сорокина хорошо известно всем, кто изучает китайскую литературу или просто интересуется ею. Он автор книг о Лу Синя, Мао Дуя, кратко, но весьма содержательно очерка истории китайской литературы, написанного им в соавторстве с его учителем профессором Л. З. Эйдлиным¹. Он автор и

многих статей о китайской литературе былых эпох и наших дней.

Книги, как известно, пишутся по-разному. Одни создаются как бы единым дыханием, другие — плод многолетнего и кропотливого труда. Про такие книги говорят, что это труд целой жизни. Именно такой книгой и является монография В. Ф. Сорокина «Китайская классическая драма XIII—XIV вв. Генезис. Структура. Образы. Сюжеты», изданная Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1979 г. В. Сорокин заинтересовался китайской драмой XIII—XIV вв., или, как ее обычно называют в Китае, юаньской драмой, два десятилетия тому назад. В 1958 г. по решению Всемирного Совета Мира отмечался 700-летний юбилей крупнейшего юаньского драматурга Гуань Ханьцина. Именно тогда В. Ф. Сорокин и выступил впервые со статьей о творчестве этого блестящего представителя целой плеяды китайских драматургов XIII—XIV вв. Это была его первая публикация о юаньской драме², появившаяся в числе первых советских работ о классической китайской драме вообще. С тех пор, в течение всех последующих двадцати лет, в журналах и сборниках статей по литературам Востока появлялись его исследования о различных аспектах юаньской драматургии. И на традиционных конференциях по теоретическим

¹ В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958; его же. Творческий путь Мао Дуя. М., 1962; Сорокин, Л. Эйдлин. Китайская литература. М., 1962.

² В. Ф. Сорокин. Великий драматург Гуань Ханьцин. — «Советское Китаеведение», 1958, № 2.

проблемам литератур Дальнего Востока, которые проходят в Ленинграде каждые два года, В. Ф. Сорокин неизменно занимал участников со своими новыми изысканиями по этой теме. Теперь исследование завершено и издано целиком в виде большой книги. Оно же было представлено В. Ф. Сорокиным в Ученый совет Института востоковедения АН СССР, который единогласно присудил ему за это исследование ученую степень доктора филологических наук.

О чем же написана книга В. Ф. Сорокина? О тех проблемах, которые обозначены в подзаголовке. Это книга о том, как сложилась юаньская драма, какова композиция тогдашних пьес, какие герои наиболее типичны для юаньских пьес и какие сюжеты разрабатывали в своих произведениях юаньские драматурги. Некоторые средневековые источники свидетельствуют, что в XIII — начале XV вв. в Китае было создано около двух тысяч пьес. Семьсот из них известны нам теперь по названиям, а 162 сохранились полностью или частично. Эти 162 пьесы и изучил В. Ф. Сорокин, причем изучил досконально, в отличие от многих своих предшественников — исследователей разных стран, которые часто строили свои работы на материале только наиболее знаменитых произведений юаньских драматургов. Даже самое полное и репрезентативное исследование юаньской драмы — книга проф. Ч. Ши (Университет им. Дж. Вашингтона) «Золотой век китайской драмы: юаньские пьесы»³ строится на материале примерно одной трети сохранившихся юаньских драм.

Автор не просто прочитал все дошедшие до нас тексты, но и кратко изложил их содержание по актам, что составило большой раздел его книги (более ста страниц убористого петита), названный «Сюжеты драм пьес XIII—XIV вв.». Включение в сферу исследования всего корпуса дошедшего до нас материала важно потому, что гарантирует автора от односторонности суждений и дает возможность показать все нюансы мировоззрения авторов пьес и особенности их творческой манеры.

Изучив все тексты тогдашних пьес, В. Ф. Сорокин не оставил без внимания и обширную литературу, посвященную этой теме, начиная с 1330 г., когда появился «Список умерших драматургов» («Лу гуй бо») Чжун Сычэна, и кончая современными исследованиями Тань Чжэнби, Сунь Кайди, Чжао Цзиншэня, Чжоу Ибая, Ло Цзиньтана, Есикава Кодзиро, Хатано Таро, Ч. Ши и многих, многих других. Составленная им и приложенная к книге библиография, несмотря на отдельные незначительные пропуски, может считаться самой полной в современной науке. Но основная ценность книги не столько в собранном в ней интересном материале, сколько в оригинальном его истолковании, в новом подходе к фактам и новым приемах анализа.

³ Chung-wen Shih. The Golden Age of Chinese Drama: Yuan Tsa-chü. Princeton University Press, 1976.

Первая часть исследования В. Ф. Сорокина названа «Генезис жанра». Казалось бы, об этом написано уже много. Ван Гоуэй, Чжоу Ибай, Жэнь Баньтани, Есикава Кодзиро, И. Гайда и Т. Жбиковский уже сделали немало в изучении генезиса ранних китайских театральных представлений. Но и здесь В. Ф. Сорокин находит свой угол зрения. Если его предшественники пытались обнаружить прямую нить развития театрального и драматического творчества в Китае и доказать, что драма непосредственно вышла из песенно-повествовательного сказа чжугундяо, то В. Ф. Сорокин показывает неправомочность подобных суждений. Он выдвигает и обосновывает свою диалектическую точку зрения, наглядно демонстрируя читателю, что возникновение драмы в Китае явилось результатом взаимодействия целого ряда факторов, что драма впитала в себя опыт не только прозаических сказов, но и песенно-танцевальных представлений, фарсовых сцен: классической поэзии, новеллы и т. п.

Особенно важным представляется на взгляд автора взаимодействие принципиально разных культурных компонентов восходящих и к так называемой «высокой», и к «низкой» словесности. Диалектика взаимоотношений изящно-классической («я» в китайской терминологии) и просто народного («су») на материале юаньских драмы показана, насколько нам известно в науке впервые. Вместе с тем проблема эта чрезвычайно актуальна и важна не только для понимания сложного генезиса драматического жанра, но в равной мере для генезиса, например, китайских средневековых книжных эпосов, где органически сливаются в единое художественное целое разнородные элементы этих же двух слоев средневековой культуры. Важно это и для понимания литературной новеллы. Дело в каждом конкретном случае в мере элементов, идущих от высокой или «низкой», пристолярной словесности.

Всестороннее исследование генезиса композиционных особенностей юаньских драмы потребовало от автора книги анализ самых разных ее компонентов. Впервые в нашей синологии В. Ф. Сорокин отважился вторгнуться в музыкальный мир китайского театра, в проблемы мелодии и ритмики — столь специфичные и сложные для исследования, что даже в специальных работах о китайской поэзии их обычно не касаются.

Юаньские драмы сохранились в основном в изданиях конца XVI — начала XVII в. Только 30 из них дошли до нас в ксилографическом издании собственного юаньского времени. Этот ксилограф бы найден в Японии и переиздан там в 1914 г. Такое положение с источниками потребовало от автора исследования текстологических проблем. С раздела текстов пьес начинается вторая часть цензурируемой книги. Во всех возможных случаях В. Ф. Сорокин оперирует текстами наиболее раннего (юаньского — XIV издания, называя его первопечатным), прodelывает детальное сопоставление и

стов 30 драм, сохранившихся в этом издании, с их перепечаткой в более поздних собраниях, уже XVI—XVII вв., и приходит к справедливому, на наш взгляд, но далеко не однозначному выводу. «Возникает вопрос: являются ли известные нам тексты китайской драмы XII—XIV вв. аутентичными? — спрашивает автор и пишет далее: — И нет, и да. Нет — потому что ни одна из этих пьес не сохранилась полностью (включая арии и диалоги) в том виде, в каком она исполнялась в театральных балаганах) и как она могла быть записана в свое время. Да — в том смысле, что при всех позднейших редакторских добавлениях и изменениях, произведенных за три с лишним столетия, не только основная линия сюжета, его идейная и эмоциональная окраска, характеристики ведущих персонажей остались, как правило, неизменными; сохранилась в первоначальной или близком к нему виде и значительная часть поэтического текста» (с. 78—80). Такой подход к анализируемым произведениям дает возможность реконструировать драматургию XII—XIV вв. на основе сохранившихся в настоящее время текстов.

Не менее важны и соображения В. Ф. Сорокина об авторстве тех или иных текстов. В результате вдумчивого анализа он приходит к интересному выводу о том, что XIII—XIV вв. были временем, когда утверждалось понятие авторства в китайской драматургии — более ранние пьесы были сплошь анонимны (с. 80). Вместе с тем, свидетельствует В. Ф. Сорокин, должное уважение к авторскому тексту в драматургии вырабатывается медленно, оно становится более или менее обязательным лишь с XVI в., когда, добавим мы от себя, ведущие драматурги, например, Тан Сяньцзю, специально выступают с требованием к актерам строго следовать авторскому тексту. Впоследствии, однако, такое требование почти не соблюдалось, и в XVIII—XIX вв. мы снова сталкиваемся с массой анонимных пьес и тысячами их безымянных переделок в различных местных театрах Китая.

Специальный раздел книги посвящен В. Ф. Сорокиным композиции пьес. В этом разделе оригинальным представляется нам его вывод о четырехчастной композиции юаньских драм. Об этом очевидном факте писали, конечно, и его предшественники, но автор книги впервые в науке дал объяснение этому интересному феномену.

Казалось бы, лирическая поэзия в жанрах ши и цы и юаньская драма — жанры принципиально разные, но В. Ф. Сорокин показывает их определенную схожесть. Каждый, кто читал четверостишия Ли Бо или Бо Цзюйи, которые неоднократно издавались в русских переводах в нашей стране, наверное заметил, что они построены по определенному композиционному принципу: первая строка — зачин, вторая как бы подхватывает мысль первой строки, третья знаменует собой поворот мысли поэта и четвертая — логическое ее завершение. Такую же в принципе композицию В. Ф. Сорокин обнаружил и в юаньской драме. Однако автор книги вовсе не предполагает,

что творцы драм сознательно копировали композицию стихотворений, он видит здесь другое — интуитивное следование общим эстетическим принципам, которые определяли построение произведений и в поэзии, и в высокой прозе — гувэнь, то есть в жанрах изящной (по тогдашним понятиям) словесности (с. 88).

Книгу В. Ф. Сорокина приятно и интересно читать не только потому, что узнаешь из нее новые факты, но во многом благодаря тому, что автор стремится уловить тонкие нюансы и оттенки мыслей драматургов, живших шестьсот-семьсот лет назад. Самый удачный и новаторский раздел книги — он, пожалуй, и один из самых больших — назван «Мир образов юаньской драмы». Автор поставил перед собой задачу воссоздать духовный мир юаньских драматургов, реконструировать их мировоззрение на основании сохранившихся текстов драм, показать отношение сочинителей пьес к различным слоям тогдашнего феодального китайского общества — от государей до простых торговцев и крестьян. Такой принцип анализа представляется нам во многом новым и оригинальным по своей методике, важным для общей характеристики как мировоззрения эпохи в целом, так и самого жанра. Автор начинает свой анализ с образов героев, стоящих на самой высокой ступеньке тогдашнего общества, с образов правителей-ванов и императоров-ди. В. Ф. Сорокин выясняет тот идеал правителя, какой был актуален для драматургов XIII—XIV вв. Идеал этот был во многом навеян конфуцианским учением. Для создателей драм, как и для всех конфуцианцев, идеалом древнего правителя вана был основатель династии Чжоу царь У-ван и его мудрый брат Чжоу-гун. Отрицательным вариантом правителя — тиран Чжоу Синь, последний государь предыдущей династии Шан. Так изображали драматурги правителей легендарной древности.

Однако по-другому складывались у них образы государей более поздних династий. Основатель царства Шу, любимый герой народных сказаний Лю Бэй или основатель династии Сун Чжао Куаньинь, о котором в народе ходило множество забавных историй, показаны в пьесах уже иначе. По словам В. Ф. Сорокина, они выглядят не воплощением абсолютного добра или абсолютного зла, а живыми людьми, пусть не совсем обыкновенными.

Подробно и обстоятельно анализирует Сорокин и образы двух государей — ханского Юань-ди, расстающегося со своей прекрасной наложницей Ван Чжаоцзюнь из знаменитейшей пьесы Ма Чжиюаня «Осень в юаньском дворце», и танского Минь-хуана, вынужденного по требованию взбунтовавшегося войска санкционировать самоубийство любимой наложницы, красавицы Ян-гуйфэй из пьесы Бо Пу «Дождь в платанах». Тонко, с большим исследовательским талантом показывает автор, как поразному два великих юаньских драматурга рисуют образы государей в сходных в известной мере обстоятельствах.

Конечно, автор книги не ограничивает свое внимание образами только императо-

ров, он показывает, как изображали юаньские драматурги сновников, военачальников, судей и преступников, мятежников и отшельников, молодых ученых, торговцев, крестьян, а также женщин — барышень из богатых домов, певчечек из зеленых теремов, бойких служанок вроде известной Хуннян из «Западного флигеля» Ван Шифу. Целая галерея образов и типов проходит перед читателем новаторской книги В. Ф. Сорокина, написанной на самом высоком научном уровне. Жаль только, что автор в этой связи не поставил один важный и интересный литературно-теоретический вопрос: что мы видим в юаньской драме — типы героев или уже характеры? Может быть, как кажется рецензенту, здесь есть самое начало перехода от типов героев, какие свойственны фольклору, к характерам, разрабатываемым в литературе уже более позднего реалистического направления. Первые шаги в этом направлении сделаны, видимо, именно юаньскими драматургами — такой вывод напрашивается из исследования В. Ф. Сорокина.

С важнейшим разделом книги, посвященным миру образов юаньской драмы, перекликается и чрезвычайно интересное по мыслям «Заключение», названное «Человек и его место в мире в представлении юаньских драматургов». В Заключении читатель найдет ряд тонких рассуждений о том, как представляли себе авторы XIII—XIV вв. человеческую долю (фэнь), объединяющую определенного героя с группой ему подобных (с. 299), и индивидуальную судьбу (мин), зависящую от личных качеств человека; как влияет на судьбы героев юаньской драмы вера в предопределение небес; каково воздействие на мировоззрение драматургов и их героев конфуцианства, даосизма, буддизма, веры во вмешательство потусторонних сил. Правильно утверждая, что в основной массе юаньских драм «безраздельно царит или по меньшей мере преобладает дух земной, здравомыслящий», В. Ф. Сорокин, на наш взгляд, все-таки недостаточно уделил в своей книге внимания анализу фольклорных, а также даосских и буддийских сюжетов. Последние, кстати сказать, были предметом изучения В. Ф. Сорокина в отдельных докладах и небольших статьях⁴, они разрабатываются активно и в последних работах японских синологов⁵. Иначе обстоит дело с фольклорными сюжетами, насколько известно, еще не бывшими предметом научного рассмотрения. Вообще, как нам представляется, книга В. Ф. Сорокина выиграла бы, если бы автор уделил несколько больше внимания фольклорному аспекту юаньской драмы. Речь здесь может идти не только об анализе сказочных пьес типа «Студент Чжан кипятит море», но и о проблеме использования авторами пьес фольклорных мотивов и эпических ситуаций.

Изучая в свое время пьесы о Троецарствии, рецензент обратил внимание на то, что пьесы XIII—XIV вв. сохраняют гораздо больше эпических черт и мотивов, чем, например, изданная в 20-х годах XIV в. народная книга Пинхуа по «Истории трех царств». Насколько этот вывод справедлив для пьес других циклов — вот вопрос, который, к сожалению, не получил освещения в книге. В. Ф. Сорокин не раз говорит о роли народного устного сказа в генезисе драмы, но можно было бы обратиться к устному сказу и в тех местах книги, где анализируются, например, заглавия пьес, стоящие в конце текста, или при разборе зачинных и конечных стихов в пьесах. Можно надеяться, что В. Ф. Сорокин еще не раз вернется к предмету своих многолетних изысканий и даст ответ на поставленные нами вопросы.

В целом же новое исследование В. Ф. Сорокина, написанное на самом высоком научном уровне, с учетом всех достижений мировой синологии, удачно заполняет пробел в нашем Китаеведении. Оно закладывает прекрасный фундамент для создания подлинно научной истории китайской драмы и истории китайской литературы в целом. Книга В. Ф. Сорокина одновременно и ценнейший справочник для всех, кто интересуется китайским театром, народной литературой (повестью, романом, легендами, сказом), отражением исторических событий в средневековой китайской словесности. Это своеобразный комpendium сведений о сюжетах всех 162 юаньских драм, содержание которых впервые изложено четко, лаконично и в точном соответствии с композицией пьес, о специфической театральной терминологии, используемой актерами и драматургами до XV в. (к книге приложен интересный словарь драматургических и театральных терминов).

Монография В. Ф. Сорокина, нужная и полезная книга, несомненно, долгие годы будет служить специалистам как оригинальное исследование и свод новейших сведений о самом знаменитом периоде в истории китайской драмы.

Б. Л. Рифтин,
доктор филологических наук

⁴ См. В. Ф. Сорокин. Пьесы «даосского цикла» — жанровая разновидность цзайцзюй XIII—XIV вв. — «Жанры и стили литературы Китая и Кореи». М., 1969; его же. Буддийские сюжеты в китайской драме XIV—XV вв. — «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». М., 1970.

⁵ См., например, Тубати Масакану. Становление драм о даосских бессмертных. — «Нихон Тюгоку гаккай хо», 1976, № 28, с. 171—186.

Суханов Л.С.

о. 123-185.

Внешние связи ИДВ

Учитывая интерес, проявленный читателями журнала к Институту Дальнего Востока Академии наук СССР, а также поступающие в редакцию просьбы читателей, редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» вводит постоянный раздел в рубрике «Научная жизнь» — «В Институте Дальнего Востока», в котором будут регулярно освещаться международные научные связи института, проводимые в институте научные форумы с участием зарубежных ученых, наиболее интересные беседы и дискуссии с посещающими институт представителями различных стран мира и т. д.

Ниже публикуется первая статья на эту тему заведующего Отделом внешних связей и международного научного сотрудничества ИДВ, кандидата исторических наук Л. С. Суханова, которая дает общее представление об объеме и характере внешних связей института.

Вряд ли вызовет возражения и споры утверждение, что внешние контакты любого научно-исследовательского центра (лаборатории, института и т. п.) не только тесно связаны с его научной значимостью, но и прямо пропорциональны ей, конечным результатам его научных исследований, авторитету и квалификации его сотрудников. Чем выше эти показатели, тем больший интерес и внимание к научному центру проявляют другие ученые, специалисты заинтересованных организаций и учреждений, как отечественных, так и зарубежных. Это полностью относится не только к научным центрам, работающим в области естественных и точных наук, но и к научным центрам гуманитарного профиля, действующим в области общественных или, по принятой на Западе терминологии, политических наук.

Вторым важнейшим фактором, непосредственно воздействующим на характер и объем международных научных связей, является политический климат, то есть международная обстановка. Говорить что-либо о международных научных связях в период войны, вполне понятно, не приходится. Минимальны эти связи и в период так называемой «холодной войны». Они сокращаются или прерываются в период напряженности в международных отношениях в кризисных ситуациях. И только разрядка международной напряженности создает благоприятные условия для развития широких и прочных научных связей между государст-

вами с различными общественно-политическими системами.

Однако международные научные контакты и разрядка международной напряженности имеют и обратную связь: расширение научных обменов способствует лучшему взаимопониманию между народами, укреплению взаимного доверия и, следовательно, содействует процессу дальнейшего расширения и углубления разрядки. Именно поэтому соглашения о научном обмене являются важной составной частью международных договоров, заключенных в последнее время между государствами с различным общественным строем. Именно поэтому вопрос о состоянии и расширении научных обменов был в числе основных в повестке дня Международного совещания глав государств и правительств по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в городе Хельсинки в 1975 г.

Формирование и развитие внешних связей Института Дальнего Востока Академии наук СССР следовало за становлением и развитием самого института, призванного стать головным научным учреждением в области изучения международных отношений на Дальнем Востоке и современных проблем государств этого региона, прежде всего Китая и Японии.

ИДВ АН СССР был создан в 1966 г., то есть всего 13 лет назад. Для научного учреждения это срок небольшой, но, как мы увидим далее, Институт за короткое время сумел приобрести известность и авторитет в различных частях нашей планеты. Унаследовав лучшие традиции русского и советского Китаеведения, научные сотрудники института — Китаеведы (а они составляют большинство сотрудников института) за короткий срок опубликовали десятки серьезных исследований по актуальным проблемам региона. Многие из этих монографий были изданы на национальных языках в странах Восточной Европы, США, Японии и др. странах. Как отмечалось в рецензиях на издания института, опубликованных за рубежом, а также в высказываниях зарубежных специалистов, посещающих институт, работы сотрудников ИДВ привлекают к себе внимание прежде всего комплексным подходом к исследуемым темам, глубиной и научной обоснованностью выводов.

Все больший спрос и распространение получает журнал института «Проблемы Дальнего Востока», издающийся, кроме русского, на английском и японском языках (готовится издание на испанском языке). Об интересе к этому изданию в США свидетельствует, в частности, тот факт, что американское издательство заключило договор на перевод, издание и распростране-

ние в США одной тысячи экземпляров журнала, с тем чтобы он быстрее доходил до американского читателя — до заинтересованных организаций и лиц.

Развитию внешних связей института во многом способствовало активное участие его научных сотрудников в различных международных научных форумах, проходивших за рубежом — в США, Японии, Бельгии, Италии и других странах. С 1967 г. сотрудники института участвуют в конгрессах европейских синологов. Конгрессы проходили за это время в Италии (дважды), Великобритании, Франции (дважды), Швеции, Нидерландах. По линии научного обмена ученые ИДВ выезжали для научной работы, обмена мнениями, чтения лекций в Индию, Сингапур, Японию, в США, ФРГ, Великобританию, Францию, Италию.

Особенно прочные и широкие научные связи ИДВ АН СССР установил с соответствующими научными центрами братских социалистических стран Европы, Республики Кубы, Монгольской Народной Республики. Успешно развиваются дружеские связи с центрами Социалистической Республики Вьетнам. Советские ученые регулярно выезжают в эти страны для участия в научных форумах, для чтения лекций, обмена мнениями. Научные связи синологов ИДВ с их коллегами из указанных стран достигли высшей своей формы — проведения совместных исследований. Подготовлены или готовятся к печати (на соответствующих национальных языках) совместные научные труды: «Маоизм: эволюция, идеология и политика» (НРБ и СССР), «Классы и классовая структура в КНР» (ГДР и СССР), «Национальный вопрос в КНР» (МНР и СССР). Завершается работа над коллективной монографией «Тридцать лет Китайской Народной Республики. 1949—1979 гг.», в которой принимают участие, кроме ученых ИДВ, ученые из НРБ, ВНР, ГДР, Республики Кубы, МНР, ПНР и ЧССР. Книга будет издана во всех этих странах на национальных языках.

ИДВ АН СССР оказывает братским странам помощь в подготовке молодых научных кадров. В аспирантуре при институте обучалась и учится молодежь из НРБ, ВНР, МНР, ПНР, ЧССР. Научные сотрудники этих стран проходят стажировку в ИДВ АН СССР. Проводится регулярный обмен публикациями и научными изданиями.

Широкое развитие и углубление международных научных связей института привело к тому, что в 1974 г. в нем был создан Отдел внешних связей и международного научного сотрудничества.

Отдел осуществляет и обмен научными публикациями между ИДВ АН СССР и зарубежными научными центрами.

Выше отмечался рост известности и авторитета ИДВ АН СССР как научного центра. Растет поток зарубежных посетителей института. Цели посещения различные: научная работа или стажировка, участие в проводимых институтом научных конференциях, симпозиумах, чтение лекций и обмен мнениями с ведущими сотрудниками

института по изучаемой ими тематике, консультации, общее знакомство с институтом и т. п. Характерно, что большой интерес к институту и его работам проявляют не только ученые-международники, работающие в той же области научных исследований, но и журналисты, политические обозреватели различных теле- и радиокomпаний и концернов прессы, политические и общественные деятели разных стран, дипломаты.

В качестве иллюстрации можно привести несколько цифр: так, только в 1979 г. (с 1 января по 15 сентября) институт посетило более 260 зарубежных гостей из 18 стран, в том числе более 150 ученых и научных работников, около 80 политических и общественных деятелей, 20 журналистов и столько же дипломатов. Первое место среди них по численности (70 человек) занимают ученые из восьми братских социалистических стран: Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Социалистической Республики Вьетнам, Чехословакии. Они принимали активное участие в двух организованных ИДВ научных конференциях — на тему «Против фальсификации истории маоистами» (март 1979 г., Москва. См. «Проблемы Дальнего Востока», № 2 за 1979 г.) и в ежегодной конференции ИДВ по новейшей истории Китая (апрель 1979 г., Москва). Среди них были такие крупные ученые, как академики Д. Косев (НРБ), Ф. Тёкаи (ВНР), Ш. Бира (МНР), члены-корреспонденты национальных академий Б. Тугаадаш (МНР) и Я. Пурш (ЧССР), руководители крупных научно-исследовательских институтов своих стран Д. Митев (НРБ), Б. Талаш (ВНР), Н. Ишжамц (МНР), М. Матоуш, Я. Цесар и В. Оплуштил (ЧССР), известные ученые Х. Петерс, Р. Фелбер (ГДР), В. Наметкевич и Р. Славинский (ПНР), Во Хонг Кыонг, Дао Зуй Тунг (СРВ) и др.

За этот же период институт принял большое число ученых из западных стран. Вице-президент римского Института Среднего и Дальнего Востока профессор Л. Ланчотти, воспитавший в Венецианском университете целую плеяду итальянских синологов, прочел в институте лекцию «Конфуцианство и легизм в Китае» и имел беседы с руководством института. Состоялись обмен мнениями и дискуссии с профессором из различных университетов США: У. Киннером, Ги Паукером, Джорджем Гинсбургсом, Майклом Кау, Томасом Робинсоном, Кинном Янгом, У Юаньли. Институт посетили японские ученые: профессор Сато Хироси, Исаму Фудзита, М. Химета, профессор из Индии Мучерджи, директор лондонского института стратегических исследований проф. Бертрам и др.

Далеко не все дискуссии и беседы по проблемам международных отношений проходили спокойно и гладко: были горячие споры, бурные возражения и др. Это вполне естественно, так как стороны в таких дискуссиях представляют собой диаметрально противоположные политические взгляды и оценки происходящих в мире событий. Тем не менее, как отмечалось неоднократно,

откровенный обмен мнениями представляет бесспорный взаимный интерес, позволяет лучше понять позицию и аргументацию сторон, а главное, найти то общее, что не раздвигает, а объединяет обе стороны, ибо даже при крайних точках зрения находятся общие объединяющие моменты — это прежде всего стремление народов к прочному, надежному миру на земле, стремление внести вклад в процесс разрядки, в укрепление дружбы и взаимопонимания между народами.

Что касается оценок событий, происходящих в КНР, внутренней и внешней политики пекинского руководства, роли КНР в международных отношениях на данном этапе, то по этим вопросам, как правило, отмечается почти полное совпадение точек зрения сиологов социалистических и капиталистических стран. Это также вполне понятно, так как наука в подлинном, философском понимании ее — как познание объективной истины — едина и независима от политических воззрений ученых, стремящихся к этой истине.

Подобные встречи и беседы с коллегами из других стран приносят ощутимую пользу ее участникам и в их личной научно-исследовательской работе, позволяя выявлять недостатки аргументации по тем или иным вопросам исследований, вводить в оборот новые факты и данные, выявлять и привлекать новые источники и т. п. Так, например, проф. Д. Гинсбург (США), готовящий большое, серьезное исследование по истории формирования границ Китая и возникновению территориальных претензий КНР к ее соседям (первая часть этой работы недавно была опубликована в США), имел длительные беседы на эту тему с заведующим сектором ИДВ В. С. Мясниковым и сотрудниками. В ходе этих бесед была подробно обсуждена первая (изданная) часть работы американского ученого, отмечены ее сильные стороны: широта охвата темы, стремление к объективности и др. Вместе с тем советские ученые отметили ряд серьезных недостатков и упущений, которые, по их мнению, снижают ценность и значимость работы: одностороннее использование источников, ряд неточностей и др. Проф. Д. Гинсбург выразил искреннюю признательность своим советским коллегам за конструктивную благожелательную критику своей работы, а главное, за те конкретные советы по привлечению новых, неизвестных ему, источников и фактов, которые он сможет учесть при подготовке к печати второй, заключительной, части монографии. В. С. Мясников отметил, что прошедшая дискуссия была полезна также для советских ученых.

Подобные примеры можно было бы продолжить. Следует отметить, что все без исключения беседы и дискуссии ученых института с их западными коллегами проходили при взаимном уважении сторон, несмотря на степень расхождения во взглядах. Эту благожелательность и дружелюбие советских ученых, как и всех советских людей, отмечали по возвращении на родину в печати и в устных заявлениях многие гости

института из западных стран.

Большую группу посетителей ИДВ АН СССР составляют политические, государственные и общественные деятели различных, главным образом западных, стран. В их числе были ответственный сотрудник Совета национальной безопасности США проф. Гриффитц, делегация социалистической партии Японии во главе с депутатом палаты представителей т. Такасава Торао, делегация молодежи СПЯ во главе с членом ЦК СПЯ Фукода и др.

Институт посетили также генеральный секретарь «Джаната парти» (правящей партии Индии) г-н Лиман, заместитель министра иностранных дел СРВ тов. Фан Хиен, заведующие отделами МИД СРВ т. Ле Чанг и Тан Фонг, член ЦК ПОРП т. Раковски и др. В августе институт посетила группа американских конгрессменов (26 человек) во главе с Вулфом.

Среди журналистов, посетивших ИДВ АН СССР в текущем году, были Г. Брэндон («Вашингтон стар»), К. Пайпер («Балтимор сан», США), Кумар (ЮНИ, Индия), Я. Шустер («Радио Прага», ЧССР), С. Виола («Република», Италия), Боогардх (НРК, Нидерланды), Джон Маккарти (политический обозреватель, США), Гуха Андреас («Франкфуртер Рундшау», ФРГ), известный голландский публицист Олсман и др.

Довольно часто посещают институт сотрудники посольств, аккредитованных в Москве, — Японии, США, Норвегии и других стран.

Ученые ИДВ в 1979 г. принимали активное участие в различных международных научных форумах как за рубежом, так и в СССР, в частности в Международном конгрессе политических наук (август, Москва), XIV Тихоокеанском научном конгрессе (август — сентябрь, Хабаровск). В период работы Международного конгресса политических наук ИДВ посетили более 30 его участников из различных стран мира.

Сотрудники института участвовали в научном симпозиуме «Маоизм и национальный вопрос (май, Улан-Батор, МНР), в конференции «Китай и Азия» (Берлин, ГДР).

В осуществлении внешних связей ИДВ АН СССР (переписка, беседы, дискуссии и пр.) принимает активное участие большая часть коллектива научных сотрудников института. Все они относятся к этой части своей деятельности с чувством большой ответственности, как к выполнению своего долга ученого, гражданина, человека, и полной решимости внести посильный вклад во всеобщее дело расширения и укрепления разрядки, в дело сохранения и упрочения мира во всем мире.

В мае этого года ИДВ АН СССР получил новое прекрасное современное здание. В этом же здании будет размещена и основная советская сиологическая библиотека, являющаяся одной из крупнейших в мире.

Новый адрес ИДВ АН СССР: Москва, 117218, ул. Красикова, 27.

Л. С. Суханов,
кандидат исторических наук

XIV Тихоокеанский научный конгресс

(Хабаровск, 20 августа — 5 сентября 1979 г.)

Около двух тысяч делегатов и гостей из 46 стран мира собрались 20 августа 1979 г. во Дворце спорта имени В. И. Ленина города Хабаровска на торжественное открытие XIV Тихоокеанского научного конгресса.

В президиуме — президент Тихоокеанской научной ассоциации (ТНА) и XIV Тихоокеанского научного конгресса, вице-президент АН СССР академик А. В. Сидоренко, члены Исполкома ТНА, оргкомитета Конгресса, почетные гости Конгресса — представители международных организаций: ЮНЕСКО, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Программы по охране окружающей среды ООН (ЮНЕП), Международного совета научных обществ, а также руководители Хабаровского края, депутаты Верховного Совета СССР А. К. Черный и Г. Е. Подгаев, председатель исполкома Хабаровского городского Совета народных депутатов П. Л. Морозов.

Генеральная тема и девиз Конгресса «Природные ресурсы Тихого океана — на благо человечества» вызвала исключительный интерес ученых почти всех отраслей знаний.

Открывая Конгресс, академик А. В. Сидоренко зачитал приветствие Совета Министров СССР его участникам.

«Советский Союз как тихоокеанская держава, — говорится в приветствии, — заинтересован в том, чтобы способствовать расширению исследований научных проблем Тихого океана и прилегающих районов, содействовать росту благосостояния народов.

Тихоокеанскому региону, в котором проживает около половины населения земного шара, принадлежит важная роль в судьбах всей планеты. Он таит в себе неисчислимые минеральные и биологические богатства, является важным районом международного мореплавания и рыболовства, оказывает большое влияние на формирование климата нашей планеты и на состояние окружающей человека природной среды. Его ресурсы в полной мере должны служить всему человечеству, целям прогресса и созидания. Естественно, что указанные задачи могут быть решены в условиях мира и международной безопасности».

Во вступительном слове А. В. Сидоренко отметил положительное влияние разрядки международной напряженности на развитие взаимопользных экономических и культурных связей между странами с различным социальным строем.

На открытии Конгресса с приветствием к его участникам выступили представители международных организаций.

Заместитель генерального директора ЮНЕСКО доктор Франческо ди Кастри заявил в своем выступлении, что проведение этого конгресса в СССР является еще одним свидетельством интереса Советского Союза к развитию науки и обмену научной информацией.

Первый заместитель генерального секретаря ЮНЕП С. Евтеев отметил, что несоблюдение масштабы Тихоокеанского бассейна и его пожелания требуют продолжения значительного сотрудничества между учеными этого региона, с тем чтобы сохранить стабильную благоприятную окружающую среду для нынешнего и будущих поколений в данном регионе.

Приветствуя Конгресс от имени Международного Совета научных союзов, член-корреспондент АН СССР А. С. Монин обратил внимание на необходимость обеспечения оптимального использования как органических, так и восстанавливаемых ресурсов мира в целом.

Представитель Академии медицинских наук СССР Г. И. Сидоренко подчеркнул, что советские ученые-медики имеют большой опыт в области охраны и укрепления здоровья населения, в области охраны окружающей среды, которым готовы поделиться с учеными различных стран мира.

От имени жителей более чем полумиллионного города Хабаровска П. Л. Морозов пожелал участникам конгресса плодотворной научной работы и выразил уверенность, что их пребывание в Хабаровске будет полезным, приятным и памятным.

На открытии Конгресса состоялось торжественное вручение почетных дипломов и медалей ряду ученых за их вклад в исследование проблем Тихого океана.

Пленарное заседание 21 августа открыл Президент ТНА академик А. В. Сидоренко, выступивший с докладом на генеральную тему «Природные ресурсы Тихого океана — на благо человечества». Были также заслушаны общие проблемные доклады по этой теме.

Академик А. В. Сидоренко в своем докладе сказал, что в нашей стране изучение Мирового океана поднято на уровень государственной задачи. Он привел слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС: «Уже сегодня достаточно важны и актуальны такие глобальные проблемы, как сырьевая и энергетическая, ликвидация наиболее опасных и распространенных заболеваний и охрана окружающей среды, освоение космоса и использование ресурсов Мирового океана. В перспективе они будут оказывать все более заметное влияние на жизнь каждого народа, на всю систему международных отношений. Наша страна, как и другие страны социализма, не может стоять в стороне от решения этих проблем, затрагивающих интересы всего человечества».

Он выделил мысль, к которой все более приходят ученые: что понять, изучить и заставить служить человечеству богатства и природу океана можно только совместными усилиями ученых различных стран.

Председатель Советского национального комитета ТНА, председатель ДВНЦ АН СССР академик Н. А. Шило в своем докладе «Проблемы научных исследований в Тихоокеанском бассейне» подчеркнул необходимость совместного исследования таких глобальных проблем, как правовые аспекты использования ресурсов Мирового океана, борьба за мир и безопасность в зоне Тихого океана, на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии.

Директор Института востоковедения АН СССР академик Е. М. Примаков выступил с докладом «Основные тенденции развития международной обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

«Одна из главных особенностей научно-технической революции наших дней заключается в ее огромной роли в деле развития интернационализации производства, резкого усиления взаимозависимости между естественной и общественной сферами жизнедеятельности человека. Таким образом, — отметил докладчик, — можно констатировать, что понятие «окружающая среда» приобретает расширительное толкование, включая в себя динамику международной политической и экономической обстановки».

Тихоокеанский регион занимает уникальное положение в современном мире, прежде всего с точки зрения решения главной проблемы, стоящей перед человечеством, — проблемы войны и мира. В этом регионе расположены СССР, США, Япония, КНР. Стабилизация отношений между ведущими тихоокеанскими державами могла бы оказать оздоровляющее воздействие на весь международный климат».

Директор института географии АН СССР академик И. П. Герасимов выступил с докладом «Географические проблемы Тихоокеанского региона».

Авторы коллективного доклада «Научные аспекты комплексного исследования Тихого океана с целью предотвращения его загрязнения» советские ученые Ю. А. Израэль, А. И. Симонов и А. В. Цыбань обращают внимание на тот факт, что существенное воздействие человека на Мировой океан ведет к изменению ряда его важнейших характеристик.

«Медицинские аспекты охраны внешней среды в странах Тихоокеанского региона» — тема доклада академика Академии медицинских наук СССР Г. И. Сидоренко. Проблема охраны окружающей среды, отметил докладчик, приняла глобальный характер из-за возможности распространения загрязнений на сотни километров от источника как в атмосфере, так и в водоемах и водотоках, что обуславливает перенос загрязнений через государственные границы. Кроме того, в ряде случаев решение наиболее сложных задач охраны окружающей среды не под силу одной стране. Разумнее действовать в этом плане путем международного сотрудничества».

Теме «Основные проблемы гидрологии Тихого океана» посвятили свои выступления профессор В. И. Норт (СССР) и К. Виртки Павайский университет, США).

В докладе «Биологические ресурсы Ти-

хого океана» советский ученый профессор П. А. Монсеев показал, как ученые могут помочь правильно эксплуатировать океан. Создание ими крупномасштабных карт морских экосистем позволит сохранить численность рыб, будет регулировать промысел, позволит удвоить объем современного вылова. Для достижения этих целей ученые должны дать оценку кормовой продуктивности районов Тихого океана.

Американский ученый Дж. Бардач в своем докладе «Экономия в расходовании энергии на аквакультуры и рыболовство» предложил создать единые правила энергозатрат. По мнению докладчика, их реализация принесет в первую очередь пользу странам Азии, которые смогут рационально использовать суда при лове, быстрее находить места скопления рыбы, применять экономичное оборудование».

День 22 августа целиком был посвящен работе генерального симпозиума Конгресса по теме «Научные основы рационального использования и охраны окружающей среды Тихоокеанского региона».

Профессор Гавайского университета (США) А. Мюллер-Домбуа выступил с докладом «Мониторинг островных экосистем — способ их охраны». Мониторинг предусматривает периодическое наблюдение определенных элементов или явлений природной среды. Комитет по охране и защите окружающей среды ТНА, сказал докладчик, разработал программу мониторинга основных экосистем, которая должна выполняться как составная часть программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера».

Доктор Т. Р. Фолсом (США) в докладе «Скорости распада ядерных радиоактивных осадков в северо-западной части Тихого океана» привлек внимание к последствиям термоядерных испытаний, проводившихся в этом регионе, к их воздействию на окружающую природную среду. Он привел десятки примеров, убедительно свидетельствующих о том, что повышенная радиация сохраняется длительное время и угрожает здоровью человека и всего живого в этом регионе. Нарушение экологического равновесия под воздействием радиоактивных осадков может привести к непоправимым последствиям для нынешнего и будущих поколений.

Доклад «Подход ЮНЕП к вопросу контроля за загрязнением вод Тихого океана» сделал представитель этой организации доктор Р. Хелмер.

Докладчик рассказал о том, какую конкретную научную и материальную помощь оказывает эта специализированная организация ООН национальным институтам стран и территорий Тихого океана.

Генеральный симпозиум заслушал также доклады советских ученых М. П. Несеровой и А. И. Симонова «Научные аспекты предотвращения загрязнения вод Тихого океана», Н. Г. Васильева, Б. П. Степанова и Е. Е. Сыроецковского «Заповедники советского Дальнего Востока и их роль в охране природы», П. П. Ширшова и Р. В. Озмидова «Турбулентные процессы в океане».

Программный комитет оргкомитета XIV Тихоокеанского научного конгресса отобра-

и рекомендовал Конгрессу около 1500 докладов по всем отраслям знаний. Только тезисы этих докладов, изданные советским оргкомитетом Конгресса к его открытию и врученные каждому делегату, составляют солидную многотомную научную библиотеку.

С 23 августа работа Конгресса была перенесена в научные проблемные комитеты. Работали 14 проблемных комитетов Тихоокеанской научной ассоциации. Учитывая большое число и многоплановость представленных докладов, работа комитетов была разделена на секции, подсекции и симпозиумы.

Группа ученых Института Дальнего Востока АН СССР принимала участие в работе комитета «Социальные и гуманитарные науки». Зам. директора ИДВ профессор В. А. Кривцов был руководителем 1-й секции этого комитета — «Социальные и политические аспекты исследования стран Тихоокеанского региона». Работа этой секции проходила в двух симпозиумах: «Социальные и политические аспекты исследования природных ресурсов Тихого океана, проблемы сотрудничества стран Тихоокеанского региона» и «Демографические проблемы Тихоокеанского региона».

Советские ученые выступили с докладами «Региональное сотрудничество и обеспечение безопасности в Азии», «Разрядка напряженности — важнейшая предпосылка сотрудничества стран Тихого океана и освоения его ресурсов», в которых отмечалось, что на протяжении послевоенных лет в этом регионе неоднократно бушевали опустошительные войны и конфликты. В азиатских странах происходили глубинные социальные и политические сдвиги. Народы этих стран, освободившись от колониального гнета, ведут мужественную борьбу за свою независимость, за осуществление коренных социальных и экономических преобразований, за обеспечение безопасности своих государств.

Путь к достижению указанных целей — в тесном единстве стран Азии, в последовательном развитии между ними регионально-сотрудничества в торгово-экономической, культурной, научной и в иных сферах, в согласованных усилиях, направленных на устранение существующих и недопущение новых споров и конфликтов, в углублении и расширении разрядки международной напряженности.

Однако политика, направленная на обеспечение мира и безопасности в регионе, еще не нашла поддержки среди ряда стран, от которых в определенной степени зависит мир в регионе Тихого океана. Политическая доктрина, положенная правительством США в основу своей политики на Тихом океане, делает упор на военное присутствие в этом районе, на модернизацию и наращивание вооруженных сил. Делу развития мирного сотрудничества мешает система военно-политических союзов. Серьезную угрозу делу мира в этом районе представляют внешнеполитические акции руководства КНР. Это в первую очередь относится к действиям пекинских лидеров, предпринятым ими против Социалистической Республики Вьетнам.

Член комитета общественных наук СРВ Фам Ны Куонг в своем выступлении отметил, что обстановка, сложившаяся в результате победы народов Индокитая над агрессорами, упрочила позиции мира в этом районе. Однако требуется постоянная бдительность в отношении проксов империализма и других агрессоров.

С большим интересом было выслушано выступление профессора Ги Паукера (США). Признав, что в прошлом он был одним из наиболее активных сторонников «холодной войны», Г. Паукер заявил, что путь к решению острых проблем в Тихоокеанском регионе, как и во всем мире, лежит через разрядку напряженности в международных отношениях, через решение всех спорных вопросов путем мирных переговоров.

Анализу роли Японии в системе экономических связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе был посвящен доклад профессора Д. В. Петрова (ИДВ АН СССР). «Проблемы социально-экономического сотрудничества малых развивающихся стран Тихоокеанского региона» — тема доклада Н. Б. Лебедевой. С интересными докладами выступили также ученые Сидней Чжан (США), В. П. Николаев (СССР), Юнг-Хван Джо (США) и др.

Второй симпозиум этой секции обсудил различные аспекты сложных демографических процессов, проходящих в странах Тихоокеанского бассейна. С докладами выступили известные демографы СССР, США, Индии, Японии, Бангладеш, Фиджи, Новой Зеландии, Мексики и других стран.

Вторая секция Комитета социальных и гуманитарных наук «Экономические проблемы стран Тихоокеанского региона», кроме пленарных заседаний, провела два симпозиума: «Природные ресурсы, их экономическое управление и ресурсная политика» и «Проблемы международного морского права».

Особый интерес вызвала серия докладов советских ученых, посвященных планам освоения богатств Восточной Сибири и Дальнего Востока в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали.

Многочисленную аудиторию собрала секция «Этнокультурные проблемы изучения народов Тихоокеанского региона», работа которой проходила в семи симпозиумах. Один из них — «Судьбы малых народов Тихоокеанского региона в условиях современных социально-культурных и политических изменений» — привлек особое внимание участников Конгресса своей актуальностью.

Ученый и писатель Джон Ванко (Папуа Новая Гвинея) говорил о поисках путей борьбы с проникновением разлагающей буржуазной идеологии в освободившиеся от империалистического колониализма страны.

С интересными докладами на симпозиуме выступили Дж. Л. Фишер (США), В. Найду (Фиджи) и др.

Успешно прошли заседания секции «Языки народов Тихоокеанского региона».

Участники многих симпозиумов и секций Конгресса разработали конкретные предложения и рекомендации по обсуждавшимся

проблемам, которые были переданы в соответствующие постоянные комитеты ТНА.

Многие зарубежные участники Конгресса в своих выступлениях, а также в многочисленных интервью корреспондентам дали высокую оценку уровню подготовки и проведения Конгресса, они выражали свою признательность властям и жителям Хабаровска за радушие и гостеприимство, за предоставленную возможность посещения различных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, школ, институтов, больниц, музеев, музеев и т. п.

В период работы Конгресса в здании Института физкультуры была развернута организованная ДВНЦ АН СССР выставка, отражающая состояние и успехи советской науки на Дальнем Востоке.

До открытия Конгресса и после его закрытия зарубежным его участникам была предоставлена возможность посетить различные районы Сибири и Дальнего Востока, включая Сахалин, Камчатку, озеро Байкал, ознакомиться с работой научных центров и институтов. Все участники Конгресса имели возможность совершить прогулку по красавцу Амуру.

1 сентября состоялось заключительное пленарное заседание XIV Тихоокеанского научного конгресса, на котором была зачитана приветственная телеграмма, поступившая в адрес Конгресса от генерального секретаря ООН. В телеграмме отмечалось, что изучение Тихоокеанского региона на научной основе с целью выявления факторов, которые смогут способствовать настоящему и будущему развитию заинтересованных стран, является важным событием в достижении целей мира и прогресса.

Множество телеграмм поступило в адрес Конгресса от различных научных учреждений, ученых, а также научно-исследовательских судов, находившихся в плавании в Мировом океане.

Подводя итог напряженной работы Конгресса, академик А. В. Сидоренко сказал: «По широте вопросов, обсуждавшихся нами, охватывающих естественно-экологических и социально-экономических наук XIV Тихоокеанский научный конгресс был весьма представительным. Эта комплексность в изучении природных и социальных процессов является лучшим показателем единства природы на планете, тесной взаимосвязи и взаимозависимости природы и человека в век научно-технической революции».

Он отметил далее, что работа всех научных комитетов прошла продуктивно. Обсуждены актуальные проблемы, волнующие всю научную общественность, намечены пути дальнейшего развития исследований в Тихоокеанском регионе. Деятельность комитетов показала, что имеется реальная возможность более полно осуществлять науч-

ные исследования не только в рамках национальных программ, но и в международных проектах.

Конгресс проходил в атмосфере доброжелательности, делового сотрудничества и взаимопонимания. Дискуссии проходили в обстановке свободного и откровенного обмена мнениями. В условиях современной международной обстановки XIV Международный Тихоокеанский конгресс еще раз убедительно подтвердил мысль, высказанную Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, что «широкое сотрудничество ученых служит важным фактором решения насущных глобальных проблем современности, укрепления доверия между народами».

Конгресс со всей убедительностью подчеркнул, что решение сложнейших природно-экологических и социально-экономических научных проблем Тихоокеанского региона возможно лишь при условии широкого международного сотрудничества, в условиях мирного сосуществования народов нашей Земли.

Президент Академии наук Канады Роберт Фолинсби огласил текст послания участников XIV Тихоокеанского научного конгресса Советскому правительству, единодушно одобренный всеми участниками Конгресса.

По предложению японского ученого Арика Ватанабе Конгресс единодушно одобрил текст приветствия участников XIV Тихоокеанского научного конгресса Хабаровскому городскому Совету народных депутатов и жителям Хабаровска.

Участники Конгресса приняли резолюцию «За сотрудничество в Тихоокеанском регионе в использовании природных ресурсов на благо человечества», в которой заявили, что XIV Тихоокеанский научный конгресс решительно высказывается за дальнейшую нормализацию международных отношений, укрепление мира, экономических, научных и культурных связей в интересах мира и благосостояния народов.

Конгресс на своем заключительном заседании принял также резолюцию, в которой сконцентрированы рекомендации научных комитетов XIV Тихоокеанского научного конгресса, выработанные в ходе дискуссий по представленным докладам и научным сообщениям участников Конгресса.

Научный совет ТНА принял решение провести очередной XV Тихоокеанский научный конгресс в 1983 г. в Новой Зеландии. Президентом ТНА и президентом XV конгресса будет новозеландский ученый доктор Джон Майлз.

Л. С. Леонидов,
кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» ЗА 1979 ГОД

СТАТЬИ

- Мировой социализм — главная революционная сила нашей эпохи, № 1 (29)
Сладковский М. И. Об основных аспектах маоистской фальсификации истории, № 2 (30)
30 лет КНР, № 3 (31)
Уроки пекинской авантюры во Вьетнаме, № 2 (30)

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

- Курс, враждебный миру и социализму, № 2 (30)
Некоторые аспекты внешней и внутренней политики Пекина, № 1 (29)
Фальсификаторы всемирной истории, № 3 (31)

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- Акимов В. И., Потапов В. И. Итоги «потерянного десятилетия» и современное экономическое положение КНР, № 1 (29)
Акимов В. И., Потапов В. И. «Четыре модернизации»: наметки и реальность, № 2 (30)
Александров В. А. Международные аспекты развития Сибири, № 3 (31)
Андреев М. А. Китай на ЮНКТАД-V, № 4 (32)
Апалин А. Г. Пекин: курс на провоцирование мировой войны, № 2 (30)
Васильков Е. В. Кампучия: крах маоистского «эксперимента», № 2 (30)
Владимиров Н. В. Япония на пороге 80-х гг., № 4 (32)
Гудошников Л. М., Слабнов В. П. Законодательная политика Пекина на современном этапе, № 4 (32)
Еремин В. Н. Наступление реакции на права и свободы граждан Японии, № 2 (30)
Иванов А. И. Новые партии на политической арене Японии, № 1 (29)
Ивков И. И. США: «китайская карта» в Азии, № 1 (29)
Иринин В. Е. Фальсификация истории исследования Центрального Тянь-Шаня с целью оправдания территориальных притязаний Пекина к СССР, № 2 (30)
Капица М. С. Борьба СССР за мир и сотрудничество в Азии, № 1 (29)

- Кириченко В. П. Япония — Латинская Америка: дзайбацу наступают, № 4 (32)
Котова Т. М. Роль и место зарубежников китайцев в политике Пекина, № 2 (30)
Кривцов Н. В. Китайская община на Марианских островах, № 4 (32)
Кручинин А. Г. От антиимпериализма к союзу с империализмом и реакцией, № 3 (31)
Ларин А. Г. Англия во внешней политике Китая, № 2 (30)
Нго Тхань Зыонг (Вьетнам). Экспансионистский курс Пекина, № 3 (31)
Неронов Р. М. К переоценке тяньаньмэньских событий, № 4 (32)
Огнев Ю. И. Проблема упрочения мира на Корейском полуострове, № 4 (32)
Рякин Ю. М., Степанов В. С. Движение неприсоединения и притязания Пекина, № 3 (32)
Судец В. А. Разгром японских милитаристов на Халхин-Голе, № 3 (31)
Хлынов В. Н. Япония 70-х годов: обострение внутриполитической борьбы, № 3 (31)
Шипов Ю. П. Японская экономика: проблемы остаются, № 2 (30)
Юрков С. Г. Китай и Западная Европа, № 3 (31)
Юрков С. Г. Тень Китая над Южной Азией и Средним Востоком, № 2 (30)

ИДЕОЛОГИЯ

- Смирнов Д. А. Маоистская концепция «новой демократии» — правореволюционная модель «национального социализма», № 4 (32)
Феокистов В. Ф. Маоизм и судьбы социализма в Китае, № 3 (31)

ИСТОРИЯ

- Акатова Т. Н. Антиимпериалистическая борьба — главное направление рабочего движения в угнетенном Китае, № 3 (32)
Илюшечкин В. П. Антиимпериалистическое движение «4 мая» 1919 г. в Китае, № 3 (30)
Ишжамц Н. (МНР). Историко-археологическая экспансия маоизма, № 1 (29)
Капица М. С. Важный документ из истории советско-китайских отношений, № 2 (30)

- Жошкарева Л. Д. Освоение и заселение территории Советского Дальнего Востока, № 1 (29)
 Ледовский А. М. Маонисты и Чан Кайши: совпадение политики, № 3 (31)
 Никитин И. Н. Гоминьдановский произвол, № 4 (32)
 Огнев Ю. И. Славная страница истории освободительной борьбы корейского народа, № 1 (29)
 Черевко К. Е. Экономическое освоение Сахалина: история и современность, № 4 (32)
 Чулуун О. (МНР). Монголо-китайские отношения (XIII—XV вв.), № 1 (29)

КОММЕНТАРИИ

- Гудошников Л. М., Феоктистов В. Ф. О третьем пленуме ЦК КПК XI созыва, № 1 (29)

КУЛЬТУРА И НАУКА

- Антиповский А. А. Политика Пекина в области науки, № 1 (29)
 Боровская Н. Е. Школа на службе маоизму, № 1 (29)
 Дюля М. Г. Вчера и сегодня японского кино, № 3 (31)
 Желуховцев А. Н. О некоторых явлениях в китайской литературе, № 3 (31)
 Софронов М. В. Предшественники и современники лингвистических трудов Цюй Цюбо, № 4 (32)
 Федоренко Н. Т. Проблема перевода и истолкования текста, № 2 (30)
 Шпринцин А. Г. Цюй Цюбо и китайское алфавитное письмо, № 4 (32)

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

- Глушин В. И., Шнейдер М. Е. Коммунист-ленинец, публицист, литератор, № 1 (29)
 Кообелев Е. В. Страницы из жизни Хо Ши Мина, № 1 (29)
 Литов А. С. Отважный сын китайского народа, № 1 (29)
 Литов А. С. Су Чжаочжэнь — талантливый вождь китайских рабочих, № 4 (32)
 Шевелев К. В. Коммунист-интернационалист, верный ленинец, № 2 (30)
 Юрьев М. Ф. Строитель революционной армии Е Тин, № 3 (31)

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- Бабинцев А. А. О связях Петербургского университета и Восточного института (Владивосток) в начале XX в., № 2 (30)
 Алясников В. С. Русский маньчжуровед Г. М. Розов, № 1 (29)
 Сладковский М. И. 80 лет русского китайско-ведческого центра на Дальнем Востоке, № 4 (32)

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- Пострелова Т. А. Сюй Бэйхун и социалистическое искусство, № 1 (29)
 Сутурин М. А. Дважды казненный, № 3 (31)

ВОСПОМИНАНИЯ

- Кутаков Л. Н. Из записок советского специалиста, № 2 (30)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Архипов В. А. Выдающийся революционер-интернационалист, № 4 (32)
 Архипов В. А. Новый журнал по проблемам востоковедения, № 3 (31)
 Васильев В. А. Страницы героического прошлого КПЯ, № 4 (32)
 Гайдар В. М. Проблемы японской монархии: история и перспективы, № 4 (32)
 Гудошников Л. М. Польское издание «Новой истории Китая», № 2 (30)
 Дроздов Э. Ф. Идеино-политическая сущность маоизма, № 1 (29)
 Желуховцев А. Н. Судьба творческого наследия Лао Шэ, № 2 (30)
 Закаменский В. К. Важные справочники по Китаю, № 2 (30)
 Малухин А. М. Двойственная позиция, № 3 (31)
 Отрадных Б. К. Китай в стратегии американского империализма, № 3 (31)
 Отрадных Б. К. Три года в Пекине, № 1 (29)
 Рифтин Б. Л. Фундаментальное исследование юаньской драмы, № 4 (32)
 Рякин Ю. М. Пекин: политическая диверсия против развивающихся стран, № 1 (29)
 Серебряков Е. А. Монография по проблемам культурного наследия, № 3 (31)
 Соколов А. И. Японский ученый о политико-правовых проблемах современного Китая, № 4 (32)
 Сорокин В. Ф. Западные синологи о новейшей китайской литературе, № 3 (31)
 Спекторов Г. Д. Марксистское исследование сущности государства, № 4 (32)
 Толстых О. В. «Культурная революция»: свидетельство очевидца, № 4 (32)
 Хлынов В. Н. Япония в системе мировых хозяйственных связей, № 1 (29)
 Шнейдер М. Е. Трудные пути китайской культуры, № 2 (30)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Международный симпозиум, № 3 (31)
 Мельниченко Б. Н. X научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки, № 3 (31)
 Мировицкая Р. А. В обществе советско-китайской дружбы, № 1 (29)
 Островский А. В. XI молодежная конференция по проблемам Дальнего Востока, № 3 (31)
 Суханов Л. С. Внешние связи ИДВ, № 4 (32)
 Леонидов Л. С. XIV Тихоокеанский научный конгресс, № 4 (32)

Сдано в набор 1.X.1979 г. Подписано в печать 15.XI.1979 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6.0. Печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 18,97
Изд. № 28492 А12686 Заказ 2428 Цена 50 коп. Тираж 18603 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Чеховский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов, Московской области